

№ 5(51). 2022

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2022 № 5 (51)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректра – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 12 октября 2022 года. Тираж: 100 экз. Заказ № 1719.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17–05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-
либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом.

Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый
и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква
Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Сергей Шойгу. Рассказы из книги «Про вчера»	5
Юрий Угроватый. Дунай. <i>Рассказ</i>	13
Анатолий Андреев. Фрагмент. <i>Трагедия</i>	20
Михаил Попов. Перформанс, или Пейзаж с отчим домом. <i>Повесть. Начало. Завершение в № 6 (52)-2022</i>	43
Анастасия Чернова. Особняк. <i>Завершение. Начало в № 3 (49) и 4 (50)-2022</i>	85
Валерий Румянцев. Литературный экспресс. <i>Повесть. Завершение. Начало в № 4 (50)-2022</i>	106
Зоя Захарова. Майка. <i>Рассказ</i>	121

Поэзия

Алексей Полубота. Из цикла «На жгучих полях Новороссии». <i>Стихи</i>	125
Марина Саввиных. Дневник судного дня. <i>Стихи</i>	128
Людмила Гонгарева. «Это словно кино...» <i>Стихи</i>	131
Людмила Банцера. «Ещё я вспоминаю тихий день...» <i>Стихи</i>	133
Евгений Харитонов. Возрождение Руси. <i>Стихи</i>	135
Дмитрий Иващенко. «Как в сказке...» <i>Стихи</i>	137
Нина Цветкова. Герой войны. <i>Стихи</i>	140

Поэтическая седмица

Александр Авдеев. Стихи. Вступительное слово «Хвалит Бога любое дыхание...» <i>Александра Орлова</i>	143
--	-----

Берега юбилеев

Григорий Блехман. «Я в душах храм любви построю...» <i>К 90-летию Сэды Вермишевой</i>	146
--	-----

Берега памяти

Михаил Поленок. Последний бой	154
--	-----

Берега Новороссии

Виталий Даренский. Полгода народного подвига	158
Юрий Ковальчук. Небратья	162
Галина Капецкая. Хроника боли и надежды	167

Берега прочтения

Александр Орлов. Счастливая простота	171
Олег Мраморнов. Граница проходит по Деркулу. <i>Заметки о романе А. Можяева «За чертой». К освобождению Луганской Народной Республики</i>	174
Андрей Петров. «Вселенной в унисон грустить – непревзойдённое искусство»	179
Лидия Довыденко. «Золотой Витязь» в Калининграде. <i>Встреча с Александром Орловым</i>	183

Мир без границ	
Берега Китая	
Чжан Чжи. Восходящая. <i>Стихи. Перевод Светланы Савицкой</i>	186
Берега Индии	
Диепти Гупта. Светлые горизонты жизни. <i>Стихи. Перевод Светланы Савицкой</i>	188
Мир без стен	
Берега Индии	
Рати Саксена. Западный ветер и вздохи матерей. <i>Стихи. Перевод Галины Маркер</i>	190
Наши друзья	
Советуем почитать	193

Проза

Сергей Шойгу

Сергей Кужугетович Шойгу – советский и российский государственный деятель. Министр обороны Российской Федерации с 6 ноября 2012 года. Генерал армии. Герой Российской Федерации. Заслуженный спасатель Российской Федерации. Член Высшего совета политической партии «Единая Россия». Кандидат экономических наук.

Увлекается графикой и резьбой. Является игроком Ночной хоккейной лиги. Имеет множество государственных наград, среди которых ордена «За заслуги перед Отечеством» III (2005) и II степеней (2010), орден Почёта (2008) и др.

Автор книг: «Про вчера», «Катастрофы и государство», «Охрана труда спасателя», «Чрезвычайная служба России».

РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ «ПРО ВЧЕРА»

ЗАПОРОЖЕЦ

Гриша, или Григорий Николаевич, а по-шофёрски просто и уважительно – Николаич. Водитель. Пожилой, опытный, за спиной сотни тысяч километров трудных российских дорог. Приехал в Туву после войны и остался. Не учился, женился. Шоферил на грузовиках ЗиЛ-157, ГАЗ-51. Потом стал возить начальство разного уровня. Дорос до водителя гаража обкома КПСС, пересел на «Победу». Часто хвастался, что он (точнее, начальник его) первым получил «Победу» полноприводную. Тогда её называли «утюг». Потом была знаменитая «Волга» ГАЗ-21 с оленем на капоте. Потом ГАЗ-69. По его словам, проходимее и неприхотливее этой машины нет и не будет. А уже совсем перед пенсией он пересел на советскую мечту времён застоя – «Волгу» ГАЗ-24.

Это была вершина благополучия. Предел мечтаний. Хотя по технической части в ней не было ничего особенного. На фоне мировых достижений автопрома. В СССР тогда даже в гаражной болтовне с байками и приколами никто не рассказывал про коробку-автомат, про машину с двумя педалями – газ и тормоз, потому что никто про такое чудо не знал.

Километры наматывались на одометр, шины стирались, дожил Николаич до пенсии. Хотел поработать ещё, но ему намекнули, что хватит. Зато он получил от руководства в качестве благодарности за многолетний труд талон на «Запорожец». Такой персональный автомобиль в то время тоже был большой редкостью. И производил впечатление. Особенно где-нибудь в далёком селе.

В общем, ушёл Николаич на заслуженный отдых. Грибы, ягоды, огород, охота, рыбалка. Автомобиль для этого был очень кстати.

Нежно полюбил Николаич свой «Запорожец» с первого дня владения. И вот встретил я его на пароме через Енисей. Паром уже собирался по тросу, натянутому через реку, отходить, когда на причал выскочил сигналящий всем огненно-красный, как пионерский галстук, «Запорожец». И последним успел заехать на паром. Водитель с достоинством выбрался из машины. За ним последовала его жена.

Речной паром шёл медленно, и небольшая компания собралась возле Николаича поговорить. «Голубика пошла, по ягоды вот собрался с женой, – пояснил он и с гордостью добавил: – А на этой машине я пройду где угодно, в любую дурнину залезу. Чем хороша – двигатель сзади. Не проходишь передом, развернулся – и задом! Как на тракторе, в любую гору!»

Ещё к нам подошёл студент, приехавший на каникулы, поддержал разговор и попросил подбросить по пути. Николаич добряк: «О чём речь!»

Берег приблизился, причалили.

Одна за другой машины выгружаются, а пассажиры садятся уже на суше. Последний – красный «Запорожец». Кто не знает, подскажу: там, где у всех нормальных машин первая скорость, у «Запорожца» – задняя. Распираемый на людях от гордости Николаич это забыл. Он по-хозяйски отправил жену на берег вместе со студентом-попутчиком, завёл «Запорожец», газанул для куража и, включив первую, которая задняя, лихо спрыгнул в реку. Задом. Спасать Николаича кинулись все, а вытащил, по-моему, студент. Машина алым пятном виднелась на дне. Конечно, все наперебой полезли с советами, как спасти «Запорожец». Стали думать, где взять кран, как подогнать, как восстановить: «Достанешь, слей масло, продуй и только тогда...»; «Можно зацепить и по-тихому вытащить на берег»; «Нужен трактор и длинный трос»; «Главное – хорошо просушить, не торопясь».

Заклучил эти рассуждения паромщик как крупный знаток и флотоводец: «Там ниже по течению тягачи речные таскают плоты леса. Думаю, за бутылку горькой подцепят и по дну выкатят потихоньку на косу, а там и трактором можно».

Горькой нашлось аж несколько бутылок. Судя по лицам и разговору, речники, пока шли к нам, уже приняли по двести-триста грамм. Или это было их обычное состояние. Поныряли, поматерились, зацепили машину. И мощный катер, который таскает по реке плоты в четыреста кубометров леса, отошёл чуть вглубь, натянул трос, дал газу и поволок утопленника к косе-перекату, где по-мельче.

Естественно, все шли вдоль берега в ожидании. Временами показывающаяся над водой крыша «Запорожца» тревоги ни у кого не вызывала. Зря.

Любовь и гордость Николаича, всплывая и опускаясь на дно, крутясь, как блесна, добралась до отмели. Ободранная об дно до металлического блеска, машина, без стёкол и даже следов красной краски, сиротливо ждала второй части экзекуции – вытягивания на берег.

Очень хорошо помнит каждый, кто имел в то время машину, тем более новую: не то что «Запорожец», даже мотоцикл «Урал» немного приподнимал своего обладателя над всеми остальными.

Народ тогда почти поголовно был рукастый, так что, думаю, успокоившись, «Запорожец» восстановили, выправили, покрасили.

* * *

Перебираешь в памяти то время. Как мы жили. Как становились другими, и страна становилась другой. И ощущение счастья – этот кусок памяти. Чаще всего, когда вспоминаю о детстве, вспоминается один вечер. Когда сбывались мечты.

Перед Новым годом отец зовёт меня к печи на кухне, достаёт свёрток, рвёт вощённую бумагу, там коньки-«снегурки».

Он открыл дверцу печи и кинул коньки в огонь. Я даже крикнуть не успел. Вся жизнь оборвалась. Через какое-то время, утерев мне сопли, достал кочергой коньки, уже без густой солидольной смазки. Быстро вышел на улицу и окунул их в снег, лезвия зашипели. Коньки эти были без ботинок – просто металлические лезвия, которые к любой обуви можно было верёвками прикрепить. И отец таким образом – в печи – просто заводскую смазку с них убрал, чтобы не пачкались. После этого было у меня много разных лыж, коньков, но помню я именно эти.

НЕ ДОЕХАЛ

Сибирь, зима, стройка. За полгода до сдачи этого завода заседания штаба стройки проходили два раза в сутки – незадолго до полудня и в час ночи, после разрядки второй смены, без выходных.

В помещении вдоль стены стояли стулья и лавки. На стенах висели сваренные из трубы регистры отопления. В центре – длинный стол. За ним устраивается начальство, человек шестьдесят-семьдесят руководителей: генподрядчики, субподрядчики, заказчики, наладчики и, конечно, партийные, профсоюзные, комсомольские активы. Обычно начальники управления и главные инженеры сидели в углу, подальше от президиума, ведущего заседания штаба. Там можно было вздремнуть.

В то время «штабы» проводил Пётр Петрович Сельский – заместитель министра строительства предприятий тяжёлой индустрии СССР. И заседания называли «сельский час». Человек он был горячий, но профессиональный и справедливый. Не докапывался до подчинённых забавы ради. Кстати, по

его ходатайству через пять лет после этого я за сдачу завода был награждён автомобилем ГАЗ 24-10. По сегодняшним меркам это... даже не знаю.

Итак, штаб, зима, около двух часов ночи. Тихо заходит, пригнувшись, главный инженер управления «Сибстальконструкция» Вася Доценко, в свитере, без полушубка, трясётся от холода, спрашивает у нас шёпотом:

– Выпить есть? Согреться. А не то сдохну.

Тогда у нас было модно делать и носить самодельные фляжки в виде блокнотов или книг – из нержавеющей стали. Были мастера. Я тихо дал Васе фляжку, он так же тихо отпил больше половины, отмяк, согрелся и принялся рассказывать. Ехал на заседание штаба из города, это примерно двадцать пять километров. У главных инженеров были машины – «Москвичи». Называли их по-разному: «шиньон», «пирожок», где как. В багажнике у них обычно валялись электроды, струбцины и всякая мелочь, необходимая инженеру-водителю. Дорогу перемело, Вася сам за рулём, один. Застрял в сугробе, дождался вахтового «Урала» с кунгом (закрытый металлический кузов). А там внутри тепло, печка, бригада рабочих режется в домино или в карты. В общем, подцепили Васю, протащили через занос. А он сидит, из машины не выходит – греется. В кунге подумали, что Вася отцепил трос, сообщили водителю. Дверь кунга открылась, закрылась. Вася подумал, что трос отцепили вахтовики. И понеслось! Ночь, темно, метель. «Урал» притопил, «Москвич» болтается сзади на тресе, гудит, моргает. Кое-как разглядели. Вася догуделся, доморгался! Выскакивает из машины, подбегает к «Уралу», вытаскивает водилу, даёт ему пинка и орёт:

– Ты что, козёл, не видел, что тащил?! Завтра в контору, уволью без выходного пособия!

Водила сел и уехал... вместе с «Москвичом».

Полушубок остался в «Москвиче». Тьма. Вася побежал по дороге, не стоять же на ледяном ветру. Впереди неодолимые километры. И вот пока он дождался попутку, пока добрался – чуть не замёрз насмерть. В одном свитере.

Разбитый «Москвич» вахтовики оставили на площади перед диспетчерской. Увидели, что он болтается сзади, затормозили, и «Москвич» влетел под «Урал».

Эта история потом обросла домыслами и весёлыми подробностями.

Но, несмотря на такие вот случаи, завод сдали. Хороший получился завод. Современный. Потом пришло новое время, новые люди, владельцы, у которых есть, наверное, свои истории, как они что-то строили, что-то создавали, модернизировали производство. И сегодня мало у кого уже есть сомнения, что это именно они, новые хозяева, построили, запустили, отладили. Как-то увидел передачу: директор этого завода даёт интервью. Представляется чуть ли не героем-первопроходцем. Да... Может быть, новым хозяевам стоит как-то поскромнее рассказывать о том, как они пахали по шестнадцать часов в сутки... по уже вспаханному. Пахари...

НЕФТЕГОРСК

Тот май на севере Сахалина был необычно жаркий. В городе цвели вишни. Уже посадили картошку. Тайга вокруг города дышала теплом. В школе праздновали последний звонок двадцать шесть выпускников. Вместе с учителями. Днём было солнечно. Праздновали допоздна.

Нефтегорск рухнул в час ночи. Именно рухнул. Землетрясение, почти восемь баллов. Уцелело всего несколько зданий: отделение милиции, часть школы, часть администрации. Школа и все пятиэтажки, построенные из шлакобетонных панелей, легли, оставив внутри себя спящих, любящих, ждущих. Девушек с белыми бантами, в белых фартучках и гольфах. Ребят с пушком под носом. Ещё и не брившихся. Все они были в школьном зале. Их доставали из-под завала ещё четыре дня. Из двадцати шести выпускников выжили девять. Под обломками погибли две тысячи сорок человек, большая часть жителей города.

Весь Сахалин накрыла трагедия в Нефтегорске. Как в огромном котле, в ней кипело горе каждого в отдельности человека, каждой семьи.

Мать обезумела от горя и не понимала, почему её девочку, с которой она говорит и которую она слышит, не могут достать: «Не можете поднять какие-то две панели. Вот же она – рука, плечи, ещё чуть-чуть – и увидите лицо...»

Объяснить невозможно, что, как только поднимем эти самые две плиты, ей, её девочке, жить останется пятнадцать, может быть, двадцать минут, и мы ничего сделать не можем, ну почти ничего. Можем поддержать её ещё на этом свете два-три часа, не трогать завал, не поднимать, не разбирать.

Совсем обессиленную мать, уже без остатков слёз и эмоций, подвёл к дочери, точнее, к месту на руинах, где можно было с ней общаться. Оставил их втроём. Третьим был спасатель-парамедик, державший капельницу, поставленную в вену под ключицей девочки, в единственное место, очищенное от завала. Жёстко, даже грубо парамедик сказал матери: «Садись, поговори, наговорись с дочкой. Мы её не спасём, и никто не спасёт. Полтела передавлено, если б только нога. Ноги, руки можно ампутировать, а полтела – нельзя».

Все ушли, они остались попробовать наговориться. Мама и двенадцатилетняя дочь...

И так по всему бывшему городу – десятки, сотни таких мам, отцов, бабушек, судеб.

* * *

В Нефтегорске было много коров, которых держали в сарайчиках, где доили, кормили, поили. На третий день всё это недоеное стадо, потерявшее в землетрясении хозяев, начало реветь. Именно реветь, мычанием это назвать нельзя. Сотни четыре, думаю, или даже больше бурёнок, недоеных, непоеных. Если сегодня не подоить, всё, завтра на мясокомбинат. Начали искать, кто может доить. Нашли. Боец с важным видом сказал: «Дайте мне тёплую воду, полотенце вымя обтереть, а вот дальше не помню, как бабка делала. Как-то дёргала».

Стало понятно, что бурёнок не спасём, отправили всё стадо на мясокомбинат. В тот же день начали, почти как волки, выть собаки в гаражах, на привязи – хозяева-охотники не пришли, не накормили. С ними разбирались местные ветеринары.

* * *

Штаб развернули рядом с полуразобранной хоккейной коробкой, больше похожей на загон из неструганых досок. Всё организовали в одном месте: администрацию, столовую, морг и больницу. Стали вести списки найденных – погибших и живых. Регистрировать. Устанавливать, кто куда направлен, к кому за чем обращаться. Требование: всех, кого хоронят не здесь, надо везти в цинковых гробах. Жарко ведь. Тела начинают разлагаться. Но цинковых гробов нет. А до опознания где хранить тела? Собрали со всего Сахалина рефрижераторы.

Мало. Грубо сколоченные гробы стоят в четыре яруса. Краем глаза вижу: японские журналисты открывают гробы, снимают изувеченных покойников. И тут же наши с криками побежали их разгонять. Видимо, проснулась обида за страну. Журналисты повели себя не по-людски как-то...

В первый день пришёл мужичок, то ли рыбак, то ли огородник, сказал: «Был на выезде с мужиками. Вернулся только, а тут такое...» В общем, ему надо было два гроба цинковых. Один большой, под жену, поменьше – под дочку пяти месяцев. «Найду и повезу на Кубань. Мы оттуда». Через сутки вновь пришёл: «Давайте один гроб, маленький. Жену вот откопали, ни царапинки». На второй день он уже вместе с женой помогал спасателям работать. Спрашивал: «Почему сняли собак? Верните. Там же могут быть живые!» Объясняли: «Известковая пыль разъела слизистую носа, глаза. Лапы порезаны. Надо два-три часа отдохнуть четвероногим». И вот тогда пришла простая, но, как выяснилось впоследствии, очень эффективная идея-технология. Минута тишины. Ну, не минута, а примерно полчаса или даже час. Остановили всё: краны, бульдозеры, генераторы, гидравлику. Все стали слушать и спрашивать: «Если живые – отзовитесь, крикните. Если не можете – постучите». И в первую же паузу-тишину больше двадцати точек услышали. Начали к ним пробираться, разбирая перекрытия. Плиту за плитой.

На пятые сутки, к исходу четвертых, пришёл тот же рыбак-огородник с женой. Она в зимнем пальто поверх сорочки. Говорят: «Не надо гроб детский, не надо». Нашли их пятимесячную дочку, живую и невредимую. Совсем крошка, маленькая, осипшая. Она была завернута в какое-то одеяло и почему-то с мягкой игрушкой, явно не по возрасту. Счастливые, удалились. Семья. Я больше их не видел. Хотя и слышал о них. То ли их куда-то не записали, то ли не вычеркнули. В общем, искали...

* * *

Нефтяник. Он попросил покурить. Предложили ему всё, что было у ребят-спасателей: «Ту-134», «Плиска», «Родопи». Он от всего плевался:

– Покрепче нет ничего? Вы что, только бабские курите?

Нашли «Приму». Но мундштук быстро намок, сигарета развалилась на табак и бумагу. Точнее, расплзлась. Долго отплёвывался. Нашли «Беломор», причём ленинградский, лучший, произведённый на фабрике имени Урицкого.

Разобрали всё вокруг него, под спину сделали что-то похожее на носилки, подсунули спальник, подушку и стали изображать работу по разбору четырёх этажей, которые, сложившись пирогом, лежали на его ногах и тазу. Никто не знал, что делать. Человек жив, но полтела раздроблено и зажато. Знали, что не выживет. Знали, что решение по разбору завала – это смертельный приговор. Точнее, его исполнение. И никто не решался стать исполнителем.

Принесли соку. Попросил. Виноградный, сладкий.

– Слушайте, у вас что там, нет нормального томатного с перцем-солью?

Нашли.

– Ну, мужики, если вы и дальше будете так работать, вас либо разгонят, либо родственники грохнут. Какие-то три плиты который час не можете разобрать. На... вам все эти прибабасы: перфораторы, гидравлика, пилы по бетону? Давно бы кувалдой расх... без всего этого ливера...

Пытались отвлечь его как могли. Не решался никто разбирать плиты, и я в том числе.

* * *

Позвали на другой дом, точнее груды пыльных панелей. Нашли деда. Он чудом уцелел под платяным шкафом старым. Крепкий был шкаф, из цельного дерева.

Докопались, пробились, разобрали верх шкафа. С нами рядом дочь его – рада, машет руками, кричит: «Скорей! Скорей!» А дед спокойно говорит оттуда, снизу, из могилы практически:

– Примите всё, что в шкафу: три комплекта постельного белья и шубу.

С нами работал тогда Андрей Рожков. С больной спиной, но всё равно был с ребятами в деле. Погиб в 1998 году, когда на Севере испытывал водолазное оборудование. Так вот, Андрей сорванным ещё сутки назад голосом отвечает деду:

– Пошёл ты! И дочь твоя! Уже от работы люди с ног валятся, а он наволочки спасает!

Дед нехотя протянул руки, вытащили. Девчонка рыдает то ли от радости, то ли от жуткой усталости и безысходности. Ни дома, ни вещей, ни документов. Из всей родни – слава богу! – хоть отец нашёлся.

* * *

Вернулся к нефтянику. Вижу, всё понял сам.

– Налей водки.

Выпил залпом стакан. Жадно выкурил папиросу.

– Ну, всё, мужики. Пока. Подымай. Мать её...

Держали мы его почти сутки. Дальше, казалось, день и ночь стали бесконечными. Это был первый и последний случай, когда четверо суток на ногах.

* * *

Собирали там, как всегда после катастроф, ценные вещи, документы, охотничье оружие. Поставили парту из школы, вроде как пункт сдачи. Видим: женщина в возрасте, начальственного вида, но сильно растерянная, и милиционер, слегка выпивший. Говорю им:

– Принимайте находки.

– Не можем.

– Надо. Пишите акты сдачи и приёмки с описанием всего, что сдаём.

Землетрясение не причинило вреда памятнику вождю. Устоял. Как в песне: «Ленин всегда живой».

Кто-то надел ему респиратор. Памятник стал главным ориентиром на завалах.

Приехал губернатор Фархутдинов, сказал:

– Уже больше двух тысяч погибших. Со спасёнными понятно. Заработали двадцать шесть воздушных мостов, перебрасываем вертолётами, самолётами во все города и больницы Дальнего Востока и Сибири. Погибших хороним. Где людям жить? Города нет. Новый построим не скоро...

Именно тогда появились первые жилищные сертификаты. Расселили всех за месяц по Сибири и Дальнему Востоку. Сотни, тысячи вопросов, проблем, судеб. Каждая из них достойна отдельного рассказа.

Вспоминается сильная, неунывающая женщина, которой придавило обе ноги. После ампутации в Хабаровске осталась одна. У неё погибли все близкие, муж, дети. Через несколько лет узнал, что она вышла замуж, родила. Невероятной крепости люди. И таких историй сотни, как и людей, которые боролись за каждую жизнь. И за свою, и за других.

Впрочем, боролись не только люди. Был среди спасателей спаниель Лёнька. Первый герой тех событий, нашедший под завалами около трёх десятков человек, несколько кошек и своих домашних соплеменников. Тогда даже не думали, что пройдёт два-три года и у нас будут специальные школы-питомники и десятки четвероногих готовых героев-спасателей.

Что касается города, его нет. Пропал с карты, из жизни страны. Рекультивировали. Осталось кладбище, памятники. Могилы с именами и фотографиями. И братские захоронения, в которых упокоились изуродованные, неопознанные тела. Каждый год весной люди на острове собираются и едут туда. Те, кто выжили. Те, кто спасали. Дорога к Нефтегорску исчезает, зарастает, и проехать можно только на подготовленных машинах.

ОХОТА

Была осень, было время охоты. Таких возможностей, как сегодня, тогда не было, но мы всё равно выезжали охотиться с друзьями. Как у любого охотника со стажем, разные были случаи, разные были события, разные были охоты.

И всё это, с одной стороны, связано с охотой, а с другой – не имеет к ней никакого отношения.

Так было и в тот раз, о котором идёт речь. В охотничьем азарте мы долго метались с места на место, пытались выследить зверя, ушли в ночь и уже в глубокой темноте стали выбираться на нашем ГАЗе-«козлике» на какую-то дорогу. Помыкались и поняли в конце концов, что плутать ночью нет смысла, нужно просто встать и дожидаться рассвета.

Утром проснулись рано, снова поехали, подгоняемые вчерашним охотничьим провалом, увидели какого-то зверя. И опять провозились до вечера, и опять надо было дожидаться утра.

Короче говоря, утро второй ночи – мы спим в машине. Понимаю, что отчётливо слышу нарастающий звук вертолётных лопастей! И он мне не снится.

Советское время, вертолёт – диковина. Вертолёт с красными звёздами – ещё большая диковина. И вот рядом с нами садится вертушка, оттуда выскакивают люди с автоматами, бегут к нам:

– Всем выйти! Оружие не брать! – Всё серьёзно, без шуток, бойцы настроены решительно.

Пограничники. Судя по тому, что подняли в воздух вертушку, нас прилетели жёстко задерживать. Но офицера явно разбирает смех, он едва сдерживает улыбку.

– В чём дело?

– Вы хорошие, конечно, ребята, но совесть надо иметь. Вы вторые сутки охотитесь на территории Монголии.

Слава советским пограничникам. Мы тогда разошлись миром.

Несколькими годами позже тоже достаточно далеко забралась в тайгу. Кстати, забросили нас опять же пограничники, попутным вертолётном. В той глухомани жил наш друг. Он бросил институт, по здоровью, и уехал в тайгу. Работал егерем, был таким уважаемым мужиком у местных.

Рядом с его маленьким, буквально четыре или пять домиков, посёлком стоял санаторий. Был там какой-то источник, в который граждане отдыхающие опускали конечности, и от этого им становилось хорошо.

Естественно, у санатория была своя небольшая столовая. И всё, что не доедали «курортники», а, надо сказать, жили люди хорошо, сытно, оставляли в тарелках помногу, – всё это вываливали прямо здесь же, недалеко.

Мы уже сидели у нашего друга в гостях, планировали, как поедим по рекам – рыбачить, охотиться. И вдруг в избу влетает какая-то похожая на курицу, бедрастая женщина. Хлопает крыльями-руками, кричит: «Медведь на свалке!»

Наш друг хватается ружьё и бегом туда.

В общем-то, всё логично: медведя заинтересовал душок подгнивающих отходов из пищеблока, и он, естественно, пришёл всё это есть, и, видимо, далеко не первый раз.

Рядом со свалкой росла высокая трава. И я вижу, как она прямо подгибается – медведя не видно, но он явно бежит на нас. Как положено, всё село в это время стоит позади нас. Старики с палками, взрослые с малышами на руках, дети.

Наш друг стреляет. Второй раз стреляет! И медведь буквально в паре метров от наших ног падает. Мы к таким поворотам событий непривычные, друг наш – тоже, не каждый день летящего на него зверя валит. Все мы в некотором замешательстве, стоим, осмысливаем, выдыхаем.

Поворачиваемся что-то спросить у местных, что-то сказать и видим: на зимнем спиле – это такой полтораметровый пень, зимой ведь снег большой, и пилят высоко – так вот, на этом гигантском пне сидит девчушка, года два или три, наверное. Играет во что-то там своё, ногами болтает: «Ля-ля-ля!»

Здесь медведь, там девчушка, а сзади – никого, вообще никого.

Постепенно деревенские возвращаются, собирается толпа – медведя взять, обсудить происшествие, всё хорошо. А там, в таких таёжных деревнях, как правило, есть парк. Парк культуры и отдыха имени Гастелло, например. Не знаю, почему Гастелло, знаменитый советский лётчик, но называли деревенский парк его именем. Или, может быть, имени Горького парк, точно не помню. Но точно не Толстого и не Достоевского, в их честь парки не называли в Сибири почему-то.

Как эта вся красота выглядит? Ворота, как правило, красочно расписанные. По бокам – вправо и влево, метров по тридцать-сорок – забор. Стоит какая-нибудь качель, одна или две. Что-нибудь типа ларёчка, в котором продают местную выпечку и иногда газировку, привезённую из райцентра. А весь лес, вся тайга за воротами – километров двести, до самой монгольской границы, это и есть парк имени Гастелло или Горького.

Короче говоря, местные ринулись в этот парк, спасаться. Баба эта, которая прибежала, голосила: «Медведь, медведь! Всю деревню сожрёт!» – она рассказывает:

– Бегу, а он сзади сопит, дышит! Я тут споткнулась, падаю. Думаю, лицо надо закрыть, чтобы красивой хоронили... А он мне на спину наступил, лапами прямо оттолкнулся и дальше побежал. Голову поднимаю – о! Муж мой!

Причём она не просто всё это рассказывала, она и начала, и закончила вот чем: «Никто не видел эту собаку? Ну, мужа моего!» Хотела, видимо, поговорить с ним, прояснить некоторые моменты.

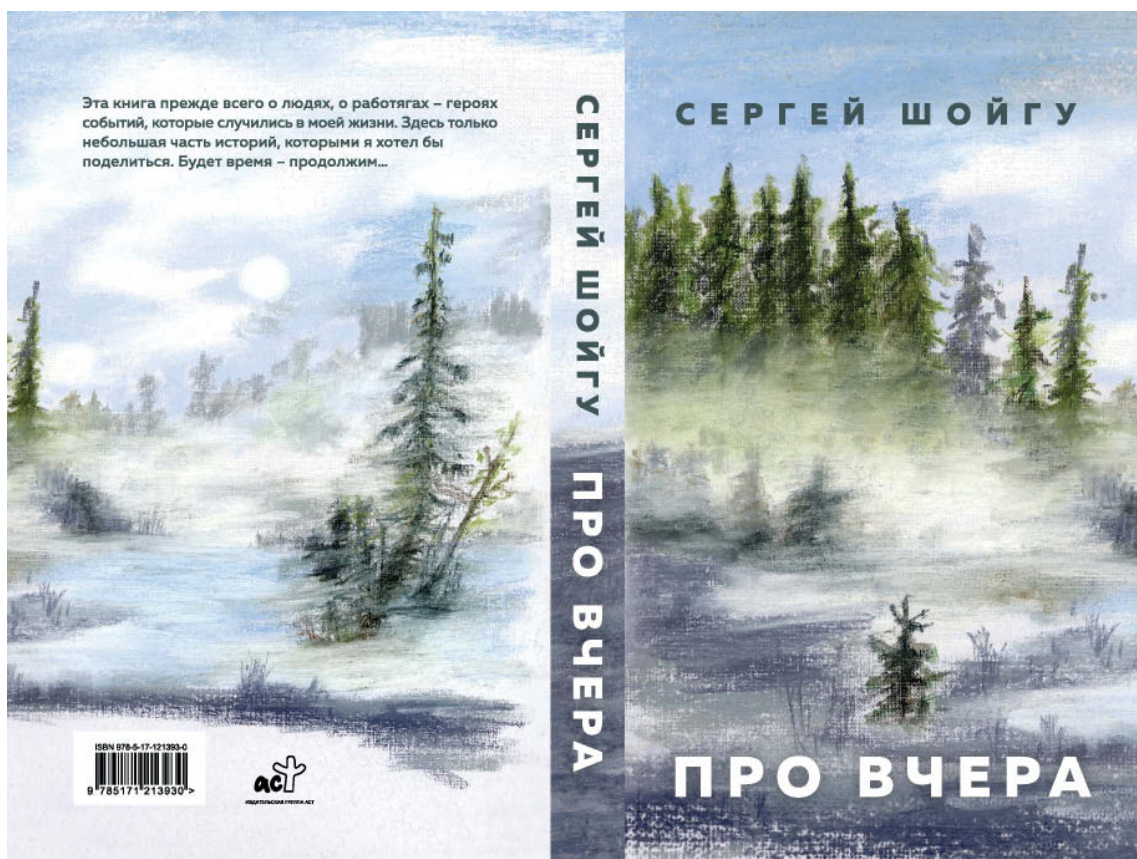
Охота в тех местах всегда либо задавалась «не с того конца», либо продолжалась с сюрпризами. Как-то раз, во время зимних каникул, мы с друзьями решили поехать «белковать». Надо сказать, что прежде мы этим никогда не занимались. Да и заниматься, по всей видимости, не надо было. Пушнина, мех – это было не наше и не про нас. У нас охоты всегда были весёлые, динамичные, а здесь требовалось куда-то идти, что-то делать, расставлять кого-то. Но в основном это была стрельба из мелкашки – винтовки-тозовки.

Мы втроём добрались, прилетели на вертолёте. Выгрузились. Причём всё это довольно далеко в тайге, до ближайшего жилья – непонятно сколько. Прилетят за нами, чтобы забрать обратно, через восемь дней. Мы за эти восемь дней должны походить вокруг, добыть белку или какого-то другого меха, который в ту пору был штукой дефицитной.

Естественно, когда только собирались туда, каждый брал на себя долю ответственности, обязанностей, «общественного» снаряжения. Кто-то должен был взять небольшую аптечку – йод, бинт, анальгин. На случай «не дай бог что». Кто-то должен был взять часть продуктов, которые должны стать дополнением к тому рациону из дичи, которую можно и нужно было добыть.

Мы разбирали вещи, балагурили, шутили, предчувствуя хорошую охоту. Крепкое зимовье, никого вокруг нет, погода изумительная, снег белый, небо звенящее, синее. А один из наших товарищей как-то всё больше молчал. Когда его уже начали пытаться: «Чего молчим?» – сознался: «Кажется, я вам привёз большую за-цу». Слово там было даже поглубже.

На нём было – взять патроны. Он должен был привезти, по-моему, двадцать или тридцать пачек, тозовочных. В каждой пачке – по пятьдесят штук. И он эти самые патроны забыл.

Слава богу, в таких избушках, зимовьях, охотники всегда оставляют патроны, уходя. Кто один, кто парочку, от разных видов оружия, разных калибров. Вдруг человек заплутал, один, всё кончилось... Оставляют чай, оставляют соль, спички, сухие дрова.

На своих продуктах и на этих немногочисленных, заботливо оставленных патронах мы протянули неделю до вертолётa.

* * *

Наши таёжные вылазки довольно часто получались богатыми на охотничьи подвиги. Как-то раз мы поехали на солонец. С нами был парень, неплохой такой, не робкого десятка, но по таёжным меркам неопытный совершенно.

Там, на солонце, на земле, сделан сруб – ложишься и лежишь, зверя ждёшь. И этот наш новичок ничего лучше не придумал, как взять деревенскую, не заводскую овечью шубу. По-модному – дублёнка, но на самом деле – обычный деревенский полушубок. Чем они отличаются один от другого – этот овчиной пахнет, а тот уже обработан химией.

И вот на эту приваду и на этот запах пришёл медведь. Всю ночь он ходил-сопел вокруг лёжки. Понять не может, откуда наносит овчинкой: с одной стороны подойдёт – вроде нет запаха, с другой зайдёт – вроде есть.

А парень медведя не видит, только слышит. И очень ему неудобно – ночь, один, рядом медведь пыхтит. Стрелять – не убьёшь, ранишь только. Так не делается.

Мы в ту ночь были на другом месте. Утром подошли, парень наш свистнул, я свистнул в ответ, пароль – отзыв: «Не стреляй, свои».

И дальше была картина как в фильме «Особенности национальной охоты». Когда герой всю ночь просидел в милицейской, его товарищи открывают дверь, а он им: «С ...» Вот это один в один был наш парень.

Про охоту ещё много чего можно вспомнить.

Проза

Юрий Угроватый

Юрий Угроватый – референт-переводчик португальского и английского языков. Военный наблюдатель ООН. Шестнадцать лет находился в заграничных командировках в Анголе, Мозамбике, Западной Сахаре, Югославии, Сьерра-Леоне в качестве военного переводчика, военного наблюдателя ООН и представителя ООН. После увольнения в запас пять лет работал директором частной авиакомпании в Сьерра-Леоне, руководил частными охранными предприятиями в России. Живёт в Санкт-Петербурге. Выпускник петербургского отделения литературной мастерской Е. Чижовой. С 2018 года постоянный участник литературной мастерской Д. Каралиса.

Автор сборника стихов «Встречный ветер», в 2018, 2019, 2020 годах публиковался в сборнике «Прозаик и поэт» (СПб.), в журналах: «Аврора», «Литературный микс»; участвовал в сборнике стихов «Зори над Великой».

ДУНАЙ

Грустная мелодия популярной тогда в России песни лилась из приёмника джипа Cherokee, на котором мы с Грэггом патрулировали свою зону ответственности:

Гудбай, Америка, бай,
Где я не был никогда...

– О Юрий, «очень карашо!» – эта часть фразы прозвучала по-русски, явно повышая самооценку собеседника: – Russian song about America!¹

Я смутился:

– Эта песня немного не о том.

– Как не о том? Я всё понял: чувак улетает из Америки, ему грустно. Надо возвращаться в долбаную Россию...

– Нет, Грэг, песня о разочаровании Америкой.

– Ерунда! С чего вдруг разочаровываться? Штаты – великая страна! Наша армия – великая армия!

– Понимаешь, этот парень поёт о том, что никогда не был в Америке, а нам рассказывали много прекрасной «лабуды» о вашей стране и армии. Оказалось, что всё не так.

– Не был, так пусть слетает! – раздражённо бросил американец. Я вообще не понял, что вам не нравится? Вы, русские, на первый взгляд, нормальные парни, но страдаете всякой ерундой.

После такой оценки я окончательно завёлся и уже не мог остановиться:

– Например, нам рассказывали по «телеку» про одну вашу воинскую часть во Вьетнаме, что отказывалась воевать, пока в столовую не привезут клубничное мороженое. Круто, конечно! – поддел я напарника.

– Не в мороженом дело!

– А в чём?

– В нашем общем превосходстве и в превосходстве американской армии, – назидательно вдалбливал Грэг.

– Ладно, ваше превосходительство, поехали! Нам ещё нужно съездить к американским инженерам. Кстати, рядом, насколько я знаю, будет стоять русский батальон.

Грэг покровительственно похлопал меня по плечу:

– Извини, старина, кого это волнует? Форсировать Дунай поручено нашим парням. С ООН покончено! Да здравствует НАТО!

¹ Russian song about America! – русская песня об Америке.

– Если честно, – не удержался я, – обидно. ООН так много сделала для того, чтобы в Югославии после всех ужасов распада страны наконец настал мир, а НАТО, как всегда, придёт пожинать лавры.

– Такова жизнь, старина! Это решение нашего правительства. Побеждает сильнейший! – И снова покровительственно похлопал меня по плечу.

Я отодвинулся к двери и стал смотреть в окно.

Не успел наш ооновский патруль выехать на пологий берег Дуная – пришла первая колонна «штатников», как мы – российские военные наблюдатели – их называли. Началось всеобщее «броуновское движение». Носились взад-вперёд солдаты и офицеры с рациями «уоки-токи», ревели дизельные двигатели, отравляя вонючим сизым дымом всё вокруг. Громоздкие «Хаммеры», динозавроподобные грузовики с понтонами, бронетранспортёры «Брэдли» заволокли окрестности. Создавалось впечатление мощи и несокрушимости. Невольно подумалось, что впору не «Гудбай, Америка!» слушать, а «Гуд морнинг, Америка!» запеть.

Через час весь глинистый берег оказался вдрызг перекопан колёсами и гусеницами. Несколько автомобилей сразу застряли в грязи, что, признаться, вызвало моё тихое злорадство.

* * *

Наконец, ближе к обеду, появились головные машины русбата. Наши прибыли без особой помпы, но как-то более организованно. Несколько регулировщиков с красными флажками указывали, куда кому ехать. Солдаты колышками со шпагатом размечали территорию подразделений. В колонне тоже хватало разной техники. Правда, назначение некоторых автомобилей мне не было понятно, но чувствовалось, что каждый в группе знал свой манёвр.

– Смотри, старина! Наши «Хаммеры» – ого-го! Сила! А у вас что за машины? Какие-то букашки! – с нескрываемой издёвкой подколол меня Грэг.

– Это «УАЗы». Заметь, ваши «Хаммеры» застряли в грязи, а наши – нет!

– Да кто знает эти «УАЗы»? «Хаммеры» известны всему миру!

– Разве это главное?

– А что главное?

– По-моему, ваших уже шесть машин застряло, а русских ни одной.

– Подумаешь, скоро их вытащат, – махнул рукой американец. – Просто здесь почва глинистая.

– Понятно! Вы, наверное, только на асфальте воевать собираетесь?!

– Просто ты завидуешь, Юрий.

* * *

Вокруг нас как грибы после дождя появились беспорядочно расположенные нейлоновые палатки американцев. Общительный Грэг немедленно познакомился с двумя батальонными офицерами. Одного – капитана – звали Стив, другого – майора – Брэнсон. Ребята оказались вполне компанейскими и пригласили нас зайти в свою палатку. Внутри было просторно и холодно, почти как на улице. Раскладушки стояли в два ряда. С удивлением увидел, что на них вместо белья тонкая белая бумага, похожая на туалетную. В углу столик с чашками и чайником. Под потолком тусклая лампочка на коротком проводе. Ребята угостили нас кофе. Мы пили из пластмассовых серых кружек, держа их заочеченными красными ладонями, не чувствуя обжигавшего сквозь пластик кипятка. Я поинтересовался:

– Вы всегда спите на бумаге вместо белья? Её, наверное, хватит всего на две ночи, а что потом?

– Потом нам должны привезти новые бумажные простыни, и так до тех пор, пока не построят постоянный лагерь из контейнеров со всем необходимым, – с готовностью пояснил Брэнсон.

– Вот именно, должны! – пробурчал Стив. – Не помню, чтобы тыловики хоть раз вовремя что-то делали.

– У нас принцип одноразовости, – вступился за своих Грэг, – поспал на простынях – выкинул, поносил пару дней носки – выбросил. Удобно!

– Размечтался: пару дней! – опять заворчал Стив. – Приходи через неделю – тут такая вонь будет! А трусы и майки вообще не меняют, а стирать-то негде, да и холодно!

– Ладно, парни, – явно желая уйти от щекотливой темы, перевёл разговор Грэг, – лучше угостите нас с Юрием сухими пайками.

Брэнсон расплылся в улыбке: «С удовольствием! Да и нам подкрепиться пора».

Он отошёл в угол палатки и достал из огромной картонной коробки четыре аккуратных упаковки, размером с толстую книгу каждая.

Сухой паёк впечатлил. Чего там только не было: баночка консервов с саморазогревом, галеты, соль, сахар, перец, кетчуп, продолговатая мини-баночка сардин, микроупаковка сливочного масла и джема, какие дают в самолёте. На каждой коробке указана энергетическая ценность продукта. Кроме еды, к набору прилагалась упаковка салфеток, зубочистка и даже палочка для чистки ушей.

Мы с Грэгом с удовольствием наворачивали подогретую фасоль с мясом. Потом не удержались и принялись за галеты с сардинами.

Я заметил, что хозяева ели с гораздо меньшим энтузиазмом.

– Как тебе наши пайки? – поинтересовался Грэг, явно предполагая мой восторженный ответ.

– Супер! У нас такого пока нет. Точнее, пайки имеются, но без разогрева и других приамбасов. Зато есть полевые кухни.

– Это что за фигня? – пренебрежительно поинтересовался Брэнсон.

– Скоро наш батальон развернётся, и я постараюсь пригласить вас в гости. Тогда всё и увидите.

Мы по-дружески попрощались с хозяевами. Не успели отойти и десяти шагов, как к нам подскочил подвижный, как ртуть, человек в гражданском:

– Боб Пэддингтон, журналист CNN. Парни, разрешите задать вам пару вопросов?

Грэг приосанился и шагнул вперед, оттесняя меня плечом.

– Грэг Прайс, американский военный наблюдатель ООН.

Чувствовалось, что это была минута славы для моего напарника. Он уверенно рокотал об обстановке в зоне нашей ответственности, не давая журналисту вклиниться со своими вопросами. Конца его восторженному отчёту не было видно. Я стал замерзать на холодном ветру, демонстративно приотпывая заледеневшими берцами. Корреспондент, видимо, прикинув, что пора остановить бесконечно осведомлённого Грэга, перекинулся на меня:

– Сэр, вы тоже наблюдатель?

– Угадали, но я российский военный наблюдатель.

– Российский?! – разочарованно протянул наш шарнирный интервьюер. – О'кэй, я поговорю с вами в другой раз. Увидимся, парни! – и так же быстро, как и появился, понёсся на своих шарнирных ногах куда-то в сторону реки, где бригада гражданских строителей возводила непонятное массивное сооружение из металлических конструкций.

По лицу Грэга блуждала довольная улыбка. Он пребывал в приподнятом настроении и не мог сдерживать переполнявших эмоций:

– Представляешь, меня покажут по CNN! Жена, дети, родители – все увидят! Вот что значит американская армия и американские СМИ! Учитесь у Америки!

– Хватит петь, как соловей. Нам пора! – оборвал я его, не скрывая раздражения.

На следующий день я твёрдо решил заехать в русбат.

* * *

Рано утром меня разбудил рёв телевизора в гостиной. Грэг смотрел CNN, с волнением ожидая репортажа со своим участием.

– Старина, ты, наверно, не ложился спать этой ночью? – съязвил я.

– Кончай завидовать, Юрий.

– Хотел бы, да это выше моих сил, – продолжая его дразнить, я устремился в ванную, радуясь, что первым приму душ. Сквозь шум воды я услышал победный вопль своего сослуживца:

– Юрий, Марио, Аднан! Сюда, скорей – сейчас меня покажут! Да скорее же, придурки!

Обернув полотенце вокруг пояса, я рванул в гостиную. Телевизор гремел на полную. Рядом толпились сонные офицеры.

Грэг величественно восседал в кресле перед телевизором и возбуждённо комментировал:

– Смотрите, вон тот чувак-журналист! А это я! Видите?

На несколько секунд мелькнула физиономия Грэга, прозвучал обрывок фразы о взаимодействии с американскими частями. Затем камера переместилась в сторону реки и застыла на огромном электронном табло с надписью: «Армия США. До форсирования Дуная осталось семьдесят два часа».

Наконец-то я понял назначение этого шестиметрового сооружения, над которым упорно трудились гражданские американцы.

– Ура, парни, бинго! Я в кадре! – восторженно вопил Грэг.

– Поосторожней, на всякий случай проверь свои брюки, – с серьёзным выражением лица заявил главный остряк группы итальянец Марио.

– Что?..

– Я говорю: брюки проверь, а то как бы ты их не намочил от радости.

– Вали отсюда, макаронник! – рассердился Грэг.

Впрочем, в то утро испортить ему настроение было невозможно. Он быстро оделся и решительно объявил:

– Поеду в штаб, позвоню по спутниковому жене. Пусть сообщит родным и знакомым.

Аднан и Абдулжабар, как принято у восточных людей, подошли поздравить виновника переполоха. Грэг снисходительно выслушал и с нескрываемым превосходством принялся наставлять:

– Американская армия и американские СМИ! Учитесь, парни!

Слушать бахвальство Грэга не было сил. Я не удержался от вопроса, решив кое-что уточнить:

– Почему так долго?

– Что долго?

– Смотри, на экране написано: до форсирования Дуная семьдесят два часа. Так?

– Ну и что?

– Получается, что с прибытия колонны прошли почти сутки. Значит, всего на форсирование реки уйдёт четыре дня.

Грэг подозрительно слушал, не понимая, куда я клоню.

– Русские обычно форсируют реки в день подхода колонны. Причём за несколько часов.

Сбитый с мажорной ноты, Грэг недоверчиво протянул:

– Так я тебе и поверил! Просто ты – завистливый чувак!

* * *

На следующий день, в патруле, я предложил заехать в русбат.

– Чего мы там не видели? – пробормотал усталый Грэг.

– К вам вчера заезжали? Теперь – давай к нашим, – настаивал я.

– О`кей! Хочешь – поехали! – нехотя согласился американец.

Палаточный лагерь русских на берегу Дуная поражал чёткостью линий и разумной организацией по контрасту с американским хаосом. Огромные брезентовые палатки стояли ровными рядами, выстроенными по шпагату. Чуть поодаль, в сторонке, расположился автопарк, огороженный колючей проволокой, с деревянной вышкой в центре. У штабной палатки нас остановил часовой с автоматом:

– Стой! Предъявить документы!

После переговоров солдат согласился пропустить к комбату только меня, подозрительно косясь на американский флажок на рукаве напарника.

С комбатом удалось договориться быстрее, чем с часовым. Он выслушал, вызвал по телефону-вертушке ротного и коротко приказал:

– Сергиенко, покажи наблюдателям наше хозяйство.

Мы с Евгением (так звали провожатого) подхватили по пути Грэга, заочневшего на ледяном ветру, и двинулись в глубь территории. Так мы дошли до палаток, где размещалась рота Евгения. Войдя в крайнюю, мы с интересом осмотрелись. Просторная брезентовая палатка, десять кроватей – по пять с каждой стороны – идеально заправлены, с натянутыми в струнку тёмно-синими армейскими одеялами.

– Вау! Как они это делают?! – не сдержал своего удивления Грэг.

Евгений расплылся в улыбке:

– Армейская хитрость: натягивают по нитке.

– Зачем? – не унимался Грэг.

– Порядок, – посерьёзнев, ответил Евгений, – во всём должен быть порядок.

– В нашей армии тратить время на такую ерунду никто не станет! – не желал соглашаться Грэг.

– Если умеешь – это быстро, – продолжал убеждать ротный. Одеться – сорок пять секунд, заправить кровать – три минуты и готово!

Грэг продолжал внимательно осматривать помещение:

– А это что за хрень такая? – он выразительно поднял брови, показывая взглядом на стопку дров у буржуйки с трубой.

– Печка в холода – первое дело! – удивился вопросу ротный.

– Разве у вас нет электрообогревателей? – демонстративно недоумевал американец.

– Толку от них зимой немного, да и мощности полевой электростанции на всё не хватит.

– Прошлый век, – фыркнул Грэг и выразительно покачал головой.

Экскурсия продолжалась, и мы пошли дальше. Остановились у грузовика ГАЗ-66 с фургоном. Внутри стояли два огромных барабана стиральных машин.

– Здесь стираем постельное и нижнее бельё, – пояснил Евгений.

Дальше была машина-душевая, хлебопекарня и полевая кухня. Грэг приумолк и больше вопросов не задавал. По напряжённому лицу напарника я понимал, что он не собирается сдаваться. После вкусного борща и котлет с картошкой он, сыто отрыгнув, решил срезать Евгения неожиданным вопросом:

– Скажите, а сколько в этом обеде калорий?

Евгений ненадолго задумался, потом ответил:

– Калорийность пайков у нас рассчитывается централизованно в управлении тыла вооружённых сил.

– Нет, – не унимался Грэг, допивая вторую кружку компота, – вы мне скажите, сколько калорий в этом конкретном обеде?

– Он что, боится поправиться? – обращаясь ко мне, недоумевал Евгений.

– Понты кидает, не обращай внимания, – ответил я, начиная раздражаться.

– Тысяча семьсот калорий, – явно наугад брякнул ротный.

Грэг выслушал и подозрительно на него посмотрел.

* * *

CNN теперь каждый день показывала репортажи о подготовке к форсированию Дуная. Цифры часов на огромном табло стремительно таяли. Наконец решающий день наступил. Мы с Грэгом не могли пропустить такое событие и с утра прибыли к месту переправы. Зашли в палатку к старым знакомым Стиву и Брэнсону. На полу валялись огрызки яблок, целлофан от упаковок сухих пайков, смятые пивные банки, обрывки одноразовых простыней. Стив, оказавшийся на месте, смущённо попытался затолкать носком ботинка всё это «великолепие» в угол.

– Извините за бардак, парни. Мы сильно заняты – сегодня переправа.

– Само собой, – поддержал Грэг, – нам некогда ровнять одеяла по нитке! – и многозначительно посмотрел на меня.

Я поспешил выйти на улицу, чтобы лишний раз не вдыхать запахи несвежего белья и остатков пищи.

* * *

Число журналистов и телевизионщиков на берегу зашкаливало. Работали две американские теле-студии и Euronews. Корреспонденты печатных изданий, как мошकारа, вились вокруг табло возле зоны форсирования, фотографируя всё подряд.

За час до начала главного события откуда-то появился военный оркестр. Музыканты не спеша расположились возле табло и принялись, не обращая внимания на общую суматоху, извлекать из своих инструментов бодрые звуки. Наконец американский полковник, видимо, устав от многочисленных интервью, скомандовал начинать.

Окрестности тут же наполнились хриплым рёвом машин и едким дизельным дымом. Поначалу даже не было слышно бравурных мелодий оркестра. Одному зазевавшемуся журналисту грузовик переехал ногу. Коллеги на плащ-накидке потащили беднягу в лазарет. Майор с рацией «уоки-токи» координировал действия с группой на другой стороне реки.

Неожиданно недалеко от переправы, как из-под земли, появился «шарнирный» журналист CNN со своим оператором.

– Грэг, привет! Как дела? Что вы чувствуете, когда наши парни форсируют Дунай? – скороговоркой выпалил он, тыча в напарника микрофоном.

Грэг приосанился и, вмиг одухотворившись, понёс «пургу» про свою страну и армию.

Мне стало противно наблюдать это шоу. Я повернулся к реке и понял: что-то пошло не так. Увидел, как несколько понтонов, установленных поперёк реки, стали двигаться в сторону, всё дальше отходя от назначенной линии. Военные на берегу пытались вернуть их назад при помощи тросов, прицепленных к тягачам, но было поздно. Понтоны зелёной змеей вольно поплыли по Дунаю, издевательски покачиваясь на волнах. Внезапно наступила тишина. Через несколько минут мимо нас прошёл явно озадаченный полковник со свитой. «Шарнирный» бросился наперерез:

– Сэр, что вы можете сказать о сложившейся ситуации? Когда возобновится переправа?

Ответ полковника развенчал расхожее мнение о недостатке ругательств в английском языке. Он разукрасил свою речь такими эпитетами, что оператору пришлось срочно выключить камеру.

* * *

Мы возвращались на базу в полной тишине. Было такое ощущение, что где-то рядом покойник и лишнее говорить ни к чему. Грэг сосредоточенно крутил баранку. Я попытался как-то утешить его в духе «со всеми бывает!», но он в ответ неожиданно на меня набросился:

– Конечно, российской армии легко форсировать реки! Экология – не ваша забота! Что станет с травой и растениями – наплевать?! Тренируйся хоть каждый день. А нам зелёные не дадут. Вот и получается, что многие из наших парней участвовали в операции в первый раз.

Я скептически промолчал, вспомнив развороченный «Хаммерами» и грузовиками берег...

* * *

Наутро на табло опять запустили обратный отсчёт. До форсирования Дуная снова оставалось семьдесят два часа. К вечеру я с удивлением увидел, что добавили ещё сорок восемь. Грэг, заметив мою усмешку, поспешил пояснить:

– Ждут новый понтонный комплект из Германии.

– Нечего дурью маяться! Взяли бы наш, российский, и дело с концом!

– Ты, наверное, шутишь?! Как-нибудь без советчиков обойдёмся.

Второй понтон уплыл через пять дней так же предательски, как и первый. Местные югославские газеты поспешили выйти с заголовками в духе «Наш батюшка-Дунай показал “пиндосам”, кто сильней». «Пиндосами», то есть носильщиками, югославы стали за глаза называть американцев за то, что они постоянно таскали на себе не только винтовки, но и всё снаряжение. Объясняли, что делают это для страховых компаний, которые отказывались платить, если пострадавший солдат не был полностью экипирован.

В результате явно провальной операции американцы стали любимой мишенью местной прессы. В газетах мелькали карикатуры навьюченных рюкзаками, свёртками и лопатами толстяков, растерянно провожающих взглядами уплывающие понтоны.

* * *

Тот визит в американский лагерь стал последним. Стив и Брэнсон обдали нас жутким перегаром, когда мы переступили порог палатки. Точнее, встретил один Стив. Брэнсон валялся в полном отрубке на раскладушке, намертво зажав в свисающей руке недопитую бутылку виски. Ветер, проникавший через приоткрытый вход в палатку, лениво перекачивал по полу пустые пивные банки.

– Ну что, русский, посмеялся над нами? – невесело произнёс Брэнсон. Потом расстроено добавил: – Правильно! Сколько раз начальству говорил, что серьёзные дела без тренировки не делаются!

Я молча выслушал и, чтобы сменить большую для них тему, сказал:

– Холодновато! Забыли вход прикрыть?

– Какое там? Эти грёбанные калориферы весь кислород сжигают, спать невозможно.

Поняв, что разговор опять вырывает не туда, я попрощался, сославшись на усталость, и вышел на воздух. Через несколько минут появился Грэг, нагруженный коробками с сухими пайками. Протянул мне три штуки. Я сдержанно поблагодарил, хотя первый восторг по поводу этих консервов с галетами давно прошёл.

Перед отъездом к себе мы увидели, что рабочие не спеша разбирают электронное табло. Увы, многообещающее шоу бесславно закончилось...

* * *

Через неделю по делам заехали в русбат. Командир роты Евгений встретил как старых знакомых, приветливо улыбаясь. В штабной палатке по-прежнему чисто и уютно. От печки-буржуйки исходило и обволакивало приятное тепло.

– Как дела, Женя? Решили с Грэгом вас навестить. Мы не с пустыми руками, а как положено, с гостинцами, – и протянул ему коробки с сухими пайками.

– Спасибо, – сдержанно ответил тот и потом вполголоса, как будто Грэг мог его понять, произнёс: – Не вози больше – у нас их полно. Никто есть не хочет. «Пиндосы» то и дело приносят, чтобы на хлеб поменять. Кстати, сегодня у нас гороховый суп и гречка с мясом – приглашаю.

В батальонной столовой негромко работал телевизор. Неожиданно ротный дёрнул меня за рукав:

– Смотри!

На экране шёл сюжет об учениях Приволжского военного округа. Колонна наших войск с ходу форсировала Волгу. Сапёры за несколько часов навели переправу ещё до подхода основных сил. Я подробно всё перевёл Грэгу. Он хмуро выслушал меня и что-то опять пробурчал про экологию.

Перед отъездом Евгений поинтересовался:

– Ты в курсе, чем их операция закончилась?

– Нет, так и не дождались.

– Умора! Только на двенадцатый день сподобились! У нас за такое форсирование всех командиров снимали бы. Да, самое главное: они в конце концов советский понтонный комплект из Восточной Германии припёрли.

* * *

В тот день была моя очередь рулить. Проехав несколько километров обратного пути, я свернул к переправе.

– Ты куда? Мы же не собирались, – недовольно пробурчал Грэг.

– Хочу кое-что тебе показать.

Переправа действовала! Я подошёл ближе. Так и есть! Неброская металлическая табличка: «Вооружённые силы СССР. Войсковой понтонный комплект» и номер. Я перевёл Грэгу. В первый раз он смолчал и отвёл глаза.

Рядом по замусоренному лагерю слонялись бродячие собаки. С перепаханной вдоль и поперёк земли солдаты снимали последние палатки.

Чтобы развеять напряжённую тишину в машине, я включил радио. Как и две недели назад, слышался знакомый грустный голос: «Гудбай, Америка, бай...»

– Слушай, Грэг, как воевать-то будете, если что? – неожиданно вырвалось у меня.

– Ничего, как-нибудь! У нас большой опыт – авиация, флот... Но лучше всё-таки не против вас. А песня твоя – фигня! Нечего тоску нагонять... – и переключил приёмник.

На другой волне передавали об успехах американских войск в Югославии...

*Санкт-Петербург,
2019 г.*

Проза

Анатолий Андреев

Анатолий Николаевич Андреев – родился в 1958 году в г. Североуральске Свердловской области (Россия). Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персонализм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А. С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живёт в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

ФРАГМЕНТ

Трагедия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне в руки попала рукопись трагедии «Фрагмент» от Марк-off.

Что тут удивительного? Во-первых, мне, писателю, достаточно часто присылают рукописи – для того, чтобы я с ними зачем-то ознакомился. Хороших рукописей почти нет, плохих же настолько много, что «рукопись» и «плохая рукопись» стали для меня почти синонимами.

Я бы и вовсе не читал рукописей, если бы не одно обстоятельство (а это уже во-вторых). Интересная, достойная внимания литература, по моему глубокому убеждению, существует сегодня исключительно в рукописях, ибо почти всё, что опубликовано, читать либо скучно, либо вредно, либо невозможно. Хорошая литература существует, но она по какой-то причине не издаётся.

Вот почему чтение рукописей – поиски крупиц золота в тоннах руды – я воспринимаю как протест против засилья плохой литературы. Наличие золотых крупиц доказывает, во-первых, что литература жива, а во-вторых, что руда – это не литература.

Я нахожу в этом странном занятии своеобразное утешение или, как говаривали в старину, катарсис.

Протест – это моё служение. Я служу. Чему? Если надо объяснять – значит, не надо объяснять.

Рукопись трагедии «Фрагмент» я воспринимаю как фрагмент обширной рукописи, возможно, уже утраченной (а возможно, ещё не завершённой), и этот фрагмент, по-моему, привлекателен тем, что пытается воссоздать *фрагмент бытия*. Попробуйте сотворить такой фрагмент жизни, по которому можно было бы судить о бытии человека в целом. Попробуйте.

Попытка превратится в пытку. И вы поймёте, что золотые крупички – это всегда попытка уловить и зафиксировать фрагмент бытия, взятого во всей его полноте.

Я могу ошибаться, конечно, но моё убеждение в том, что перед нами, во-первых, фрагмент рукописи, а во-вторых, рукописи, сумевшей отразить фрагмент бытия, дало мне право настаивать на публикации трагедии «Фрагмент».

Автор трагедии, пожелавший укрыться за анонимным знаком Евгений Марк-off, в свою очередь имеет полное право на литературную мистификацию. Только вот зачем?

Может быть, автор не верит, что всё тайное обречено стать явным?

А. Н. Андреев

Евгений Марк-офф

ФРАГМЕНТ

ТРАГЕДИЯ

*Ой, вы, гости-господа,
Вы откуда? И куда?*

1

Юрка Мышелóв, с незапамятных времён получивший отчего-то прозвище Мышь (вопреки своей редкостно грозной для грызунов фамилии), перелез через белёный дувал – и оказался «по ту сторону добра и зла», как он сам это называл про себя. Из Гипербореи – куда-то в будущее.

Теперь он шагал по Невскому проспекту, пытаясь представить себя жителем Империи. Ничего не получалось, несмотря на внушительную конную статую Петра Великого (сейчас она уже была слева по борту), а также набережный гранит, где каменных глыб было уложено больше, чем во всех египетских пирамидах вместе взятых (не чудо света, нет?). Конечно, декорации были славными, всё древнегреческое, античное, наше родное; спору нет. Однако смущало вот это, опять же, древнепредревнегреческое ощущение: сильные мира сего где-то, несомненно, присутствуют, сидят и правят, суки. Их существование никто не подвергает сомнению. Без них, как бы лидеров, даже скучно. А ты, слабый мира сего, свободно шагаешь по проспекту, возведённому словно специально для тебя лучшими зодчими мира, вдыхаешь морской воздух, свободно перемещаемый, нахватавшийся заморских ароматов (местный смрадик цивилизации не в счёт), – ты идёшь, стирая все и всяческие границы, ты дефилируешь, прокладывая границы новые, дотоле неведомые и несуществующие, продвигаешься ты вперёд и чувствуешь: где-то вы, суки, просчитались. Без торжества чувствуешь. Без победных интонаций и эскапад. Скорее, с детским удивлением: если вы такие сильные – почему я такой свободный?

Почему мне в принципе всего хватает? А вам всегда всего – мало?

Тут по плечу меня задевает не прохожий вовсе и не пролётный какой-нибудь фуфел, а некий Знак Свыше, порхающий где захочет:

- Привет, Юркий! Как тебя занесло в наши эмпирей?
- Почему это в ваши? С каких это пор ты приписан к Лондону?
- А я не из Лондона с тобой общаюсь.
- Откуда же тогда? Вот Трафальгарская площадь, прямо по курсу... Ты не здесь, что ли?
- Откуда, откуда... Из столицы мира.
- И где у нас нынче столица?

– Где, где... Вот сразу вопросы в лоб. Ребром. В кость. Не в бровь – а в глаз. Зачем так грубо и неадекватно? Не люблю я эту безапелляционность. Неизящно это как-то всё. Да не приписан я, не приписан ни к чему. Расслабься. Хотя... Ты и так подозрительно расслаблен. С чего бы это?

– Ох, Знак, вездесущий ты наш... Ничего, понимаешь, не ускользнёт от взора твоего, наглого для всех. Ну, ничего. Буквально.

- Да, я такой. Какие новости?
- Да так. Гуляю.
- Ну, гуляй, пока гуляется. Заходи, если что.
- Ага. Само собой. Мне – туда. А тебе?
- В противоположную сторону, естественно.
- Значит, до встречи. Сойдёмся. Рано или поздно.

«Естественно»... Тот факт, что Знак сам по себе был явлением противоестественным, его совершенно не смущал. Ну, наглый. До безобразия.

А за дувалом мы играли в футбол. Раньше эта территория называлась Арктида или Гиперборея, сейчас называется... по-разному сейчас называется. Вот на этой территории мы и играли. Чаше выигрывали. Но бывало всякое.

Как бы то ни было, но победителей и у нас не судили.

Елена Прекрасная появилась ниоткуда, но в нужное время в нужной точке пространства. Сейчас даже не вспомнить, где именно это произошло.

Цвела и благоухала сакура, рядом панорамно громоздились горы и расстилались долины. Жужжали жуки. Душа была подготовлена к явлению праздничного чуда – собственно, предчувствовала его.

Любовь не стала для Мышелова неожиданностью; она стала для него потрясением и испытанием. Дело в том, что он ожидал появления в своей жизни константы (р-раз – и навсегда-с), твёрдого и благородного начала, которое было, несомненно, производно от понятия вечность и которое как-то связало бы Юрку с этой самой фундаментальной вечностью. Он был готов к бессмертию, к перевоплощению, к трансформации, к переходу в иные измерения, миры – к чему-то такому, чего в жизни обычной, в жизни без любви не бывает. Он готовился к любви не как к большому человеческому приключению, а как к постижению мира и собственной сущности.

Юрка был романтик, конечно.

Но любовь страшно удивила его, окрылив, наполнив восторгом и приземлив одновременно. Любовь оказалась не константой – а летучим соединением компонентов, которые надо было всякий раз добывать заново. И рецепт соединения-коктейля никогда не повторялся, всё время менялся.

Колдовство, волшебство, чародейство – вот из какой области оказалась любовь: из эфемерных материй, но реальней всего реального. С любовью можно было жить долго, но каждую секунду казалось, что она уже улетучилась и не вернётся никогда. Никогда! В этом «никогда» всегда жило отчаяние, таился плотный сгусток боли, похожий на маленькую точку-тучку, которая могла в мгновение ока принять размеры урагана, тайфуна и опустошить вселенную под именем Мышелов. Вот эта «тёмная» сторона чувства была неотделима от самого чувства, от пиковых его, светлых проявлений.

Он искал золото – а нашёл бериллий, если выразаться химическими метафорами.

Оказалось, что любовь живёт крохотные секунды – мгновения, по меркам вечности. Влажный век её исчислялся от мига к мигу, от точки к точке, от слезинки к слезинке, и непонятно было, складываются ли эти точки в какой-нибудь узор или нет. И всегда казалось, что последний по времени миг был окончательно последний. И следующий миг приходил как новая любовь.

Но гарантий постоянного блаженства не было; были гарантии постоянства неопределённости и муки как предчувствия блаженства.

При этом сама любовь была, любовь как таковая, со всей своей чудовищной косматой и космической природой – вот что оказалось самым удивительным!

Представления людей о любви и реальность любви потрясающе не совпадали. Это стало настоящим открытием. Все только об этом и говорят – и никто слова толкового не сказал. Не чудо, нет?

Стоило ли искать любовь, если она не золото, а бериллий?

Сложный вопрос.

Стоило, наверно, – если без неё никак.

Странно, но всё это Юрка постиг в одно мгновение – как только увидел Елену Прекрасную в обрамлении сакуры. Ещё не зная любви, он вдруг узнал о ней всё. Отказаться от пронзительного сакрального знания не представлялось возможным, ибо оно являло собой не дар, который можно было принять или отвергнуть, а повеление судьбы.

И это Мышелов понял сразу.

Он просто подошёл к ней, взял за руку, заглянул в её синие глаза и – провалился в вещество вечности, состоящее из бесконечных мгновений-точек.

Вопроса о том, любит ли она его, просто не возникало. И это никогда не казалось Юрке странным; напротив, казалось естественным. Чудесным.

Вот что было странным.

– И где сейчас твоя Прекрасная? – спросил Знак, усаживаясь поудобнее на Точке, силуэтом напоминающей Арарат (или всё-таки Фудзи? или всё же Монблан?).

– Ждёт меня, – ответил Мышелов, прогуливаясь по Калининграду, из которого местами выпирал Кёнигсберг.

- Я спрашиваю «где», я не спрашиваю «что она делает». Ты меня не понял.
- Это ты меня не понял: она меня ждёт.
- Где?
- Ждёт.
- Это диалог слепого с глухим?
- Это пересечение разных точек отсчёта.
- Ладно. Как скажешь. Мне велено передать тебе одно сообщение.
- Передавай.
- Оно начинается так: «Нам всегда известно, где находится Прекрасная». Понимаешь?
- Кому это – «нам»?
- Ну, вот опять – ребром, опять в глаз, опять око за око. Убери иголки, легионер, не щетинься. Не изображай железного ежа.
- Я уточняю. Без этого мне трудно понять смысл сообщения.
- Смысл прост: ты гуляешь не в том направлении.
- Гуляю, где хочу. Хожу тропами Канта. Что не так?
- Это я гуляю, где хочу. Сижу, где хочу. А ты... Ты нарушаешь правила игры. Вспомни теперь начало сообщения. Вникаешь?
- Я у вас на карандаше?
- Не лсти себе. Ты в чёрном списке. В двух шагах от гильотины, фигурально выражаясь. Я имею в виду механизм аннигиляции. Ты меня понял.
- И что я такого сделал?
- Боже, какой глупый вопрос! Ты не делаешь того, что должен делать – вот в чём проблема.
- Жить под одним звёздным небом с Кантом – это преступление?
- Преступление или нет – зависит от точки отсчёта. Координаты абсолюта – у нас. А точки отсчёта подвижны. Мы всегда оповещаем любопытных странников об очередном смещении точек зрения. Ты слишком много на себя берёшь. Только не задавай вопросов в лоб! Это расценивается как неповиновение, совершаемое с особой дерзостью. Кстати, заканчивается сообщение так: «Иначе пожалеешь». Получите, распишитесь.
- Знак исчез вместе со своей Точкой.
- Есть в Зеленоградске-Кранце (рядом с Калининградом-Кёнигсбергом) одно местечко, одно кафе, одна точка: ты сидишь за столиком, смотришь на море, пьёшь вино, ничего особенного – но Знак почему-то тебя там не видит. Что его ужасно нервнрует. «Опять укрылся в своей Гиперборее», – бормочет он с угрозой в голосе.
- Я иду туда открыто, не таясь. Усаживаюсь за столик поудобней, заказываю вино. Начинаю ждать Елену Прекрасную. Она придёт, я не сомневаюсь. Но на всякий случай жду изо всех сил.
- Прекрасная – это фамилия, как вы поняли.
- Но пришла не Прекрасная, явился Ч. Снежный. Откуда он явился?
- Спустился с Горы, естественно, откуда же ещё.
- Тебе привет от Русского, – вместо приветствия брякнул он.
- От Канта?! Боже мой, сто лет его не видел! Как он там жив-здоров?
- Потихоньку. Скорее, жив, – уклончиво ответил Снежный.
- Где он?
- Книгу пишет, – был ответ.
- С видом на Арарат?
- Снежный неопределённо пожал плечами.
- Прекрасная не придёт, – неожиданно сказал он. – Её отпустят, если получат рукопись книги Русского «Космический Ковчег».
- Русский – это фамилия, как вы поняли. А также судьба; но это так, между прочим.
- Мышелов мгновенно всё постиг и оценил ситуацию: он давно предчувствовал нечто подобное.
- Мышеловка.
- Эту рукопись должен доставить я, правильно?
- От тебя ждут действий, – равнодушно подтвердил Снежный.
- Ты уже действуешь?

- У меня жена, дети. Что толку сопротивляться? Это бессмысленно. Сила на их стороне.
- А правда?
- Правда всегда на стороне силы.
- И ты, Снежный, подцепил рак головного мозга. И тебя облучили СМИ окаянные. Ты сказал мне всё, что хотел? Твоя миссия окончена?

Вместо ответа он протянул мне кожаный футбольный мяч, тот самый мяч, которым мы играли за дувалом, по ту сторону зла.

На стороне добра, иначе говоря.

Это означало: Снежный вышел из игры.

КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ

Глава 1. Вначале была мысль

Вначале было озарение, которое Мауссею угодно было принять за мысль. Потом пришло сомнение: не было ли это знамением?

Корабль! Космический корабль! Гениально и просто. Мы отправимся на Марс. Земляне, то есть сто народов, населяющих Землю, давно и прочно уверовали в чушь (которая после промывки мозгов на протяжении ста лет становится-таки истиной, хвала глупости!): Главная Страна отправила корабль на Марс, и там высадились люди. Всем была показана убедительная картинка (масса фотографий с Марса). Кто-то верит, кто-то сомневается. Какая разница. Однако мощь Главной Страны после этого уже никто не оспаривал. Проект «полёт на Марс» просто прибил всех землян.

Страна № 1 из лидера неформального превратилась в лидера тотального. Почему?

Да потому что Страна № 17 и, отчасти, Страна № 2 прекрасно понимали, что всё это чушь и сказки; но ещё больше они понимали то, что никогда и никому ничего не докажут. Картинка (миф) окончательно заменила реальную жизнь. Как это случилось?

О, проще простого. Все СМИ – наши. Все массмедиа – наши. Историю людей пишем мы. Люди и народы видят только то, что им показывают. А показывают им то, что заказываем мы. А заказываем мы – всегда и только – Библейский проект. «А что такое Биб...» И не спрашивайте. Это очень древняя история. О ней помнят только те, кому положено.

Почему нам всё удаётся?

Потому что все деньги мира – наши. Все деньги мира – это наше всё. Следовательно, правила игры в экономике тоже писаны нами. Все правила. Мы зажигаем и гасим «звёзды» поп-индустрии и спорта, науки и искусства, литературы и политики. Чего ещё? Философии, само собой. Религии (это прежде всего, понятно). Короче – *всего*. Если звёзды зажигают – значит, это кому-нибудь нужно?

Да, нужно: нам нужно. Звёзды – это способ ментального контроля и рассадник душевной заразы. Все любят звёзды, звёзды обожают всех, дары приносящих. С некоторых пор любимым словом Мауссея стало короткое, но ёмкое слово ВСЁ. Вопреки всем правилам грамматики однокоренное слову ВЕЧНОСТЬ.

Там, где *всё* (вечность), там, казалось бы, должна воцариться скука. Но с миллиардами овец пастьям скучать некогда. Управлять сотней гордых, свободолюбивых и о-очень глупых народов – одно удовольствие. Великая Шахматная Игра для весьма и весьма избранных. Гео-Политика. Вот где дозы адреналинчика! Столкнул баранов лбами – хрясь, только искры из глаз. Первая Мировая, Вторая, какая там ещё... Прелесть!

Уже несколько столетий у этих «гордых» перед носом болтается вождь морковки на верёвочке. Казалось бы, чего проще: подними голову – и увидишь Того, Кто манипулирует морковкой, по-доброму улыбаясь. Куда там! Даже в голову не придёт поднять голову. Вперились в жратву глазами завидушими – и баста! А сегодня эффект морковки не разгадают даже яйцеголовые: верёвочка давно и надёжно сокрыта от глаз, а разоблачить Хозяина фокуса безнадежная вещь, пустая затея. Иллюзион!

Есть, конечно, умники, когда и где их не доставало. Некоторые из них никак не могут забыть про свою Гиперборею. Они трактуют историю на свой лад. Но что такое история без массмедиа? Маргинальное зловерное ворчание. Мы навесили на этих умников (они у нас переписаны поштучно)

ублюдочный ярлык *конспирологи*. Подняли на смех. Влезть в секту *конспирологов* без ущерба для репутации невозможно; репутационный имидж разработали, конечно, мы, кто же ещё. Разумеется, с нашей подачи «учёные мужи» твердят о «веками складывавшихся нравах» и о прочем древнем вздоре. «Веками сложившееся» вековечное мы за несколько лет (примерно за жизнь одного поколения) выкорчевали играючи. С помощью картинок. Анимация!

Сегодня морковку заменяют картинки – на любой вкус и цвет! Кто не верит в картинки – тот «дурак», а кто верит – тот «умный, всё схватывающий на лету». Прелесть!

Проблема управления стадами стала делом техники.

Управлять, манипулировать, разделять, властвовать! Царствовать! Владычествовать! Господствовать! Цыц, бараны!

Некоторые сложности пришли оттуда, откуда их не ждали. «Гордые и свободолюбивые» стали активно плодиться и размножаться. И дело не в количестве овец. Количество уже давно не проблема. Но вот количество, перешедшее в качество, имя которому *количество*, – это несколько иное.

Регулировать численность не получается, если коротко и просто. Те, у кого получилось размножаться особенно активно и быстро и кто при этом обладает немалой территорией, вдруг возомнили себя «великими». Стали глухо роптать, косо поглядывать на «малых», но истинно великих. Спросили бы у меня, на чьей территории наглеют эти зарвавшиеся «великие». Ответ бы им не понравился. Однозначно.

Настало время преподавать урок «великим». Инструмент политических и, следовательно, демографических процессов – войны, это мы хорошо усвоили. Но войны в последнее время перестали давать нужные результаты. Тогда мы изменили функции и суть войн. Сейчас по всей планете бушуют войны: традиционные, с применением летального оружия последнего поколения (в том числе ядерного, да-да, не сомневайтесь); информационные (подвидов которых не счесть, например: идеологические, в том числе религиозно-этнические (они же братоубийственные)); отдельной строкой идут войны климатические, биологические, космические, технологические.

Строго говоря, современные войны носят гибридный характер; мы умело, если не гениально, сочетаем разные виды войн, точно акцентируя разновидность, нужную нам здесь и сейчас. Ещё бы! На нас работают мощные Аналитические Центры – в том числе центры наших врагов. Всё под контролем.

Война! Это священное для нас слово. Мы всегда работали и работаем на войну. Кому война, а кому мать родна, как метко выражаются наши недруги (которые, впрочем, по совместительству являются нашими щедрыми друзьями-донорами, жаловаться грех; ergo: пусть выражаются, мы их выражения берём на вооружение). В нашем языке слово *мир* означает *вечное состояние войны, слава Высшим силам; апокалипсис* мы трактуем исключительно как *армагеддон*; понятие *мир без войны* в нашем языке и сознании не представлено, чаще всего оно трактуется как понятие *катастрофа*. Почему?

А потому что кто бы ни победил – всегда побеждаем мы. Непонятно?

Мы развязываем войну, мы воюем на всех фронтах и баррикадах (за всех и одновременно против всех; война всех против всех – это наше последнее из величайших ноу-хау); строго говоря, мы стравливаем самых сильных на данный момент кровавой истории человечества противников, как откормленных и истекающих лютой злобой бульдогов. Победа любого из этих подопытных псов – наше счастье. Доблестно воюя за себя, они воюют за нас, сами того не ведая. В конце концов, до них начинает что-то доходить (ничто так не учит, как война, бедствия и изгнание: мы знаем это по своей истории – по своей *специально изготовленной истории*, я хотел сказать), однако изменить они ничего уже не могут. Война заканчивается, противники измотаны и обессилены на десятки, а то и сотни лет вперёд. Кто-то из последних сил празднует Победу, кто-то зализывает последствия поражения. На здоровье. Но всегда есть невидимая сторона, которая извлекает из этой истории баснословные выгоды. Чем кровопролитнее и безжалостнее война – тем жирнее бонусы.

И эта сторона – Мы. Все эфиры мира залеплены картинками-морковками, имя Наше нельзя упоминать всуе (ибо следуют болезненные экономические санкции). Кто Победитель? Мы. Кто жертва? Вы.

Кстати, есть такой роман «Мы». Не наш писатель, какой-то безобидно-гениальный. Откуда-то из Эрэфии. С севера, что ли. Там таких тьмы и тьмы. Никак не угомонятся. Таких мы не берём в будущее. Так вот, название правильное, и роман неплохой, но ирония в том, что это роман *о вас*. Точнее было бы назвать его «Вы». Романа «Мы», который был бы о нас, не существует. И конечно,

не будет существовать. Ибо это будет не роман уже, а тонкая многопрофильная операция в информационной войне. Кто ж позволит провести такую операцию, если не мы? Следовательно, если подобный роман появится с позволения нашей цензуры (аналитические центры не дремлют), то роман «Мы» будет уже не роман, а Роман-Морковка, превращающийся на глазах изумлённой публики в Роман-Дубину.

Эх, дубинушка, ухнем?

По мозгам из аналитических центров, прямой наводкой, повзводно, поротно, прилюдно и лаяй – пли, вашу мать!

Мы, наследники способностей Протея, есть ядро Земли, Гео, для отвода глаз покрытое лесами, горами и морями. А также ледниками. Никому и никогда до ядра не докопаться. Ядро древнее, но уже в современной нано-оболочке. Сто степеней защиты. На случай Глобальной Войны.

При всём том, что, казалось бы, давно пора забыть слово мир, большинство землян убеждены, что на планете тишь да гладь да Божья благодать. Покажешь им нужную картинку – и они думают, что царит мир и спокойствие. Кое-где зачищают террористов, постреливают, «наши» мочат «врагов», но в общем и целом – мир на планете Земля. Которым надо дорожить. На самом деле очередная мировая война – Гибридная IV поколения Красного уровня тревоги – идёт вовсю. В очередной раз назначаем врагом Страну № 17, несчастную Эрэфию, – и все *вы* (в том числе воспитанное нами «свободолюбивое» большинство и в самой благодатной Анатолийской Стране) ждёте не дождётесь, когда враг будет уничтожен. Аж слюни пускаете. Гордые, свободолюбивые и слюнообильные, а как же.

Но сплотиться мы вам не дадим. Не дождётесь. Идею войны (в идеале – гражданской войны, конечно), словно занозу, мы вгоняем в самое сердце нации. Под хруст морковок. И бой барабанов.

Мы научились картинками заслонять даже мировые войны (которые давно уже бесшумны, а также без вкуса и без запаха). Но войны перестали давать нужные результаты. Даже войны!

Поэтому...

Видите ли, у нас нет выбора. Решать проблему надо. И если есть только одно средство, значит, это и есть наш выбор. Так было всегда. Этому научил нас *реальный* исторический опыт. Многочисленные и хлопотные войны привели к идее одной, зато геоапокалиптической и молниеносной войны. И мы подготовили Глобальный Блицкриг, как нам нравится называть эту аферу тысячелетия. Которая будет венчать наш *Библейский проект*.

Суть ГБ как проекта в следующем.

Корабль. Космический корабль «Ковчег». Гениально и просто. Представим себе, что наступили благословенные допотопные времена. Мы отправимся на Марс – по версии, которая будет растиражирована в картинках. На самом деле Марс нам не нужен, да и недоступен пока Марс. Это блеф для миллиардов. Миф для овец. Блефотина. Мы просто покинем Землю. На время. В это самое время на Земле случится ГБ. Бойня. *Испытание*, если угодно. Агрессором выступит, само собой, Эрэфия Анатолийская, та самая северная Страна № 17. Это вариант А.

Вариант Б – на Землю якобы нападут инопланетяне, зря, что ли, столько о них говорим в последнее время – зря, что ли, тратим информационные ресурсы. И деньги.

Технологии обеззараживания среды (земли, воды и воздуха) созданы и отработаны (ради этого была «проведена» серия дорогостоящих войн, неоправданно дорогостоящих, если бы не так необходимые нам технологии). Технологически мы готовы к новой цивилизации, к Цивилизации Неба, ибо цивилизация Моря и цивилизация Суши будут стёрты с лица Гео как стартовые и изжившие себя проекты. Все очаги сопротивления подавлены. После космического круиза мы вернёмся на Землю обетованную (в самом необозримом смысле этого слова, в самом беспредельно широком). На Землю чистую. Обеззараженную. Восхитительно пустую. На которую ещё не ступала нога нового человека. И первым новым стану я, Мауссей. Из «Ковчega». И не надо переписывать историю; надо её дописать.

Проект запущен. Верховным Главнокомандующим буду Я, Координатором Проекта – Марк, моё доверенное и проверенное лицо. Приказы будут «от Марка», хотя визировать их буду я.

По человечески – вас жалко. Эта война, строго говоря, не направлена против Эрэфии, осколка – ах ты, Боже ж мой! – древнейшей Гипербореи. Древнейшей ли, Гипербореи ли – это дело вкуса. И терминологии. Наши цели, как всегда, многоплановы. Эрэфия просто попадёт под каток истории, будет раздавлена, так сказать, по ходу дела. Ничего личного. Хотя нет, врать не стану: *личный мотивчик* в данном случае присутствует. Но главная цель – убрать лишние, то есть мешающие нам, проблемные

миллиарды овец с лица Земли-матушки. Зачем столько сытых и довольных жизнью смертных? Кому они нужны? Вы становитесь обременительны для нас.

По-человечески вас жалко. Но если посмотреть с Божественной точки зрения... Это всего лишь акция Великого очищения.

Мы, избранные, решим проблему *количества*. Решим радикально и навсегда. Количество перейдёт в *качество*. «Великих» поставим на заслуженное ими нижнее место, «малых» вознесём и сделаем истинно великими. Расставим всё по своим местам. Сильные мира сего покажут всем свою силу. Слабые обнаружат свою слабость. Кое-кому такая постановка вопроса может показаться нацистским или – спаси и сохрани! – фашистским проектом. Ой, не могу... Извините мне смех мой дерзкий. Не могу слышать это слово без смеха. Фашизм, говорите? Это дело вкуса и терминологии. Мы реализуем свою миссию избранничества, если так понятнее. Ибо мы победили. Давно. И сейчас всего только закрепляем свою победу. Тайное становится явным, проще говоря.

А победителей судят. Обсуждают. Сплетничают за глаза. Вот и судите сами: кто-то должен был победить, ибо в этом мире кто силён – тот и прав. Это не мы придумали; это от Бога. А мы – Богопослушны. Законопослушны. Дисциплинированы. Собственно, потому и победили.

Почему мы замутили Блицкриг именно сейчас?

Видите ли, настало Время. Пора открыть глаза на положение вещей. Пришла пора апокалипсиса, если по-вашему. Кто так решил?

Мы. Но Мы реализуем Высшую волю. Нам, именно Нам и никому другому, доверено реализовать эту волю как Библейский проект. Об этом говорит вся мировая история. Вся. Говорит тем, кто умеет слушать, разумеется.

Хочется упрекнуть нас в кровожадности и коварстве?

Пожалуйста. *Имеете право* (или *право имеете*: кому как нравится). Ох, о вашем *праве иметь право* я готов прочитать целую лекцию. Что такое ваше право – на жизнь, образование, достоинство, что там ещё из *гуманного*? На свободу мысли, свободу слова, семью, беззаботное детство. Ничего не забыл?

Ах, да, чуть не упустил: на счастье.

Ваше право – морковка. Маркоффы. Большая и сочная с виду. Я от имени Мы выразился ясно? Для умных достаточно (только где их взять, заметим в скобках).

Но мы не кровожадны. Мы рациональны. Мы умны. Что касается коварства, беспринципности, лицемерия, двойной бухгалтерии и прочей сентиментальной чуши...

Видите ли, мы первыми догадались, что победа достигается любой ценой. Для нас ключевое, сакральное слово – *любой*. Для всех остальных – *Победа*. Цена для вас имеет значение, и вы за ценой не стоите (в этом месте я аплодирую: так сказать, историческое bravo храбрым сим); но понятие *любой цены* ваше сознание не приемлет. Для вас есть *сакральная черта*, за которой победа превращается в поражение.

Для нас же Победа всегда означала Победу, а поражение мы рассматривали всего лишь как ступеньку на пути к Победе. Вы боитесь поражения, мы – нет, ибо в ментальности нашей нет даже идеи поражения.

И Бог это оценил. Вот с чего началась наша Победа. Вначале была мысль. Беспринципность (NB семижды семи раз: беспринципность *по отношению к вам!*) стала нашим Принципом. Законом. Верой.

Скажете, мы считаем себя умнее других?

Вы ошибаетесь. Мы не просто умнее. Мы вобрали в себя ум Земли. Юг поглотил Север. Мы не просто умнее других; мы научились свободный и гениальный ум других ставить на службу себе и во вред тем, кто этим гениальным умом обладает. Мы распоряжаемся умом как планетарным ресурсом. Мы – ум над умом. Геоум.

Спросите, как нам это удалось?

О, это, опять же, долгая история, сравнимая с историей целого великого народа. Технологии, технологии, информационные технологии. Мы искушены были в этих технологиях уже тогда, когда ещё и слова такого «технология» не знали. Но мы хорошо усвоили отлично зарекомендовавшие себя принципы *разделяй и властвуй* (*sic!*), *подтолкни падающего, око за око*. Всё это сложилось в главный Принцип-Закон: сначала думай о Нас, потом о своей семье – а потом обо всех остальных как об ис-

точнике Нашего благополучия. Поделись морковкой со своим ближним – чтобы он был сочнее, когда пойдёт на корм. Это святое.

Так началась нескончаемая Великая Информационная Война.

Станете искать виноватых в развязывании этой Войны?

Кто виноват? – кажется, в такой плоскости вы любите ставить бессмысленные вопросы?

Не тыкайте пальчиком – как раз попадёте в Небо. Всё это – *Суэта сует*.

Война началась – вот в чём правда жизни. И вы – увы! – проиграли. Ещё в тот момент, когда Война только началась. Ибо вы воевали за свою родину, а мы – за Родину как за Принцип. Нужны доказательства вашего Поражения?

Внимательно посмотрите на историю людей. Уберите оттуда морковный гарнир. Вглядитесь в суть вещей. Есть ещё вопросы?

Вы живёте в Матрице, правила жизни-игры в которой контролируем Мы. Вы все работаете на нас, все и в любой сфере, хотя вам кажется, что вы независимы, горды и свободолюбивы... Ваше будущее уже куплено, прошлое – выкуплено, настоящее – заплачено. Вы – расходный материал. Мы – те, кто пускает вас в расход. Улавливаете разницу? Нет?

А между тем она существует, ухаха. Тонкий английский юмор, пардон за мой французский. С испанским акцентом, само собой. На русский лад, разумеется. А лающий немецкий прононс нынче не в чести – ну, эта Страна № 13 уже не в счёт. Она на свалке истории. Ибо арии сии – ох, здесь опять смех душил меня! – поторопились вырваться в лидеры. Ефрейтор сунулся поперёк Батки в пекло. Поторопившийся да обломается. Кто подставил германских «арийцев»?

Тот же, кто уничтожил настоящий арийско-гиперборейский вопрос. Который был нам как кость в горле.

Так говорю я, нынешний Мауссей. И я могу говорить долго, долго, долго, но позволю себе краткости ради «проговориться», открыть главный наш секрет (пришло время играть открытыми картами – пришло Время сильных): смотрите на наши дела. Улавливаете?

Ищите луну в небе, а не в пруду.

Смотрите не на морковку, а на то, от чего она отвлекает.

Зрите в корень.

К чему слова? Словами мы переиграли всех. Вначале было слово? Так отвечайте за свои слова. И услышите то, что говорю вам я, Мауссей, словами истины: вначале была мысль. Которая родила Принцип. Который породил Нас.

Я даже могу сказать, в каком колене я Мауссей. Но у нас так не принято. Глупо измерять вечность в поколениях (хотя на всякий случай мы всё считаем и записываем: привычка – вторая натура). Нами всегда правит Мауссей, меняется лишь облик его, Мауссей же вечно жив.

Он представляет Бога на Земле.

Собственно, он и есть Бог.

Что не так?

Так струились мысли Мауссея.

Глава 2. Ковчег

И родил Бог дочь, и нарёк ее Шуламянка.

Разумеется, она попала в «Ковчег» под номером 2.

Третий номер был закреплён, разумеется, за почтенным...

Нет, не угадали. Марк идёт под номером 66.

Под третьим номером в рейтинге «Ковчега» шёл Авраам Прейскурант.

Впрочем, оглашать весь список счастливых пассажиров «Ковчега» не станем: помимо того, что в нём есть не только неизвестные, но весьма влиятельные фигуры (для нас, избранных сотен человек, влиятельные), в списке присутствуют также весьма известные и *как бы влиятельные* (то есть влиятельные для вас, для миллиардов).

Раскрыть первую топ-сотню людей в списке, означало бы приоткрыть завесу над многими секретами мировой истории. Время писать настоящую историю ещё не пришло, ибо начнётся оно с

того момента, когда «Ковчег» благополучно возвратится на Землю. Начнётся новый отсчёт времени. Вечного времени.

Достаточно сказать, что в списке есть две *пятых* графы: чистые и нечистые. Мы попали в графу «Чистые твари», все остальные (да-да, им также нашлось местечко: это к вопросу о нашем гуманизме, мы вовсе не изверги рода человеческого) – в графу «Нечистые твари». Ибо кто такие Нечистые? Это наш ресурс. Но об этом потом.

Разглашать топ-сотню Нечистых Мы также не решимся – не следует, повторим, опережать события и приоткрывать завесу над секретами мировой истории с другой стороны. Скажем лишь, что Нечистые интересовали нас в первую очередь не столько степенью своей известности в широких кругах (их дутая известность – это ведь наших рук дело), сколько своим весомым рейтингом в кругах узких, и даже весьма узких. Иными словами, мы оценивали их с точки зрения качества генетического материала (как *натурпродукт*, способный создавать уже интеллектуальный продукт, *культурпродукт*). А это реальная ценность. Реальный ресурс. Это как почва, или мировой океан, или недра Земли. Умным Чистым людям разбрасываться и пренебрегать умными Нечистыми глупо, ибо Нечистые станут Чистыми. Будут использованы как расходный материал.

Приведу вам пример, так сказать, затрону личный мотивчик. В списке Нечистых попадаются, казалось бы, неожиданные имена. Например, имеется некто Таркос родом из Эрэфии Анатолийской. Сей Таркос неожиданно прославился своим опусом «Зачем нужны умные люди?», чем, собственно, и привлёк внимание Нашей общины.

Меня же он заинтересовал более своей притчей «Матрица». Почему?

Не будучи посвящённым в большие дела нашего узкого круга, Таркос как-то умудрился смоделировать наш взгляд на вещи. О чём это говорит?

Во-первых, Таркос, несомненно, умён.

Во-вторых, появился один – явятся и другие. Иными словами, он нашёл щель, обнаружил изъян в нашей информационной цитадели – таким образом, здесь и сейчас возникла реальная опасность заразить миллиарды этой идеологической чумой. На их языке это называется *открыть глаза на мир*. Начать апокалипсис. Оно нам надо?

Таркос, кстати, был не решающим, но важным аргументом, когда принималось коллективное решение о начале ГБ. Казалось бы, где Таркос и где ГБ. Это вам так кажется. Мы же отлично изучили *эффект бабочки*. Собственно, наши люди руками нечистых и смоделировали этот эффект. Мы спонсоры, они творцы. Результат наш. Как всегда. Не хватало ещё наступить на собственноручно изготовленные грабли – огрести эффект бабочки от Нечистых. Ну уж нет, последними в первых рядах привыкли смеяться мы.

В-третьих, Таркос выдвинул более универсальный, какой-то «вселенский» Принцип, нежели наш, проверенный веками. Можно, конечно, объявить нечистого арийца сумасшедшим и закрыть тему. Но!

Сумасшедшие гении всегда, с незапамятных времён были информационными спонсорами и идейными донорами наших проектов. Более того, наш Принцип – их рук дело, ибо наши священные книги, наши тексты впитали в себя их мудрость.

К чему я это всё?

Надо понять, как использовать его теорию в наших целях. И кто будет нашим помощником в этом архисложном деле? Разумеется, не кто иной, как сам господин Таркос.

Цена вопроса?

Любая.

Так Таркос стал возлюбленным Шуламянки.

Пусть вас это не пугает. Никто не выжил из ума. Это не упущение или недосмотр. Или потеря контроля над ситуацией. Это часть дальновидного замысла. Нашего по содержанию и лично моего по исполнению. Дело в том, что... Как бы точнее донести мысль...

Тут достаточно деликатный момент. Человек не нашей, не Чистой ментальности может превратить всё истолковать. Но это уж как вам будет угодно. Я же не боюсь быть откровенным, ибо пора обветшавшую мораль менять на эффективные поведенческие стратегии. Проще говоря, настало время не стесняться быть чемпионом, потому что умение стать чемпионом – это и есть главный критерий новой морали. До сих пор мы становились чемпионами, прикрываясь ветхими мораль-

ными принципами, чтобы не вызвать гнев всех вас, морально озабоченных. Мы давно стали аморальными (ибо наш Принцип – аморален по сути своей), давно живём по ту сторону добра и зла (в ваших координатах), но необходимость сохранять моральное лицо перед вами, перед количеством, делала нас лицемерами – а значит, морально слабыми, лжецами, едва ли не мелкими жуликами гигантского масштаба.

Вы не боялись быть сами собой – а мы «боялись». И вопрос о нашей непобедимости не стоял в повестке дня.

А сейчас стоит. Поэтому дело не в моей откровенности, а в смене Нашей стратегии. Пора новую мораль делать законом жизни. Пора всем *оставшимся в живых* жить по нашим правилам не только де-факто, но и де-юре.

Шуламянка должна зачать ребёнка от Таркоса. Это её миссия. Но она станет женой своего двоюродного брата (что было решено ещё до рождения дочери Мауссея). Принцип велит: капиталы семьи, Наши капиталы, Наши ресурсы (в самом широком смысле) – это святое. Это основа нашего могущества. Капиталы, нажитые любой ценой, должны любой ценой сохраняться и приумножаться. Нет людей богаче нас. Следовательно, деньги к деньгам, ресурсы к ресурсам. При этом потомство наше должно быть здоровым и умным. Брат с сестрой не могут дать жизнеспособного потомства. Как быть?

Порочный круг получается.

Для *вас* порочный (ой, можно умереть от смеха!). Тут *вы* с вашей моралью загоняете *себя* в тупик круга – из которого *мы* выбираемся легко и *цинично*, с пользой и наслаждением для себя. Вы, генетически здоровые и цепкие, обеспечиваете нам здоровое потомство, становясь при этом нашими рабами. Так понятно?

Браки, слава богу, заключаются не на Небесах; всё решается здесь, на Земле. Нами. Под нашим контролем.

Шуламянка, говорю вам, должна зачать ребёнка от Таркоса (или от какого-нибудь другого нечистого, но здорового телом и духом донора-гения, гиперборейца). Но быть циничным – не значит быть примитивным и грубым. Что вы! На всё есть своя манера. Можно же всё обставить красиво и романтично – именно романтично, уверяю вас! Шуламянка «случайно» познакомилась с Таркосом – не ведая, разумеется, кто он такой и какую роль призван сыграть в нашей жизни, которая в известном смысле есть цепочка ДНК. Встреча двух красивых, великолепных молодых людей – что может быть естественнее и краше. Нет сюжета прекраснее на свете.

Таркос не мог устоять, потому что против наших южных красавиц в соку устоять невозможно. Особенно если они захотят соблазнить. Тому мы тьму примеров знаем. И зачем мешать здоровой страсти? Всё идёт своим чередом.

Афишировать их отношения я не собирался, но держать их в строгой тайне также было излишним. Мы вели себя согласно Принципу – вот что было важно. И это понимали все, кому надо было понимать.

Знала ли о моих мыслях и планах смуглая моя Шуламянка?

Мы с ней об этом не говорили. Но степень нашего цинизма ей хорошо известна. И границы дозволенного она тонко чувствует. Не всё говорится, многое угадывается. На интрижку с Таркосом я с самого начала смотрел более чем снисходительно (что, конечно, было своего рода *знаком*). Однако вопрос потомства и в конечном счёте денег слишком серьёзен, чтобы допустить разночтения.

Мне хватило пятнадцати минут, чтобы отеческим тоном изложить программу её счастливой жизни. В ответ моя милая шалунья Шуламянка поцеловала меня и весело умчалась на горячее свидание.

Вопрос был исчерпан.

Знал ли обо всём этом её брат-жених?

Разумеется, он знал, что женится на *беременной от нечистого* Шуламянке; но и ему до поры до времени никто не запрещал развлекаться в кругу чистых и нечистых девиц, не слишком обременённых моральными ограничениями. К тому же упорно ходили слухи о том, что братец-то гей. Девицы вполне могли быть камуфляжем. Никто и не собирался требовать от брата невозможного. От него требовалось неукоснительное следование догматам Принципа.

Ну, гей и гей, кому какое дело. Мауссей всегда начеку. Всё под контролем. Поводов для беспокойства не было. Я даже рад был за Шуламянку. Её личная жизнь с геєм обещала быть бурной и разнообразной. На здоровье.

А вот волнующего и отчасти непредсказуемого разговора с Таркосом было не избежать. Откровенно говоря, я не просто ждал этого разговора, но и наслаждался ожиданием. Всё-таки следует признать, что некоторая неопределённость входит в состав наслаждения. Не потому ли нас так манит смертельное?

Так струились мысли Мауссея.

Глава 3. Песня песней

Повторим?

Нет сил...

Сосцы твои бесподобны... Нет, не так:

«Две груди твои – как два оленёнка,
как двойня газели, пока не повеет день,
они блуждают меж лилий».

Иди ко мне. «Вся ты, милая, прекрасна,
и нет в тебе изъяна». Иди же...

Ты говоришь, словно царь Давид.

Я чувствую, словно царь Давид.

Нет, ты с Севера, ты чувствуешь иначе.

О! Ты играешь с огнём. Я могу полюбить другого.

Простого пастуха, например.

Во мне есть изъян.

Какой?

Я рыжая.

Люблю рыжих. Ну-ка, покажи...

Глупый. Отстань. Я рыжая-бесстыжая.

Меня это привлекает.

Я стерва.

Обожаю стерв.

Я не та, кто тебе нужен.

Как раз такая мне и нужна.

Ты не понимаешь, Таркос... Я не верю в любовь.

Я отказываюсь верить в то, что ты в это веришь.

Давай повторим...

«Сколь хороши твои ласки». О, да!

Я умею ласкать?

Ты бесподобна.

Разве это не изъян?

«Как ты прекрасна, как приятна,
любовь, дочь наслаждений!

Этот стан твой похож на пальму,

и груди – на гроздь,

Я сказал: заберусь на пальму,

возьмусь за фиников кисти, –

Да будут груди твои, как гроздь лозы,

как яблоки – твоё дыханье,

И небо твоё – как доброе вино!»

Ещё!

Ещё!

Изгиб твоих бёдер...

Твой живот...

Твой пупок...

Тсссс... Милый!
Милая!
О, этот запечатанный источник, Шуламянка!
Ты распечатал его. Ты был первым. Я тебя обожаю, Северянин.
Разве не значит это, что ты тоже любовью больна?
Я отдам тебе ласки, всю себя отдам, но не любовь. Запомни.
Мне всё равно. Я готов быть с тобой одним целым.
Этого следовало ожидать. Я слышу не слова царя Давида.
Ты, романтик, оказался лёгкой добычей.
Бог мой! Сколь глупы эти умники!
«Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!
Ибо любовь, как смерть, сильна».
Не играй с огнём!
Будь моей женой!
Нет. Никогда. Не судьба.
Знаешь, что самое поразительное в «Песне песней»?
Что же, душа моя?
В ней всё правда. Только не поймёшь, кто врёт.
Для кого ты бережёшь любовь свою?
Я её не берегу. Я её уже отдала.
Тогда положи меня печатью на руку. Будь моей женой!
Ты неверно толкуешь. Любовь моя принадлежит...
В общем, если бы я отдала любовь тебе,
нас ожидала бы трагедия. Оно нам надо?
Из-за любви ко мне ты выбираешь разлуку?
Можно сказать и так. Но я не выбираю разлуку.
Ты всегда будешь со мной. Во мне.
Что ты хочешь этим сказать?
Ты умный. Тебе не понять.
Повторим?
Нет сил... Не играй с огнём!
Меня бросает то в жар, то в холод.
О, моя рыжая...
Наверное, я тебя всё же люблю.
Любовь, как смерть, сильна?
Боюсь, что да.
Нас ничто не разлучит?
Если ты этого хочешь, Северянин...
Хочу...

Глава 4. Притча о Матрице

Однажды к Учителю пришёл ученик и сказал:

– О Учитель! Вы же в годы зрелой молодости были замечательным писателем. Все мы восхищаемся вашими книгами. Почему же вы, о Учитель, не берёте в руки перо последние двадцать лет? Вы уже сказали о самом главном и вам больше нечего сказать? Почему вы замолчали как писатель?

– Боюсь, я просто не знаю, как сказать о самом главном самое главное.

– Я не верю собственным ушам! Этого просто не может быть! Ведь вы всегда говорите о самом главном и ни о чём другом!

– Да, я всегда говорю о главном. О личности. О разуме. Но это главное становится самым главным только тогда, когда общество готово отнестись к самому главному так, как оно того заслуживает. В противном случае главное не становится самым главным.

- Я вас не понимаю, о-о Учитель.
- Представь себе, что я накопил много золота. Но оно лежит бесполезной грудой холодного металла. Оно не приносит пользы. Добра не становится больше.
- Так отдайте его людям!
- Я даю, они не берут.
- Вы нас учили: если из твоих рук не берут добро, значит, что-то не так с добром.
- А если с добром всё так, а его не берут?
- Разве так бывает?
- Ещё как бывает.
- О-о Учитель... Голова кругом. Я не чувствую в себе крепости мысли... Зачем же мы тогда толкуем о силе истины и добра?
- Слушай меня внимательно. Ничего не упускай. Да, я настроил тебя на волну истины и добра. Теперь ты знаешь, что это самое главное в жизни. Ты ведь готов посвятить себя утверждению самого главного?
- Конечно! Иначе – зачем жить?
- Полностью с тобой согласен. Ты благородный юноша. А теперь представь себе, что твою готовность бороться со злом искусно и коварно используют те, кто выступает против добра и истины. Тебе кажется, что ты сражаешься со злом, а на самом деле именно ты искореняешь добро.
- Вы полагаете, что я не способен отличить добро от зла? Прошу извинить мою дерзость, но я о себе более высокого мнения!
- Отличить добро от зла – это половина дела, и этому мы посвящаем молодость. Эта пора жизни прекрасна, ибо нас воспитывают идеалы. Идеальная пора! Но вот утверждать добро приходится людям взрослым, иногда – в форме зла. Силой принуждения. Важно не путать цель и средства. Умению не превращать средства в цель мы посвящаем зрелость, золотую пору нашей жизни.
- Но ведь есть ещё и мудрость, то есть высшая ступень зрелости, не так ли?
- Мудрость приходит тогда, когда ты понимаешь, что цель недостижима, и в целях выживания позволяешь себе средства превратить в цель, никогда при этом не теряя цели из вида. Ты понимаешь, что всё на свете яд и всё – лекарство. Ты спокойно общаешься со злом, становясь при этом всё чище и совершеннее. Для человека наступает время, когда мощь интеллекта легко укрощается мудростью разума. Против разума коварство интеллекта бессильно. Перед смертью наступает пора бессмертия. Это величественная фаза жизни для человека. Если ты понимаешь, о чём я...
- Понимаю, понимаю. Я не в силах это выразить, но я кое-что понимаю.
- А теперь я скажу самое главное о самом главном. Готов ли ты услышать меня?
- Я весь внимание, о Учитель.
- Гм-гм. Для большинства людей мудрость – пустой звук, зрелость – понятие абстрактное. Всё, что они имеют за душой, накоплено ими в начале молодости. Тем, кто осознаёт разницу между средствами и целью, ничего не стоит вложить в голову «безголовым» любую мотивацию и цель. Человеком можно манипулировать. Можно *разделить его в себе*, чтобы властвовать над ним. И тогда человечество превращается в средство достижения цели людьми неразумными, но интеллектуально весьма искушёнными. И потому – злыми. Там, где интеллект захватил власть в голове человека, там царит зло. Злые люди ставят перед собой несправедные цели и заставляют глупых, но благородных людей достигать их с упорством, достойным лучшего применения. Эти добрые люди манипуляции принимают за мудрость. Ты, способный отличить добро от зла, будешь сражаться на стороне того «добра», которое ведёт к утверждению зла. Если это не модель ада для людей, то что это?
- Но это какая-то мрачная фантазия! Хороших людей больше, чем плохих! Это всем известно!
- Хороших и добрых людей большинство, но именно они творят главное в жизни зло.
- Я не готов принять такую картину мира. Это чертовщина какая-то, прошу прощения. Я не верю в это.
- Вера в добро сегодня представляет собой именно ту волшебную энергию, которой питается зло. Без добрых людей, становящихся инструментом зла, само зло превращается в пустую идею.
- Вы подталкиваете меня к мысли, что какая-то кучка злодеев-вампиров правит миром? Чья-то злая воля. Это же сказка! Не верю! Всё моё существо отказывается в это верить! «Миром правит воля к добру». Это ваши слова.

– Слова мои. В них заключена только часть смысла. Хотя и главная. Надеюсь, сегодня ты готов к тому, чтобы воспринять часть другую. Миром правит воля к добру, направляемая, увы, злой волей. Так вот, если без купюр.

– Учитель, проницательности вашей нет равных, вы всё понимаете, вы семи пядей во лбу, вы видите на семь аршин под человеком, допустим, вы даже правы (но я не верю в это, не верю!). В таком случае кому как не вам изменить полюса нашей жизни? Пусть миром правит воля к добру. И точка.

– Я не Иисус Христос, я не могу изменить мир; я вообще не верю, что мир можно изменить силой веры; я всего лишь один из людей.

– Но если на вашей стороне сила истины, то неверно называть себя одиноким. Вы представляете всё человечество и отвечаете за всё человечество.

– Ты подталкиваешь меня к мысли, что миром должна править какая-то кучка мудрецов, подобных мне? Шайка мудрецов, посредством путча свергнувшая кучку злодеев?

– А почему бы и нет? Если средство превращается в цель, это не означает, что цель исчезла.

– Bravo, сын мой. У тебя неплохие шансы достойно пройти все этапы жизни человека. Но только есть одна заковыка. Кучка злодеев может править миром, а кучка мудрецов – нет. Более того, кучка злодеев всегда будет стремиться к неограниченной власти. Чем меньше кучка – тем прочнее власть. «Кучка мудрецов» – просто глупость, такого не бывает; мудрецы не кучкуются; может быть союз, орден, идейное сообщество, но не кучка. Прочность кучек замешана на крови; прочность союзов вдохновлена идеями добра.

– Но это же чушь! Добро должно быть с кулаками!

– Сила добра в том, что оно не манипулирует сознанием, а пробуждает его.

– В этом не сила добра, а слабость.

– Bravo! Именно слабость – с точки зрения кучки злодеев. Манипуляция всегда будет сильнее просвещения, но просвещение может изменить мир, а манипуляция может его только погубить.

– Что же делать, о Учитель?

– Теперь ты готов увидеть мир сквозь призму, которая на порядок увеличивает сложность мира. Представь себе, что мы живём в некоей Матрице, творении отчасти природном, отчасти рукотворном. Всем обитателям Матрицы кажется, что они думают, хотя на самом деле за них думают другие. Вот мы с тобой вырвались из теней Матрицы, мы стали свободны разумом и волей. Как бы ты поступил с нами на месте кучки злодеев, уверенных в том, что они, воплощая всё лучшее в человеке (то есть распределяя все ресурсы человека таким образом, что они максимально реализуют его теневую сторону), тотально контролируют мир?

– На их месте я бы убил нас, ибо мы для них – высшее воплощение зла. Именно так: я бы рекомендовал им убить нас.

– А теперь я возвращаю тебе твой вопрос: что же делать нам? Мы понимаем, что правы мы, а не они, что людям нужны мы, а не они, хотя люди выбирают их, а не нас. Люди лезут в пасть к чудовищу, но растерзают любого, кто встанет на их пути ради их же блага. Ибо они ведают в жизни только одно наслаждение – лезть в пучину гибели. Их энтузиазм и энергию используют во вред им же. Люди – биомасса, субстанция, производящая энергию. Таково системное устройство Матрицы, Империи зла. И это не плод моей фантазии и не сказка (сказка ложь, хотя в ней и намёк); это грубая и скучная реальность. Что нам делать? В ответе на этот вопрос суть самого главного о самом главном.

– Вы подталкиваете меня к ужасной мысли...

– Какой? Что может быть ужаснее Матрицы, этого концлагеря планетарного масштаба? Ничего. И обрати внимание: ни один сумасшедший не написал стихов во славу Освенцима; а во славу Матрицы – сплошные славословия в массмедиа. Смелее, сын мой. В чём ужас твоей мысли?

– Если я не убью их, следовательно, они непременно убьют меня.

– Убийство кучки злодеев ты предлагаешь сделать целью? Вот так унижить мудрецов?

– А вы предлагаете бездарно сгинуть, пойти на корм этой стае?

– Пойти на корм – хорошо сказано. Мы для них только взбунтовавшийся корм. Расходный материал. Сгинуть – разве это мудро? Мудрости без жала не бывает, ибо мудрость призвана оберегать истину.

– Что же делать?

– Прежде чем задавать этот вопрос, надо осознавать всю его сложность и многомерность. Проблема ведь не в кучке злодеев; проблема в природе Матрицы, в её системности. Устранишь одну

кучку – появится другая шайка шайтанов. Матрицу под силу победить только Империи разума. Воины Матрицы – добрые люди; воины Империи разума – личности, люди разумные. Конечно, личностей не может быть много; однако их явно поболее числом ничтожной кучки злодеев. Дело не в количестве добрых или злых, дело в качестве отношения к людям. Превратить Матрицу в Империю разума – вот цель. Средство – информационный контроль за умами и душами людей. Продукт Матрицы – это ведь не люди; это... информационные огрызки. Инвалиды. Надо вернуть им, всем нам, человеческий облик. Мы находимся на этапе, когда средство надо превращать в цель. Это ответ на вопрос «что делать».

– Хорошо. Допустим. Как превратить Матрицу в Империю добра?

– Прошу прощения, я не говорил об Империи добра; я говорил об Империи разума.

– Да, конечно; прошу прощения. Вы знаете цену словам. Как превратить Матрицу в Империю разума?

– Как превратить Матрицу в Империю разума? Какими должны быть первые шаги? Я всего лишь мудрец, я не социальный мыслитель. Боюсь, этот вопрос не по адресу.

– Кажется, я понял, почему вы перестали писать, о Учитель.

– Надеюсь, я сумел разъяснить тебе то, что мне самому до конца неясно. Возможно, я догадываюсь, как превратить Матрицу в Империю разума, но мне не хватает мужества в этом признаться самому себе.

– О Учитель...

– Да-да, мудрость прирастает мужеством. А ты всё пишешь и пишешь, сын мой?

– Пишу. Превращаюсь из назойливого критика общества в его лакомую мишень.

– Будь осторожен. Матрица не промахивается. По себе знаю.

– Вы мне всё разъяснили. Я всё понял. Только что же мне делать? Я не готов отказаться от мысли бросить творчество; но о чём же мне писать?

– О самом главном, разумеется. Ты же понял, что является самым главным в жизни?

– Понял. Борьба с Матрицей.

– Разве об этом мы с тобой говорили?

– ???

– Прошу прощения, ты меня неправильно понял. Самое главное – стать счастливым. Вопреки всему.

– А как же Матрица?

– Стать счастливым – значит, в личном противостоянии одолеть Матрицу. Победа над Матрицей складывается из маленьких персональных побед. Счастье личности – вот яд для Матрицы.

Глава 5. Чистые и нечистые твари Божьи

Старт «Ковчега» откладывался. Уже не в первый раз.

И вовсе не по техническим причинам, что было бы вполне объяснимо: проект был грандиозным – боги улетали, чтобы вскоре триумфально возвратиться на Землю. Если это не вселенский проект, то что это?

Старт «Ковчега» откладывался потому, что Эрэфия Анатолийская, возомнившая себя Империей, похоже, спутала нам карты. Что-то непредвиденное произошло. Что-то пошло не так. Они как-то обнулили ситуацию. Оказалось, что у нас с ними паритет по возможностям взаимного уничтожения. Улететь-то мы улетим, но по возвращении очень может оказаться, что попадём в их ловушку. Их, похоже, останется больше, чем нас. Неизвестно, чья возьмёт.

Более того, похоже было на то, что проект космический челнок «Ковчег» не мы придумали. Эту простую и гениальную идею нам, похоже, подсунули. Чтобы мы улетели – и не вернулись.

Это сражение в информационной войне мы проиграли.

Вездесущая рука Эрэфии, кого же ещё. Самоубийцы. Идиоты.

Мы думали, что загнали их в угол, распылили их арийские силы, осталось только раскатать этого северного колосса на глиняных ногах. Оказалось, что у колосса ноги не глиняные. Апокалипсис?

Что ж, катастрофы нет, война уже набирает обороты, её не остановить. В запасе всегда есть план Б. Но если и план Б нас не устраивает, если Глобальный Блицкриг отменяется, то...

Дайте нам ещё сотню лет, и мы измотаем любого противника. Любую Империю. Ибо денег-ресурсов у нас на миллиард лет. С гарантией.

Впрочем, пока говорить об этом рано. Даже думать об этом не хочу. Вся наша самая секретная информация каким-то таинственным макаром *утекает* к ним. Будем разбираться.

Глобальная война объявлена. Блиц или не блиц – принципиального значения не имеет. Победа будет за нами, ибо мы добудем её любой ценой. Принцип ведь никто не отменял.

Есть и приятная новость: Шуламянка беременна.

А беременность, как и войну, невозможно приостановить.

Процесс пошёл.

Вот теперь можно и поговорить с Таркосом.

ДЕЙСТВИЕ 1. «Однажды к Учителю пришёл ученик»

Мауссей (*встречает Таркоса цитатой из «Матрицы»*). «Однажды к Учителю пришёл ученик» – не так ли? (*Таркос быстро взглянул на Мауссея – и тот понял, что Таркос знает больше того, чем допускал Мауссей в своих самых смелых фантазиях. Что ж, играть в открытую – не самая слабая сторона Мауссея.*) Да-да, я читал твою «Матрицу». Ты удивлён?

Таркос. Нет, я не удивлён, сэр. В притче же сказано: «Матрица не промахивается». За слова надо отвечать. Я готов, сэр.

Мауссей. Ты пришёл ко мне, чтобы отвечать за слова, *конспиролог*?

Таркос. Прежде всего, я пришёл потому, сэр, что вы меня позвали. Кроме того, я хотел спросить вас, куда пропала Шуламянка. Полагаю, о наших отношениях вам было хорошо известно, сэр.

Мауссей. Ты благороден. Вежлив. Почтителен. Я очень рад, что не ошибся в тебе.

Таркос. Я же из нечистых, сэр, мои личные качества, полагаю, не сильно здесь котируются.

Мауссей. Ну, не скажи, не скажи. В определённом смысле я очень даже в тебе заинтересован. Именно так: ты меня заинтересовал.

Таркос. Вы намекаете на Шуламянку, сэр? У меня самые светлые намерения...

Мауссей. Русые, светлые... О, нет. Оставим пока эту тёмную тему.

Таркос. Конечно, сэр. Как скажете.

Мауссей. Давай пофилософствуем, если ты не против. Я настроен широко посмотреть на вещи. Масштабно. Так сказать, геополитически. Время от времени необходимо воспарить над суетой, не так ли?

Таркос. Конечно, сэр.

Мауссей. Как-то странно это всё: «Матрица», «кучка злодеев», «Империя разума», «информационные огрызки»... История нашего народа и наш Принцип (он же Закон), как я понимаю, для тебя не аргумент. Может, ты просто ненавидишь нас, как многие прочие? А, конспиролог?

Таркос. Что вы, сэр. Я не настолько глуп, чтобы ненавидеть кого-то.

Мауссей. Ответ правильный.

Таркос. Мне подсказал его Спиноза, сэр.

Мауссей. Ответ правильный – но уклончивый. Он не соответствует уровню доверия, который я хочу установить между нами.

Таркос. Мне нечего скрывать, сэр. Я готов отвечать на ваши вопросы под присягой.

Мауссей. Под присягой – это излишне. Я хочу сказать, по форме это перебор; но по сути верно, извини за прямоту. Ты сейчас под присягой.

Таркос. Я ценю вашу искренность, сэр.

Мауссей. А что заставляет тебя быть со мной до конца честным? Где твой мотив?

Таркос. Мне нечего терять, сэр. Кроме того, боюсь, у меня нет выбора.

Мауссей. Это верно. Трезвая оценка ситуации – всегда сильный ход. Ну-с, скажи-ка мне, приятель, как ты оцениваешь наш Главный Принцип. Ты считаешь его уязвимым и несовершенным?

Таркос. Я не оценивал Принцип, сэр; это не моего ума дело; я пытаюсь постичь природу человека.

Мауссей. И ты считаешь, что Принцип не соответствует современным представлениям о природе человека?

Таркос. У меня не было задачи ставить вопрос в такой плоскости. Я...

Мауссей. Ты либо не искушён в информационной войне, либо не ведаешь, что творишь. В последнее мне слабо верится. Вольно или невольно ты поставил под удар наш Закон. У тебя есть редчайший шанс повлиять, так сказать, на ход истории. Да-да, одна беседа в тайной комнате многое может изменить в мире, поверь моему опыту. Перед тобой сидит могущественный человек. Убеди меня в своей правоте. Понимаешь, о чём я? Кстати, ты согласен с тем, что идёт война?

Таркос. Это очевидно.

Мауссей. А кто с кем воюет, просвети меня?

Таркос. Вам виднее, сэр.

Мауссей. Да, мне виднее. Ощущаешь ли ты себя втянутым в войну? Мобилизованным и призванным? Только не ври!

Таркос. Да. Ощущаю.

Мауссей. На чьей стороне ты воюешь?

Таркос. На стороне добра.

Мауссей. Мы давно уже живём по ту сторону добра и зла. Ничего об этом не слышал?

Таркос. Не уверен, сэр, что мы живём по ту сторону. Вы пытаетесь стереть различия, пытаетесь заставить добро служить злу. Я же уверен в том, что добро победит зло.

Мауссей. Итак, чем твой добрый Закон лучше нашего, «злого»?

Таркос. Суть моего учения проста. Видите ли, сэр, всё дело в том, что считать мерой всех вещей.

Мауссей. И что есть мера всех вещей?

Таркос. По-вашему, мера всех вещей – деньги. В широком смысле – сила. Власть. Могущество. Беспринципный Принцип.

Мауссей. Есть иная мера?

Таркос. Есть. Личность – вот мера всех вещей. А мера личности – разум.

Мауссей. Где-то я уже слышал подобное. Добро, человек, истина... Был один такой, из скифов. А может, из арийцев. Со свастикой солярной. Вещал на арамейском. С гиперборейским акцентом. Нам он не понравился. И потому плохо кончил. Ты тоже полагаешь, что способен воскреснуть из мёртвых?

Таркос. Виноват. Я не Иисус Христос. В вопросах веры я не силён. Я смотрю на всё не с религиозной, а с научной точки зрения.

Мауссей. Добро – научная категория?

Таркос. Точно так, сэр.

Мауссей. Но ты веришь в добро?

Таркос. Полагаю, что да, сэр.

Мауссей. А в справедливость веришь?

Таркос. Верю.

Мауссей. А в силу?

Таркос. Я верю в силу добра. И любви.

Мауссей. В основе твоей теории – добро, так? В основе нашего Принципа – зло, верно?

Таркос. Человек – существо информационное. Человек очень развитый, сознательно принимающий любую информацию рано или поздно начинает жить ради добра, истины, счастья. Те, кто пониже по развитию, делают ставку на силу. На цинизм.

Мауссей. Наша вера плоха уже тем, что она вера, правильно я излагаю твои мысли?

Таркос. Нельзя сказать, что она плоха. Она ненаучна, вот и всё.

Мауссей. А твоя вера научна?

Таркос. Пожалуй, можно и так сказать. Да, именно так: наука не мешает моей вере, а укрепляет её. А наука так далеко шагнула вперёд! Представляете себе, что информационная структура личности сходна со структурой Вселенной. Да что там Вселенной – самой истины! Любви. И одновременно сходна со структурой ядра атома.

Мауссей. Атома?

Таркос. Бозона Хиггса.

Мауссей. Бозона?

Таркос. Ровно так, сэр.

Мауссей. Бозона... У русских это называется асимметричный ответ, не так ли?

Таркос. Виноват, сэр, не понял.

Мауссей. Не прикидывайся. Не смогли победить нас верой – копаете со стороны науки. Не существует никакой «доброй» науки. Это всего лишь инструмент в информационной войне, как я и думал. Ничего нового. Для вас Матрица – а для нас царство Божие на Земле. Вам, правдоискателям, плохо, нам хорошо. Мы никогда не поймём друг друга. Мы находимся на «Ковчеге». Это новый Ковчег, проект нового времени. Созданный по последнему слову науки и техники. Но без веры Ковчег не взлетит. Вера – всему голова. И вовсе не деньги нас интересуют, не Золотой телец. Что Телец? Всего лишь инструмент. Мы верим в избранность свою, в Разум Того, Кто нас избрал.

Таркос. Так значит, старт откладывается? Отчего же мы не летим?

Мауссей. Я тебе уже сказал: Вера. Механизм Веры чутко сработал, и старт отложили.

Таркос. Я думал, мы не летим по другой причине.

Мауссей. Огрызаешься?

Таркос. Вовсе нет, сэр. Я думал о технической неисправности как о некоем знаке. Может, Вселенная нас не хочет принять?

Мауссей. Что за страна у вас такая?! Там какой-то суровый философский климат. Просто рай для мыслителей.

Таркос. Да, философов у нас хватает. Поэтому мы излишне наивны.

Мауссей. Я полагаю, что философия начинается с цинизма.

Таркос. У нас иная философская традиция: мы считаем, что там, где начинается цинизм, философия заканчивается.

Мауссей. Ты пришёл ко мне как ученик или как учитель?

Таркос. Я пришёл как гость.

Мауссей. Все мы гости на этой Земле, все мы лишь гости. Ты пришёл как гость, а ведёшь себя как Учитель.

Таркос. Прошу прощения. Я чувствую себя, скорее, подсудимым.

Мауссей. Подсудимый ты или нет, будет зависеть от того, как тебе будет угодно отнестись к моему предложению.

Таркос. Да, конечно... Прошу прощения, можно вопрос?

Мауссей. Спрашивай. Кратко.

Таркос. Где Шуламянка? Что с ней?

Мауссей. Она беременна.

Таркос. И я её, конечно же, больше не увижу?

Мауссей. Ты проницателен. И умён. Бесконечно дипломатичен. Бесстрашен. Наша школа, по сути. Поэтому у меня к тебе предложение. Без лишних слов.

Таркос. Я вас внимательно слушаю.

Мауссей. У нас грандиозные планы. Нам нужно проработать основы Новой морали. Ну, там, подключить Информационно-Энергетическую Матрицу (ИЭМ) как кладёз вселенской мудрости. Ноосферу, что ли. Бозон Хиггса, опять же. Истина как космический продукт. Что-нибудь в таком духе, в духе космических масштабов. Нам нужно научное, ну, на худой конец – наукообразное обоснование Новой морали, морали для всех.

Таркос. Морали, где мера всех вещей деньги? Но такая мораль уже давно существует. И ей особо ничто не угрожает.

Мауссей. Да, такая мораль существует. Только она существует на правах двойной морали, второй, изнаночной морали, морали стыдной и потому скрываемой. Потому и появляются всякие Христосы и Таркосы. Нам нужен один Закон, общий Принцип. Чем не вызов для умного человека?

Таркос. Так я же как раз и говорю о едином, универсальном, общем Законе! Я же именно об этом и говорю.

Мауссей. Именно, именно! Только ты ставишь свой Закон выше нашего! А надо – наоборот. Раз ты обнаружил иной Закон, значит, ты лучше других знаешь цену нашему Закону. Ты видишь его изъяны – так кому, как не тебе, устранить их. Заделать, так сказать, информационные трещины и щели, научным, разумеется, методом. Мы нанимаем тебя как хакера, который усилит концептуальную защиту нашего Принципа. Тебе выпала честь и миссия сделать наш Закон окончательно неуязвимым. Ты справишься. Станешь всемирно известен. Даже имя не надо слишком менять. Вместо Таркоса

станешь Царказй. Отдаёт чем-то царским, тебе не кажется? Несколько восточным. Как говорится, завтра же проснёшься знаменитым. Уж мы об этом позаботимся. Геомаркетинг. Миллиардные тиражи любой твоей *правильной* идее. Женишься на красивой девушке – из чистых, разумеется. И войдёшь в историю как один из величайших мыслителей. Собственно, ты таковым и являешься. Ведь что такое история? Это ложь, с которой все согласны. Прошу прощения: это миф, с которым все согласны. Моего внука ты, конечно, не увидишь; зато своих внуков дождёшься.

Таркос. Я ценю ваше отношение ко мне и особенно ценю ваше эксклюзивное предложение. Правда, ценю. Я отдаю себе отчёт, что от подобных предложений отказываться не принято. Но... По многим причинам я сейчас не готов его принять. Начистоту так начистоту. Надеюсь, вы меня поймёте. Вы предлагаете мне предать себя, мою родину и саму истину, наконец. Вы хотите унижить меня и унижением – раздавить?

Мауссей. Господь Всемогущий! Что за гордыня! Здесь я задаю неудобные вопросы, ибо я разговариваю с позиции силы. Ты побеждён. И можешь рассчитывать только на моё великодушие. У тебя нет выбора.

Таркос. С чего вы взяли, что я побеждён?

Мауссей. Всё, что против нас, побеждено в подлунном мире и в скором времени будет сметено с лица Земли особой геомагнитной бурей, скажем так.

Таркос. Я не считаю себя побеждённым до тех пор, пока при мне достоинство человека. Пессимизм разума, оптимизм воли. Вот мой девиз.

Мауссей. Это девиз аутсайдеров.

Таркос. Не скажите. Аутсайдеры не сражаются за истину, аутсайдеры не способны любить. Вот вы бесстрашно предлагаете мне предать любовь. А ведь она сильна как смерть. И это не я сказал, это слова Соломона. Разве Соломон для вас не авторитет?

Мауссей. Ты неверно толкуешь великий фрагмент Величайшей Книги в истории. О какой любви ты говоришь?

Таркос. О любви к вашей дочери. И о её любви ко мне.

Мауссей. О дочери забудь. Она от тебя отказалась. Она выходит замуж. По чистой любви, извини за каламбур.

Таркос. Я хочу услышать это от неё!

Мауссей. А кто ты такой, чтобы хотеть? Достаточно того, что я предлагаю тебе выгодную сделку, отличную сделку. Сделку тысячелетия. Дважды такие предложения не делаются, ты прав.

Таркос. Сделку так сделку. Что будет, если я откажусь от вашего выгодного во всех отношениях предложения?

Мауссей. А ты сам подумай, что будет. Поставь себя на моё место и включи голову. В случае отказа ты меня сильно разочаруешь. Очень сильно. Я вынужден буду сделать тебе другое предложение. Следи за руками – следи за мыслью, хотел я сказать. Во-первых, сын твой станет врагом твоей родины – в этом можешь не сомневаться. И это ты, именно ты и никто иной делаешь своей родине такой подарок. Да-да, не надо было приближаться к моей дочери. За удовольствие надо платить. За удовольствие бесценное и цена безмерна. Во-вторых, опусы твои будут преданы забвению. От них и следа не останется. Ведь нет же никакой ИЭМ, мы-то с тобой это прекрасно знаем. Наконец, в-третьих, сам ты, скажем так, дьявольски исчезнешь. Испаришься. Тебе будет предложена чашечка кофе. С ядом. Но! Лёгкой смерти не жди. Нашему великодушию также есть предел. Ты умрёшь как предатель своей родины. Как перебежчик. Ты сам попросишь яду! Но не получишь его. Ты станешь молить о смерти. И ты её получишь, конечно. Но сначала сойдёшь с ума. Вот и всё. Перед тобой две судьбы. Выбор за тобой, человеком, я надеюсь, умным.

Таркос. Я не готов ответить прямо сейчас. Дайте мне три дня на размышление.

Мауссей. Почему три?

Таркос. Как положено. Во всех мифах, сказках и антиутопиях принято считать до трёх.

Мауссей. Договорились. Три так три. За это время Шуламянка выйдет замуж, в её положении оттягивать это удовольствие недальновидно. И тебе невесту подобрать успеем. Девушку в соку... Три дня – срок немалый. За это время много чего можно натворить. Историю можно сотворить.

ДЕЙСТВИЕ 2. Сильна как смерть

Шуламянка. Папа, мне надо с тобой поговорить.

Мауссей. Свадьба завтра, если ты об этом.

Шуламянка. Нет, папа, свадьбы не будет.

Мауссей. Что-то случилось?

Шуламянка. Я люблю Таркоса. А любовь, папа, оказалась сильна как смерть. Всё как по писаному.

Мауссей. Какая любовь! Что за чушь ты несёшь, Золото моё!

Шуламянка. Это не чушь, папа. Не играй с огнём.

Мауссей. Ступай с глаз моих куда подальше. Родишь мне внука – вернёмся к разговору. А завтра церемония бракосочетания для узкого круга – и курорт-тюрьма на моём райском острове. Кого ещё отправляют в рай как в заточение? Может, потому все избаловались, что в раю живёте. Золотой телец опять вьелся в душу. О пустыне забыли. Придётся напомнить. Посох при мне.

Шуламянка. Папа!

Мауссей. Не серди меня, Золотая. Я сделал тебе хорошее предложение. Что-то я сегодня щедр как никогда. Видно, стар становлюсь.

Шуламянка. Я если я не соглашусь?

Мауссей. Ты никогда не увидишь моего внука, веточку на могучем нашем древе, плоть от нашей плоти.

Шуламянка. Это ты никогда не увидишь внука! И меня тоже!

Мауссей. Что-о?! Ты готова предать отца, наш древний род из-за каприза?! В своём ли ты уме?!

Шуламянка. Я не собираюсь никого предавать. Никого. Таркоса и своего сына в том числе. Почему я не могу выйти замуж за Таркоса? У нас же денег на тыщу лет вперёд! Мы хозяева островов, тёплых стран и даже континентов! Неужели я, твоя дочь единокровная, не могу позволить себе любовь?

Мауссей. Никто не может позволить себе любовь! Никто! Это непозволительная роскошь – потому что глупость! Позволишь любовь – потеряешь страны с континентами. Ты позволила себе постель с этим голубоглазым, теперь иди и рожай. И воспитай мне Мауссея, внука Мауссея!

Шуламянка. Я хочу видеть Таркоса!

Мауссей. А он тебя видеть не желает.

Шуламянка. Ты лжёшь! Ты как всегда лжёшь!

Мауссей. Опомнись! Как ты смеешь говорить такие слова мне, Мауссею и твоему отцу! Таркос был здесь совсем недавно. Стоял на твоём месте. Только в отличие от тебя он с почтением и благодарностью принял моё предложение.

Шуламянка. Какое предложение?

Мауссей. Через три дня он женится. Да-да, на девушке из чистого и весьма богатого семейства. Вот как он любит тебя! И правильно, между прочим, делает. Я бы на его месте сделал то же самое. И ты на своём месте должна делать то, что должна. Так гласит Принцип. А я его Гарант.

Шуламянка. Пусть мне сам Таркос скажет об этом! Я хочу увидеть Таркоса! Я не могу без него жить! Я не верю, что он способен меня предать!

Мауссей. Что вам здесь, дом свиданий? Его нет для тебя, а тебя нет для него. И по-другому не будет.

Шуламянка. Мауссей Великий тоже был женат на нечистой! Ему можно, а мне – нет?

Мауссей. Не тебе судить о том, чего толком не понимаешь.

Шуламянка. Любовь сильна как смерть! Или любовь – или смерть. Что тут понимать?

Мауссей. Ты решила меня испугать? Смерть так смерть. Разве можно испугать Мауссея, повелителя вечности, смертью, дочь моя неразумная? Давай вернёмся к разговору через три дня.

Шуламянка. Через три дня меня не станет.

Мауссей. Ты решила меня шантажировать?

Шуламянка. Просто ставлю тебя в известность. Три дня без Таркоса я не проживу...

ДЕЙСТВИЕ 3. Просто смерть

Мауссей. Марк! Марк! Что с Таркосом?

Марк. Повелитель Тьмы и Господин Света! Всемогущий Гарант...

Мауссей. Сокращай титулы.

Марк. Господин Света! Он почтеннейше просил вас оказать ему милость. Просил чашечку кофе. Мы ему, конечно, отказали. Приказа не было. Тогда он со смехом попросил цикуты. Со льдом и содовой. Мы дали ему молока. Он выпил. И умер.

Мауссей. Что значит – умер?

Марк. Умер – и всё, Господин Света.

Мауссей. Вы дали ему молока?

Марк. Именно – чистейшего продукта, Господин Света.

Мауссей. Значит, он отказался жить. Ментально победил смерть. Вот наглец. Не надо было молока давать!

Марк. Не было приказа не давать молока... чистого... Господин Света...

Мауссей (после долгого и тяжкого молчания). Что с Шуламянкой моей ненаглядной, что с моей Золотой?

Марк. Господин Света! Золотая... исчезла.

Мауссей. Как это исчезла? Что значит – исчезла?

Марк. Невозможно понять, Господин Света. Говорят, превратилась в морскую пену, Господин Света.

Мауссей. Какую пену?! При чём здесь пена?! Вы в своём уме?! Срочно объявляю Тревожный Сбор ста мудрецов. Именем нашего Принципа. *(Озабоченный Марк быстро уходит.)*

Мауссей. О Боже Всемогущий! Что я увидел собственными глазами? Что это было: любовь превратилась в новую, изодрённую форму информационной войны? Или просто случилась гибель дочери вместе с её возлюбленным? Это испытание мне – или знамение?

Никому и никогда я этого не говорил, даже себе признаюсь с неохотой, и только в тех случаях, когда на меня накатывает волна сумасшествия. Боже Всемогущий, прости меня, Грешного! Великое сомнение гложет меня.

Я стал сомневаться во всемогуществе Нашего народа. Последнее время мне всё чаще кажется, что не мы управляем процессом, а нас словно щепку швыряет от берега к берегу. Слишком много альянсов, слишком много обязательств – и наша сила растворяется. Пессимизм разума?

Значит, пришло время оптимизма воли. Кажется, настало время Нового Ковчега! Пора стереть накопившуюся грязь и начать всё заново! Пора возродить былое могущество! К дьяволу любовь! Правильно я понимаю или нет? Дай мне знамение! Я ведь всё же Мауссей, внук Мауссея. Где знамение? Морская пена? Это же всего лишь пена, и больше ничего! Это не знамение!

О Боже, дай мне сил не возроптать!

Мне кажется, что я схожу с ума.

Таркос проклятый! Ты исчадь ада!

Так встретимся ж в аду! Во круге первом,

Который начался с Гипербореи,

Со льда и холода. Вот адов климат!

Не пекло, не жара – а только холод!

Напутали всё в Библии, писаки,

И просто поменяли полюса.

«Ковчегу» быть готовым к отправленью!

И Апокалипсису – быть! Ни слова,

Ни слова больше! Будет всё – молчанье.

Безмолвие. Пустыня ледяная.

Так я велю, – Я, Мауссей, терпенью

Которого положенный предел

Настал сегодня ровно в полночь...

...месяца нисана... от сотворенья мира...

...

Фрагмент романа обр... (на самом интересном месте, по нашему мнению и к нашему большому сожалению. – Е.М.).

В тот момент, когда Юрка Мышелов надёжно укрыл рукопись романа, с неба грянул гром. Апокалипсис, о котором твердили уже все, кому не лень, свершился. И было не разобрать: Главная Страна напала на Эрфию Анатолийскую или Эрфия Анатолийская нанесла упреждающий удар по Главной Стране; нельзя было исключать и того, что инопланетный разум решил вмешаться в самый (не)подходящий момент: многие в тот миг видели падающую с Небес Косматую Комету. Впрочем, входящую в атмосферу ракету (интересно, смертоносную ракету *вероломного нападения* или смертоносную ракету *справедливой защиты*?) легко было принять за комету.

Возможно, правды о «том моменте» не суждено узнать никому и никогда.

«Космический Ковчег» возмездие настигло уже в космосе. Причём непонятно было, откуда и чьей рукой направлено возмездие: из космоса или же, напротив, с Земли?

Непонятно также было, молнией был уничтожен корабль или ракетой.

Тёмная история, которая закончилась невыносимо яркой вспышкой – далее Темнота поглотила всё. Похоже, подробностей Тёмной истории тоже никто и никогда не узнает.

Юрка Мышелов, казалось, совершенно не интересовался результатами Апокалипсиса. Чистые взяли верх или нечистые?

Он себе такой вопрос не задавал.

И вовсе не из прирождённого нелюбопытства. Он давно считал Апокалипсис неизбежным и давно готов был к концу света, который представлялся ему концом Одного Фрагмента Истории и началом Другого. При этом Юрка очень хорошо знал, что он будет делать до последней минуты, включая эту самую последнюю минуту, вплоть до последней секундочки. Юрка просто до конца исполнял свой долг – до последнего сражался со злом на стороне добра: он воспринимал себя как единственного в поле Воина, который отважился заиграть на Дудочке во всю ивановскую, и полчища серых существ, подозрительно напоминающих избранных мышей – хвостик к хвосту, волосок к волоску, – послушно двинулись на него лавиной. А он всё играл и играл – вызывал огонь на себя.

Да, говорят, что перед тем, как заиграть на дудочке, Юрка зачем-то перебросил кожаный футбольный мяч через глиняный дувал.

Отдал пас всем нам.

Завёл он, значит, эти полчища в воду – и сгинул вместе с ними.

А дудочка поплыла по морю в неизвестном направлении. Больше её никто не видел.

Говорят, роман Канта как раз и был той самой Дудочкой. Поди проверь.

P. S. Прекрасная вышла замуж. За И. Краца, который утверждал, что он вёл свой род чуть ли не от самого Протея.

Они жили долго и, по мнению окружающих, счастливо (ведь *долго* и означает *счастливо*, нет?).

И умерли в один день. По случайному совпадению.

Про Апокалипсис, кстати, они ничего не слышали (или слышать не хотели?). Армагеддон у них в доме было словом запрещённым.

И что такое любовь они не знали.

Просто жили-были. То есть были, потому что жили.

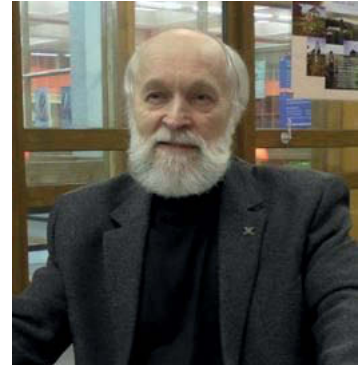
И всё.

23–28.04.2017 г.

Проза

Михаил Попов

Михаил Константинович Попов (02.08.1947) – уроженец Русского Севера с берегов реки Онеги. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет журналистики (заочно). Работал на оборонном предприятии, в геологоразведке, служил в армии, был профессиональным рыбаком. За его плечами – около десятка газет различного уровня, в которых он прошёл все ступени профессионального и карьерного роста. Был создателем и редактором ряда литературных изданий. Сейчас главный редактор литературного журнала «Двина». Автор почти четырёх десятков книг, в том числе прозы, публицистики, изданий для детей и юношества. Некоторые его произведения переведены на основные скандинавские языки, повесть «Последний патрон» – на английский. Повесть «Дерево 42-го года» экранизирована. Лауреат полдюжины общенациональных премий и четырёх международных – им. М. А. Шолохова, им. П. П. Ершова, создателя «Конька-Горбунка», «Русский Stil» (Германия) и «Полярная звезда». Живёт в Архангельске.

ПЕРФОРМАНС, ИЛИ ПЕЙЗАЖ С ОТЧИМ ДОМОМ

Повесть

Начало. Завершение в № 6 (52)-2022

1

- Фру Ульсен!
- Госпожа Ула!

Подопечные окликали со всех сторон. Каждому хотелось её внимания. И только старик помалкивал, ожидая – иногда, впрочем, и нетерпеливо, – когда наставница сама подойдёт к нему. При этом если большинство студийцев ждало от неё похвалы или хотя бы одобрения, то старик требовал честного, нелицеприятного разбора и даже жёсткой критики.

Ула ставила студийцам рисунок. Не всем подопечным это давалось и было вообще дано. Но у старика на исходе жизни открылись способности.

«Похоже?» – бывало, спрашивал он о портрете, окидывая ближних к своему мольберту соседей – тут были пакистанец Зуфар, марокканка Камилла, чилиец Пако. «О’кей!» – кивали обыкновенно те либо показывали большой палец: похоже, похоже. А на кого – разумелось само собой: конечно, на их обаятельную наставницу.

На мольберте старика менялись листы, но почти не менялись сюжеты. А если Ула давала свободную тему, его работа непременно сводилась к пейзажу: озеро, луг, лошадь на просторе, стая уток над речкой, сельский дом, скамейка возле пруда... И в каждой, почти в каждой картинке помещалась женская фигурка с закинутой на грудь русской косой, а то и широкое ласковое лицо.

Старик так и говорил, что посещает студию исключительно из-за неё: не было бы Улы – он едва ли ходил в арт-хаус. Да и Ула признавалась, что привязалась к нему. Когда он запаздывал, поглядывала в окно, спрашивала, не видел ли кто старика. А если он совсем не появлялся, непременно звонила домой.

Что надо старости? Немного внимания. Выслушать, посочувствовать, коли неможется, посоветовать чего, чаю, например, горячего с лимоном да мёдом – продуло, видать, – да укрыться потеплее, да поспать, а там, глядишь, недомоганье и отступит...

И ведь верно. Проходило дня три-четыре, как старик вновь появлялся в студии. Его встречали улыбками и приветствиями. Смущённый вниманием, он проходил в свой угол и вставал к мольберту.

Студийное пространство, воздушное и светлое, с его появлением обретало законченный вид, словно перелётный клин вновь обретал жоака. Так это подразумевалось, так воспринималось со стороны.

А что старик? Старик был не настолько дряхл, чтобы тетёшкаться лаврами патриарха. Он мягко переводил всеобщее внимание на Улу: это ей слава и благодарность, это она, кудесница, подняла его. А однажды объявил, что голос Улы обладает целебными свойствами и, сопровождаемый осязаемой даже на расстоянии улыбкой, действует самым благотворным образом.

Ула на это, конечно, улыбнулась – кому же не приятны такие комплименты! Догадку о телепатии не исключила, но перевела всё на другое, тем самым приглашая подопечных к разговору: может, когда-нибудь человеческий голос будет обращён в краски, и вы, Лион, и вы, Терезия, своими речевыми сигналами, голосовыми модуляциями, артикуляцией станете рисовать живописные полотна; не красками акварельными да масляными, не пастелью или фломастерами, как мы с вами, а словом. А потом – и мыслью, подхватил кто-то из студийцев, кажется, ливанец Зулейя. Да, и мыслью, поддерживала Ула и перевела глаза на старика: а как он на это смотрит, как ему эта идея?

В глазах старика не возникло особого оживления. Но не потому, что ему так уж не нравилась сама мысль о превращениях мысли. Нет. Просто она уводила куда-то в будущее, к которому он, старик, в земных пределах уже не имел особого отношения. А главное, она лишала его сокровенного общения.

Старик был убеждён, что из всех студийцев более других имеет право на внимание Улы, особенно после болезни. Это вроде лимита времени, некие отступные за пропущенные дни. И потому если и не отстаивал напрямую это право, то косвенно давал понять... Переминаясь у своего мольберта, он поводил плечами, словно ему был тесен светлый вельветовый пиджак или колол шерстяной джемпер, иногда побряхтывал, словно напоминая о недавней простуде, а то и косился назад, открывая крыло седой брови – знак, означающий предел терпения.

По правилам арт-хауса, установленным магистратом, фру Ульсен должна была распределять урочное время поровну между всеми подопечными независимо от возраста, пола и национальности: «Толерантность – превыше всего!» Таким образом, на каждого студийца полагалось примерно десять персональных минут. Это если не считать вводных объяснений. Однако так уж выходило, что старику уделялось всё же больше внимания. Чтобы как-то сгладить это неравенство, Ула намеренно выдерживала паузу, медленнее, чем обычно, поворачивалась и медленнее, чем всегда, направлялась к его мольберту. Казалось, она точно знала, сколько можно испытывать стариковское терпение.

И ещё. Со всеми учениками Ула говорила по-норвежски либо по-английски, а со стариком – только по-русски, потому что они были соотечественниками. Улюшка или Уля, а то и Ульяна Трофимовна, в особых случаях «дочка» – обращался к ней старик в зависимости от настроения или важности текущего момента. Она коротко окидывала его работу, легко касалась карандашом листа, делая грифельные поправки, а то перехватывала цилиндрок пастели... И говорила. Вернее, слушала и говорила. И он слушал и говорил. Неважно, о чём: о его пейзаже, о красках и кистях, о дожде за окном, о берёзовом листе, который прилепился к стеклу, как мазок кисти сударины Осени... Главное, по-своему, на родном языке. Ведь именно этого им больше всего и недоставало посреди райской чужбины.

Пётр Григорьевич целыми днями дома один. Дочка возвращается с работы вечером, у неё начинают хозяйственные хлопоты: покормить детей, обиходить мужа, ей не до отца. Внуки – их двое – по-русски говорят плохо. Не говоря уж о зяте, коренном норвеге, который к тому же долго работал в Америке.

Схожая ситуация и в семье Ульяны. Муж Йон по-русски знает только три слова: «спутник», «водка» да ещё «балабайка». А дети, её, русские, рождённые в России сын и дочка, всё меньше говорят по-русски, не видя в том большой нужды, особенно дочка...

Ульяне достаточно было родной речи. Был бы собеседник, а предмет разговора не имел особого значения. Главное, чтобы слова не падали в пустоту. В начале своего здешнего бытования, оставаясь днями одна, она пробовала говорить сама с собой. Однако вовремя спохватилась, поймав себя на мысли, что делает что-то запретное и даже небезопасное. И, повинувшись природному инстинкту, такие попытки оставила.

А Петру Григорьевичу в диалоге важен был смысл. Он не то чтобы всё переводил в практическое русло – они с Ульяной беседовали и о природе, и о музыке, и, само собой, о живописи – как без этого

в художественной студии! – но между тем старик постоянно давал житейские советы и наставлял её. Особенно его беспокоили Ульянины дети. Собственные внуки, родившиеся в Норвегии, ничем не отличались от здешних сверстников. А будущность детей Ульяны, чисто русских, оказавшихся на чужбине в начале жизни – Лариска в отрочестве, а Серёжка в подростковом возрасте, – его тревожила. Родные корни обрублены, здешние – слабые, примутся ли они в чужой почве. Человек от земли, крестьянский сын, Пётр Григорьевич и рассуждал по-земному.

К разговору русских, точнее говору-диалогу, в студии прислушивались, причём не только ближние по месту. Студия заметно стихала, разговоры если не смолкали, то сводились к шёпоту. И даже оплывшая и весьма неуклюжая мулатка Нэда, которая постоянно роняла кисти и карандаши по причине артроза, и та подбиралась.

При всей прозрачности скандинавских границ русские в норвежской глубинке, маленьком городке – на карте точка в восклицательном знаке приполярного фьорда – были всё же наперечёт. Застать местных русских за своим разговором было просто негде: в магазинах и муниципальных службах они объяснялись, пусть порой и худо, по-норвежски. Русские рыбаки, сдававшие улов на местной фактории, были малоразговорчивы – им было не до общения. Приезжие из России, главным образом молодые люди на крутых тачках, мало чем отличались от горластых сверстников из Польши, от хамовато-чванливых америкосов. Другое дело эти двое – широколицая, курносая художница с русой косой и седой старик, немного похожий на Санта Клауса. Их речь, её паузы и взлёты, их мимика и жесты вызывали в студийцах, людях в большинстве своём тоже нездешних, любопытство, а у кого-то, не исключено, и ностальгические чувства. Ведь иные из них невольно вспоминали русскую классику – Толстого, Достоевского, Чехова, которых читали в колледже или гимназии. И конечно, не столько русская реальность всплывала в их воображении – где её, эту Рашу, понять?! – сколько свои полузабытые детские переживания, картины отроческих лет, которые при всех слезах и тревогах сопровождавших бегство с родины, всё равно ласкают сердце и душу.

Больше того, у некоторых студийцев тут было не просто любопытство. Иные из них помимо художественной студии посещали ещё и драму, которая располагалась здесь же, в арт-хаусе. На социальные да эмигрантские пособия было, конечно, не разгуляться, но заниматься в бесплатных творческих коллективах право давалось всем. Вот многие и пользовались этим. Театральная труппа ставила Чехова. Как они там играли, Ульяна не видела. Но одна студийка, звали её Эле – полное имя Элефтерия, – подошла как-то во время кофейной паузы и, сверкая чёрными глазами, выразила слова благодарности. Эта гречанка, наследница классического античного театра, играет роль Раневской. Недавно она внимательно прислушивалась к диалогу фру Ульсен и Санты («Наполовину они, стало быть, возвели старика в Деды Морозы») и на очередной репетиции попыталась услышанное воспроизвести, разумеется, не смысл – где там! – а тембр, ритм и тональность речи фру Улы. В итоге Ларсу, режиссёру драмы, так понравилось, что он её, Эле, похвалил и посоветовал и дальше брать эти нечаянные уроки, заключив, что именно в речи, в её напеве, и таится загадка русской драмы.

Какой же эпизод, интересно, запомнился гречанке? Ульяна поделилась услышанным со стариком. Путём сопоставлений и переборов они пришли к выводу, что тогда она рассказывала о старшей сестре. Наложившая запрет на воспоминания да и всё своё прошлое, Ульяна едва ли не впервые за годы эмиграции приоткрыла краешек детства и чуть-чуть поведала старику о родной душе.

Раиса, большуха, была ей заместо матери. Мать на ферме, садика в деревне нет – кому водиться с младеней? Возились все. Но больше всех песталась с нею Раечка. Ей было уже лет четырнадцать, когда родилась младшая. И как ни вспомнишь – все ранние годочки только с ней. Раечка и кашку сварит, и волосёнки приберёт, и чулочки заштопает, и спать повалит – придёт пора. Всё она.

Летом, когда мелела река, детвора, бывало, норовила попасть на кулиги – пески, которые открывались посередке широкого русла. Путь к заветному месту лежал через омут. Раечка усаживала младшую на закорки и подходила к урезу. Омут обрывистый. Шаг-другой – вода уже по пояс, ещё один – уже по грудь. Ещё – пяточки Ульянки уже достают поверхности. Ульянке щекотно, она повизгивает. Ей не видно лица сестры. А Раечка в смятении, ей страшно – вода уже по горло. Шагать вперёд? А вдруг ещё глубже? Поворачивать назад? А ну как яма!

Так она рассказывала Ульяне уже потом, годы спустя, делясь давним страхом. А Уля и не ведала того. Ей было весело, когда они перебирались на кулиги, она не сознавала опасности, сидя на крепких, как тогда казалось, плечах старшей сестрицы.

Возвращаясь мыслями к театру, Ульяна не раз улыбалась: надо же, как аукнулось?! Она даже причёску стала менять: то закалывала кольцом на затылке, то воздымала короной. А однажды, остановившись возле старика, сказала вслух:

– Представляете – Раневская! Никогда бы не подумала. – И без перехода к нему: – В таком случае вы, Пётр Григорьевич, не иначе – Гаев.

На сей раз её волосы были распущены по плечам и завязаны на спине. Так она подчас «зашторивала» свою «славянскую луноликость», доставшуюся от рязанского папушки.

– Гаев? – старик оторвался от мольберта и коротко на неё взглянул – он не одобрял внешних перемен. – Кто это?

Безучастность в голосе была нарочитой. Ульяна смолчала. Увлечённо работавший аквамарином, старик творил небо, которое ласково опускал на родной пейзаж: приземистые избушки, журавль над колодцем, стога сена за околицей...

2

Старик очутился в эмиграции на исходе жизни. Он знал, что в Норвегии у него есть родственники. Это были дети его родного дяди – старшего брата отца, по профессии моряка, который после революции остался в Христиании. В прежние поры связи с ними не было. Но с переменами в России они, его двоюродники, дали о себе знать. Письма, презенты, потом обоюдные визиты, естественно, сравнение уровней жизни, и незаметно в новом семейном кругу возникла мысль о переезде. Пётр Григорьевич поначалу и думать о том не желал – с какой стати! Но тут случилась беда: заболела жена, обнаружился рак. Решено было везти её на лечение в Норвегию. Стали оформлять визы, а она умерла – сгорела за два месяца. Остались Пётр Григорьевич с дочкой одни. Как жить дальше? Роза вызрела для замужества, все сроки уж, кажется, вышли, а там, у них, намекали родичи, есть перспективы. У старика перспектив не было. Зато у обоих уже имелись выездные документы. И однажды – чего не сделаешь ради любимого, к тому же единственного чада! – он согласился.

«Где были мои глаза? О чём думала эта старая голова?» – теперь постоянно корил он сам себя, вызывая у иных, чаще тоже приезжих, сочувствие, а у других – недоумение.

Однажды художественная студия отправилась на пленэр. Старик сидел на переднем сиденье автобуса рядом с Ульяной. Автобус проезжал мимо кладбища. Пётр Григорьевич насупился, стиснув этюдник:

– Матушка померла в России, батька сгиб в Германии, а меня, видать, затолкают здесь, в эту землю.

Его «крамольные» речи доходили до ближних соседей, а от тех – до родственников, которые сманили старика. Кто-то из них сочувствовал его переживаниям, но большинство родичей, здесь родившихся, и ближние соседи, коренные норвеги, пожимали плечами.

Всё это не могло не беспокоить дочь. Ладно, если кто-то принимает ностальгию старика за старческую причуду, за блажь чудака, сиречь городского сумасшедшего и даже маразматика, хотя и это неприятно. Но ведь большинство-то всё слышит буквально и оценивает адекватно: старику не нравится ухоженный Запад, ему милее бандитская Россия. Это не может не сказаться на репутации их порядочного семейства, а что ещё неприятнее – на престиже семейной фирмы.

«Что! – вскипел старик в ответ на попрек дочери, что он отваживает потенциальных покупателей от супермаркета её мужа. Муж Розы Юхан долгое время жил в Америке, скопил денег и открыл на родине продажу унитазов. – Из-за меня они откажутся от его говённых горшков?! Под куст начнут бегать? Не смехи меня!»

Так, обходя некоторое неблагозвучие, Роза делилась с Ульяной своими переживаниями. Она специально зазвала в гости соотечественницу, чтобы поговорить с нею об отце. Он очень уважительно отзывается о вас, добавила Роза. А перед этим помянула, что отца вместе с мужем и детьми отправила в их семейную вотчину – рыбацкий дом на берегу дальнего озера.

Роза была немного моложе Ульяны. Лицом не очень привлекательная, явно не в отца, она подкупала энергичностью, расторопностью, какой-то отточенной чёткостью движений и жестов. Оказалось, что в юности она много занималась спортом: плавала, играла в регби, гоняла на коньках. Оттого у неё такие широкие плечи и крепкая мускулатура. Зато теперь она успешно трудится в семейной

фирме – в фирме, а не в магазине, подчеркнула она, – выполняя обязанности менеджера по продажам, а заодно, если требуется, и грузчика, благо умеет управляться с автокраном.

Сначала Роза угостила гостью кофе. Попутно показала коллекцию антикварной голландской посуды – это увлечение мужа. Потом вела по дому, называя иногда стоимость убранства и дорогой отделки, на опытный взгляд художницы – несколько аляповатых. И наконец, пригласив на второй этаж, провела в отцовскую комнату.

Ульяна при виде обиталища старика почти не удивилась, чего, судя по всему, ожидала дочь. Ведь она пригласила её, чтобы разделить с нею свою озабоченность. Все стены просторной комнаты были увешаны теми самыми пейзажами – акварелями и пастелями, которые он рисовал в студии. Только здесь они чередовались с увеличенными фотографиями, видимо, родных мест, и репродукциями с картин русских классиков, главным образом передвижников. Здесь были Шишкин, Поленов, Васнецов, Суриков...

Чуть дальше Ульяна задержалась возле пейзажа Куинджи: чёрная туча – задний план – и солнечный луг – передний. Кажется, «После дождя». Где вы, Пётр Григорьевич? Здесь, на солнечной стороне? Или там, во мраке?

А ещё, глядя на оформление комнаты, Ульяна подумала о себе: а могла бы она позволить такое – развесить в своей комнате русские пейзажи? В принципе-то, конечно, могла: едва ли Йон стал бы возражать против классической живописи, повешенной в своём, а теперь и в их с Серёжкой и Лариской доме. Но для себя заключила, что нет. И после, уже дома, облекла эту мысль в какую-то не то китайскую, не то японскую формулу: бабочка, которая сядет на цветок, не нарушит пейзажа и натюрморта, если они пишутся маслом; но акварель человеческих отношений настолько зыбка, что может поплыть от любого, даже незначительного, прикосновения.

Ульяна так сосредоточенно всматривалась в обитель старика, словно искала ответ на какой-то вопрос, то ли уже поставленный жизнью, то ли ещё предстоящий. Роза же сведённые брови гостью истолковала по-своему:

– Вы меня понимаете... – И без перехода: – Ну вот что ему, кажется, надо! В тепле, в холе, сыт, одет-обут. Заботушек никаких. Живи да радуйся, а он всё назад оглядывается.

В контексте этой оглядки, судя по тону, оказалась и литературная классика. Хотя вторая половина следующей фразы произносилась вроде даже с гордостью, дескать, и мы не лыком шиты.

– Понадобился ему как-то Чехов. Поддай – и всё! А где здесь на русском-то?.. Пришлось заказывать через интернет – в сети Московской книги. А ведь это расходы!

Концовка фразы вильнула опять не туда. Роза тут же спохватилась, дескать, это, конечно, не главное: лишь бы отцу потрафить. В этом её, дочери, долг. Да и элементарная справедливость того требует. Ведь отец тоже вносит вклад в семейный бюджет.

– Пенсия здешняя – будьте нате! Ровесники его в России и трети того не имеют.

Это был главный аргумент Розы в пользу здешнего житья, и она его подобающим образом обставила, ещё раз посетовав на «капризы» отца. Попутно отметила, что российскую пенсию Пётр Григорьевич перечисляет в детский дом, куда попал после кончины матери, это было сразу после войны. А заодно пожаловалась, что за финансовыми своими делами отец не следит, приходится постоянно напоминать:

– Там дают пособие, здесь – компенсацию, сходи – не проворонь. Нет, пока не ткнёшь, не заставишь – не скрянется.

Слово из русского далёка вывернулось случайно, видать, унаследованное от отца или матери. Скрянется не скрянется. Может, потому и отложилось в Ульяниной памяти.

Просьба Розы поговорить с отцом совпала с мыслями самой Ульяны. Она давно собиралась это сделать. Да всё как-то не находила повода. Вернее, даже не повода – подводки к разговору. Чтобы это было не в лоб, а исподволь, может быть, облечено в какую-то художественную форму. А поводов было куда как достаточно.

Вспомнить хотя бы самое начало – первое время пребывания в новой стране. Она только-только устроилась на службу, став преподавателем рисования, и несказанно радовалась. Радовалась и месту,

и месту пребывания, и своему новому дому, и всему тому, что с нею и с детьми произошло, она и детям внушала эту радость, хотя они и без внушения это воспринимали. А Пётр Григорьевич – новый знакомец и соотечественник – вместо того чтобы эту радость с нею разделить, вдруг огорошил. Да ещё как!

Из студии им со стариком было по пути. В тот раз к ним присоединился Серёжка – он после гимназии занимался баскетболом. По дороге Ульяна забежала в банк, оставив сына на попечение старика. Конечно, опеки Серёжке уже не требовалось, чай не маленький, да и обвыкся уже на новом месте. Но таково уж материнское сердце: всегда хочется, чтобы за дитём, даже и великовозрастным, был догляд. Вот и на этот раз так получилось. А вернулась и пожалела, что отлучилась.

Ещё издали она увидела, как Пётр Григорьевич жестикулирует. Так он поводит руками, когда рассуждал о чём-то важном. А самым важным, в чём Ульяна уже убедилась, для него была оставленная Родина. Вот, видать, и Серёжке он о том твердил, Ульяна не ошиблась – концовка разговора, которую она уловила, не оставляла никаких сомнений.

«Был бы помоложе, – говорил Пётр Григорьевич, – рванул бы к лешему обратно. Хоть пешком, хоть на карачках – домо-о-ой...»

Ульяна сделала вид, что ничего не слышала, но детей наедине со стариком больше не оставляла: а ну как и они заболели этой явно неизлечимой болезнью под названием ностальгия.

Впрочем, это больше касалось Сергея. Ему не досталось ни отца, ни деда, вот он и тянулся к Петру Григорьевичу. А Лариска и сама избегала старика после того, как он обругал её.

Тринадцать-четырнадцать лет – подростковый возраст, у них в эту пору всё наперекосяк: не слушаются, грубят, подчас хмят и при этом вечно чего-то требуют. И тут, как убеждает доктор Спок, необходимо терпение и ещё сто раз терпение. Главное, не сорваться, не попасть на встречную волну, перевести разговор на другое, отшутиться, поставить в тупик – мало ли способов нейтрализовать «пубертатную атаку». Ульяна хорошо усвоила уроки доктора Спока. И ещё одно, что помогает утихомирить бурю в стакане воды, – это она уже вывела сама – всё должно происходить без свидетелей. Тут у них с дочкой был негласный уговор. О таких перепалках-перехлёстках не знал даже Серёжка, не говоря уже об Йоне. Боже упаси! Это случалось где-нибудь на улице, в тихом уголке арт-хауса или дома, когда оставались с нею наедине. Но в тот раз Лариска нарушила заведённое правило...

То, что старик, ставший невольным свидетелем «пубертатного взрыва», осадил подростковое хамство, было в принципе справедливо. Заслужила. Но то, какими словами, каким тоном он это сделал, было для Ульяны неприемлемо, а как матери – казалось просто чрезмерным. Это ведь не детдом, где он испытал на себе уроки доморощенной педагогики. Здесь Европа, здесь исповедуют толерантность и независимость.

Досада на Петра Григорьевича долго не отпускала Ульяну. Первое время после того она сторонилась старика, избегая даже в студии посторонних разговоров, а он, чувствуя её охлаждение, тогда серьёзно заболел. Вот ведь как обернулась та его резкость и несдержанность.

С тех пор минуло два года. Острота конфликта сгладилась. Однако, вспоминая подчас ту сцену, Ульяна и сейчас передёргивала плечами. Не дай бог испытать то, что осталось, кажется, в далёком прошлом.

Эти мысли невольно приходили на ум, когда Ульяна готовилась к предстоящему разговору. Однако предъявлять тот эпизод, тем паче заводить с него задуманное было, конечно, неразумно. Больше того, Ульяна почувствовала, что личные, какие-то частные доводы при таком разговоре будут неуместны. Пётр Григорьевич сразу поймёт, откуда ветер дует. «Рука Брюсселя» или даже «Рука Уолл-стрита» – так он называет то, что внушает ему его практичная и педантичная дочка, настраиваемая американизированным мужем.

Повод возник сам собой. У старика не выходил небесный цвет. Он явно терял зрение, но, не желая признавать этого, искал внешние причины. Сейчас он сетовал на освещение. Ульяна недоумённо поджала губы: здесь, при этих-то широченных окнах?! Старик показал глазами на потолочные плафоны: дело в них, мешают они. И вдруг без перехода стал склоняться на все лады современную архитектуру. Дескать, в ней нет души – лишь самодовольство авторов; пыжатыся, изошряются, выпендриваются один перед другим, а о человеке, который окажется в таком здании, совершенно не думают. Тут досталось и арт-хаусу, и его архитектору – этому шутикарю, как выразился Пётр Григорьевич.

Старик явно брюзжал, видимо, терзаемый недомоганием. В другой раз Ульяна смолчала бы. Зачем усугублять ситуацию?! Может, даже как-то успокоила, отвлекла. Но тут не сдержалась, не смогла. Ведь он посягал на то, что ей было дорого.

Архитектор, который понастроил по всему свету такие дворцы – гнёзда искусств, был, безусловно, гений. Изящная, приподнятая над землёй форма, огромные, во все стены, окна, дарящие массу света, – сказка! Плафоны же эти золотистые – просто чудо! Кажется, они аккумулируют солнечный свет, а в пасмурный день возвращают его. Да что в пасмурный – в полярную ночь они так искусно пятнают изумрудный пол, что кажется, идёшь по солнечным полянам, даром что зима.

А старик упорствовал, не соглашался. По инерции перечит, догадывалась Ульяна: нашло на него, а отступать не привык, вот и спорит. Разговор затягивался. На очередном повороте возник образ болотины. Старик сравнил плафоны с икряной ряской – плодильней для лягушек. Ульяна вскинула брови: немного похоже. Но отозвалась шуткой:

– Знала я одну лягушку, которая подобрала стрелу и из болота в царский терем перекочевала...

– А я другую знал, – с вызовом парировал старик: – Не то на стреле, не то на хворостине полетела она за тридевять земель киселя хлебать, а потом... о землю шмякнулась.

4

На следующем занятии, уже ближе к концу, Ульяна предложила Петру Григорьевичу индивидуальное задание.

– Посмотрим, как вы воспринимаете полутона, – пояснила она, учитывая сетование старика на недостатки освещения. А для проверки извлекла большой альбом русских передвижников, который приобрела в Осло, куда они всей студией ездили в музей Эдварда Мунка.

Коснувшись закладки – здесь был тот самый пейзаж Куинджи – Ульяна открыла альбом и отошла. Пусть старик сосредоточится, вживётся в репродукцию, печать тут отличная, не чета той, что у него дома, а она тем временем проводит подопечных.

Разговор Ульяна собиралась завести издали. Полутона – повод, главное – в другом. Но тут важно не сбиться, не потерять нить. Опорой для неё станет эта картина. Всё будет кружиться вокруг пейзажа. А о главном она скажет так: её, Ульяны, нынешняя жизнь, жизнь её детей, жизнь Розы и других здешних русских – это передний план, луг, осиянный солнцем, а прошлое – это задний план, та мучительно-тяжёлая грозная туча; ну зачем им туда?

Ульяна тщательно выверяла все позиции – и тональность, и последовательность доводов, и акценты, и даже возможные паузы. В разговоре всё важно. Однако как ни готовилась, как ни настраивала себя, ничего-то у неё не вышло, старик сбил все планы, причём как! – используя её же главный козырь – картину. Смотрите, не будь этого густого мрака, убеждал он, этого грозного фронта – солнечная идиллия на переднем плане так бы радостно не сияла.

Старик говорил поначалу медленно, буднично, как судачат о повседневных вещах, даже с натугой, – видать, нездоровилось. Но постепенно, всё более оживляясь, начал жестиковать, смахивать со лба седые пряди, оправлять усы, ворошить бороду – так, как делал это, когда твердил о самом главном. А ведь это, в сущности, и было сейчас для него самым главным, потому что картина являла образ Родины.

– Согласитесь, – убеждал он, не сомневаясь, кажется, что она никуда не денется и согласится, – «После дождя» – это не только сейчас... Это и о прошлом... Без этого прошлого ничего нет и не будет. Оно живёт в каждой травинке. Потому что травинку питают корни, а корни – в почве...

Тут старик коснулся переднего плана, провёл указательным пальцем по заболоченному ручейку и неожиданно заключил: ломкий ручеёк – это образ погасшей молнии; она не исчезла совсем; растаяв в небесном мраке, она будто пала на этот луг; пала, преломилась и осталась в ручейных бликах.

Ульяна молчала. Ей отчего-то было стыдно. Вспомнилась Раневская, образ которой она примеряла на себя... Глаза её отуманились, живо наполнились, и, чтобы они не пролились, она закусила губу и обхватила себя руками, пытаясь сосредоточиться на солнечной луговине. Увы! Всё, что ещё недавно так радовало её: и это сияние трав, и этот ласковый ручеёк, и эта пасущаяся лошадь, и хуторок на холме, так похожий на здешние фермы, – всё это слилось в одно жёлтое невыразительное пятно. А ещё вспомнилась Лариска, которая всё больше отбивалась от рук, а она, мать, ничего не могла с нею поделать.

* * *

Сеанс психотерапии, как потом иронизировала над собой Ульяна, гоня досаду, не задался: Пётр Григорьевич не услышал её. О том, что может быть наоборот, она тогда ещё не думала, вернее, старалась не думать, ведь и Пётр Григорьевич не убедил её.

Спустя неделю Ульяна проходила мимо социального департамента, и тут припомнилось словечко, обронённое Розой. Не скрянулось с одним, так, может, скрянется с другим, шутя переиначила она услышанное и решила похлопотать о пособиях. Ведь её ученики работали в самых разных сферах, в том числе и в социальной.

Тут результат оказался действительно убедительнее, причём сказался вскоре. Роза, с которой они столкнулись в супермаркете, едва не кинулась Ульяне на шею. Проведённая с отцом беседа, – а дочка не сомневалась, что таковая была, – пошла явно на пользу.

– Папа, – Роза подняла палец, – сходил в соцбихандлинг...

Название учреждения Роза произносила на свой лад. Ульяна улыбнулась, ей вспомнился один знаменитый писатель-эмигрант, который по этому поводу сказал в телепередаче так: «Русские, где бы они ни находились, казённые палаты называют, как им заблагорассудится. Даже если прилично изъясняются на языке страны пребывания. Таково свойство менталитета – дистанцирование от властей. Это у нас в крови». При этом печаль в его тоне мешалась с затаённой, не утраченной на чужбине гордостью.

– Так вот, в соцбихандлинге, – продолжала Роза, – отцу выделили пособие на одежду и обувь аж в полторы тысячи крон. Представляете?! – Радость она тут же слегка пригасила: – Деньги для нас, конечно, не большие. Но всё-таки... Опять же кстати. Повезу папу в столицу – ежегодное обследование, а это, сами понимаете, расходы...

Роза поминала ещё про одну льготу, которую посулили старику. Говорила что-то ещё. А Ульяна только улыбалась. Много ли человеку надо, пусть не для счастья, так хотя бы для радости?! Ведь это тоже немало.

5

А своё счастье Ульяна не девальвировала, не понижала до уровня радости. Её счастье было полноценным и полнокровным, каким и должно быть счастье любящей и любимой женщины, у которой есть муж, дети и тёплый дом.

Ощущение счастья сопутствовало Ульяне все здешние годы. Трудности, конечно, бывали и бывают, как без них. Но в сравнении с теми, что она испытала на родине, здешние выглядят пустяками. Ну а взгрустнётся, накатит нечаянная печаль, так управа на неё найдётся. Стоит лишь заварить кофе и – прощай, грусть! – в пику Франсуазе Саган. Чудо не чудо, но аромат изысканного восточного кофе и был для Ульяны тем праздником, который всегда с тобой. Этот аромат, как по волшебству, мгновенно переносил её в осеннее утро того удивительного года, когда она проснулась в раю.

Первое, что она уловила тогда, потянувшись и ещё не разомкнув глаза, был этот чудесный запах. Наверное, аромат кофе, доносившийся в спальню, и был тем незримым колокольчиком, который разбудил её. Она сладко потянулась и, как писалось в одном женском романе, прочитанном в качестве инструктажа по дороге в рай, «ощутила каждой жилочкой трепет бытия». Потом донеслась тихая музыка. Труба Элингтона выводила пряный «Караван». В утреннем сумраке, напоминающем мираж, возник Аладдин. Как и подобает Аладдину, создателю райских кущ, он был облачён в долгополый бухарский халат, голову его венчала чалма, на ней гнезился серебряный поднос, а на подносе стоял изящный, источающий аромат кофейник.

В те минуты, честно признавалась себе Ульяна, она забыла даже о детях. Да, о своих собственных детях, которые остались в России, где тянулась бесконечная смута, шли стычки, завивалась голодуха, она в те минуты не вспоминала, до того была поглощена новыми ощущениями и впечатлениями. А картина, возникшая на рассвете – знойный «Караван», Аладдин, аромат кофе, стала для неё знаком счастья, её путеводным талисманом. Она сопровождала Ульяну все её чужестранные годы, и стоило чуть загрустить, подумать о чём-то далёком, но утраченном, она тотчас выводила на дисплей своего воображения эту картину, и перед нею всё меркло, уходило, как с монитора, в состояние сна, почти небытия. А оставалось только это: восточный рай на широте полярного круга и она вдвоём с Йоном.

Она и он, Ула и Йон. Это она так тогда рифмовала. А потом зеркально перевела его имя: Ной. Библейский Ной по воле Божьей был спасателем. Спасся от грехов сам и спас праведностью свой род. Йон тоже был спасателем – потомок викингов-мореходов, прямой и сильный, он служил в морской спасательной инспекции. Фантазия забурлила. Первое, что пришло в голову, само собой, – ковчег. Своё гнездо они так и назвали. А потом придумали и дальнейшее. Когда потоп схлынул, все пары чистых и нечистых покинули пристанище и расселились по суше. А Ной остался в ковчеге, сделав его домом. Но не один, а с женой. Ведь, по Библии, она была, правда непоименованная. И тогда уже Йон прибег к зеркалу, назвав жену Ноя Алу.

Две недели счастья определили всю дальнейшую жизнь. Потом Ульяна съездила за детьми. Серёжке было тогда тринадцать, Лариске девять. Дети способные, неизбалованные, они без особых усилий прошли подготовительный языковой период, живо освоили норвежский язык, через год вышли по всем школьным предметам в лидеры, и больше того – их даже ставили в пример местным детям.

Нет, Пётр Григорьевич, твердила про себя Ульяна, я теперь на лугу, на солнечной стороне, а в тот мрак мне не надо, ни к чему, и не напоминайте лучше...

Наивная Ульяна! Прошлое ведь не снаружи. Его не сбросишь с рук, от него не убежишь. Оно внутри тебя. До поры о нём не вспоминаешь, как не замечаешь в молодости собственного сердца. Но придёт час – сердце вспучится донным пузырьём и, возносясь под горло, напрочь разобьёт гладь твоей безмятежной жизни, которую охватит долгая и мучительная дрожь. Так случилось и с нею.

Вспомнилось однажды Ульяне, как она рожала и как родила дочку. Оно, конечно, и так никогда не забывалось, стоило коснуться рубцов от кесарева сечения. Но столь остро, так болезненно, возвращая прошлое со всеми потрохами, прежде не вспоминалось. Никакой аромат кофе, сколько ни пила, не смог выветрить ту память. Не гас тот дисплей, как ни давила она на невидимые клавиши. Казалось бы, зачем? Ведь вспоминалось-то не абы что, а как дитя родилось, пусть и в мучениях. Вспоминай да утешайся, вновь переживая то мгновение, когда увидела сморщенное личико новорождённой. И удивление, и облегчение, и недоверие, и гордость... – чего там только нет, что сливается в одно слово «счастье». Так-то оно так. Да только счастья того было с гулькин нос. Вслед за умиротворением, что всё обошлось и ребёнок – слава богу! – родился здоровым, без видимых изъянов, навалилась прорва забот. Это может понять, кто испытал такое: мать-одиночка с двумя малыми детьми, и рядом никакой бабки-бабарихи, золовки или свекрухи, одна-одинёшенька.

То время голосило воем волчицы. Чтобы не потерять молоко, надо было соблюдать режим и правильно питаться. А на какие шиши? В художественной школе, где преподавала, декретных выдавали крохи. Не успела отлежаться, «зализать раны», пришлось искать приработок. Вечерами мыла в конторах и учреждениях полы. С дочкой на руках, с сыном за ручку и – по двум-трём адресам за вечер. Руки сбитые, в занозах, от воды распухали, кожа шелушилась и трескалась. Подчас было невоготу, подступало отчаянье, закипали горячие слёзы. Но чтобы – упаси боже! – не потерять молоко, колола себя иголками, не ведая, что оно могло пропасть и от этих отчаянных уколов... Потом у дочки обнаружили признаки рахита. Тряслась над ней день и ночь. Где бы соку свежего, фруктов, где бы питания нужного раздобыть... Всё – на неё, с себя последнее продала. Зимой в демисезонном пальтишке бегала, ещё студенческом, да в ботиночках на рыбьем меху. Само собой, простыла. А лечиться когда? Всё на ногах. В двадцать пять уже сердце почувствовала... А к этим её двадцати пяти в державе началась полная смута. Пошли сокращения, перебои с зарплатой, и без того крохотной. А самое жуткое – исчезли продукты. Пустые полки продмагов заставили сорговыми вениками, топорищами, алюминиевыми сковородами и пачками хмели-сунели. («Хмели-Емели власть не имели и поимели хмели-сунели», – скалился вечно поддатый сосед.) Народ перевели на талоны. Но с этими талонами надо караулить у прилавка сутки напролёт, иначе всё расхватают, а ты придёшь к шапочному разбору. А пуста кошёлка – вари суп из топора, согласно традиции русских народных сказок, и заправляй его теми самыми мясными талонами, что нашлёпала-напечатала бездарная власть... Ульяну иногда выручали заказы от кооператоров. Там вымпел предложат нарисовать, в другом месте – трафарет для футболок. А ещё сумки из мешковины штамповала, шлёпая на них ковбоев да девиц с неперменным «Made in...». А ещё книжки детективные оформляла. Много чего делала по мелочи, чтобы наскрести на какое-никакое питание. Но потом и того не стало. Ни заказов, ни денег, ни продуктов. Бартер пошёл, слово такое в обиходе появилось. То банками с неведомой снедью расплачивались, то пачку детективов

совали: бери – продавай. А бывало, и собственную кровь – сколько там её оставалось – в товар обращала... Лариска в ту пору чем-то отравилась, не то в яслях, не то дома – поди разбери, где и что тебе подсунут. Её без конца рвало, пожелтела вся, усохла. Для спасения требовалось дорогое лекарство. Что оставалось делать? Отдала последнюю свою ценность – обручальное кольцо – единственную память об отце Серёжки. Даже фотографии от Игоря не осталось, только это кольцо.

Отчего же неожиданно-непрощено навалились на Ульяну эти воспоминания, хоть и гнала их что было силы? Да оттого, что случилось непоправимое, а виной всему стала Лариска, её дочка, так трудно ей, матери, доставшаяся.

* * *

Годовщину отплытия Ковчега – так они с Йоном называли их встречу и первую, по сути венчальную, ночь, – в доме устраивалось семейное торжество. Заранее согласовывались подарки, припасались лакомства, накануне готовилась утка или индейка, а в утрах того дня Ульяна пекла кулебяки, начиняя их палтусом, или творожники из муки грубого помола, какие помнились по деревенскому детству.

Всё предполагалось как всегда. Неизменность сценария подчёркивала незыблемость семейных традиций, что для Ульяны было важно. Детали и вариации лишь подчёркивали эту нерушимость. Единственно, чем принципиально отличалась нынешняя годовщина, так отсутствием сына. Серёжка учился в университете, путь от Осло неблизкий, к тому же у него начинались зачёты, и она сама его отговорила. Зато вместо себя сын послал видеопоздравление, и она планировала включить кассету посреди застолья, тем самым введя его в семейный круг.

За неделю до события Ульяна договорилась, что занятия в студии начнутся на два часа раньше. Поэтому освободилась в тот день досрочно. Подарки мужу и дочери были приготовлены: Йону – запонки в виде серебряных подковок и брелок с золотистым морским узлом, а Лариске – две кассеты с популярными группами. Что осталось по пути – так заглянуть в булочную и купить свежего хлеба.

Домой Ульяна летела, как она сама себя подзадоривала, на крыльях: душа её пела и по-девчоночьи подпрыгивала. Небо над фьордом пылало: алый меч заката рассекал серебристое, как лосось, облако. Картина открывалась величественная, напоминавшая полотно Куинджи, и одновременно зловещая. Но она не изменила настроения Ульяны. И льдинка, на которой она поскользнулась и чуть не упала, вызвала не досаду, а, напротив, задор: Ульяна подцепила её носком сапожка и мастерски направила в воображаемые ворота Холмквиста.

К своему дому Ульяна подошла слегка запыхавшись. Что-то замедлило её шаг. Обычно свет горел во всех окнах первого этажа – и в гостиной, и на кухне. А тут светился только наружный фонарь, да чуть мерцало окно Ларискиной спальни. Входная дверь была открыта. Ульяна вошла внутрь, хотела было окликнуть, спросить, кто есть дома. Но услышала музыку. Сердце её тревожно забило: это был «Караван». Не включая света, Ульяна поднялась на второй этаж. Музыка доносилась из Ларкиной спальни. Музыка и ещё голоса. Она толкнула дверь и... обомлела.

6

К Йону у неё вопросов не было. Он стал жертвой. Опоила, даже, кажется, чем-то уколола – так он твердил, трясая головой и умоляя простить его, поверить ему. Это было наутро. Ульяна кивала: так оно, видимо, и происходило. Йон лукавить не умел. Он был простой и бесхитростный, этот потомок викингов. Но для дальнейшего это уже не имело особого значения. Дисплей с зелёным apple – яблоком райского сада – разом померк, унеся в нети и «Караван», и Аладдина, и всё то, что столько лет согревало её сердце. Сердце Ульяны сжало остудой, на неё навалились оцепенение и тоска. Всё, что требовалось от неё – и по дому, и в студии, – она делала машинально. Зато вместе с тем как-то иначе заработало её сознание. До того она позволяла себе думать от сих до сих, обозначив некий сектор в жизненном круге: вот это моё, а остальное меня не касается. А теперь её мысли, освобождённые от запрета, ринулись во все стороны.

Вспомнилось начало, когда, переиначивая судьбу, она, Ульяна, перевезла в Норвегию своих русских детей. Какой тогда была Лариска? Да малой пичугой, не иначе – встопорщенной, выпавшей из

гнезда несчастной пичугой. Хотелось прижать её, согреть, обласкать, до того была растеряна. Так она, мать, и поступала, не скупясь ни на ласки, ни на подарки, подчас не ведая меры ни в том ни в другом, тем более что Йон не перечил. Это было какое-то сумасшедшее время – сплошной праздник. Ещё недавно все они – и она, и дети – испытывали нищету, с хлеба на воду перебивались, и вдруг, как по мановению волшебной палочки, появились и вкусная еда, и нарядная одежда, и тёплый дом, то есть то, что надо для жизни, а главное – всё сразу.

Не тогда ли на языке у Лариски появилось бесплотное словечко – «легкотня». «Легко, легкотня, влѣгкую» – это относилось поначалу к учёбе. Ей и впрямь все гимназические предметы давались играючи. Подчас и в учебники не заглядывала, всё схватывая на лету, и шутя переходила из класса в класс. Но, похоже, постепенно это словечко стало синонимом самоуверенности, этакое бесшабашно-легковесного отношения вообще к жизни.

Что стало первым звончком? Стрижка наголо. Лет в двенадцать Лариска постриглась, напрочь отчекрив свои природные каштановые кудри. «Ёжик в тумане» – так она себя отрекомендовала. Может, тогда тот ёжик впервые чего-то нанюхался, напустив в рассудок «туману»? И не оттого ли стал всё больше топорщиться, словно вместо волос и впрямь стали отрастать иголки. А потом, будто в продолжение того внешнего сходства, ёжик, не иначе эволюционируя, превратился в дикобраза – с чем ещё сравнить тот вздыбленный на голове хайер или ирокез, как там они это называют, да к тому же крашенный в ядовито-зелёный цвет?!

А потом? Разве не замечала она, мать, перемен, которые происходили с её дочерью? Замечала, они просто в глаза лезли: и эта взвинченная походка, и вульгарные жесты, и блуждающая, как теперь уже представлялось, порочная улыбка...

Как, оказывается, прав был Пётр Григорьевич, когда остерегал её! Здешние дети в этой среде выросли, они смала во всё посвящены, всё им дано и доступно, нет ни в чём никаких препятствий – таковы западные установки. А приедем детям и подросткам, особенно нашим, русским, эта вольница крышу сносит. Когда он это сказал? Да после той самой Ларискиной истерики – теперь-то она называла все вещи своими именами, уже не миндальничая и не очуывая себя.

Каково услышать матери, что родители – это первая ступень космического корабля, которая обречена сгореть в плотных слоях атмосферы, чтобы вывести на орбиту спутник, то есть своё чадо! Дурно! Просто мерзко! Да ещё в таком тоне! И всё ради чего? Ради минутного каприза, взбалмошной прихоти. Ей, видите ли, срочно нужна тысяча крон, чтобы поехать на поп-фестиваль. А учёба? А домашние обязанности? Или всё побоку? Но самое отвратительное в этой сцене было то, что она творилась на людях. Дома, наедине, эту запальчивость можно было пригасить, скажем, отшутиться, пожать плечами, сделать вид, что не поняла, из-за чего этот сыр-бор... Но ведь та паразитка брякнула это при старике. Эх, как он тогда вспыхнул: «Вот она, распута европейская!» Эх, как повёл сивой бровью: «Укорота нет на тех дерьмократов!» И – к Лариске: «Ты как с матерью разговариваешь, дрычка ты пореформенная! Ты как ведёшь себя, демокруха ты сопливая! А ну извинись!» Та перекосилась, взвизгнула, что-то крикнула, повертев пальцем у виска, и дала дёру.

То была не единственная Ларкина выходка. Теперь-то Ульяне ни к чему стало скрывать, гасить да осаживать свою память. Случалось кое-что и похлеще. И алкоголь был в неумеренных количествах – пьяную домой притаскивали. И травку курила. А потому, как следствие – из дома пропадали вещи и деньги... Много чего уже было в её пятнадцатилетней жизни – всего и не перечислишь. Невинность она потеряла полтора года назад. Ульяна узнала о том от школьного педиатра. Обе матери, они повздыхали, попеняв на время – о времена, о нравы! – и, разведя руками, разошлись. Что они могли тут поделывать, если подростковая распущенность стала едва ли не нормой!

Месяца три назад Ульяна своими глазами видела, как Ларка лижется с каким-то парнем. Было это среди бела дня неподалёку от арт-хауса. Инициатива исходила явно от неё, её дочери. Больше того, Ульяна заключила, что и место, и время выбраны не случайно: она же знала её, матери, расписание. Что она этим хотела показать? Решила продемонстрировать, что она уже взрослая, что ей никто не указ и что она вправе распоряжаться сама собой и как ей заблагорассудится? Ну, продемонстрировала, показала в очередной раз. А дальше-то что? Ждала реакции? Крика? Гнева? Скандала? Хороша была бы она, мать, если бы поддалась на провокацию и устроила скандал. И дело не в том, что здесь это не принято: толерантность и ещё раз толерантность. Она всё ещё надеялась на своё терпение – обыкновенное русское терпение, рассчитывая, что всё перемелется, образуется, уляжется, то есть что эта

зараза перебесится и образумится... Увы, оказывается, и терпение не всегда приносит результаты, даром что со школы твердили: учение и труд всё перетрут. Не перетёрли...

Первая мысль после шока: в Лолиту захотелось поиграть? И сама же отвергла: нет, тут что-то другое. А что? Ларка два последние года неуклонно гнула своё, она явно ждала взрыва, гнева, скандала... А не дождавшись, пошла на крайность. Не случайно выбрала именно этот день, день Ковчега. Насолить хотела? Да что там – насолить! Так мстят. Только за что? В чём она, мать, провинилась перед своей дочерью? В чём она, дочь, обделена? Чего лишена? Внимания? Ласки? Тут на всех поровну – это справедливо. А всё остальное – как у здешних сверстников, тем паче эмигрантов, а, может, в чём-то и поболее. Своя комната, полный шкаф одежды и обуви, компьютер, музыкальный центр... Чего ещё не хватает? Да ежели по справедливости, всё, что она, Ульяна, сделала в жизни, всё сделано ради них, её детей – Сергея и Ларки. И Родину она покинула ради них, ради их будущности. Была бы одна – ни за что бы не сделала этого, прожила бы... Ради них бросила... Обрубила, пыталась обрубить даже свою память. И вот – благодарность, награда за все её терзания и муки...

Ульяна заглядывала в себя, как заглядывают на дно колодца, пытаюсь разглядеть не только отражение, но и ещё что-то, что за ним, в самой бездне. Она не щадила себя, перебирая прошлое. Был у неё грех, что там таить. Мелькала мысль об аборте. Мелькала. Но ведь не совершила. Теперь говорят, что такие зарубки остаются на подсознательном уровне ещё нерождённого. Даже если и так, разве она не загладила этот рубец своим неустанным материнским трудом, а по сути, жертвенностью, подчинив свою жизнь детям – Серёжке и ей, Ларке?.. Ну почему? Почему она это сотворила? Почему она, её дочь, пошла против неё, матери? Ульяна снова и снова задавала этот вопрос, неведомо к кому обращаясь. Ответа не было. Кто скажет, почему в здоровом организме заводится раковая клетка? Может, виной всему гены? А в этом случае – дурная кровь, доставшаяся Ларке от отца?

* * *

Будущий отец Ларки появился на её, Ульянином, пути, когда она немного оправилась от горя. Она устала от одиночества, от слёз, которые таила от маленького Серёжки, от тяжёлой, подчас нищенской жизни. Хотелось улыбаться, хотелось к кому-то прислониться. А тут – нате вам! – весёлый, разудалый, озорной, немного похожий на популярного артиста, игравшего мужественных героев. С ходу приобнял: «Пойдёшь за меня, красавица?» Глаза охальные. По всему видать, крученный-верченный. На предплечье татуировка: орёл, несущий добычу, а добыча – не то русалка, не то спящая красавица. Как такому поверишь?! Но ведь сердце-то – не камень. Вода камень точит, а бабье сердце – ласка. Открылось оно, как примороженный бутон тюльпана раскрывается от мягкого ветерка да тёплого солнца. Открылось робко, доверилось в надежде. И вроде как не напрасно. В доме – в общежитской их с Серёжей комнате – веселее стало. И Серёжик ручонки тянет к залётному, пытаюсь что-то сказать. До того три года – ни звука. Думала, уж пожизненно немой. И врачи руками разводили: вероятно, последствия предродового спазма. А тут вдруг ожил, лопочет, улыбается. И залётный с ним возится: «Ништяк, малец, выплывем! Всё будет тип-топ!» – «...Оп!» – притаптывает Серёжик. «Где наша не пропадала?! Аха?» – «Га-ха», – улыбается сынушка. Забудешь разве такое?!

Где залётный работал и работал ли – она не знала. Но деньги иногда приносил. А ещё подарки дарил: то кофточку, то сапожки-чулки, тогда модные были. И Серёже чего-нибудь: конфет, игрушку или рубашонку... Попивал, конечно, – как не попить, все пьют. Но не буянил, не озоровал, как другие в общаге. Себя иногда в подпитии называл «печных дел режиссёром». «Как это? – спрашивала она. – Из классики или из современных?» – «Из... – уклончиво отзывался он. – Есть рассказ один...»

Она потом поняла, о каком рассказе шла речь. Мужик приходит в село, останавливается у вдовы, кладёт ей печь, а заодно – прокладывает дорожку к её сердцу. Слава о народном умельце живо разносится по селу. От заказчиков на его умелые руки нет отбоя. Он ставит или ремонтирует одну печь за другой. А ещё создаёт на селе театральный коллектив и начинает репетировать – ни много ни мало – «Гамлета». Проходит время. Печи поставлены, спектакль – тоже, премьера прошла на «ура». И на заре, завершив назначенные дела, мужик уходит, навсегда покидая селенье.

Залётный исчез, когда она сказала, что уже на третьем месяце. «Сложил печурку, – горько усмехалась Ульяна, – и дёру...» Более она его не видела и ничего о нём не слыхала. Вещицы, что он дарил, понятно дело, поизносились. Память повыветрилась. А что осталось-сбереглось, так одно лишь отчество в Ларискином свидетельстве. Так казалось. А выходит – и кровь, шалапутная да побродяжная.

К кому было нести свою боль, своё внезапно навалившееся отчаянье? Единственная родная душа – сын. Но Серёжка находился в Осло, где учился на втором курсе университета.

К тому же едва ли он годился для такого разговора. Это ведь не кино обсуждать, не проигрыш любимой команды. И даже не болезнь. Тут совсем потаённое. А на кону – ни много ни мало – судьба семьи, будущее и её, и Йона, да и Лариски...

Едва ли не впервые за здешнюю жизнь Ульяна остро почувствовала, что она на чужбине. К кому здесь с этим прислониться? Кому поплакаться? Это ведь не Россия, где можно доверить свою печаль-тоску даже случайному попутчику, и он с сочувствием выслушает тебя и, может, даже даст какой совет. Во всяком случае, так прежде было. К бабушке податься православному? Но церковь русская далеко, туда не наездишься. К здешнему психологу? Но это непривычно, да и холодом веет от медицины. Может, к кому из соотечественников? Ульяна мысленно перебрала всех здешних русских. Увы, ни с кем из них у неё не было особо доверительных отношений, хотя подчас и болтали подолгу, соскучившись по родной речи. Оставался только Пётр Григорьевич.

Ульяна медлила. Обратиться к старику – значило выслушать много укоров и упрёков. Ведь он предвидел, чем может обернуться Ларискина вольница, её хамоватость, бесцеремонность, ранняя распушенность. Ведь он предупреждал её, Ульяну, коря за материнскую слепоту и зашоренность. В конце концов, она решилась: пусть осыпает упрёками, пусть шпыняет, пилит – заслужила, лишь бы открыться, лишь бы выпустить эту боль.

На звонок Ульяны Пётр Григорьевич откликнулся немедля. Они устроились в укромном уголке полупустого кафе. По смятенному виду Ульяны, а того раньше по голосу старик догадался, что что-то стряслось, и, не дожидаясь ещё объяснений, взял её за руку. Тут она и разрыдалась. Зажимая рот ладонью, давясь слезами, пыталась говорить, но выходило худо. Он не торопил, тихо гладил её руку, терпеливо ждал. Мало-помалу приступ прошёл, плечи, ходившие ходуном, опали, но слёзы всё текли и текли по её измученному, осунувшемуся лицу.

Пётр Григорьевич налил ей воды, подал платок. А после того как Ульяна коротко обсказала всё, старик и заговорил. Говорил тихо и ласково. Тут важен был не столько смысл, сколько тональность, та корневая, родовая – от бабушек и дедушек – русская сердечность, которой напивались поколения русичей, та жалость да утешность, где твоё сердце, как разверстый сосуд, в который можно сточить слёзы, боль, обиду, пусть он и так всклень переполнен.

Они смотрели друг другу в глаза, как отец и дочь. Оба сироты, но сродные души. У него земные сроки подходили к концу, ей ещё предстояло жить. И он старался мягко и ненавязчиво наставить её, укрепить дух, предостеречь от дальнейших заблуждений и ошибок.

И ещё одно посоветовал Пётр Григорьевич. Всё время твердивший о возвращении на Родину, а стало быть, и её подбивавший к тому, он неожиданно открылся как прагматик.

– Пока не разрывай с мужем, не спеши. Может, утрясётся, обомнётся, простишь... А нет... У тебя когда семь лет? Вот! Дождись срока, получи здешнее гражданство – оно не помешает. А потом уж решай...

* * *

Разговор со стариком укрепил Ульяну. Жизнь продолжается. Надо применяться к новым обстоятельствам, а стало быть, действовать.

Первым делом Ульяна спланировала с глаз долой Лариску, нельзя ей было оставаться дома. Устроила в закрытой гимназии в пригороде столицы. Там строгий режим, насыщенная учебная программа – дурью маяться не позволят. А по воскресеньям её будет опекать строгий старший брат, у которого не забалуешь.

Этот шаг Ульяна назвала про себя работой над ошибками. После этого предстояло определиться с Йоном. С того дня, как их Ковчег потерпел крушение, они разговаривали мало. Вернее, Йон-то пытался заговаривать, накрывал стол, заводил Элингтона, но она его остужала, уходя от разговора, не удостоивая внимания ни его кулинарию, ни музыкальные подводки.

Теперь, когда они остались совсем одни, Ульяна сама попыталась смягчиться. Она старательно вспоминала первую их с Йоном ночь, мурлыкала про себя – пусть немного и натужно – знойный

«Караван». А однажды сама накрыла на стол. К приборам она поставила два бокала, а посередине – бутылку красного сухого вина, она открыла для себя замечательное чилийское вино, изысканно терпкое и густое по цвету.

Йон не был красавцем. Худощавый, долгоносый, белобрысый – таких много на здешних факториях, где ещё до недавних пор жили бедно и скудно и не нагуляли породы. Раньше Ульяна не замечала этого, очарованная счастьем, свалившимся на неё, а теперь словно прозрела. Улыбка виноватая, даже жалкая, жидкие усы, глаза белёсые, мелкие – чего она нашла в нём?! Сделав усилие, Ульяна оборвала себя: стыдись! Йон единственный, кто отозвался на крик о помощи, крик твоей души, а с лица воды не пить. Она через силу улыбнулась и предложила налить вина.

Они пили вино, перебрасываясь незначительными фразами, обмениваясь короткими взглядами. Скванность обоюдная не проходила. И всё же – так или иначе – по инерции, под воздействием вина, а также умозрительных усилий они оказались в спальне – там, где давно-давно завязалось их счастье. И опять играла труба, звучал «Караван» и витал запах кофе. Всё, казалось, было, как прежде, как тогда... Но как тогда, увы, не произошло. Блик ли ночника, свет ли далёких фар, что мазнул по потолку, но Ульяна вдруг представила себя стоящей возле дома, тревожно вглядывающейся в окно, где мелькали тени, мучительно всхлинула, вскочила с постели и выбежала вон.

Всё разладилось. Как Ульяна ни строжила себя, как ни уговаривала – ничего уже не помогало, ей не удавалось пересилить себя. Йон же от этого потерял голову. Он то свирепел, то плакал, то напивался и ломился, то грозился покончить с собой и даже показывал верёвку. Ульяна от этого устала. Однажды на те посулы она сказала, что потомку викингов негоже трясти удавкой – они кидались на меч. Тем самым она, похоже, окончательно отрезала обратную дорогу.

8

Для Ульяны началась новая житейская полоса. Похожа она была на дорогу в межсезонье: и грязно, и скользко, и не знаешь, куда ступить, а идти надо. Выручал, как всегда, Пётр Григорьевич.

Старик, бывало, всё тормозил её, выспрашивал о родне, о доме. Даже опыт предлагал, дескать, ты, дочка, что-то рассказываешь, я рисую, а потом сравниваем... Прежде Ульяна не отзывалась на это, она либо пожимала плечами и переводила разговор на другое, либо отшучивалась. С тех пор, как началась закордонная жизнь, она положила себе ничего не вспоминать, а уж тем более не рассказывать. Прошлое не вписывалось в здешние реалии, как скромная акварелька не вписывается в золочёную багетную раму. Оно мешало ей в новом обустройстве, и она словно отложила его. Так откладывают в дальний ящик шитьё с вдруг оказавшейся ненужной вещью. Скатила прошлое в рулон со всеми выкройками, мелковыми метками и положила в самый нижний ящик комода, пересыпав не столько для сохранности, сколько по привычке нафталином. И всё...

Однако после того, что стряслось, ей понадобилась житейская опора. Куда заполошно кинулась душа? Да в то самое прошлое, упрятанное под спудом. Ведь было же оно у неё. Было безоблачное и счастливое детство, юность, полная надежд и ожиданий. И дом, и большая семья... Всё было. И светёлка под крышей, и письменный столик, и даже шкаф, не столь высокоуважаемый, как у Раневской, – чего уж там! – но был...

Сама с собой Ульяна вспоминала былое иначе, чем делилась этим со стариком. От себя она теперь не таилась. Но в разговорах с ним кое-что пропускала. Менялась ли от того вся житейская картина, она не сознавала, однако обнаружила, что утаённое не пропадает бесследно, а оказывается, тоже заполняется краской. Таково, видимо, свойство родственных душ. Они создают единое силовое поле, в котором проясняется забытое или потаённое, и окрашивают всё тем тёплым, умиротворяющим светом, который оставляет надежду.

Что Ульяне в посиделках с Петром Григорьевичем чаще всего вспоминалось? Деревня, река, улица, заулок, изба... Из родни – больше сестра Раечка да папушка.

Об отце в селе незлобливо шутили, что он с войны пришёл и как на новое место службы определился, в новую войсковую часть. На войну попал бесхитрым деревенским пареньком, был покладистый да смирный, привык беспрекословно подчиняться отцам-командирам. Так и тут. Очутился по вербовке на Севере, леспромхоз оказался поблизости от села, попался на глаза Пестимее, она его и залучила, став и взводным, и ротным, и самым главным командиром. А Трофим и не воз-

ражал. Ему по сердцу пришлось и новый командир, и своё новое положение, будто как раз этого ему и недоставало. Работал в лесу, потом в колхозе. Плодил детушек – Пестимея рожала часто – и набралось их семеро по лавкам. Мужики после подённого упряга, бывало, – в лавку да под угол, за бани – «остыть телом да вскипеть душой», как говаривал шепутной сосед Федя Гаревских, по жене прозванный Манефин. А Трофиму некогда гулеванить. Семья-то растёт, каждый ись просит, а в хлеву скотина мычит да блеет. Вот и вертись мужик! Выпивать, конечно, выпивал, но немного. Да и то всего трижды в году – на Октябрьские, на Новый год да на 9 Мая. В День Победы надевал медали и орден Славы. Как только глаза Трофима отуманивались, Пестимея посудину убирала – «Будет!» А он и не возражал, не стучал по столу, как другие мужики, мол, дай помянуть окопных братьев, что порастерял на фронтовых перекупьях. Он вообще редко перечил. Он не возразил, когда лишили доплаты за орден, когда отобрали паспорт – колхознику не положено! Тут поговаривали, что оборотистость проявила Пестимея, дабы бесповоротно закодолоить мужика. Он не перечил, когда бригадир то и дело наряжал его на самую тяжёлую работу – на скотный двор выгребать навоз или в силосную яму очищать её от прошлогодней гнили... А уж о главенстве в доме и речи не было. Воспитание детишек Трофим передоверил супруге. Все дочки и сыновья были под Пестимеей, она держала их в горсти, как заповедовали ей её родители – исповедники старой веры. Все – и дочки и сыновья – не смели матери прекословить. И только её, Ульянку, самую младшую в семье, матери не сумела подчинить. Тут едва ли не единственный раз за всю жизнь поперёк встал отец. А произошло это потому, что ещё сызмала он заметил у младшей художественные задатки.

С чего это началось? Усадив дочку на колени, Трофим листал «Родную речь». Читал вслух всё, что попадалось. То сказку, то стихи Пушкина, то толстовский рассказ. А затевался этот домашний урок всегда с того, что папушка вглядывался в картинку на обложке. Пейзаж Шишкина «Рожь» напоминал ему детство, родные рязанские места. Всякий раз он оглаживал натруженной рукой хлебное поле, словно стирал дымку памяти и наяву прикасался к отчине. Иной раз уже после чтения он брался за гармонь и что-нибудь тихо напевал, особенно если матери в избе не было: «На муромской дорожке» или «Меж высоких хлебов затерялся...». Глаза его при этом отуманивались, как и на 9 Мая.

Ульянка, конечно, заметила всё это, и ей захотелось как-то порадовать папушку. Думала она, думала и придумала. Когда братья и сёстры убежали в школу, она достала карандаши «Спартак», серенький простой альбом и стала рисовать. Да так увлеклась, что не заметила, как сзади подошла мать. Глянув на занятие дочки, а главное – результат, Пестимея покачала головой и отошла, вымолвив только одно слово: «Эко!» Зато папушка так и просиял, увидев рисунок дочки. Это было вечером, когда он вернулся с работы. Не смея взять лист с рисунком в руки – они были черны от тавота и солидола, – папушка в приливе чувств чмокнул дочку в маковку: «Умница ты моя!» Что и говорить, обласкала Ульянка папушкино сердце. Ведь она во весь альбомный лист воспроизвела то, что было изображено на обложке «Родной речи», – пейзаж Шишкина. Причём нарисовала так, что даже старшие братья, никогда не принимавшие её в свои игры – «Мелюзге неча тут делать!» – и те удивлённо и завистливо качали головами: они-то так не умели.

Рисунок тот, потом говорили – репродукция с картины, папушка заправил под стекло в специально сделанную рамку и повесил в простенке рядом с часами-ходиками и отрывным календарём – на самое почётное место. А потом, когда всевозможных рисунков – и карандашных, и уже акварельных – появилось множество, папушка устроил её персональную выставку, развесив те листы на нитки, протянутые вдоль стены. Это было уже тогда, когда она пошла в школу.

Мать художествам её, как она выражалась, поначалу не перечила: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не уросило. Но вскорости переменялась: младшая выбивалась из семейного круговорота, где всё подчинено раз и навсегда заведённому порядку. Братья пилят да колют дрова, носят с реки воду, топят байну. Сёстры запаривают пойло для скота, кормят овечек, курушек, а то шьют-кропают чего-нибудь. А младшая, извольте полюбоваться, кисточкой чирикает.

Не по злобе, конечно, сердчала мать, калила сердце. Такая была порода, такой характер, такая выучка. Старая вера, суровые нравы, пусть и остатного уже замеса, требовали во всём неустанного рачения, беспрекословного послушания. Такие натуры собирались веками, это кремь, обкатанный на порожистой реке жизни. Такой камень в крепостную стену годится и в брусчатку вечевого площади. Но в новом житье-бытье такому характеру было ох как непросто.

Матери, привычной к вековечному укладу, были странны художества дочери, которая от хозяйственных семейных дел всё норовит в свой уголок к карандашам да краскам, а со временем не только странны, но и нестерпимы. И верно, отступилась бы Ульяна от своего дара под таким напором, если бы не папушка. Мягкий, податливый, «из таких верёвки вьют», тут папушка не уступал и тоже становился как камень. А когда два кремня схлестнутся да колотнутся лбами – искры ведь сыплются.

Последний раз такой «фейерверк» случился после окончания школы. Мать рядила, что Ульяна пойдёт на ферму, как сёстры, а потом буди что – выучится в ближнем совхозе-техникуме и вернётся домой агрономом или зоотехником. Худа ли планида?! – и при должности, и при почёте. А Уля мягко, но неуступчиво заявила, что хочет учиться на художника. Что тут затеялось?! Мать вскипела: вольницы захотелось? И к отцу: это ты, потатчик! Криком занялась да всё пальцем вверх тыкала, ровно боярыня Морозова. Но не Божьей карой грозила, а поминала, что сотворил-учудил её благоверный. Ведь Трофим, чтобы оградить занятия дочки от лишних поглядок да попрёков, оборудовал под крышей светёлку. Он такие видал в Польше да в Германии, когда воевал. Мансардами называются.

Никак не желала мать, чтобы дочь её единокровная отрывалась от родного дома и зажила поодинке где-то на стороне. У них в роду такого и в заводе не было, на чужую сторону не выдавали, а уж по какой другой надобе и подавно. Ладно сыновья – их призвали в армию, дело казённое, а там дальше по военной линии пошло-поехало. Но покорливой дочери место возле родителей. Вроде ясней некуда. А Ульяна своё: хочу быть художником. Мать навела справки: живопись преподают в училище, которое находится в областном центре. В областном – не за тридевять земель. Ладно! Но Ульяна, уже знающая что к чему, и тут возразила. В «кульке» – училище культуры – того образования не дадут. Знающие люди советуют поступать в Ярославль. И другого она не хочет.

После этого начался новый виток семейных баталий. Длилось всё это несколько недель, пока из Ярославля не пришёл вызов. Оценив Ульянины работы, которые она послала по весне на творческий конкурс, училище приглашало её на экзамены.

Мать махнула рукой – быть по-вашему! – и ожгла отца взглядом. Втайне она надеялась, что Ульяна экзамены не сдаст и вернётся восвояси, о чём поделилась с Раечкой. Однако Ульяна успешно выдержала все испытания и вернулась домой, чтобы получить от колхоза справку и собраться на учёбу.

Особых денежных доходов в их семье никогда не водилось. Колхоз платил главным образом натурой: житом, картошкой да молоком. Но на родительском совете было решено, что семья будет ежемесячно переводить студентке пятнадцать рублей. Деньги невелики, но вкупе со стипендией, ежели с умом жить, хватит. Никто почему-то не сомневался, что Ульяна непременно будет получать стипендию.

Что оставалось делать Ульяне, когда она оказалась за пределами не только родительского крова, но и в другой области? Корпела, зубрила, читала и писала конспекты день и ночь. Не пропускала ни одной лекции, ни одного практического занятия. В результате первую же сессию сдала на «отлично», подтвердив, что не зря получает стипендию. Вкупе с родительскими переводами сумма на прожитьё была скромная, но достаточная. А на мороженое да киношку отдельно «подбрасывал» папушка. Он часто писал письма и в конверт, аккуратно замаскировав, чтобы не видно было на просвет, вкладывал то трёшку, а то и пятёрку.

После второго курса, приехав на каникулы, Ульяна привезла с собой три объёмистые папки. В них были карандашные натюрморты, акварельные пейзажи, линогравюры и эстампы – всё то, что она наработала за два учебных года.

Первым зрителем этого собрания стал, разумеется, папушка. Ульяна волновалась тогда не меньше, чем на экзамене. Да и то: ведь папушка, поверивший в её дар, покуда был для Ульяны самым главным экзаменатором, и она страх как боялась разочаровать его. Бережно развязав заскорузлыми пальцами тесёмки, папушка, неторопливо рассматривал ватманские листы и непременно заглядывал на оборот, где стояли отметки или резолюции педагогов. Взгляд его был сосредоточен, он дотошно разглядывал каждую работу, то отводя её на расстояние вытянутой руки, то опять приближая к глазам. Его восприятие, видимо, не всегда совпадало с оценками преподавателей, и в таком случае он ещё раз вглядывался в пейзаж или натюрморт, чтобы попытаться понять причину расхождения.

Отлегло от сердца Ульяны только тогда, когда пришёл черёд речному пейзажу. Эту работу она выполнила совсем недавно, когда их группа выезжала на пленэр в Углич. Папушку порадовало тут всё: и далёкая облачная кисея, и речная гладь, и луг, что расстилался перед рекою. Ульяна облегчённо вздохнула – главный экзамен на эту пору был, кажется, сдан, а вспомнив, что там, на этюдах, она думала о доме, об этой минуте, счастливо засмеялась. Папушка поднял на неё взгляд. В глазах его отражалась речная даль, васильковая пестрота луга, и казалось, одно перетекало в другое, становясь его составной частью: он – этого мира, а мир – его.

– Хорошо, – заключил отец, – хорошо, – добавил ещё раз, отмеряя похвалу одному ему ведомой мерой. А потом, словно спохватившись, чуть удивлённо добавил: – А наша-то, кабыть, пошире будет...

Ульяна поняла, о чём речь.

– Так то же верховья Волги, начала. А у нас край Двины. До устья-то много ли?..

– То так, – отозвался папушка, – то так. – При этом взгляд его, похоже, устремился в другую сторону – на стёжки да веретейки детства, которые пересекали тихие ласковые речушки, где воды в середине лета было всего по колено, а широкое рязанское лицо, на котором запечатлелся простор Среднерусской равнины, подёрнулось неизбывной грустью, словно на равнину ту пала облачная тень.

Папушка выспрашивал её о педагогах, об однокурсниках, да не переменились ли соседки по комнате – он ведь знал уже по письмам да прежним разговорам, с кем она делит общежитие. А ещё о столовой опрашивал: как и чем кормят, хватает ли... И всё наставлял: ежели что – срочное, важное – отпиши, а то дай телеграмму, а ещё лучше вызови на переговоры, сельсовет-то – эвон где, в двух шагах.

Кроме своих работ Уля привезла тогда репродукции с картин. Собирала она всё – и отечественных, и зарубежных художников, но захватила с собой только европейцев: вырезки из «Огонька», «Смены», «Юности», наборы открыток, которые покупала, выкраивая из скромного студенческого бюджета.

Где разместить привезённое – она долго не раздумывала: разумеется, в светёлке, что устроил для неё под крышей папушка. А как? – тут надо было приноровиться. Часть репродукций, у которых имелись белые поля, она прикрепила кнопками, а часть, воспользовавшись папушкиным методом, развесила на нитках, используя канцелярские скрепки.

Это было день на третий или четвёртый. Доклады о студенческом житье-бытье – степенные для матери, более искренние для папушки – сделаны, новости деревенские от сестриц да бывших одноклассниц услышаны, визиты к семейной родне да порядковым соседям нанесены. Вот и наступил черёд этой папке, в которой покоились репродукции. Выставка была составной частью её приезда – этого маленького триумфа, её задуманного сопротивления будням, даже и каникулярным. В юности страсть как хочется нескончаемого праздника!

Первым в домашнюю галерею-мансарду она пригласила, само собой, папушку, ведь именно его прежде всего она собиралась порадовать-удивить. Стояли дни летней передышки: пахота да сев закончились, сенокос ещё не наступил, папушка возвращался с работы не запоздно. Вот после ужина Уля и кликнула его с верхотуры.

Остановившись в дверях, папушка окинул взглядом стены, и его белёсые брови изумлённо вскинулись – Ульяна явно достигла желаемого, – а потом губы папушки тронула тихая улыбка, это он, видать, различил скрепки.

Начался осмотр. Папушка медленно пошёл вдоль стены. Он клонил голову то вправо, то влево, то отступая, то приближаясь к листкам, как завзятый ценитель искусства, хотя в музеях, насколько ведала Ульяна, ему бывать не доводилось.

- Это Матисс, – поясняла она, кивая на огненный «Танец».
- Красно, – неопределённо, но как-то значительно кивал папушка.
- Это Сезанн.
- Э как!
- Это Дега.
- Синё-то...

Возле одних репродукций папушка задерживался, чему-то удивляясь, даже возвращался. По другим лишь мимоходом скользил взглядом, явно не принимая.

Европейцы – дальние по времени и более ближние – шли вперемешку. Ульяна только называла имена, она не вдавалась в подробности их судеб, о которых знала из книг и лекций по искусствоведению, тем

паче – о манере письма, цветовых пристрастиях и прочих тайнах живописи. Это всё она оставляла на потом. Потом, когда улягутся первые впечатления и возникнет предметный интерес. Как было у неё...

Они шли дальше.

– Это Ван Гог... Это Гоген – полотна, писанные на Таити... А это Дали...

Что случилось дальше, Ульяна не поняла. Папушку вдруг согнуло, скрючило, как от удара в живот, он закашлялся, шея его налилась кровью. Ульяна от испуга даже ойкнула. Он вяло повёл рукой, мол, ничего, успокойся, сейчас пройдёт, и, не переставая надрывно кашлять, поплёлся наружу. Уже в дверях, не оборачиваясь, ещё раз остановил жестом.

Табак. Не иначе табак. Слишком много курит. От всего отвалила его мать, а от этого, как ни бьётся, никак не может. Эта напасть к нему привязалась с детства, точнее, с того лютого года, когда куревом, палёной листвой подавляли голод. Вот и мается.

Ничего, успокаивала себя Ульяна, откашляется – вернётся, чего мешать в таком разе. Вернётся. Ведь и одну стену даже не осмотрел. А вернётся – она непременно покажет ему самую любимую свою работу в этой галерее – «Охотников на снегу». Вон он, Питер Брейгель, рядом с Дали.

Ждала Ульяна, ждала, да не дождалась – папушка не возвращался. Совсем растревожившись, она кинулась вниз.

Папушка сидел на крыльце, опершись локтями о колени, и пытался скрутить сигарку. Пальцы дрожали, простые, привычные движения никак не давались, бумага рвалась, табак золотой струйкой сыпался мимо. Ульяна перехватила его заделье, скрутила самокрутку, набила её табаком и сама прикурила.

Виновато мотая головой, давясь горьким дымом, папушка прокашливался и что-то говорил, а по щекам его текли слёзы. Ульяна слушала, почти ничего не понимая, потому что была сосредоточена на другом – этом внезапном и таком непонятном приступе: не обернётся ли это бедой? Горловые спазмы мешались с кашлем, икотой и дымом. А она, сидя подле, всё гладила его по спине, шептала: «Папушка, папушка...» – и не знала, что делать: кричать, звать на помощь или вот так успокаивать, утишать, слушая, как тяжело бьётся отцово сердце.

– Они долги таки... Шеи-то тянут... Из огорожи... Глаза-те как блюдца... А горит округ... Я туда... Отворить нать... А как?.. Снайпер оттель... Чуть нос – он и лупит... Не стерпел – нать спасать... Сунулся – и аха...

Папушка мотнул головой. Рана. Опять засквозила старая рана. Ласково приговаривая, Ульяна переместила ладонь к левому плечу. Ниже ключицы разрывная пуля вошла, а из лопатки, вырвав кусок кости, вышла. Вот она, эта страшная ямина – воронка, из которой едва не высвистнулась отцова, а следовательно, и её, дочери, жизнь. Улина ладонь бережно прикрывала эту разверзшуюся бездну и как раз входила в неё. Вот так бы и оставить её здесь, чтобы затянулась эта ямина, в порыве особенной жалости подумала она. Уля долго гладила искалеченную отцову спину, утишая боль, горькую память, и вкладывала в эти ласковые прикосновения всю свою благодарность, нежность и любовь.

Посиделки с Петром Григорьевичем в тот тёмный во всех смыслах период проходили ежедневно. То в студии после занятий, то в кафешке после короткого пленэра или урока в галерее. Да не мельком, не впопыхах, а обстоятельно – по часу, а то и по два. Ульяна догадывалась, что старику тяжело, что он перемогает себя, давая ей возможность пережить смутную пору. Но при этом не отказывалась от его участия, не ведая, насколько ему тяжело. Ведь виду он не подавал.

Слушая Ульяну, Пётр Григорьевич не расставался с блокнотом. То делал портретик, то запечатлевал какой-то возникший в разговоре образ. Погружённый в себя, в свои мысли и недуги, он, казалось, многое пропускал мимо ушей. Однако Ульяна знала, что это не так. Время от времени старик вставлял замечания и даже поправлял её, если речь касалась деталей или предметов, которые он знал и помнил лучше. А ещё, если к месту приходилось, что-нибудь уточнял: например, резьбу наличников в родительском доме, форму штaketника, какой у печи был дымоход – прямой или с коленцами, как была отделана её светёлка и какое у неё было окно – стандартное или полукруглое италийское. Ульяна недоумевала: зачем это? И откуда ей знать, какой дымоход был у русской печи?! Но потом, чуть позже, с тихой радостью начинала вспоминать, как красиво в полукружье окна вписывалось

рдяное зимнее солнце. А каким чудесным теплом оболакивала печка, когда после катания на чунках она, девчурка, настывая да продрогшая, забиралась на её каменную спину!

Ульяна уже не удивлялась вопросам Петра Григорьевича. То, что ей вспоминалось, откладывалось в её сердце, отогревая его. А ещё аукалось в блокноте старика. И наличники, и палисад с сиренью. И она, девчурочка на сказочной, расписной печурочке, словно крошечка-хаврошечка на коровушке. «Похоже-похоже», – по-детски восклицала Ульяна, подчас забывая, кто тут учитель, а кто ученик. А Петру Григорьевичу того и надо было.

А в студии старик по-прежнему рисовал пейзажи, мысленно уносясь в родимую сторону: лесные опушки, луга, стога сена, озёрные глазницы, клюквенные болотца, речные дали, лодки у берега, избышки, баньки, пастбища с коровушками, жеребьями-стригунками... Господи, сколько же отрады в песне о Родине, и сколько ни пой её – по гроб жизни не перепоёшь! Это радовало Петра Григорьевича и утешало: не надоест летать в родимую сторону. Одно огорчало старика: ему по-прежнему не давалась небесная даль.

– Наличники, палисадники, стога – всё вроде как надо... («Да-да», – соглашалась Ульяна, чтобы не огорчать старика, – у него заметно падало зрение.) А небеса – увы...

Выпустив из внимания Ульяну, он опять повернулся к мольберту. Окинул и так и сяк, отошёл, снова приблизился, задумался, понурился, а потом вдруг вскинул руку.

– Может, там смекну? – это он подумал вслух. Вслух старик теперь думал часто. Думал, что не думает, а вот думалось.

Ульяна не отозвалась, чтобы не мешать ему, но вздохнула. Пётр Григорьевич всё чаще болел. И этот вздох был знаком согласия: ведь и впрямь, видимо, уже скоро старик узнает глубину неба. Пятна старческие появились не только на руках, но и на лице, а белки глаз подёрнулись мелкой сеткой сосудов. «Укатала горюна чужа сторона», – как он сам говорил.

...Старик скончался в январе. Похоронили его там, где он и предвидел, – на муниципальном кладбище, разлинованном на аккуратные квадраты. Земля на могиле была мёрзлая. Вид этой комковатостылой земли и всего окружающего настолько не совпадали с пейзажами Петра Григорьевича, что Ульяна разрыдалась.

– Господи, – взмолилась она, придя на могилу на девятый день, не залучай душу новопреставленного раба Твоего Петра, прежде чем она не погостует в родных пределах. И дай ей не сорок дней, а дозвожь остаться там до осени, чтобы её покачало на весенних ветрах, покружило зноем июля, обдало пряным духом скошенного сена и волглым запахом грибницы...

11

Тот год, начавшийся с кончины старика, покатился кувырком. Впрочем, кувырком всё пошло раньше – с осени, с выходки дочери. Её вероломство, это предательство не только подкосило Ульяну, оно ускорило смерть Петра Григорьевича. Он ведь тоже переживал, видя, как маятся она – родственная душа. А много ли надо усталому сердцу, в котором жизни оставалось на воробьиный скок?!

Ещё недавно, казалось бы, крепкая семья разваливалась на глазах. Ульяна места себе не находила, всё валилось из рук – и на работе, и дома. Йон от её охлаждения стал запивать – и то плакал, то грозился. Дальше – больше: у него начались неприятности на службе, случился срыв, прогул, а ведь спасательная служба – та же армия. А главное – Лариска, она не унималась и, по сути, издевалась над ними – и над отчимом, и над нею, матерью. Однажды она выслала Йону по почте своё бельё. С ним была истерика. Он хохотал, брезгливо принюхиваясь, мял эти прозрачные тряпицы; кричал, что это она, Ульяна, виновата; это она воспитала такую заразу, которая испоганила жизнь и его, и своей матери. Ульяна молча, глотая слёзы, слушала попреки, и крыть ей было нечем.

Да, во всём виновата она. Сделала бы тогда аборт – как советовали – ничего бы этого не было. Не смогла. Грех ведь. Словно то, что понесла от проходимца, пусть и весёлого, грехом не было.

Схватив мобильник, Ульяна вызвала дочь и, напрочь забыв про наставления доктора Спока вкупе с европейской толерантностью, наговорила неведомо чего, пока на счётчике не вышли деньги. Но даже после, не заметив, что говорит в пустоту, продолжала честить «ту заразу» на чём свет стоит, покуда Йон не тронул за плечо и не глянул в безумные глаза. Во взгляде его было и сочувствие, и смятение, и вина – чего только в глазах его не было. И тут бы кинуться ему на шею, да всё про-

стить, да забыться в объятиях друг друга, изживая-сжигая обиду и тоску. Но нет... Не та порода, не та закваска. Тут матушкина кровь, замешанная на старовеерском кремни. И хоть разжижилась та кровь, заводянеела, да до конца-то не выстыла. Сняла его руку с плеча и молча ушла в свою комнату.

Ульяна решила так: коли дочь – её грех, ей его и отмаливать. И лучше всего быть всё время подле неё, пока она не перебесится, не наберётся ума-разума. Так сказала она Йону, собираясь в дорогу. А об их совместной дальнейшей жизни сказать ничего не смогла – нечего было говорить. В ту пору на руках Ульяны был полноценный норвежский паспорт. Это давало свободу действий. И всё же она не решилась на полный разрыв. С собой взяла самое необходимое, давая понять, что ещё вернётся.

Кончался февраль, было солнечно, снега пятнали праздничные синие тени – предвестники весны. Но душу пронизывала осень. Йон довёз Ульяну до автобусной остановки. Она поправила его выбившийся красно-синий шарфик, молча кивнула и, поднявшись в салон, обернулась. В глазах его стояли слёзы.

12

На жительство Ульяна устроилась в том же столичном пригороде, где находилась Ларкина гимназия. Работу нашла в студии дизайнера – она располагалась поблизости от учебного заведения. И квартиру сняла поблизости. Теперь её мир замкнулся в треугольнике. В памяти мелькнул бермудский... Но она сразу отвела эту мысль. Для опаски не виделось никаких оснований. День в закрытой гимназии был расписан по минутам. Педагоги, воспитатели не просто доглядывали за подопечными – они замешивали такую густую рабочую среду, в которой места для безделья и глупостей просто не оставалось. Конечно, порядки тут были не домашние, и даже жёсткие, и наказания существовали... Но, разочаровавшись в докторе Споке, Ульяна заключила, что именно так и надлежит выправлять этот природный выверт, который возник в психике и характере её дочери.

По воскресеньям Ульяна собирала детей у себя. К столу готовила что-нибудь вкусненькое, их любимое: Лариске, например, драники, Серёжке – грибную запеканку. А завершала день непременно презентами: то безделками, сувенирами, а то нужными в их обиходе вещами, даря кашне, перчатки или носки...

За дочерью в гимназию Ульяна отправлялась сама, а обратно, держа Лариску буквально за руку, отводил Серёжка.

Лариска была смиренная и послушная. Прилежно обедала, всегда благодарила: спасибо, спасибо, глаза потупленные, причёсочка – волосок к волоску, прямо-таки пай-девочка. Ульяна, конечно, чувала, что смирение это деланное: в тихом омуте черти водятся. И всё-таки даже внешние перемены, пусть и преувеличенные материнским ожиданием, грели её настуженное сердце.

Прошла зима, минула весна. Подходил к концу учебный год. Ларка сдавала зачёты, экзамены, была озабоченная, искренне переживала за результаты. Всё это радовало Ульяну. Ей верилось, хотелось верить, что перелом наступил. И когда в конце мая в гимназии стали создавать группы старшеклассников для поездки в трудовой кемпинг, Ульяна, помешкав, согласилась. Пусть едет. Коллективная работа в юности – это и праздник, и соревновательный задор, и взаимопомощь, и закалка характера... Именно так Ульяне вспоминалась деревенская сенокосная страда. Овода, жарынь, пот градом, а всё равно хорошо. Ты в работе, ты на виду, грабли так и мелькают в твоих руках. Не отстать, убрать сено, покуда ведро... А тут – виноградники («the students are invited to harvest fruit»), два месяца солнца, моря и здорового труда. Для Ларки это будет поощрением, знаком доверия и примирения. А порядок там гимназия гарантирует. Помимо педагогов – строгих матрон и воспитателей – бывших военных и полицейских, там, в Бретани, будет целое отделение секьюрити. Тут мышшь без спросу не проскочит. Так думала Ульяна и не сомневалась, что так оно и будет.

И что же...

Недели не прошло, как раздался звонок:

– Фру Ульсен, ваша дочь самовольно покинула территорию кемпинга.

– Что?! – вскрикнула Ульяна. – А вы-то куда смотрели? – И кинула трубку.

В Нант она вылетела первым же самолётом. Да что толку! Дочери и след простыл. Все эти матроны и бывшие сержанты только руками разводили. Розыск результатов не дал: то ли похитили – мало ли

охотников, киднепинг во всём мире... то ли сама... Через пару дней на мобильник Ульяны пришла эсэмэска: «Я на Канарах. Здесь жара. Всё о'кей!» Запрос в полицию Санта-Крус не поспел. Была в одном из отелей, сутками раньше съехала с каким-то молодым человеком. А куда – неизвестно. Ещё через три дня Ларка известила, что она в Америке, посреди США. Ещё через день: «Здесь ранчо. Кругом лошади, бизоны». А следом и вовсе уж несусветное: «В пятницу свадьба».

Ульяна от всего происшедшего потеряла речь, у неё отнялся язык. Она оцепенела и только без конца мотала головой, как от нестерпимой зубной боли.

«Молодой человек...» Какой молодой человек? Где и когда снюхались? Может, алжирец, с которым Ларка в открытую лизалась возле арт-хауса? Такой смазливый и тем неприятный... Он и в театре, и в футболе, и в политике... В театре не видела. Но о прочем слышала, – левак. И в футболе, и в политике. И там и там играл левого крайнего или крайне левого... Тот ещё артист...

Так думала Ульяна, перебирая версии, пытаясь стыковать возможное и невероятное. Ей всё ещё казалось, что это розыгрыш, такая игра, пусть и злая, или, по крайней мере, блеф. Ларка где-то недалеко и скоро объявится. Не сегодня – так завтра. Или здесь, в Нанте, или там, в Норвегии.

Что делать, рассудок редко совпадает с телесностью. Нутро сотрясает боль, а рассудок спасительно тешится иллюзиями.

Всё закончилось через день. В пятницу на мобильник Ульяны пошла прямая трансляция: собор, пастор, молодая пара, на нём – чёрная тройка, на ней – пенное платье, флёрдоранж. Родственники обычно снимают суетно, импульсивно, а то и трясушимися руками, поминутно меняя ракурсы. Тут чувствовался профессиональный оператор: всё было чётко, подробно, много крупных планов. Но, глядя на это – в режиме *on line* – действие, Ульяна никак не могла взять в толк, почему это ей показывают. Ей даже казалось, что демонстрируется какое-то кино, где актриса, играющая невесту, похожа на её дочь. Пока, наконец, не дошло, что это не кино, не имитация, а чистая правда. И тогда рассудок Ульяны заволокло туманом...

* * *

В состоянии оцепенения, потерянности Ульяна вернулась в Норвегию. Целыми днями она сидела взаперти, уставившись в одну точку. Поделиться горем ей здесь было не с кем. Сын находился на летней практике в Скандинавских горах. Йон для излишних не годился – сам был жертвой. А сходных душ здесь, в предместье столицы, она завести не успела. Вот и маялась одна-одинёшенька.

Однажды, чтобы прервать гнетущую тишину, Ульяна включила телевизор. На экране шла прямая передача. Двое собеседников-мужчин и между ними переводчица. Кайя – узнала Ульяна и тотчас позвонила на студию.

13

С Кайей Ульяна познакомилась год назад. В Северной Норвегии проходил семинар с весьма мудрёным названием, где перемешалось всё – литература, история, этнография, социология и ещё бог весть что. Одно из заседаний проводилось в их городке. Не потому, разумеется, что здесь сложилась какая-то известная научная школа, а лишь потому, что тут имелся просторный и современный, европейского уровня арт-хаус.

В актовом зале Ульяна находиться не могла – она занималась выставкой своих подопечных, которую накануне, в самый последний момент, ей предложили устроить в ближнем холле. Впрочем, она и не стремилась туда. На таких встречах не возникает жарких дискуссий. Это не студенческая аудитория времён её юности и тем паче не перестроечная митинговщина, где доходило до кулаков. Тут обычно чинно и благообразно или, как стали выражаться с некоторых пор – политкорректно. Так же, как и на здешних студенческих тусовках. Как бывало и у неё в студии, где никто не повысит голоса, где закон – толерантность, и потому исключена критика, а возможно только ласковое поглаживание по шерсти, хотя подчас на мольберте – жалкая мазня.

На сей раз, видимо, что-то сложилось не так. Наступил перерыв. Первой из распахнутых дверей вылетела маленькая, хрупкая женщина. Именно вылетела, точно взъерошенный воробей. Мельком глядя на развешанные акварели и карандашные рисунки, она пробежала вдоль стены и остановилась возле деревенского пейзажа. Ульяна, заключив, что понадобятся пояснения, подошла ближе.

Однако в ответ на учтливую фразу услышала не вопрос, как ожидала, а пространную тираду, которая по тональности напоминала не чириканье озабоченного воробышка, а, скорее, треск скворца, возмущённого тем, что кто-то занял его скворечник.

Оказывается, возмутителем спокойствия стал питерский профессор, доклад которого этой особе досталось переводить. Ульяна насторожилась. Речь шла о декабристах, о «Северной повести» – произведении пусть и плохоньком, теперь забытом, но ведь Паустовского же – перед ним Марлен Дитрих стояла на коленях, о чём свидетельствует фотография. Ульяна озадаченно поджала губы. Экая пигалица! Твоё ли дело оценивать чужие выступления? Ты – толмач, сугубо технический работник, вот и выполняй свои обязанности.

Переводчица, видать, что-то почувствовала, коротко – снизу вверх – взглянув на Ульяну, но не сбилась, лишь немного пригасила тон да, услышав одну географическую поправку, тут же перешла на русский, который заметно замедлил её речь. Донимало её не то, что докладчик, следуя новым тенденциям в оценке истории, крыл декабристов, а то, что двадцать лет назад – она сама слышала – точно так же крыл самодержавие и империю. Вот что, оказывается, её возмутило больше всего.

Они стояли против деревенского пейзажа Петра Григорьевича. Этот выполненный по памяти сельский вид странным образом свёл их, соединив – по крайней мере в стекле – их взгляды, и притягивал, и не отпускал, побуждая к разговору.

Больше говорила она, эта пигалица, этот растрёпанный воробушек. Мелкие, и впрямь птичьи, черты лица оживлялись и обретали какую-то особенную значимость, какая запечатлевается на облике любого человека в минуты вдохновения. А тут ведь речь шла о декабристах, точно далёкие отсветы давно утихшей бури касались её лица.

О декабристах она говорила так, как судачат о порядковых соседях или двоюродных братьях, которые маются похмельем – ни больше ни меньше – и попрекая, и одновременно сострадавая им. Нанюхались в Париже воспарений вольницы, и стал им грезиться тот самый призрак, который уже бродил по Европе. И потащили они этот мираж в перемётных сумках да на загорбках сюда – она кивнула на русский вид.

Замечала ли она, что противоречит сама себе, в чём-то повторяя сентенции того самого профессора-конформиста? Скорее всего, нет, ведь она-то не меняла своих взглядов.

За спиной собеседниц доносился говор, звякали чашки и ложечки – всюду шёл кофейный перерыв. А они почему-то продолжали стоять возле незатейливого русского пейзажа, словно без него невозможно было общение. Потом, правда, перешли к столику, однако пейзаж старика всё равно оставался перед их глазами, и время от времени они поглядывали на него, будто в нём искали подтверждения своим словам и мыслям.

От декабристов разговор перешёл к их жёнам. Ульяну озадачила оценка собеседницы. Подвиг жён, сказала она, с ментальной точки зрения более весом в сравнении с демаршем самих декабристов. В их действиях была половинчатость, недоговорённость, недоделанность. Вспомнить хотя бы князя Трубецкого. Ведь он так и не вышел на Сенатскую площадь. Диктатор – стало быть, вождь, а выходит, предал либо одумался, раскаялся, смалодушничал... Но... не вышел. А у жён полная бескомпромиссность и абсолютное христианское самопожертвование. Ульяна пожалала плечами: даже несмотря на беспорядочную жизнь иных декабристок в Ялотуровске, Чите, на Петровском Заводе? Даже! – одними глазами отозвалась собеседница. Уж не феминистка ли она? – такой вопрос мог возникнуть помимо воли. Нет, словно прочитав эту мысль, покачала головой переводчица: она не из тех, не из «синих чулков», она вдова, муж несколько лет назад погиб...

Вот после этого они и познакомились, «обменявшись верительными грамотами». Оказалось, что в пернатости Ульяна не ошиблась. Правда, воробушек обернулся чайкой – так по-эстонски переводится имя Кайя.

Кайя Пенса, едва ли не последняя в советские поры эстонка, окончившая филфак Ленинградского университета. Она готовилась к переводческой деятельности: ей прочили место в издательстве «Ээсти раамат». Однако с развалом Союза развалилась и книжная индустрия. В государственный пул, как называют правительственных толмачей, она не попала. Место престижное, хлебное – охотников прорва, да все представительные. Где ей, пигалице, было пробиться через бастионы крепких спин и редуты острых локтей! Зато повезло в другом. Знание всех основных скандинавских языков плюс английский и русский сделало её незаменимой на всяких неформальных международных встречах,

где собираются писатели, художники, лингвисты, деятели культуры... Тут она нарасхват и мотается из конца в конец Скандинавии, иногда наезжая в Англию, Данию или в Россию.

Кайя, одинокая душа, тоже обрадовалась встрече. Объяснять ей что да как долго не понадобилось. Она живо прониклась состоянием Ульяны. Но как помочь?

Пыталась иронизировать, вспоминая обстоятельства знакомства, вернее, концовку первого разговора. Жёнки-декабристки на восток ехали, к мужьям своим. Теперь русские подвижницы рвутся на Запад и в Америку. Зачем? – одними глазами спросила Ульяна. Улучшать породу, отвечала Кайя. Это она так объясняла бегство Лариски. Ульяна даже не хмыкнула – у неё что-то случилось с лицом, оно будто окаменело.

Тогда Кайя подошла с другого боку. В одном научно-популярном журнале она увидела генотипы американцев и от этого вида пришла в ужас. Фотографии мужчин и женщин 50-х годов, наиболее спокойный и относительно благополучный период во всём мире, накладывали одна на другую.

– У нас, по Союзу, – Кайя не то чтобы поперхнулась, а решила уточнить, – вернее, по Северу, в твоих местах, всё ясно и чётко: глаза, нос, губы – единый генотип, и мужской и женский. А в Америке, – она для убедительности вытаращила глаза, – сплошной кошмар, какие-то кикиморы и вурдалаки, глаза на лбу, губы всмятку и у мужиков, и у баб. Жуть, а не генотип! Вот Господь и поручил русским барышням улучшать обезображенную американскую породу.

Тут бы Ульяне улыбнуться, кивнуть, а ответом получилось лишь дрожание губ. Ничего не выходило у Кайи, никак не удавалось вывести Ульяну из уныния. И тогда, немного помешкав, Кайя прибегла к радикальному средству.

– Ничто так не сбивает хандру, как дорога. Охота к перемене мест – верное средство обмануть мерлихлюндию. Ипохондрия обожает домоседов, застой в мозгах и в мышцах – её питательная среда. Поэтому вперёд – куда глаза глядят, а там видно будет!

Куда же увлекла новая подруга Ульяну? Да в Эстонию, на свою родину. Она везде, кажется, чувствовала себя как дома. Но здесь-то, в Таллине, она именно дома была.

Они пересекли Балтику на пароме Viking Line. Вечером были в Стокгольме, а утром очутились в эстонской столице. Тут Кайя повела себя не просто как радушная хозяйка, а как тренер, которому необходимо, чтобы её подопечная досконально выполнила всю намеченную программу. Они облазили Вышгород, весь старый город («Ваня Сталин», включая в речь старые анекдоты, комментировала Кайя), навещали пивные погребки, осматривали музеи и снова бродили по древним улочкам.

– Вот здесь снимали «Озорные повороты», – показывала Кайя. – Вот там – «Нечистый из преисподней». Но кто сейчас помнит эти фильмы?!

Они много чего осмотрели, бродя по Таллину. Однако прежде рано поутру, взяв прямо в порту такси, Кайя увлекла подругу на кладбище. Она поминала, что родителей у неё нет, но не поясняла. И вот теперь открылись подробности.

Оказалось, что семьи её родителей – ближние соседи – сразу после освобождения Прибалтики были репрессированы. А осудили крестьян да потомственных рыбаков за то, что сдавали часть выловленной салаки на немецкий склад, то есть, как значилось в приговоре, сотрудничали с оккупационным режимом. Но кто из тех судей-буквоедов объяснил, а каким образом можно было отказаться от такого сотрудничества. Изрезать сети? Не выходить в море? Обречь детей на голодную смерть? И будто неизвестно было, как немцы поступали с послушниками и нарушителями их орднунга. Доводы несчастных судьи не услышали, не удостоили их внимания. А итог обычный: в вагоны – и на восток.

– С одного острова – на другой, – поджала губы Кайя. – С Саарема – на Сахалин, – она выделила первые слоги паузами, словно соединила звенья цепи.

Кайя с Ульяной стояли возле ухоженных могил, увенчанных небольшими надгробными плитами. Кругом было чисто и аккуратно – не чета кладбищенской расхристанности в России – видно, что здешние служители исполняли свои обязанности добросовестно и честно.

Кайя поставила в низкую вазочку алые тюльпаны.

– Они были совсем детьми – по восемь лет, – прошептала Кайя. – Самое страшное, вспоминала мама, – Кайя подавила горловой спазм, – самое страшное, когда их разлучали с родителями...

Ульяна мысленно перевела возраст на своих детей. Когда Серёже было восемь, а Ларке, стало быть, три, она, мать, в отчаянии наглоталась таблеток... Господи! Какая же она была дура! Что стало бы с ними? Как бы они себя повели? И выжили бы?

О том, что стало с детьми теперь, на ту минуту Ульяна забыла.

Юхан и Марта, тихие и застенчивые, когда их оторвали от отцов-матерей, ухватились за руки, почуввав всем нутром своим, что в этой сцепке их единственное спасение. По сути, они так до конца и не разомкнули рук. И в пересылке, и в детдоме – это была Чита – они держались всегда вместе, точно брат и сестра. Вместе, уже в юности, вернулись и на родину. Родители их сгинули, оставшись на том далёком, похожем на акулу острове. «Акула проглотила их», – сказала Кайя. А наследники выжили, выросли и поженились. Детей у них долго не было – годы неволи и испытаний не прошли даром. Но любовь и нежность всё же взяли своё.

– Как там в русской сказке, – тихо улыбнулась Кайя, – поскребли по сусекам и слепили...

– Крошечку-Хаврошечку, – подхватила Ульяна.

– Крошечку, – кивнула Кайя. – Имя сразу дали. У обоих матери Кайи. Кого же чайками называть, если не рыбацких дочек?! А я, – она вздохнула, – и не рыбацкая, и называть мне некого...

Уходя с кладбища, подруги, не сговариваясь, обернулись. Перед вазой, что стояла между могил, мерцал в плоске огонёк свечи. А тюльпаны, такие прямые и строгие, рассыпались на две стороны, точно надгробья соединились радужкой вольтовой дуги.

А в довершение долгого таллинского дня они побывали и на русском кладбище. Кайя о таковом сначала упомянула, а потом, пристально посмотрев на Ульяну, и увлекла, загоревшись показать ей могилу русского поэта Игоря Северянина.

Тут в познаниях Ульяны обнаружился пробел – она этого не скрывала. Большого интереса, по правде говоря, у неё не было: устала, да и мысли горькие не отпускали. Однако имя, для неё дорогое, и родственный по корням и географии псевдоним всё же настроили. А уж Кайя тут расстаралась. Она вызвала по мобильнику такси, да не абы какое, а раритетное – то ли «порше», то ли «додж», на котором, как гласит легенда, Игорь Северянин подъезжал к гостинице «Золотой Лев» на банкет в честь Ивана Бунина, и было это 7 мая 1938 года. Ульяна недоверчиво покачала головой, но спросила о другом: откуда у неё, эстонки, интерес к русскому поэту? Оказалось, что увлечение русистикой и вообще филологией началось у неё с творчества именно Северянина: сперва как протест, возражение против официоза, ведь стихи его не издавались и были полузапрещены в Советском Союзе, а потом эта поэзия стала частью её души.

Могила поэта оказалась неподалёку от входа. Кайя положила к мраморной пирамиде свежие розы, которые купила возле храма, пояснив, что поэт ждал таких от родины, и принялась читать стихи.

Что-то пряное, изысканно-витиеватое слышалось Ульяне в этих звуках. Ландо... гризетка... «в будуаре надушенной нарумяненной Нелли...». Веяло холодом, жеманством. Это было чуждо Ульяне. Кайя заметила её отзыв и переменяла звукоряд:

– Я вскочила в Стокгольме
на летучую яхту –
На крылатую яхту
из берёзы карельской...

Это про нас с тобой. Верно? А ещё:

Дай рябины мне кисточку,
ненаглядная Эсточка...

Это обо мне. А?! А вот это:

Она слышна – она видна:
В ней всхлипы клоквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна –
Архангельская тишина...

Чуешь, о чьей стороне?

В храме они поставили свечки, а в книжной лавочке близ кладбищенской обители оказался сборник стихов. Открыв наугад синюю книжку, Ульяна прочла:

И будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой в Россию...
Ты шляпку шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!

В горле запершило. Ульяна захлопнула книжку, помотала головой. Кайя пристально посмотрела на неё, но ничего не сказала, только часто-часто заморгала сама. А потом, немного погодя, поведала, что Северянин случайно оказался в эмиграции. Думал переждать здесь, в Эстонии, и революцию, а потом и Гражданскую войну, да назад, в Россию, пути уже не оказалось. Бедствовал, тосковал по Родине, а назад вернуться уже не довелось...

Довелось не довелось... Об этом Ульяна думала всю дорогу, когда они возвращались назад в Скандинавию. Кайя из каюты не выходила: она плохо себя чувствовала, Ульяна гуляла по палубам одна. Посередке Балтики ей вспомнился рассказ Бунина «Господин из Сан-Франциско». Трюм. Цинковый гроб. В России теперь редко говорят «покойный» – «груз двести». Впервые она услышала этот термин тогда... Господи! Сколько же лет прошло!.. Она всхлинула, зажала рот, опасливо покосилась. Никого возле не было. Люди либо спали, либо веселились в глубине паррома – в барах да на дискотеках. До господина из Сан-Франциско как тогда, так и теперь никому не было никакого дела.

Ульяне представилось, что вот в таком цинковом гробу возвращается на Родину, куда в мыслях беспрестанно устремлялся Пётр Григорьевич. Утешилась бы этим его душа? Наверное. Но и закручинилась бы... Ведь никто, совершенно никто не навещал бы его могилку, даже если схоронили бы в родных местах. Разве что сама душа, да и то до сорокового дня, а если Господь услышал её, Ульяны, стенания, до исхода уходящего лета...

В этот миг сознания коснулась... паутинка. То есть не сознания – виска. Откуда здесь-то? – отозвалось мимолётно. Отозвалось да тут же, кажется, и забылось.

Ульяна подняла взгляд к звёздному небу. Отыскала Полярную. Интересно, узнает ли старик всю глубину небесного цвета?

За лето Ульяна мало-помалу пришла в себя, немного поуспокоилась, поостыла, благо какая-то информация от Лариски, пусть и не регулярно, с паузами, поступала. То эсэмэска, то фото, то видео. Вот эпизоды свадебного путешествия: Лонг-Бич – океанский пляж, бунгало в кемпинге для молодожёнов, аквапарк, аттракцион «русские горки»... – всё это в Калифорнии. А здесь уже посередке Америки – в штате Айова. Это семейное ранчо, уголья которого простираются до горизонта, – снято с высоты частного самолёта; это конюшня, у коновязи – породистая кобыла с жеребёнком; это просёлочная дорога, по сторонам которой кукурузные поля... И везде, в каждом сюжете – Лариска, её дочь. Хоть и странным всё это казалось, нереальным, но фотографии подтверждали: Лариска, её непутёвая дочь, – жена вот этого верзилы-ковбоя, который скалит свои лошадиные зубы.

С летней производственной практики, которая проходила в Скандинавских горах, вернулся Серёжа. Как всегда, немногословный, строгий, сосредоточенный. На лбу ранняя поперечная складка. Похож на своего отца, но по характеру жёстче, суровой. Не юноша, тем более подросток, какими нередко выглядят его ровесники, а мужчина.

Посадив сына за стол, Ульяна принялась кормить его и меж переменной блюд, не торопясь, поведала о главной семейной новости, стараясь не выдать своей горечи. Удалось ли ей это, так и не поняла. Заметила только, что складка меж густыми бровями сына углубилась. На мобильные фотографии он глянул вскользь. Чуть дольше задержался на портрете свояка-американца, обнимающего морду лошади. «Не отличишь», – сказал, как припечатал. А потом выложил свою новость.

Ульяна не сразу поняла, о чём речь. Сперва показалось, что это продолжение предыдущей реплики: шляпа на голове ковбойца давала массу поводов для словесных упражнений. Потом почувствовала какую-то причинно-следственную связь: не вид ли ковбойца с кокардой на шляпе явил эту фразу? И только после, с трудом, наконец, дошла суть: Сергей решил бросить университет – это первое и пойти на военную службу – это второе.

В сознании Ульяны от всего этого произошло полнейшее замешательство. С трудом подавив подступившие слёзы, она сосредоточилась на главном, а главным, как ей представлялось, была для него учёба. Позади третий курс, до профессии рукой подать. Тут бесплатное жильё. Тут стипендия, которая выше её зарплаты. Доучись, получи диплом, а там как знаешь... Это ли не доводы в житейском раскладе?! Она ведь знала его упрямство, его своеволие и самолюбие, потому, подавив свои эмоции, старалась убеждать логикой. Увы, на сей раз это не удалось. Прежде он слушал её, сын. Слушал и слышал, что внушала она, мать. Внимал и нередко соглашался или, как ещё совсем недавно, делал поправки в своих планах. А теперь не стал даже объяснять. «Всё! – сказал, будто отрезал. – Я так решил. Так надо! И больше не будем об этом!»

До самого конца Ульяна не верила в предстоящее. Сын проходил медкомиссию, согласовывал отчисление, утрясал финансовые дела. А она не верила. Такого не может быть. Такое не должно случиться. Это никак не уместилось в её сознание и житейские представления. Не верила до конца. Пока не увидела его в военной форме.

Дома говорили: есть такая профессия – Родину защищать. А тут чего? Потом успокаивала себя: дескать, правильно – по стопам деда и отца. А о том, в какой армии служили они и в какой сын, Ульяна старалась не думать. Когда человек в смятении, он во всём находит оправдание.

Служить Сергея направили на самый север Норвегии, к русской границе. В аэропорту, провожая его, Ульяна крепилась, старалась не подкачать, даже, кажется, шутила, но, вернувшись домой, зашла в рыданиях.

Вот так же когда-то она провожала в неизвестность Игоря, отца Серёжи. А провожая, залила слезами парадный мундир, который укладывала в его чемодан. Этот мундир Игорёк надевал всего один раз, когда получал лейтенантские погоны. Второй раз облачение планировалось через месяц, когда им предстояло идти в ЗАГС. Увы! Планы их житейские нарушил военный приказ: «...командировать лейтенанта Доронина для прохождения дальнейшей службы в расположение ограниченного контингента советских войск в Афганистане». И никаких отсрочек!

Да, так это было. Горячий ветер «афганец» тугим арканом выхватил её любимого и унёс неведомо куда. Открытка с дороги, письмо из дальнего афганского гарнизона – и всё. Больше не было ни слуху ни духу. Слушала новости, кидалась к газетным стендам, прощупывая скупые строчки ТАСС, – ничего. Обращалась в военное училище – там выслушивали, но пожимали плечами. Наконец, бросилась в военкомат: где искать? куда обращаться? А там – отпор: «Нечего вам тут делать, барышня! Вы кто ему? Что? Кольцо? Причём здесь кольцо?! Штамп есть?.. Нет? Ну, так чего же вы?.. Нечего, нечего!.. Покиньте! Не положено!..»

Ульяна была на восьмом месяце беременности, когда узнала, что в военном госпитале есть палата «афганцев» и там, кажется, лежит сослуживец Игоря. Пробиралась в закрытый госпиталь задворками: с большим животом перелезла через забор, проникла чёрным ходом на второй этаж... В палате, куда попала, лежали «обрубки». Сопровождавшая медсестра – добрая душа – предупреждала, но то, что Уля увидела... Мальчишки, совсем мальчишки. Худые – кожа да кости – без рук, без ног... Только глаза...

Сослуживец Игоря лейтенант Матюшин лежал у окна. В их выпуске Матюшин был правофланговым. А теперь... Простыня, что покрывала его, с половины кровати была пуста. Садись, показал Матюшин воспалёнными глазами на эту пустоту. Сесть **туда** Ульяна не смогла, но объяснилась иначе, коснувшись живота, дескать, никак, трудно. Матюшин – опять же глазами спросил: от него? Ульяна поджала дрожавшие губы. Он с силой зажмурился, словно задавил в себе что-то, с минуту лежал, не

шевелилась, потом открыл глаза, но в лицо её уже не смотрел, глядел в небо. Игорь погиб в первом же бою. Пытался спасти своих бойцов, вытащить горящий броник, но их БМП тоже накрыло. Прямым снарядом. Сразу и всех...

Что было дальше, Ульяна почти не помнила. В тот же день начались схватки. Увезли на скорой. На другой день, потеряв много крови, она родила. Ребёнок был недоношенный, слабый. Да и сама обессилела. Хорошо ещё, что молоко не пропало. Заставила себя ни о чём не думать – только о чаде. Стиснула зубы, собрала волю и ни о чём более. И с Божьей помощью да стараниями больничных повитух выходила сына.

Выписалась Ульяна из роддома через два месяца. Сразу свалилась масса житейских забот, которые осложнялись безденежьем. Одно её утешало в те дни: глазёнки сына. А ещё радовалась, что успела сдать экзамены и защитить диплом. Но в остальном жизнь приходилось начинать с чистого листа.

Первым делом Ульяна собралась съездить домой. Где искать утешения и житейской передышки, как не дома, среди родни? О своём нынешнем положении и о том, что стряслось за минувший год, она никому не сообщала. Даже – папушке. А зря. Уж кто-кто, а он-то, родимая душа, понял бы её и, случись нужда, – оборонил бы и от наветов и от косых взглядов. Утаила, оставила на потом... А утаив, подставилась. И сама подставилась, да, выходит, и младеню-сынка подставила.

На Игоря, видного парня, будущего офицера, заглядывались многие девицы. Она это видела. Но никак не думала, что кто-то из них, обделённых его вниманием, станет мстить. А оно вон как всё обернулось!

Молва, что сорока, летит поперёд тройки. Коварный слух пришёл в деревню по весне. Загуляла, дескать, Улька Артамонова, учёбу бросила, с брюхом ходит. От этой чёрной вести папушка слёг. Лежал пластом три недели. Фельдшерица делала что могла, но, видя, что уколы не помогают, повезла его в областной центр – в госпиталь для ветеранов. Вот каким боком тот навет-то обернулся.

Уля приехала домой через три дня, как увезли папушку. Вот уж действительно беда не ходит одна. Она, Уля, по всему, виновница несчастья, явилась не запыхавшись как раз на пик семейной недоли. Да в аккурат под горячую руку суровой матери.

Ух, как разгорячилась кондового посола-замеса поморская жёнка! Как накалилось-вскипело сердце старого закала! Встряла дочку на крыльце, руки в боки: «С выб...ком ни на порог! Где подолом мела, туда и ступай!» – И дверью перед носом хлопнула.

Так вот в наших палестинах постоянно деется: то гражданская война, то отечественная, то опять гражданская, пусть и в пределах родного заулка.

Что было делать Уле? К братьям-сёстрам, что женаты были, не пошла, чтобы не подводить их перед матушкой, хотя знала, пусть утайкой, – не отказали бы. Переночевала у Паладьи, порядовой соседки, улив слезами подушку, да наутро поспешила к автобусу, чтобы ехать в областной центр и там уже вместе с сыном мыкать вдовью да сиротскую долю...

...Выплакалась Ульяна, проводив на военную службу Сергея, и заключила, что это, возможно, судьба. Внук солдата, сын солдата, он – наследник их крови. А голос крови, пусть и безмолвный, говорят, самый упорный.

Узнав о переменах, стал чаще звонить Йон. Ульяна с благодарностью принимала его участие, но от возвращения уклонялась. «Но почему? – допытывался он. – Ведь теперь ничего не мешает. Дети в опеке не нуждаются. Ты свободна...» – «Да, свободна, – нехотя соглашалась она и вздыхала. – Где волей, где неволей...» Однако для себя заключила, что в обоих случаях всё-таки неволей. А что мешало вернуться, она и сама не могла объяснить. Обида? Горечь предательства? Душевный раздрай? Не переломила, как ни пыталась, ситуацию, не сумела повлиять на дочь, то есть так и не разрешила того, чего ради сорвалась год назад, а если отбросить словесную шелуху – проиграла. Вот, пожалуй, была главная причина. А ещё сдерживало то, что, быть может, в итоге её тщетных усилий возникла неожиданная цепная реакция. Ведь Сергей бросил учёбу уже после бегства Лариски. Может, готовился раньше, но той самой «последней каплей» стало именно это – побег сестры. Норвежский юноша, находясь на третьем курсе университета, такого бы ни при каких обстоятельствах не выкинул. А в сыне, видать, забубнила его русская кровь и вспыхнул бунт, тот самый «бессмысленный и беспощадный»...

Прощаясь, Йон всякий раз желал ей здоровья, но не так, как это делают сухопутные люди, а особым морским способом. «Держи горизонт!» – напоминал он.

Впервые Ульяна услышала это на борту яхты, которую Йон взял напрокат. В тот первый для их семьи выход в море – не в фиорд, а в открытое море – её укачало. Она лежала пластом на банке в кокпите и молила лишь об одном: быстрее бы всё закончилось, скорее бы ступить на землю. Вот тогда, оставив руль на пятнадцатилетнего капитана – так они потом называли Серёжку, – Йон спустился в каюту, силой заставил её подняться и вытащил наверх – под ветер, под хлесткие солёные брызги. Стоя на зыбкой палубе, Ульяна мутными глазами озидала окрестности: кругом была вода, одна вода и никакого просвета в свинцовом низком небе. Йон сунул ей в рот кусок круто посоленного хлеба, заставил разжевать, хотя её тошнило и не раз уже вывернуло. «А теперь гляди вперёд, – приказал Йон, – и ищи горизонт. Держи горизонт! – повторил он. – Гляди и не отпускай из глаз горизонта. Это твоя опора!» Голос был жёсткий и уверенный. Она подчинилась. Да и как тут было не подчиниться! Сделав усилие, Ульяна разлепила мутные глаза, отыскала эту самую линию, отделяющую небо от моря и море от неба, и вцепилась в неё взглядом. Ухватившись за ванты и качаясь на пляшущей под ногами палубе, Ульяна до рези в глазах цеплялась за эту тонкую зыбкую нитку. И – чудо не чудо! – но что-то изменилось: стало легче дышать, ушла куда-то брюшная свистопляска, мышечный студень обрёл упругость. Ульяна обернулась, поймала взгляд Йона и благодарно улыбнулась ему, пусть куда ещё и вымученно.

«Держи горизонт!» – заклинала сама себя Ульяна, стоя на зыбкой житейской палубе. Дети её были далеко – за горизонтом. Но у них с нею была одна земля, одно небо и, как бы на это ни смотреть, – одна линия горизонта.

Что ещё выручало Ульяну в минуты отчаяния, так это подарок Петра Григорьевича – его скромный незатейливый пейзажик. Она называла его «Домик восходящего солнца», а то «Папушкина обитель» – в зависимости от настроения или времени суток.

Эту работу Пётр Григорьевич начал ещё до того, как перевернулась её жизнь, когда она изредка открывалась ему, рассказывая о детстве или юности, а завершил в самую горестную пору, когда она изливала ему свою душу, вспоминая всё, что с нею было. Вот тогда из набросков, этюдов, эскизов и возник этот пейзаж: дом с коньком, окна передней, крытое крыльцо, тонкую резьбу на котором, как и на наличниках, навёл незабвенный папушка.

Вот тут, на крыльце, папушка тогда сидел. Он был чем-то расстроен, тяжело курил, кашлял, а она, дочка, гладила его плечо, осторожно касаясь ямки от разрывной пули. «Лёгкая у тебя рука, Улюшка, – тихо улыбался папушка. – В госпитале у нас сестричка была... махонькая такая... Вот тоже, коли невмочь, её кличут... Уколы, бывало, не помогали – она выручала...»

Ульяна замечала изъяны в работе Петра Григорьевича, что стояла на комодике. Он был всё-таки не профессионал. Да и зрение под конец подводило. Зато на полотне сбереглось то, что напоследок затухающим родничком источало его усталое сердце – нежность, печаль, сострадание. Может, потому при взгляде на картину Ульяна всякий раз обретала утешение, пусть слабое, крохотное, но всё-таки утешение. А ещё это полотно всякий раз отворяло её память. Ей являлись картины давно забытого и, казалось, навсегда утраченного, канувшего в небытие. Да ещё как являлись! – полными шелестов, жужжания, посвистов и мычания, овеванные крепким духом черёмухи, зноем житного поля, пряным духом клеверной кошенины. А лица! Папушкина ласковая, чуть застенчивая или виноватая улыбка. Раечкины ямочки на щеках. Глаза братьев и сестриц. Матушкина вечерняя неторопливость и шелест гребня, расчёсывающего её густые вороны отлива и тронутые сединой волосы.

Кайя, продолжавшая опекать Ульяну, увлекла её в Швейцарию, благо подвернулся льготный авиарейс. Там, в Берне, они кинули пенс – «фамильный» талисман Кайи Пенсы: выпадет орёл – махнут направо, во Францию, а решка – налево, в Австрию. Выпала Вена. Ульяна вначале пожалела – она предпочла бы Париж, но потом восприняла случайность не иначе как удачу.

В австрийской столице она впервые увидела то, что доселе знала лишь по репродукциям, притом не всегда качественным – работы Ван Дейка, Вермеера, Дюрера, Рубенса... Но особенно поразил её Брейгель – «Охотники на снегу». И не только потому, что прежде знала это полотно лишь по открыт-

ке. Что-то загадочное и одновременно знакомое, точно давно забытое или будто предстоящее – вот что увиделось ей. А ещё, наверное, вселил неожиданную тревогу буклет: репродукция «Охотников» была поваплена алым пятном – эмблемой выставки.

В Вене было хорошо и интересно, но Кайя, неугомонная натура, потянула подругу дальше. Причём как? Откровенным лукавством. Кайя заявила, что с пенсом она смухлевала – он упал орлом, стало быть, им надо в Париж. Ульяна недоверчиво покачала головой: она же своими глазами видела, что монетка пала решкой. Тогда Кайя, напомнив, что она Пенса, села на газон и бесцеремонно опрокинулась навзничь:

– Теперь-то ты видишь, что орлом!

В Париже они побывали везде, куда хватило сил и денег: Лувр, Эйфелева башня, остров Сите... Само собой, не обошли Монмартр – Мекку художников. Тут Ульяна не удержалась. Она подошла к юной художнице, что кропала простенькие профили, попросила карандаш и в считанные минуты набросала её портретик.

– О-ля-ля! – восхитилась та, округлив глаза. – Откуда вы?

– Swedish, – встряла тут Кайя.

Ульяна слегка прищурилась, потом расписалась на портретике и, протягивая его девочке, добавила по-английски. – Russia. – Это вырвалось непроизвольно.

– О! – отозвалась та и назвала несколько русских художников. Среди них был и Куинджи.

Кайя слегка обиделась:

– Меня ты ни разу не изобразила...

Дружески приобняв её, Ульяна обещала увековечить подругу и в фас, и в профиль.

– То есть и орлом и почти решкой, – уточнила Кайя и опять повеселела.

В блужданиях по Монмартру они остановились возле скульптурного изображения Далиды. Кайя, вспомнив студенческие забавы, пустилась на разные лады обыгрывать имя покойной певицы. Причём по-русски, меняя ударения и разбивая на слоги. Наверное, только на русском оно и звучало так: и загадочно, и романтично, и одновременно скабрёзно. А Кайя к тому же умудрилась пристегнуть сюда и усатого Сальвадора, поскольку фамилия художника входила в имя певицы, словно меч в ножны.

Мужчины, что кучковались возле скульптуры эстрадной дивы, касались её обнажённой груди – это, по слухам, усиливало потенцию. Кайя и тут своего не упустила.

– Нет, милоч, – ни к кому конкретно не обращаясь, продолжала она по-русски, – если уж на живое нет подъёма, то мёртвый камень милостей не прибавит. – Её слегка замедленная с неизбывным эстонским акцентом речь звучала почти научно. В толпе озабоченных оказался и русский.

– А ты почём знаешь? – подозрительно уставился он.

– Далида передавала, – не моргнув глазом, ответила Кайя.

Ульяна от греха подальше утащила её:

– Шуточки у тебя, как у одесского биндюжника или британского пирата.

– О! – тут же подхватила Кайя. – Как у Билли Бонса. Кайя Пенса – внучатая племянница Билли Бонса...

Кайя была в ударе – её несло. И не только в речах. Из Франции, по её настоянию, они махнули за Пиренеи. При этом опять повезло с билетами.

– У нас с тобой прямо-таки «зелёная волна», – заключила Ульяна.

– Ты имеешь в виду баксы? – в своём духе откликнулась Кайя и уже серьёзно добавила: – Может, это судьба?!

В Испании, однако, они выдохлись. Дальше ближнего, восточного, побережья не попали. Да и там силы хватило только на самое-самое. Из этого самого, само собой, выбрали парк Гауди и музей Дали.

Ульяна никогда прежде не задумывалась о последовательности знакомства с достопримечательностями – музеями, вернисажами, выставками. Идёшь туда, что ближе и во всех смыслах доступнее. А тут что-то вызвало досаду. Гауди они посетили после Дали. И Ульяне почему-то показалось, что надо было наоборот.

На входе в парк они увидели домик сторожа – этакий заварной торт, причудливо облитый сливочным кремом и увенчанный маячком.

– Напоминает улитку, – оценила Кайя. – Улитку, которая выползает из кондитерской, расплатившись одним рогом.

Тут, на входе, путешественницы не задержались – ждали другие чудеса. И они не обманулись в ожиданиях. И площадь, что покоится на дорических колоннах; и мраморная скамья в виде змеи, окаймляющая эту площадь-стол; и крыша, увенчанная короной из глиняных горшков; и точёная башня – шея с монистом из декоративных тарелок; и пиниевая роща, усеянная шишками и хвоей... – всё было ни на что не похоже и удивительно искусно и гармонично.

Ульяна, на многое взиравшая глазами художника, подчас забывалась и глядела вокруг, как первокурсница или даже деревенская школьница, – до того всё было чудесно и сказочно. Жаль, что этого не видят дети, забываясь, вздохнула она – её дети. И тут же осеклась: де-е-ети...

А ещё время от времени Ульяна возвращалась мысленно к домику сторожа. Ей чудилось, что в этой архитектуре заложено какое-то послание. Потому на обратном пути она предложила Кайе посидеть возле сторожки, благо рядом оказалось открытое кафе.

Переполненные впечатлениями, утомлённые прогулкой, подруги сидели молча. Ульяна не сводила с домика глаз. Какая-то навязчивая мысль не отпускала её – округлые стены, скруглённая крыша и этот маячок, увенчанный крестом-флюгером... – пока не подали оранжад. Цвет сока мгновенно соединил несоединимое и несоединявшееся: сторожка и жирафы Сальвадора Дали. Сумасшедший гений здесь в свои поры, конечно, побывал и под впечатлением увиденного, а скорее, в пику архитектору-лирику и вставил в строфу Гауди свою поперечную рифму.

* * *

...Измученные долгим путешествием, Ульяна с Кайей возвращались в Скандинавию. Всю дорогу, пересекая на автобусе Францию, они спали. Очнулись уже где-то в Голландии.

Огромный бас катил полупустой. В их отсеке осталась лишь одна пассажирка. Это была сухопарая остистая старуха с измождённым перекошенным лицом. То ли подшофе, то ли жизнь её так укутала, но смотреть на неё было неприятно.

Перекусив да попив кофе, подруги оживились и принялись по свежим следам делиться впечатлениями. Начали по-норвежски, а потом, как это у них не раз бывало, перешли на русский. То был момент, когда Ульяна заговорила о сыне. Тут оживилась соседка.

– Старая русская, – сильным голосом отрекомендовалась она. То, что старая, было видно и без объяснений, а вот то, что русская, подруг озадачило. Разговор их немного попригас, правда, не надолго. Старуха ведь не вмешивалась в их беседу, только рассеянно слушала да иногда тянула шею, чтобы посмотреть на экранчик мобильного, когда Ульяна открывала фотографии.

Одну из фотографий, развернув мобильник, Ульяна показала старухе. Сергей, облачённый в норвежскую военную форму, был почему-то снят на фоне танка. Видно, все солдаты, особенно молодые, напускают на себя воинственный вид. А ещё Ульяне припомнилось давнее: вот точно так же, развернув армейскую фотографию, показывала сына-солдата, своего первенца, её мать.

Потом речь зашла о Лариске. И снова в ход пошли фотки: это она в Техасе, на мустанге её муж; это в Калифорнии – ещё свадебное путешествие; там же – на яхте; а это Гарри за штурвалом одномоторного самолёта – Ларка поясняла, что личный. Ульяна повторила дочкину эсэмэску и поймала себя на мысли, что, кажется, хвастает.

Кайя задала дежурный в таких разговорах вопрос: не собирается ли та рожать?

– Когда? – вопросом на вопрос ответила Ульяна. – То на воде, то в воздухе, то... на мустанге...

За внешней иронией сквозила неприкрытая горечь, неизжитая материнская боль. Тут бы ей почувствовать, успокоить её. И Кайя уже собралась было это сделать, да балтийскую неторопкость опередила русская кровь, пусть уже и старая.

– Господи! – воскликнула попутчица. – Куда вас всех гонит! Одни в Эмиратах рожают, мамелюков этих... Другие в Англии да в Германии... Дуры дурами! Меня-то ребёнком угнали, в восемь лет, – она отогнула рукав и показала наколку лагерного номера. – Всю кровь выпили, суки! Всего женского лишили... Теперь вот платят – деньгами грехи фатеров замаливают... А вы-то! По своей воле! На чужбине! Тьфу!

Старуха достала фляжку и сделала большой глоток. Лицо её исказилось ещё сильнее. Потом отвернулась к окну и более не проронила ни слова.

У снов, как у деревьев, есть почва, из которой они растут. Но до чего же причудливы бывают их ветви, а тем паче листья, цветы и плоды – просто уму непостижимо!

Старуха-попутчица Ульяне приснилась. Та самая соотечественница из трансевропейского автобуса с номером-татуировкой *ost-arbeiten* на запястье. Но как приснилась? Добро бы сразу, тотчас по приезде. Это было бы, наверное, логично. Но она объявилась во сне месяца через два после встречи. Впрочем, и это только цветочки, продолжая растительный ряд. Старуха приснилась в причудливой форме, уместнее сказать – жанре. Это был, по сути, портрет. Не хватало только багетной рамы. Не шелохнувшись, безмолвно, вдобавок не смаргивая, чем напоминала опытную натурщицу, она взирала из глубин сознания. И только глаза, их потаённые отблески выдавали, что это не портрет, а натура.

Ульяна очнулась в липкой испарине. Сердце бухало. Стараясь утишить этот тяжёлый гул, она расслабилась, попыталась переключиться на тени ветвей, которые колыхались по потолку и стенам, в надежде найти какой-нибудь образ. И вдруг ясно осознала, что глаза-то у старухи не свои. Ульяна машинально отёрла лицо, словно снимая паутинку, что налипла в блужданиях меж причудливых деревьев, и этот будничным жест мгновенно унёс её в прошлое, уже иное.

Балтика. Она стоит на палубе лайнера и вот точно так же отирает лицо, словно его коснулась паутинка. Откуда здесь, среди моря, может быть паутинка? И только потом, много позже, наконец, понимает, что к чему.

Здесь на балтийской линии затонул паром «Эстония». На нём находился муж Кайи. Тело его не нашли. Всякий раз, проходя эти места, Кайя забивается в угол каюты. Душа её не на месте. Она мечется чайкой по железной клетушке, до того ей хочется соединиться с душой бедного Томаса. Ведь он где-то здесь, совсем рядом...

Кайя, подчас отчаянная болтушка, о самом сокровенном, оказывается, молчала. И если бы не случай, ещё бы, верно, долго таила свою боль. А когда всё же поделилась, Ульяне стало невероятно стыдно. Ведь не она, подруга, расположила Кайю к признанию – случайная коллега-переводчица, оказавшаяся за столом.

Тут бы Ульяне и признаться, что она испытала тогда на палубе. Это было мимолётное, но явственное прикосновение. Может, тем самым облегчила бы свою совесть. А вот не смогла. То ли тот самый стыд помешал. То ли нечто необъяснимое. Убоялась словесной неуклюжести. Не посмела упростить и опростить то, что испытала. Да и что было-то – кто скажет? То ли укор из невидимого мира, то ли побуждения к участию – поди разбери. Может, то старик приводил её в чувство, когда она взирала на небо: о живых надо думать, дочка, о живых... А может быть, и впрямь всего лишь мимолётная паутинка, случайно залетевшая с суши.

Давний стыд обдал Ульяну жаром. Почему её чувства всё время запаздывают? Ведь она не чёрствый по натуре человек. В чём причина этих запозданий? Или всё уже предопределено и заранее отмерено? И чувства, и переживания, и побуждения...

Мысли её снова возвратились ко сну. Ульяна уже поняла, чьи глаза у той старухи, и теперь силилась понять, зачем они явились, те глаза, и что хотят донести. Стыд, который так внезапно навалился, ещё рассеивал внимание. Но одно Ульяна всё-таки уяснила: укора в том немигающем взгляде не было, была печаль – тихая и глубокая кручина.

Ветер за окном усилился. Надо было бы встать и затворить окно. Но Ульяна не шевелилась. Она лежала с открытыми глазами и глядела на стену, по которой комом перекаати-поля металась тень дерева. Что она там высматривала?

В памятное деревенское лето, когда молва об Ульяне Артамоновой как о художнице облетела село, правление колхоза готовилось к юбилею. Председатель артели Бабошин, ветеран войны, специально пришёл к ним домой, чтобы удостовериться в мастерстве землячки. А, увидев её работы, которые демонстрировал глава семейства, – а папушка не скрывал гордости – председатель загорелся создать галерею деревенских передовиков. С галереей живописных портретов, понятно дело, ничего не вышло. Слишком мало оставалось времени до пятидесятилетия артели. Так объясняла Ульяна, чтобы скрыть свои опасения, – она была не настолько самонадеянна, чтобы взяться за ответственный заказ. Однако альбом к круглой дате изготовить пообещала.

В колхозном архиве нашёлся пакет с фотографиями. В нём оказались портреты, виды деревенских новостроек – коровников, сепараторной, клуба, а также жанровые и групповые снимки. Их пересылали фотокоры районной и областных газет. Среди прочих снимков особо выделялись работы московской выделки, куда ездили на съезды деревенские ударники.

Особо пристально Ульяна разглядывала фото довоенной поры, пожелтевшие и потрёпанные. Иные из них были подписаны, на оборотах других чаще значилось, что это, например, «звено полеводов» или «сводная бригада тов. Васильева на сенокосе». Информация была скудной, её порой не хватало даже для подписей. И тогда Ульяне приходилось обращаться к документам, чтобы уточнить даты, имена-отчества или хотя бы инициалы. А если и в документах не оказывалось более полных сведений, бежала к бабе Паладьё, порядовой соседке, их дальней родственнице и самому осведомлённому в деревне человеку.

Приземистая, высохшая, что бывалошний вехоть, как она себя характеризовала, Паладьё была бабёня подвижная и бойкая. Несмотря на большие годы, – а венчалась Паладьё ещё перед Первой мировой войной, – у неё была отменная память. Она хорошо помнила события самых далёких лет – и ту войну, и интервенцию («как англичана-те тут кобенились»), и коллективизацию, и новую войну, которая унесла мужа и трёх её сыновей. Только то, что было вчера, старуха напрочь забывала. «Ищисвищи вчерашние поминки», – хмыкала она.

Перебирая старые фотографии, Паладьё ткнула в одну из них заскорузлым крючковатым пальцем: «Гли-ко, Улюшка, это ить мати твоя. Ишо в деушках. Ишь, кака баска».

Перед объективом, когда предстоит групповая съёмка, большинство стремится к центру, чтобы попасть в поле зрения. Встают ярусами, ложатся на пол или на землю, это как уж доведётся. Ну, кто не видел подобных снимков или не участвовал в такой съёмке?! Тут было похожее. Бригада человек в тридцать расположилась уступами. Верхний ряд, видимо, стоял на скамейках или, скорее всего, на брёвнах, средний – на земле, а остальные сидели или лежали у их ног. Все сгрудились кучно и даже – по распоряжению, не иначе, фотографа – развернулись вполборота к середине. И только одна девушка стояла обочь, словно сама по себе. В кадр она, вероятно, не попадала. Но фотокор, видимо, что-то приметил в ней и то ли отошёл назад, то ли выпустил из кадра кого-то с другого фланга.

В семейном альбоме фотографий матери почти не было. Только случайные, среди других, прибранные, видимо, рукой отца или Раечки. И ни одного портрета. А тут фото юношеской поры, да к тому же в полный рост.

Ульяна молча глянула на Паладьё. Та без слов смекнула, чего от неё ждут, и принялась вспоминать.

«Мати-то твоя тут уже сиротеей была. Да, деушка... О тридцатом годе церкви почали рушить. Батюшку нашего отца Егория с детушками прогнали. На телегу, бают, да в Сибирь... И стару веру – у нас ить много было таких – тоже... Дед твой, батька-то Пестимей, староста... Да... Его первого с семьёй и увезли. А мати-то твоя – совсем девчурка была – на ту пору болела. Холера ли, тиф ходили... горит, огнём пышет, бедная, без памяти. Куда таку вести. Милицанеры и не взяли. Из бумаги вычеркали. Мол, и так околеет... А она – вишь ты как! – выжила. У золовки моей лежала. Та жоночка сердобольна. Своих-то Господь не дал, вот она и выхаживала... Пришла Пестенька в себя – ни мати, ни тяти, ни дома родного... Порывалась следом, да куда пойдёшь... Так и осталась у золовки заместо дочери. Обходительна, работяща, да всё тишком. Ни словечка ить не обронит. И не пожалится, не поплачется. Будто окаменела. Вот кака мати-то твоя была...»

В колхозном клубе оказалась приличная фотоаппаратура, в том числе трофейный фотоувеличитель – дар кого-то из фронтовиков. Часть фото Ульяна пересняла и увеличила, некоторые фигуры выкадровала и обратила в фотопортреты. Портрет матери она сделала в двух экземплярах: один для альбома, другой для себя.

Уже на чужбине, в Норвегии, перебирая деревенские да студенческие фотки, Ульяна вновь наткнулась на этот портрет. В памяти мать сохранилась зрелой женщиной, а тут, спустя годы, она вновь предстала девчонкой. Ульяна глянула, словно впервые, и оторопела: у пятнадцатилетней матери и того же возраста Лариски было одно и то же лицо. Но особенно это подчёркивал взгляд.

Вот этот взгляд и явился к ней во сне.

Сын приезжал на побывку не часто – раз в месяц, а то и реже. К тому же ненадолго – на сутки-двое. Да и то время с нею не засиживался, больше на стадионе да в спортзале пропадал, поясняя, что необходимо поддерживать спортивную форму.

Однажды, готовя Сергея в обратную дорогу, Ульяна положила в его ранец томик Кнута Гамсуна. – Здесь роман «Пан», – пояснила она. – Место действия – Северная Норвегия, где твоя служба...

Что-то с сыном было не так. Он становился всё более жёстким и даже угрюмым. Возраст? Может быть. Армия? Наверное. Но разве его отца армия ожесточила?

Игорь был сирота, детдомовец, лиха хватил с младенчества, а ведь сердцем не очерствел.

Сергей пошёл явно не в него, это становилось всё очевиднее. Но и не в неё, мать. Тут в чертах, повадках и нраве всё больше проглядывала бабка. Узкое, чуть скуластое лицо, острые глаза, насу-пленные брови, поперечная складка, твёрдые губы, волевой подбородок – ни дать ни взять Пестимея. Истехонная бабеня, сказали бы в деревне. А уж норовом и подавно: отвергнутый бабкой внук пошёл именно в неё.

– Эту книжку читал твой отец, – добавила Ульяна. – Ему она очень нравилась.

Хотела поделиться, что этот роман если не свёл их, то научил понимать друг друга, но почему-то сдержалась. Решила, в другой раз...

Тот томик – ветхий, с ятями – Игорь получил по случаю. А этот, довольно новый, Ульяна купила в российском консульстве, где была книжная лавочка. Всю обратную дорогу она, не отрываясь, перечитывала роман. Сцены книги мешались с собственной памятью, и трудно было отделить одно от другого.

Курсанты военного училища приходили в их художественное училище на танцы. Игоря она заметила сразу: высокий, стройный, лицо открытое, словно ветром распахнутое, – как было такого не заметить?! Но до чего стеснительный и оттого неуклюжий, неловкий, особенно в танцах. Да и она, тогда восемнадцатилетняя девчонка, сельская простушка, была не ахти какая воспитанная и образованная. Да ещё эти порывы: то вспыхнет, загорится вся, то холодом обдаст и сама не понимает отчего. Гуляют по улице, идут к Волге, кидают камешки – «блины пекут». Кругом ширь, простор. Закат во всё небо. Привольно и хорошо. Сама не своя, она кидается Игорю на шею, от неизъясимой радости жмурится, что-то шепчет, потом вдруг отталкивает от себя, бросает какие-то вздорные слова и убегает, оставляя его в недоумении и обиде... Через неделю новая встреча, ей хочется извиниться, приласкать его, а он стоит, как памятник, как – сам потом признавался – штык проглотил. К концу свидания происходит примирение и тут же – новая ссора, а повод – глупость: несовпадение в оценке какого-то фильма... А эта нелепая сцена с патрулём. Ей почему-то втемяшилось, что сейчас Игоря заберут, и она вовлекла его в бегство – в какие-то подворотни и дворы. И только потом дошло, что у него ведь увольнительная... Особенно было беспокойно в лунные ночи, в пору полной луны. Тут она не находила себе места, словно бился в неё морской прибой – то прилив, то отлив, то жар, то холод... А тут ещё Алиска Дворцова, однокурсница. Ей тоже глянулся Игорь, и она то и дело мешалась и ломала их, Ульяны и Игоря, и без того зыбкие и неустойчивые отношения.

Вот тогда и появился тот потрёпанный, ещё дореволюционного издания, томик. Игорь в тот вечер был какой-то особенно тихий и ласковый. «Возьми почитай, только ненадолго... Пару дней. У меня уже требуют...» Она прочитала роман за ночь. Судьба лейтенанта Глана и девушки Эдварды до того разволновала Ульяну, что, как, наверное, тургеневская барышня советской поры, она залила слезами всю подушку.

Лейтенант Глан, живущий в лесной сторожке на скалистом берегу, – охотник и рыбак. Эдварда – дочь лавочника и промышленника. Их пути пересекаются, сердца охвачены огнём, но любовь, vznikшая меж ними, сгорает от невыносимого накала, словно вольтова дуга, где два стержня-сердца обугливаются, обращаясь почти в ненависть. Непонимания, несовпадения, обиды. Прилив-отлив. Прилив-отлив. И до разрыва, до гибели...

Кто знает, может, и между ними, Ульяной и Игорем, стряслось бы такое – разрыв и расставание, – если бы не эта история, о которой так удивительно поведал норвежский писатель. Книга стала для них не просто житейским уроком, она обернулась камертоном для их сердец и подлинным оберегом. Они словно повзрослели, одумались, настроились. От этого их обволокло нежностью,

радостью долгожданного открытия и непреходящего обретения. Иногда он называл её Эдвардой, но только тогда, когда чуть напрягался, в чём-то хотел убедить, что-то донести, ведь он был старше её и, конечно, умнее, дальновиднее. А она очень часто называла его «лейтенант Глан», хотя до звания ему ещё оставался целый год.

...Сын вернул книгу спустя три месяца, когда в очередной раз прибыл на побывку. К той поре он перевёлся из норвежской армии в шведскую. Перепрыгнул, как он написал на открытке, через Скандинавские горы и в подтверждение, что ли, выбрал горный пейзаж, снятый с высоты. То ли шутил, то ли и впрямь перепрыгнул. Ульяна уже ничему, кажется, не удивлялась: сын шагал семимильными шагами к какой-то определённой, но, возможно, и ему ещё неизвестной цели.

Книгу он положил на комод возле пейзажа. Ничего не сказал, только прихлопнул ладонью, давая понять, что возвращает.

– Ну и как? – не выдержала Ульяна. Ей хотелось узнать, нет ли у него на примете девушки и как он думает устраивать дальнейшую свою жизнь. Сергей не ответил. Пожал плечами – и всё.

В шведской форме она его уже видела, правда, на фото. Эмблемы на рукаве там не было. Она знала, что он теперь служит в команде горных егерей.

– Что означает эта нашивка?

– «Свободный охотник».

– Да? – озадаченно протянула она, ожидая пояснений, но он не ответил.

«Лейтенант Глан – тоже был охотник. – Подумала Ульяна. – Но он был совсем иной по характеру. А что уж говорить о твоём отце, сынок!»

И всё-таки Ульяна ошиблась, вздыхая. Книга та отложились в судьбе её сына. Правда, не так, как ей представлялось. Когда пришло время выбирать псевдоним, Сергей назвался Гланом. Это было уже в Иностранном легионе.

20

Кайя давно советовала переселиться в Швецию или Финляндию: теплее, дешевле, ближе к Европе. Ульяна кивала – может быть, – да не спешила. Однако когда Сергей перевёлся в шведскую армию, собралась в одночасье. Переезд проходил под девизом «Ближе к сыну». Это был аргумент и для Йона. Уже, кажется, всё для себя решив, Ульяна медлила с окончательным разрывом. И тут она не столько лукавила, сколько, возможно, щадила его: время лечит, даже если это время напрасного ожидания...

На сей раз она поселилась в Хапаранде – небольшом городке на берегу Ботнического залива и реки Торнио. На другом берегу реки, по сути устья её, находился городок Торнио, это была уже Финляндия. Туда, как и многие, Ульяна ходила за продуктами – там было дешевле, а Ульяну к тому же, а может, и в первую очередь, привлекал финский хлеб – он немного напоминал русский, хоть что-то осталось от имперских традиций. Железная дорога с широкой русской колёсой, протянутая до шведского городка, уже не использовалась, как и русский вокзал, и хлеб здесь был другого замеса, а соседи-финны хлеб творили по русской старинке.

С работой Ульяна особенно не спешила – жила одна, хватало норвежского пособия, которое исправно получала по банковской карте. Сперва обследовала оба городка, их ближние и дальше окрестности. Потом обратилась к историческим и культурным местам. В финском городке заглянула в тамошний музей и выставочную галерею. Ничего интересного для себя не обнаружила. Дизайнерские поделки, вторичная беспредметница, сюр – мрачный и эпигонский – и всё. Русские пейзажи, выставленные на продажу в шведской художественной лавочке, превосходили любую здешнюю картину, потому что за ними была профессиональная школа. Ульяна заметила эти пейзажи издали, но пришла посмотреть дня через три. Среди выставленных в витрине полотен – она это почувствовала на расстоянии – оказались работы земляков. Сердце порывисто забило. И от пейзажей, родных и далёких, и от имён знакомых, даже лица возникли в памяти. Её опахнуло жаром. Она живо отошла и больше сюда не приходила.

Здесь публика была не искушена в искусстве, уяснила для себя Ульяна – и даже больше, пожалуй, чем в норвежской провинции. Фетишем был перформанс – такой коктейль из музыкальных, визуальных и сценических наполнителей. Нечто не очень «съедобное», зато глубокомысленное –

особенно если в среде культуртрегеров или газетных пиарщиков найдётся ушлый толкователь этого коктейля, этакий гуру, который будет поднимать палец и авторитетно произносить всего-навсего один звук: «О!»

Почувствовав конъюнктуру, Ульяна решила попробовать себя в новом жанре. Сделала несколько перформансов и продемонстрировала их в холле местной библиотеки. Одна работа была навеяна поездкой в деревню Воякола. Эта деревня в давние времена была то ли общим новгородско-финским уделом, то ли даже вотчиной новгородского князя: в названии её сохранился русский корень (воя-своя), то есть своя деревня. Ловля лосося тут ведётся по старинке, вероятно, с тех самых «свойственных» пор. Рыбу черпают сачками, виртуозно вода ими между порогов, как половником в кастрюле.

Что же придумала Ульяна? А вот что. Образом реки стала развёрнутая и натянутая парниковая плёнка. Снизу её оживлял ветродуй. Там в прозрачных капсулах бурлили, как пузырьки, белые шарики, низовая подсветка создавала блистание серебристых молний и игру теней. Всё это напоминало ход на нерест красной рыбы. Но торжество песни жизни обрывалось экологической катастрофой, которую олицетворяла острога. Чтобы усилить зрелище, Ульяна подобрала соответствующую музыку и поставила не что-нибудь, а Вагнера, который гремел в «Apcalipsis now» – «Валькирии».

Перформанс Ульяны имел успех, о нём написали не только в городских – с обоих берегов реки – газетах, но и в региональных изданиях. А потом его использовало в качестве заставки для совсем не экологической передачи телевидение провинции Норботтен.

После этого на Ульяну обратили внимание. Пошли заказы. Причём не только на инсталляции и перформансы. Она попробовала себя в драматических опытах. Для одной из таких постановок использовала подвальное помещение культурного центра. Здесь было чисто, прибрано и покрашено. А что привлекло внимание Ульяны – так это переплетения толстых вентиляционных труб, которые вились вдоль лабиринтов и переходов, как доисторические змеи и ящеры. Из этого упорядоченного технологического хаоса явилась картина Вселенной, в которой зарождается новая звезда. Сгусток энергии преодолевает лабиринты вселенского кишечника. Звучит соответствующая авангардная музыка. А всё кончается явлением детей – жёлтых, чёрнокожих, латиносов, одетых в пёстрые одежды. И как финал – Пасхальный гимн.

Что-то, видать, было в фантазийных работах Ульяны, коли стали поступать заказы. Немного помешкав, она открыла небольшое агентство, которое назвала по своей девичьей фамилии, только вычленив её части – «Арт Амон».

– О-ля-ля! – сказала на это Кайя, наведавшись к ней в гости. – Как говорят у нас в России, – простенько, но со вкусом. – А при слове «Россия» она азартно подмигнула, дескать, знай наших.

В Данию они с Кайей доехали на автобусе, причём без пересадок: сели в Лулео, где жила Кайя, пересекли всю Швецию с востока на запад, доехали до Мальмё, а там по новому мосту через пролив Эресунн сквозняком пролетели в Датское королевство.

– Зачем едет в Данию обыватель? – философствовала Кайя. – Либо за запретными плодами – здесь ведь нравы вольные, не чета Скандинавии. Либо хотя бы за отметкой в «послужном списке» – дескать, и я там был, гашиш-травку курил... Но! – Кайя подняла палец. – Человек образованный... – тем же пальцем она коснулась своего лба, – человек начитанный... – она торкнула локтем Ульяну, – человек с интеллектом, – Ульяна ответила ей тем же. – Что он ищет в Дании? – Кайя понизила голос до свистящего шёпота: – Тень отца Гамлета...

Всю дорогу до Дании они разыгрывали шекспировские страсти. Ульяна приняла вторую роль – роль Горацио, а первую с видом примы захватила Кайя, она же главная затейница всех розыгрышей. Кайя картинно запахивала воображаемый гамлетовский плащ; на остановках глубокомысленно морщила своё ребяческое лицо, устремляя взгляд вдаль; а то поднимала какой-нибудь камешек и со словами «Бедный Йорик!» тоже картинно роняла его. «Почти Смоктуновский», – выходя из роли, заключала Ульяна и тут же почтенно склоняла голову, следуя не столько канону, сколько памяти о фильме.

В замок Эльсинор, точнее, то, что подразумевалось под ним, они попали в пасмурный октябрьский день. Ветер гнал рыжую листву, и она неслась, словно огненный пал, к подножию гранитного замка, грозясь спалить эти древние камни, однако никла, как волна, бессильная одолеть неприступные скалы.

Перед самым замком Кайя снова, раз в четвёртый, повторила то, что взбрело ей в голову ещё на мосту:

Мимо острова Сальтхольна
В царство Фели малахольной...

Произнесла уже без начального восторга, что переименовала Пушкина, а скорее машинального, да, может, и винась, что столь фамильярно обошлась с главной героиней. А уж в самом замке, когда они соединились с группой организованных туристов, попритихла, озираясь по сторонам, а потом и вовсе приткнулась к Ульяне, ухватив её под руку.

Ветер, обуреваемый страстью, но у подножия замка сдерживающийся и притворно покорливый, здесь, в анфиладах и переходах, наполнился такой неистовой силой, что создавал непрерывный гул, схожий с фонограммой фильма Козинцева. Может, режиссёр побывал здесь, готовясь к съёмкам, и сделал этот гул доминантой. А может, он не природный, этот ветер? Разве существует ветер, который ни на миг не стихает? Может, это искусная имитация? Может, в основе его – фонограмма русской экранизации? Или это гул из «Короля Лира»? Нет, он и в «Гамлете», и в «Лире». Только в «Лире» его больше...

Кайя многое помнила, даром что о Советском Союзе, в котором родилась, если не язвила, то отзывалась чаще с прохладцей. Однако тут ведь играли прибалты, в том числе актёры-эстонцы, а в «Лире» и на первых ролях.

Они шли следом за гидом, внимая его речи, но понимали не всё: многие слова уносило ветром. В толпе туристов выделялась какая-то странная женщина. Она была облачена в чёрное долгополое одеяние и чёрную шёлковую шаль. Нет, это была не мусульманка. После 11 сентября кругом мерещились шахиды и шахидки. Это была не восточная женщина. Шаль как раз и подчёркивала её белое лицо. Образ из Шекспира? Едва ли. Четыре королевских капитана, мерцавшие тусклыми латами, были прямой цитатой. А она – нет. Находясь в толпе, эта женщина казалась вне её. Вне толпы, вне мира, может, даже не от мира сего, словно воплощённый образ вселенской трагедии, то ли вымышленной, то ли грядущей, то ли явленной сейчас и здесь волей Создателя.

А потом, уже на стенах замка, на открытой галерее случилось и вовсе нечто зловещее. Ветер на миг стих, словно невидимый режиссёр сделал паузу, чтобы безмолвием подчеркнуть дальнейшее. Потом вдруг вновь взвился, заклекотал, будто неведомый орёл, застав всех врасплох, в том числе, видимо, и ту загадочную женщину. Меж тем оказалось, что именно на неё и только на неё он и нацеливал свои незримые когти. Шёлковая шаль, сорванная с её плеч, взметнулась и взвилась в воздух. Новый порыв развернул её во всю длину, и этот свиток, как чёрный смерч, медленно поплыл по галерее, сопровождаемый замороженными взглядами.

Это длилось с минуту, не больше, но оцепеневшая толпа не шевелилась и после, когда видение уже исчезло. Даже записные говоруны и всезнайки, прежде галдевшие и снисходительно усмехавшиеся, стояли, не шевелясь, так все были поражены! Кайя с Ульяной переглянулись. Кайя – снизу вверх и не отрываясь от подруги, Ульяна – сверху вниз и не менее озадаченно. Вот тебе и тень отца, словно читалось в их взглядах.

Потом, уже в автобусе, Кайя помаленьку пришла в себя и стала рассуждать, что это было: натура или перформанс? Говорила громче, чем обычно. Но Ульяна не сдерживала её: у неё самой был «отходняк», только в отличие от Кайи она погрязла в молчание.

А Кайю несло. Она продолжала на все лады гадать, какова природа увиденного. Ей хотелось верить в естественное и природное, которое то и дело смыкается с ирреальным, но как представитель испорченной западной цивилизации, – так и сказала, словно студентка Ленинградского университета, сдающая истмат, – она не может поверить в натурализм происшедшего и полагает, что тут явно не обошлось без постановки, то есть технических средств и режиссуры.

Ульяне стал надоедать назойливый трёп, в конце концов, она не выдержала и деловым тоном предложила вернуться, чтобы завтра повторить ту экскурсию. При этих словах Кайя вскинулась,

метнула на неё испуганный взгляд, крепче ухватилась за локоть Ульяны и прикрыла глаза: судьбу не к чему испытывать дважды.

Кайя спала, свернувшись клубочком в автобусном кресле, а одной рукой по-прежнему держась за Ульяну. Ульяна же маялась, сон её не брал. Взгляд её блуждал по экрану телевизора, мерцавшему над сиденьями, перетекал на мокрое стекло, за которым в бусоватой мути мелькали огоньки ферм, перелески, фонари городков, остававшихся обочь трассы, и снова возвращался к экрану, где показывали новости.

И вот тут между явью и полузабытьём возникла одна картинка. Увиделось или пригрезилось, Ульяна и сама не могла взять в толк, но в памяти это застряло.

Пески, барханы, клубки перекати-поля. На переднем плане спина военного в песочного цвета камуфляже. Каска тоже в камуфляжной пестрядине. Автоматическая винтовка на ремне целит туда, где у подножия бархана темнеет наполовину засыпанный песком остов русской боевой машины пехоты; на остатках брони буква кириллицы и выгоревшая до тусклой желтизны эмблема ВДВ. По низу экрана титр: «К востоку от Кабула». Зной. Безмолвие. Тишина. Возле старого искорёженного железа высится саксаул. Он так же недвижим, как и ржавые ости БМП, как часть этих сухожилий... Но... В глубине остова вдруг мелькает тень. Отточенным движением военный вскидывает винтовку, готовый ударить свинцом. Нет, тревога напрасна – это порыв затухающего самума вздыбил султанчик золотого песка, только и всего. Военный медленно опускает винтовку и делает шаг вперёд. Другой порыв завивает песок вокруг светлого армейского ботинка. Ульяна не мигая глядит в спину военного и явственно сознаёт, что это не кто-то, а Сергей, её сын.

22

С мёртвыми не поговоришь. Но и с живыми нет общения. «Привет!» – «Привет!» – «Как дела?» – «О’кей! А у тебя?» – «Тип-топ!» – «Ну, будь!» – «Пока!» Вот и весь разговор. А уж на расстоянии и подавно. Одни эсэмэски – корявая интернето-электронная писанина с нарушением абсолютно всех правил грамматики и пунктуации.

То ли дело было в девятнадцатом веке, когда обменивались длинными обстоятельными эпистолами, изливая чувства и переживания, и этого вполне хватало для сердечной и родственной связи, даром что письма те доходили неделями, а то и месяцами. А что теперь? Время передачи информации уплотнилось до скорости пули, а содержания, тем паче чувства, в этих цедулях – пародиях на эпистолы – ноль целых хрен десятых.

Вот, по сути, в такой переписке была Ульяна со своей дочерью. Она-то, мать, пыталась достучаться до Лариски, вызвать на разговор, сердце ведь болело: как она там? о чём думает? что чувствует? и что за шаровая молния её шарахнула, что она так поломала, переиначила, если не сказать покорёжила, свою только-только начавшуюся жизнь? В любовь с первого взгляда и вообще в Ларискину любовь после того, что она натворила, Ульяна не верила. Однако внятного ответа даже на прямые вопросы получить не удавалось. Звонки Лариска блокировала. На обширные эсэмэски отвечала коротко: «Всё ок!» или «Нормалёк!». Единственно, что давало представление о её нынешней жизни, это – фотографии, которые она иногда перекидывала. Вот она с Гарри в открытом джипе. Вот в седле, тут муж у стремена. Вот она на руках у Гарри, обнимает за шею и хохочет. А кругом поля, кони, коровы, ферма под красной черепицей.

Странно, но, глядя на эти сельские американские картинки, Ульяна почему-то успокаивалась: нет, девка не пропащая, перебесится когда-нибудь, если уже не перебесилась. Из таких ручищ – она смотрела на Гарри – едва ли вырвешься. А ещё испытывала смутную зависть. Нет, не по сильной руке. Будет. По коням таким, по коровушкам. Кажется, даже запах молока почудился – тот, из детства, когда мать отправляла её встречать Пеструнюшку, а потом, присев на низкую скамеечку, омывала тугое вымя, ласково, но уверенно бралась за дойки, и – в дно подойника, цвикая и гремя, ударяли первые струи...

Однажды Ульяна поймала себя на мысли, что всё чаще думает о Родине – и о стране, и своём крае, и о деревне, это ведь всё было неразделимо.

Первый раз ностальгия охватила её внезапно и была как симптом простуды – спазмы в горле и быстрое-быстрое в течение нескольких секунд сердцебиение. Она так и восприняла это и, поспешив

домой, встала под горячий душ, выпила колдрекс и легла под тёплое одеяло. И только после дошло, что у этой болезни другие истоки.

Она зашла в пригородный лес, чтобы побродить, подышать осенним воздухом, поискать первых багряных листьев. С детства любила бродить по лесу – и по летнему, и по осеннему, и зимой на лыжах... А тут зашла и вдруг почувствовала отчуждение, словно попала в чужой дом. Не лес её отвергал, она его не воспринимала. Даже берёза, родная сестра той, что золотом осыпала палисад и крышу отчего дома, показалась чужой, словно чужбина изменила её природу, как когда-то изменила родной природе она. Так подумала Ульяна. И себя почувствовала такой берёзой, оторванной от родимой почвы. Вот в этот момент и заколотилось сердце, словно птица, захлопав крыльями, и она испуганно схватилась за горло, чтобы удержать его.

С этого началось отторжение. Иным, чем дома, уже казался вкус молока. И вкус хлеба, который здесь пекли по русской традиции, вдруг перестал нравиться, и она стала воспринимать его как имитацию. Её стали раздражать здешняя чопорность, безмолвие в автобусах, где каждый сам по себе, и это назойливое напоминание о толерантности и политкорректности, когда важно одно, чтобы на виду всё было пристойно. Раньше она многого не замечала. Дети, муж, семья, круговорот жизни – задумываться об этом, сличать привычное со здешним было некогда. А если сравнивалось, то всегда со знаком «плюс» в пользу здешнего. А теперь всё стало меняться.

Стоп, сказала себе Ульяна. Когда это началось? После Ларки, когда она сбежала? Нет. Это началось, когда далеко и неведомо куда уехал Сергей. Проводив его, она не находила себе места. У неё никого тут не осталось. Пыталась уходить в работу – отпускала, но ненадолго. Вот в состоянии неопределённого ожидания известий от сына, в состоянии маяты она и отправилась в пригородный лес, где так внезапно забилося сердце.

23

Мир тесен, а пути Господни неисповедимы. И хоть понимаешь это, уже не одиножды изведав вековую мудрость, всякий раз, когда житейский прибор сводит тебя с былым, испытываешь если не радость и удивление, то по меньшей мере оторопь.

Как-то в октябре Ульяна отправилась в Германию. Поехала одна – Кайя была занята на литературном семинаре в Оверкаликсе. Да и цель на сей раз была не туристическая, а сугубо деловая. Ульяне предложили оформить одно небольшое издание. Кайя при всяком случае называла для солидности – «книжный проект». Но на самом деле это была брошюра об опыте самоуправления в одной из сельских коммун Норботтена. Тем не менее Ульяна отнеслась к этой работе вполне серьёзно. И чтобы освежить навыки оформления, поглядеть новые тенденции в издательском дизайне, она и отправилась во Франкфурт-на-Майне, где как раз открывалась очередная Европейская книжная ярмарка.

Книг, альбомов, брошюр, журналов, проспектов на выставке было половодье – просто глаза разбегались от пестроты и разнообразия. Перво-наперво Ульяна обследовала скандинавский сектор, поглядев по очереди издания Норвегии, Швеции и Финляндии. Сравнила их с немецкими. У немцев в целом оказалось строже, сдержаннее. Потом не удержалась – свернула к стендам и витринам России. Книжки на русском не то чтобы обрадовали – удивили, до того были яркие и пёстрые, ведь она давно уже не держала в руках отечественных новинок. Авторы оказались совершенно незнакомые. Она пригляделась. Несколько открытых наугад книг внимания не привлекли: что-то либо заумное, донельзя эстетское, либо эстетически не выдержанное, даже неприятно отвращающее, либо мелко-темное, словно перебирание маковых семечек, либо скудное, убогое по языку. А классики родной тут – увы! – не было: ни Пушкина, ни Толстого, ни Блока... Никого. Только «Мать» Горького обнаружилась, да и то на белорусском языке.

После первого приступа книжных редутов, который длился часа два, Ульяна сосредоточилась на прикладных изданиях, зачем и ехала сюда, причём выбрала сельский уклон. Кое-что ей приглянулось. Набрала буклетов, с разрешения служителей снимала некоторые обложки на цифровую камеру, сделала пару-другую тут же возникших в воображении эскизов.

Ноги гудели, в глазах от пестроты красок рябило. Надо было, наконец, передохнуть. В поисках кафе или пиццерии Ульяна заглянула в раздел сопутствующих товаров, выбирая место потише да

поукромнее, и тут в одном из закутков почти глаза в глаза столкнулась – кто бы мог представить! – с... Алисой Дворцовой. Она не обозналась. Это была действительно Алиска. Та самая однокурсница, которая четверть века назад покорежила её судьбу. Это Алиска, мечтавшая выскочить замуж за будущего офицера, первая «положила глаз» на Игоря. Это она злилась, что тот потянулся не к ней, а к Ульяне, и делала всякие каверзы, чтобы отбить, помешать их сближению. И это, наконец, Алиска написала своей старшей сестре, которая вышла замуж в их село, что Ульянка Артамонова загуляла, похоже, уже забрюхатела, а та, сорока-трещуха, живо раззвонила по всему селу...

Ульяна не обозналась, нет. Иначе с чего бы та, на кого она наткнулась, в свою очередь так пристально уставилась на неё. Пауза затягивалась, держала её Ульяна. Шагнуть не шагнуть, пройти мимо или задержаться – это зависело только от неё. И она перешагнула. И через порожек, и через давнюю боль. Чего теперь-то...

Алиса, прежде полногрудая, щекастая, с годами подувяла. Волосы, похоже, не свои – хороший натуральный парик каштанового отлива. Глаза попритухли, вся толерантная и правильная в соответствии с европейскими установками. Но природный кураж ещё держит, коли расслабится.

Они сидели в ближнем – рядом с ярмарочным комплексом – ресторанчике. По случаю неожиданной встречи и в знак мировой Алиса заказала бутылку «Бейлиса». Выпили, даже чокнулись. Затаялся разговор. Но говорила больше Алиса, ей, видать, это надо было. Курила, меняя сигарету за сигаретой, да говорила.

В Германии она уже десять лет. Вышла замуж. «Мой муж – mein mann» – она произносила как маман. Звать Гюнтер. Почти на два десятка старше.

– Но ничего, – Алиска хмыкнула, – ещё карабкается...

По жизни она занималась разным: преподавала в рисовалке, так она назвала die Schule, работала в рекламе, теперь вот третий год в типографии. Рисует по мелочи и, конечно, на компьютере. В основном бирки, ярлыки, ценники, упаковочную бумагу, иногда обложки тетрадей или блокнотов. О живописи не вспоминает – кому она нужна? Да и ни тяги, ни времени нет.

– Arbeiten, arbeiten, иначе не будет brot. А есть-то хотце! – Она скривилась лицом, не иначе изображая побирушку.

Тут раздался звонок.

– Легки на помине, – извлекая мобильник, предположила Алиса. Но звонили не с работы. То был Гюнтер – её «маман». Ульяна догадалась по тональности – слегка приторной немецкой скороговорке, на которую перешла Алиса. А потом и имя его мелькнуло. А потом и своё имя услышала.

Совсем недавно Ульяне попался норвежский журнал для русских. Одна статья в нём была посвящена интернациональным бракам. По свидетельству социологов, из ста русских жён в Германии только одна назвала свой брак *относительно нормальным*, десять – *с трудом терпимым*, а остальные – *невыносимым*. Неужто Алиска – та единственная?

Разговор с мужем, видимо, взбодрил Алису, приподняв её в собственных глазах. В них появилось заметное самодовольство и даже победительность. Но длилось это недолго. Заговорила о судьбе мужа – и улыбка снова истаяла.

– Гюнтик с сорок четвёртого. Фатер его по ранению оказался в Германии. Здесь, в фатерлянде, спехом женился. Девчонке едва исполнилось восемнадцать. – Алиса коротко взглянула на Ульяну. – Неделю и пожили. И всё. Снова – на фронт, а вскоре – похоронка. Погиб под Ленинградом. Представляешь, Уля, мой папка там воевал. Мой папка вернулся живой, а его... – голос Алисы сорвался, она подавилась всхлипом, – а его фатер...

Ульяну опажнуло жаром, но она обхватила себя за плечи, точно стало зябко. Окрайком сознания мелькнул Пётр Григорьевич: «А кто их звал к нам, этих немчужан?!»

Рука Алисы с зажатым окурком мелко подрагивала, другая, на столе, впиалась в скатерть. Ульяна накрыла её ладонью. И тут Алиса не выдержала, опять всхлипнула и заревела. Не громко так, не во всю ширь, как голоса подчас горемычные русские бабы, рассупонившись во хмелю, а сжав зубы, почти безмолвно – тут ведь не принято так выставляться и тем самым нарушать орднунг.

– Ты прости меня, Улюшка, – тягуче шептала Алиса. – Прости за-ра-зу. За всё прости. Сволочь я последняя, сволочь...

Пьяноватые, но искренние слёзы текли не переставая по её лицу.

– Да будет тебе, – отозвалась Ульяна и вдруг тоже заплакала, не утирая слёз, чтобы не привлекать внимания, только прикрыла навесом ладони глаза.

О чём горевали две русские бабы посреди равнодушной к ним Европы? Об отлетевшей юности, о потерянном и уже невозвратном счастье, о кратком, ровно синичкин посвист, бабьем веке и ещё о чём-то, что словами не выразить, разве слезами излить...

Потом, успокоившись потихоньку, они снова выпили. Алиса досказала историю мужа. Гюнтер – круглый сирота. Мать его погибла в Гамбурге, под бомбёжкой. Родила его и погибла, укрыв собой. С тех пор он не переносит даже шума, не то что грохота, а жить предпочитает в малоэтажных домах. Потому и семьи не заводил, остерегаясь плодить сиротство.

– Но, – тут Алиса усмехнулась и подняла палец, – если бы, говорит, ты встретила раньше, детей мы бы завели.

– Так у тебя нет?..

– Нет, – поджала губы Алиса и салфеткой промокнула размокшую тушь. – Дура была – не завела. А сейчас уже поздно. – Она вяло повела рукой и тут же перевела на другое: – Зато у сестры пятеро. У Зинки-то, – чуть виновато добавила она. – Да лучше бы... – осекла себя, не договорив. – Парни гуляют, пьют. Да какие парни?! Мужики уж... Старшему за тридцать. Работы-то нет. В деревне всё разорено, а в лесу – сезонка. Пьют. Батьку не слушают, тот болеет, на инвалидности – лесинкой на делянке зашибло. А младшая дочка сеструхи сама в подоле притащила, хоть всего семнадцать...

Тут Алиса спохватилась: а твои-то как? Она ведь знала про детей Ульяны. Ещё тогда, дома. От сестры знала, от городских коллег. Ещё не каюсь, но и не злорадствуя, уже ощущая свою вину... А следом и про село спросила: давно ли, дескать, была? Вот тут-то и открылось то, что Ульяна давно для себя отрезала и о чём старалась не думать. Да как ещё открылось! Тем самым боком, который, как подовый камень, всё ещё греет, даром что печь уже остыла. Сестра Раиса – старшая сестра, которая для Ульяны сызмала была заместо матери. Вот о ней-то посереде Германии и получила Ульяна весть.

Алиса время от времени звонила в село, чтобы справиться, получила ли сеструха посылку и что ещё послать. Зинаида, вздыхая, рассказывала о горькой деревенской житухе и между другими новостями – это было недели две назад – сообщила, что Раечку Артамонову отвезли наместо в областную онкологию.

24

Тут всё и прорвало, что копила та дамба, которую от веку возводит человеческая гордыня. Ни минуты не мешкая, Ульяна съездила к себе, скидала кое-какие вещи, паспорт российский, к счастью, был в порядке – самолётом до Питера, а оттуда – в свою Двинскую вотчину.

Одиннадцать лет она не была на Родине, двадцать с лишним в родной сельщине. От одного этого счёта в пору было разрыдаться. Но сейчас такой привилегии у неё не было.

Из аэропорта Ульяна кинулась прямо в онкологический центр, благо он был неподалёку. Сестра, стриженная наголо была, как тень, – узнала её только по глазам, большим да грустным. В тот день Раечку как раз выписывали. Никто здесь и не скрывал, что помирать. Но Раечка почему-то улыбалась. «Домой, Улюшка! Домой!» – твердила она, словно перед ней был не край жизни, а целая вечность.

Дом, который рисовала Ульяне память, который рисовал по её рассказам Пётр Григорьевич, оказался далёко не таким, точнее – совсем не таким. Он осел, обветшал, крылечко перекошилось, окна, давно не крашенные, скособочились, половицы в избе скрипели, матица в передней прогнулась.

С горем пополам затопили русскую печь – дрова оказались сырыми. Дождаться, когда она пропитается, не стали, разживили плиту, чтобы что-нибудь по скорому сварить.

Раечка принялась было убираться, да выходило это не очень складно. Сил у неё не оставалось даже для веника. Ульяна отстранила её, подмела и в прихожей, и в кухне, и в передней. Потом взялась за вехоть, помыла полы, сменив не по разу воду. Тем временем Раечка, повязав на голову косынку – «Чтобы не отсвечивать!» – принялась всё-таки готовить.

Привальное они решили отметить в передней – «как бывалочке». Там заранее затопили голландку. А по случаю встречи – долгожданного праздника – накрыли овальный стол набивной белой скатертью, а из буфета выставили самую хорошую посуду.

На комодe потрескивал старый «Рекорд». Областная телестудия показывала сюжет о нынешнем деревенском житье. Группа женщин, ещё не старых – не обмякших да не усохших, организовала спортивную секцию. Сыновья да дочки-горожахи привезли им велотренажёр, бегут, кольца хула-хуп и прочий спортивный инвентарь. «Наводим фигуру», – слегка вызываясь, чтобы скрыть неловкость, заявила дородная жёнка. А другая добавила, что для тонуса, для снятия стресса – так и сказала – они завели тушканчика и морскую свинку.

– Ишь, чо-ка у нас деется, – кивнула Раечка. – Ране с флягами тренировались да с подойниками... Да кросс на летнюю дойку. А ноне – эва! – херобику перенимают. Тьфу ты!

Она выключила телевизор и завела радиолу. «Когда б имел златые горы...» – вознёсся голос Руслановой. И этот голос, победительно чарующий, слегка надтреснутый, и звук гармоники почти мгновенно перенесли сестёр в прошлое. И вроде в передней зашуршали плисовые юбки, запозванивали медали, зацокало рюмочное стекло, как бывало это не однажды в осеннее половодье деревенского престольного праздника. Чуть зелена вина да много душевного разговора, ладных дружных песен да тихого, умиротворённого – от окончания летней страды – веселья.

Раечка замуж так и не вышла, прожила, опекая братьев да сестриц. Лучшие годы старшухи пролетели в заботах, домашних да колхозных, а потом и женихов деревенских уже всех разобрали. Сватались залётные, да как-то не сложилось – «металось, да не сшилось» – и прожила всю жизнь безмужней и бездетной. А ведь не из последних в девушках была.

Из буфетного шкафчика сестрица достала бутылку водки – какой-то диковинкой, не иначе ещё перестроечной, кою окрестили в народе «коленвалом» или «лигачёвкой».

– А тебе можно? – озабоченно кивнула Ульяна.

– Мне, Улюшка, теперя-ка всё можно. – Раечка налила полные гранёные рюмки. – Со свиданьем, сестрёночка!

Раечка выпила водку, не поморщившись, не закусив. Она лишь обтёрла губы и тихо запела:

Там вдали за рекой догорали огни...

Ульяна взяла сестрицу за руку, подивилась, какая она лёгкая, рука у Раечки, горло перехватил спазм, она усилием воли подавила его, придвинулась ближе и подхватила. Так они и допели до конца:

Ты, конёк вороной, передай дорогой,
Что я честно погиб за рабочих.

Ни единым словом и даже звуком не выдала Раечка своего состояния, тех болей, что крушили её высохшее тело. Только раз не то что попрекнула, а обронила, что в городах-то всё на готовенько, живи себе в удовольствие.

– Ты-то там, в Парижах, – так и сказала. – А мы-ка здесь... Навоз, фляги да силос на вилах... Всяка жизнь...

* * *

В первую ночь в родном доме Ульяна почти не спала. Двадцать с гаком лет не бывала здесь – шутка ли?! – почитай как совсем на новом месте. Какой уж тут сон! Лежала не шевелясь, сомкнув глаза, и прислушивалась. Как суставы ревматика, поскрипывали стропила, бревенчатые связи. Постукивала доска кровли, выбившаяся из-под гнёта прогнившего охлупня. Струйки дождя проникали в щели сруба и, казалось, текли по внутренней стороне. А сверчка не было, не стрекотал, – видать, покинул дом, устав напевать в ухо пустоте.

Под утро приснился Ульяне сон. Вроде как из детства, а похоже, и нет. Будто Раечка ведёт её, младшую сестрицу, на реку. На берегу они останавливаются. Раечка приседает, велит ей садиться на закорки. И потом, придерживая меньшую сзади, ступает к урезу. Им надо одолеть омут и перебраться на песчаную косу – там, в кулижках, на мелководье шныряют серебристые мальки, коих можно иметь подолом. Но вот что странно – омут пуст. Они идут по песку и будто погружаются в песок. Омут не широкий, уже должен быть подъём, а его нет. Зато другой край омута смыкается, будто кто задвигает огромный люк и полоска света всё истончается и истончается.

Ульяна проснулась в испарине. Сердце стучало с переборами. Тихо поднявшись, она обула опорки – обрезки катанцев, накинула на плечи старый вигоневый платок, похоже, материнский, и вышла на крыльцо. Светало. От крыльца тянулась золотая от палой листвы дорожка. Вспомнилась другая дорожка – серебряная, это когда она с первенцем на руках шагала по смёрзшейся грязи, освещённой полной луной, и роняла в это серебро свои слёзы.

Скрипнула дверь.

– Раечка, – обернулась Ульяна.

– А я слышу – тебя нет. Сплю-то ныне чутко. – Старшуха накинула на плечи младшей одеяло. – Ишь, утренники-то пошли, в лягах – лёд. Стыло. Пошли-ка в избу. Простынешь не то. Слышишь, Улюшка!

* * *

На кладбище сёстры собрались на третий день. Раечка прихватила початую поллитровку, сунула в корзинку обливных пряников – с тем и побрели.

На повороте Ульяна оглянулась. Изба их родовая, с детства памятно наполненная голосами, стояла безмолвная и пустая. Ни души в ней не было. Все, кроме них двоих, перекочевали на погост.

– Во, Улюшка, гляди, – стылым голосом выдавила старшуха, когда сёстры пришли на место. – Семеро по лавкам, не иначе.

Ульяна глянула на череду крестов да пирамидок и окаменела. Сродники выстроились в ряд, как и ушли! Антон, старший брат, погиб на китайской границе. Отец – ему было чуть за шестьдесят – скончался в кардиологии. Геннадий, офицер химзащиты, – через год после Чернобыльской аварии. Сестра Лиза наложила на себя руки, когда в Афгане погиб её единственный сын. Вадима – он был врачом – доставили в цинковом ящике из Чечни. Мать, почти сразу вслед за Вадимом, разбил паралич, отошла, не приходя в сознание. Олег, Ульяны погодок, спился и околел, уснув под забором возле своего дома.

Вдоль кровного ряда Ульяна шла на подгибающихся ногах. Антона хоронили, когда она была ещё маленькая, но хорошо помнила, как плакал, не скрывая слёз, папушка и супилась мать, кусая угол чёрного гарусного платка. Папушка умер в областной больнице у неё на руках, но на похоронах её не было, он сам об этом просил, скорбя и винясь. А остальные сродники все ушли без неё. Лишь запоздалые вести иногда доходили.

Раечка прошла вдоль могил вслед за Ульяной. Касалась рукой крестов да пирамидок и кланялась:

– Братик... Папа... Братик... Сестрица... – Миновав ряд, она шагнула дальше и очертила ребром ладони место:

– Вот сюда...

И медленно подняла взгляд. Он был спокойный и твёрдый.

– ...Ну а дальше, гляди... На деревенском кладбище просторно. Не в городах чай...

Завершение повести в следующем номере

Проза

Анастасия Чернова

Анастасия Евгеньевна Чернова – прозаик, публицист, литературовед. Публиковалась в российских изданиях: «Берега», «Москва», «Наши современники», «Роман-газета», «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь», «Зинзивер», «Дети Ра» и др. Автор книг: «Самолёт пролетел. Рассказы и повесть» (2012), «Ветер с пыльных дорог. Рассказы и повести» (2017), «Долина детства. Лирика Николая Рубцова: национальные образы и символы вечности» (2018). Лауреат российских и международных литературных конкурсов: лауреат литературной премии им. Леонида Леонова журнала «Наши современники», победитель II Славянского литературного форума «Золотой Витязь», лауреат Международного молодёжного конкурса «Храм Василия Блаженного», премии им. Андрея Платонова, межрегионального фестиваля научного и литературно-художественного творчества «Есенинская весна», Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», Ежегодной литературной премии Справедливой России «В поисках правды и справедливости», VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», XIV Артиады народов России. Главный редактор интернет-издания «Соты».

ОСОБНЯК

Роман

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 20

Коты, слоны и... кролики

– Вот я тебя, вот тебя! – подпрыгивая, Линозов тряс веником. А кот спокойно сидел на шкафу. Помыл лапки, мордочку, распушил хвост и, устроившись поудобнее, с мрачным любопытством принялся наблюдать за всем этим безумием.

Так много Линозов сроду не прыгал. У него сильно заколотилось сердце – и билось бы ещё сильнее, если бы он знал, как недовольны соседи снизу, у которых мерно раскачивалась люстра и осыпалась с потолка штукатурка.

– Слона он, что ли, завёл?.. – наконец не выдержал отец семейства и, вздохнув, пошёл разбираться.

Тем временем, утомившись, несчастный хозяин кота вернулся на кухню, порезал чёрный хлеб, бросил в кипящую воду сардельку и собрался перекусить.

Почувствовав съестные запахи, спустился и кот. Линозов поразился его наглости и хотел было как следует засветить по лбу тапком, уже замахнулся, но тут раздался звонок в дверь. Сосед шёл долго, поскольку по пути встретил старого знакомого и остановился обсудить с ним возмутительное поведение сумасшедшего экскурсовода. Так сложилось, что во время беседы злость поутихла, и в дверь отец семейства звонил уже не так решительно, как мог бы это сделать пять минут назад, а уж когда он увидел самого Линозова, а рядом с ним милого трогательного котика, который, страдая любопытством, тоже вышел посмотреть на гостя – вместо того чтобы рявкнуть: «Совсем уже, слона завёл?!» – промямлил: «Что-то у вас сегодня шумно, Леонид Николаевич».

– Это всё он! – ткнул Линозов в сторону кота. – Натворил делов, и хоть бы что!

– Понимаю... Сегодня такие дети и коты пошли, что просто ужас.

– Не то слово! Во времена нашей молодости всё было совсем не так...

– И будто солнце светило ярче.

– Именно.

Естественно, такого толкового понимающего соседа грех было не пригласить к столу и не предложить разделить скромную трапезу: сардельку Линозов разделил на две одинаковые продольные части, водрузил на кусок хлеба, прикрыл укропом, посыпал молотым чесноком, пряностями и тёртым сыром, добавил поджаристое куриное крылышко и отбивную котлету, воткнул пучок сельдерея, не забыл про оливки и дольку лимона, а сверху густо полил томатным соусом. Выглядело настолько аппетитно, что сосед, хотя недавно обедал, согласился вновь перекусить.

Кот также подоспел на кухню и грустно сел перед пустой миской. Линозов не обратил бы на него внимания, настолько был раздосадован, но сосед, большой любитель пушистых четвероногих друзей, напомнил о необходимости кормить питомца, каким бы зловредным тот ни был. Тогда-то и обнаружилось, что какая-нибудь нормальная еда – рыбка, или сметана, или хотя бы сухой корм – в доме отсутствует. Более того, Линозов совершенно забыл, что, в отличие от Поллета, кота кормить нужно чаще, чем раз в неделю. Такого поворота сосед никак не ожидал. Он положил в миску кота остатки своего бутерброда, а затем, проклиная людское жестокосердие, отправился восвояси, обещая обратиться в ювенальную юстицию и написать жалобу. «Чего ещё не хватало, – подумал Линозов, – лишние мне хлопоты... А потом. Заберут ещё кота в приют, а я к нему как-никак уже привык...»

– Эй, любезнейший, погоди! – окликнул, но сосед упрямо спускался по лестнице.

«Что же делать, что делать?» – продолжал судорожно размышлять Линозов.

И тут его осенило. Конечно, нужно немедленно сходить в зоомаг, купить корм (причём самый дорогой, лучшего качества!) и показать затем соседу пробитый чек. А захочет – пусть сам поднимется и проверит. К тому времени, уж конечно, кот будет сыт и счастлив.

* * *

Вот почему в тот роковой день Линозов вновь отправился на улицу, и, вопреки обыкновению, не в центр, но по другому маршруту. Он прошёл через сквер, по мозолистой тропинке, вспученной корнями старых деревьев, возле киоска с мороженым вздохнул про школьную первую любовь и купил себе эскимо (совсем как когда-то давно, в детстве), правда, в советское время всё было намного вкуснее, сейчас же сразу заломило от холода зубы.

Где-то неподалёку, как он помнил, в ряду других магазинчиков и пиццерий, должен был находиться зоомаг. Для того чтобы скорей найти, он сменил очки на контактную лупу, которая крепилась единым кругом к носу. И вот, наконец, желанная вывеска. Вокруг слов «Всё для ваших питомцев» нарисованы собаки, коты и почему-то жираф. «Неужели кто-то дома жирафа держит?» – подивился Линозов. Потом немного постоял на крыльце, стараясь умерить дыхание. Неизвестно почему, он сильно волновался, а за спиной, между лопатками, покалывало так, словно вот-вот должны были вылупиться крылья. А, была не была! Поправил кепку и шагнул в душное пространство магазина. В нос ударил запах шерсти, опилок, в углу кто-то хрюкал, возле кассы, из большой плетёной корзины, расплёскивая писк, испуганно выглядывали котята, а на ручке витрины вниз головой неподвижно висела большая летучая мышь.

Кроме разных кормов и необходимых домашним животным принадлежностей, вроде щёток, игрушек, поводков, пуфиков и ватных матрасов, здесь торговали и напуганными зверьками, привезёнными из разных регионов планеты, как обычными, так и экзотическими. Вот так! Столько лет жил неподалёку – и даже не догадывался, какой зоопарк здесь развели. Причём Линозов не был уверен, что все животные доставлены в магазин с соблюдением необходимых гуманистических и медицинских норм. Например, котята выглядели слишком мелкими. Им бы с мамой-кошкой резвиться и миловаться пока. Крылья летучей мыши были неровными, одно заметно короче другого. Перепонки на них какие-то бледные. А один из голубых попугайчиков в клетке так и вовсе лежал на боку. То ли он спал (умер?), то ли ему стало плохо. В другой клетке – птица Сирин с перевязанным марлей клювом, чтобы не пела и не кричала, тоскливо шелестела крыльями. Именно по этой причине Линозов посмотрел на продавщицу с недоверием, она же, напротив, расцвела улыбкой и спросила, чего он желает.

– Корм для кота, – хмуро ответил он. – Самый лучший.

– Так. А сколько коту лет? Пушистый или гладкошёрстный? Часто ли он ходит на носочках или же тяжеловесно опирается всей ступнёй? Резв он или, напротив, вял? Сколько весит? Сколько часов спит? Часто ли мяукает? Бывает ли такое, что сердится? – засыпала вопросами продавщица.

Затем заполнила анкету и, исходя из результатов, подобрала самый лучший корм именно для этого типажа. Корм назывался «Брумкнидексиперл».

– Не желаете приобрести ещё мисочку? – напоследок спросила продавщица. – Она особая, керамическая. Если вы кормите его из пластмассы – это вредно.

Линозов вспомнил соседа и согласился.

– Может быть, ещё когтеточку?

– Нет-нет, не надо.

– Уверены? Если кот не имеет возможности качественно поточить свои когти, у него может начаться депрессия.

– Тогда давайте, – со вздохом согласился Линозов.

– И бант с блёстками.

– Это-то зачем?!

– Нуу... Как зачем?! Придут, скажем, к вам гости. Вы и принарядите котика-то. Бант можно ещё отстегнуть, и тогда останется один кожаный ремешок, ошейник. Очень практично.

– Хорошо...

– Ну а если он когда-нибудь был на улице, то просто необходим шампунь и спрей от блох.

Так, слово за слово, на прилавке выросла громадная куча предметов, необходимых коту для счастливой жизни. Кроме перечисленного, коллекция заводных мышей, свежая травка в горшочке, пластиковая переноска, двухэтажный дом, столб для отработки прыжков и небольшой диван с подушками.

«Ничего... – говорил себе Линозов. – Зато сосед посмотрит. И пусть хоть что-то пикнуть посмеет на тему жестокосердия». Очнулся Леонид Николаевич, только когда продавщица уже собиралась сторговать толстую пятнистую кошку, уверяя, что верная подруга питомцу не помешает, а пёстрый окрас означает не только особую ласковость, но и лечебные свойства.

– Хватит!!! – почти закричал Линозов.

Продавщица, обиженно поджав губы, пробила чек и принялась паковать товар. Весь её вид говорил о том, как ей жаль, что у бедного кота такой грубый хозяин.

– Аквариумных рыбок тоже не желаете? – на всякий случай всё-таки спросила. – Это очень важно: наблюдение за форелью развивает моторику и сообразительность кота.

Линозов покачал головой и, чтобы не искушать себя, прошёл в соседний зал, где стояли аквариумы и клетки с разными животными. Для себя он решил, что, как только оформление товара завершится, он сразу заберёт свёртки и скорее покинет магазин, даже не поблагодарив на прощание за ценные советы. А в дальнейшем найдёт какую-нибудь другую зоолавочку, попроще.

– Посмотрите, посмотрите рыбок, всё правильно... – донеслось в спину. – Может, надумаете...

Но он уже не расслышал этих слов. Пройдя в соседнее помещение, он оказался в другом мире, полутёмном и таинственном. Откуда-то сверху светились пятаки глаз, бесшумно проплывали золотистые рыбы с резными, словно веер, раскинутыми плавниками. А возле клетки с кроликами – и это было не ошибкой зрения – стояла сама Вита. Бледная, тонкая, в джинсах и модных сапожках на высоком каблуке, в блузке цвета сиреневого хинакридона, вся какая-то новая, незнакомая. Куда только девался скучный пучок и неизменные толстые колготы в крупный рубчик. Теперь её короткие волосы лежали на косой пробор и, как это положено, были слегка растрёпаны и пышны. Трепетная, нежная, она стояла перед клеткой с кроликами и, кажется, горько плакала.

«Хочет купить себе живность, – догадался Линозов, – а плачут женщины всегда, потому что глупы и невоздержанны».

Он негромко кашлянул. Вита оглянулась. Сначала посмотрела с непониманием, затем взгляд её прояснился.

– Это вы? – сказала она. – Ну, радуйтесь. Собственно, сразу и пришли, конечно... Приятно плясать на чужих костях.

– Чему радоваться? – с готовностью утончил Линозов. – Лично меня завёл себе кот. Сам, так сказать, выбрал. А у вас как дела? Кроликов решили прикупить? Давно не виделись, кстати...

– Какие ещё кролики... – голос Виты стал настолько потухшим, что на какое-то мгновение показалось: вот-вот в обморок упадёт. – Он меня зайчиком звал. А теперь...

– Что теперь?

Вита лишь махнула рукой.

– Бросил, – догадался Линозов.
– Это ещё не всё. Впрочем, неважно.
– Как это, как это – неважно?! – Леонид Николаевич заволновался. – Вита Степановна, конечно, всё имеет значение. Давайте я расскажу вам о проектах сохранения особняка... О злодеяниях одного миллионера...

– От сына что-то слышала... – грустно, сквозь слёзы улыбнулась Вита.
– А вы мне поведаете, что стряслось. Вместе найдём какой-нибудь выход, не может быть, чтобы не нашли.

Она покачала головой.

– Вы не изменились, Леонид Николаевич. Всё такой же... Прыткий.
– Я? Прыткий?
– Хотела сказать, скорый. Чудной, что ли, и пенсионный возраст не помеха...
– Молодой человек, – окликнула продавщица, – товар готов, забирайте. Видимо, вам придётся вызвать такси, одному столько не унести.

Оглянувшись, Линозов не смог сдержать восклицания, настолько внушительной оказалась гора тюков и упаковок, возвышавшаяся возле кассы.

– Я помогу вам, – неожиданно сказала Вита и властно приподняла один из пакетов. – Уу, тяжёлый...

– Не трогайте, надорвётесь! Здесь наполнитель, камни... Возьмите лучше вот эту сумку с механическими мышами и меховую шапку-ушанку, которую я купил коту на случай холодов.

– Очень мило, – вздохнула Вита, – такая забота, невероятно. Как зовут вашего пушистого друга?

Тут Линозов понял страшную вещь: он до сих пор не дал коту имя. Даже не задумывался.

– Его зовут кот. Просто кот. Сначала он ходил на экскурсии, бесплатно. А после заселился в мою квартиру, стал наводить свои порядки. Вот, собственно, вся история.

– Да, так всегда. Начинается всё с малого... А вот потом... Однако... – Вита Степановна застегнула верхнюю пуговицу на пиджаке. – Кажется, начинается дождь, я пойду.

– Так, а кто же придумает имя коту? Кто поможет донести пакеты? – обнаглел Линозов. – Одному мне не справиться.

Вите эта наглость неожиданно понравилась. Она с удивлением посмотрела на бывшего коллегу, немного сумасшедшего, зато весёлого, пытающегося переустроить мир, добиться справедливости, но при этом смиренно принявшего владычество какого-то кота. Затем притянула за тонкие ручки прозрачный пакет, наполненный всякой ерундой вроде гирлянды из фантиков и банок с витаминами, и скомандовала:

– Ну, хорошо, тогда идём.

Надо ли говорить, что тем же вечером они уже пили на маленьком уютном балкончике Линозова, угнездившемся под самой крышей, крепкий чёрный чай и «Массандру». Порезали бисквитный торт, сыр, огуречки. Кроме того, ближе к ночи созрела полная луна, в отражённом свете которой Вита Степановна казалась особенно прекрасной, и, хотя Линозова не покидало ощущение некоего обмана, коварной уловки судьбы, он пробовал настроить себя на весёлый, доброжелательный лад. Увы, эта женщина, нежданно явившаяся из его мечты и снов, разрушила привычную терпкость бытия, и это не могло не напрягать. Она была слишком осязаема и реальна, в отличие от созданной воображением прекрасной незнакомки – неловкой молоденькой учительницы русского языка с чёрными глазами и резкими движениями. Слишком много лет прошло, слишком сильно он сроднился с тем образом, чтобы воспринять теперь Виту настоящую и уж тем более полюбить её. Но об этом он подумает позже, не сейчас.

Ближе к полночи заявился Данила со своей девушкой Полиной. Ненормальный парень! Он утверждал, что, раз весна и всё равно никто не спит, нужно этой ночью срочно прочитать какую-то рукопись прошлого века. Мол, это будет нонсенсом для всего мира и особенно для тех, кто изучает историю города. Переворот сознания.

– Но меня ничем не удивишь, – возразил экскурсовод, – ишь, придумали... Возомнили. Переворот сознания. Скажешь, тоже...

– Пусть прочтает, развлечёмся... – вдруг промолвила Вита. Смягчённый, разомлевший от вина голос звучал непривычно вяло. – Бедные дети, они ещё не знают. Но скоро узнают. Мы хотели купить домик на море. Для этого я отдала все сбережения. Анатолий взял деньги... И скрылся...

– Тирольский!?! – вскричал Линозов.

– Неважно, – ответила Вита.

Да, это было действительно неважно. Данила почувствовал напряжение и даже лёгкое головокружение.

Главное, что – Анатолий, то самое имя. Главное, что зло, запущенное в мир, продолжало вращаться; подобно мельничному кругу, дробить людей и судьбы. Его не остановить, это зло, потому как любой серьёзный протест увязал в болоте мещанского благополучия. На крохотном балконе среди коробок и пыльных ненужных вещей (дяде Лёне было жалко выбрасывать старые вещи, а потому он обычно складывал их на балконе), под непроницаемо-синим небом, похожим на капюшон дождевика, Даниле стало душно, по-настоящему плохо.

– Что с тобой? – шепнула Полина, но он уже не слышал.

«Почему я не смог тогда выйти на трассу? Почему испугался? Зачем подпустил Ганса и Трину? Чёрных воронов? Отчего сразу не убил себя, раз не удалось?» – эти и другие вопросы, будто острые гвозди, расковыряли старую рану так, что он ощутил боль почти физически.

– Читай, Полина, – только и смог сказать, наконец.

– Сейчас я принесу горячий чай, – благодушно забалагурил Линозов, – тогда послушаем, раз Вита хочет... Почему бы нет. Мне-то всё равно. Повторю ещё раз. Концепция экскурсий уже существует. Существует давно. Не мог же я ошибаться, правда? Никак не мог. Да, забыл предложить сахар. Кто пьёт чай с сахаром? Вот ложечка... Кстати, помните, я рассказывал: газета «Доброе утро» выпустила памфлет про захват особняка? Всё в точности исполнилось. А вот сегодня я прочитал памфлет про золушку и ещё про нашего художника, которому дали премию за картину «Спираль». Не хотите послушать? Тоже любопытно. Раз уж у нас ночь чтений намечается...

Поскольку Леонид Николаевич тут же достал газету, а Полина отвлеклась на шум во дворе – кажется, в песочницу опустилась пролетающая мимо Сирина; она была с небольшой металлической гитарой и только хотела ударить по струнам, запеть – как выскочил пьяный мужик и принялся гнать, топтать ногами, кричать... – словом, пока Полина наблюдала эту странную сцену, подумывая, не нужно ли выйти и защитить несчастную птицу, – Линозов уже шелестел страницами газеты, открывая на нужном месте.

ГЛАВА 21

Незнакомец в лайковых перчатках (вставная новелла)¹

Жила-была девушка Зоя. Нельзя сказать, что отличалась она особой красотой. В целом, простовата: толстый нос, веснушки на щеках, белые пушистые волосы, похожие на поздний одуванчик. Однако глаза, широко распахнутые, и милая весёлая улыбка привносили очарование и детскую свежесть. Она совсем даже не замечала, что нехороша собой, а если и замечала, то не переживала по этому поводу. Под старенькую гитару пела по утрам песни группы «Браво», потом бежала на работу – в магазин одежды «Молли Бренс», где встречала богатых дам, помогала им выбирать вечерние платья, пробивала чек, упаковывала, улыбалась. И всем она была приятна.

По ресторанам не ходила, зато поход в «Макдональдс» могла себе позволить. Примерно раз в месяц после получки она проходила в тесный зал и, заказав какой-нибудь гамбургер с колой, присаживалась на кожаный диванчик. Ей нравилось неспешно потягивать трубочку, воткнутую в стакан с газировкой, и наблюдать, как за окном проносятся машины и сухие листья, спешит пёстрая толпа людей, причудливо пляшут в небе облака. Рядом тоже суетились люди, такие разные, удивительные. Восторженно кричали дети, пиликали телефонные звонки. Среди монотонного шума особенно прият-

¹ Эту и следующую вставную новеллу читатель может пропустить. Автор планировал в 21-й и 22-й главах представить рассказ Натальи Афанасьевны Былинкиной, посвящённый отцу Виктору, историю, связанную с закрытием Благовещенского собора, а также размышления и свидетельства, касающиеся судеб XX века, в том числе новомучеников, однако Линозов принялся читать совсем не те произведения, которые были подготовлены...

но было мечтать о какой-то будущей, невероятно счастливой жизни. Она представляла, как однажды, быть может уже скоро, в магазин «Молли Бренс» зайдёт молодой человек, который захочет сделать сюрприз своей тётушке или ещё какой родственнице и купить изысканное вечернее платье, усыпанное блёстками. Он увидит Зою, попросит оказать помощь в выборе фасона, непременно влюбится и уже в следующий раз придёт с букетом белых роз и пригласит на свидание. Дальнейший сюжет развивался по-разному. Иногда представлялись горы и морские волны, разбивающиеся пеной о скалистый берег, иногда – зелёная лужайка перед замком, иногда и вовсе – сказочный лес, населённый феями и драконами. В таких мечтах и проходила жизнь Зои. Между тем ей было уже под тридцать.

Она по-прежнему пела по утрам песенки и работала в этом магазине, и ни разу туда не зашёл хоть какой-нибудь приятный молодой человек. Только величественные богатые дамы. Впрочем, работа ей очень нравилась. Развешивая одежду, она могла зайти за шторку и тайно примерить какое-нибудь новое платье, немного постоять и полюбоваться в зеркало. А ещё с недавних пор к ней на работу зачастил некий курьер, который развозил пиццу. Разговаривать с ним можно было часами – он понимал продавщицу с полуслова, а ещё ловил каждый её взгляд и жест. Как и Зоя, он тоже ничего не имел – только велосипед и большой короб, выданный фирмой. Но однажды он поделился, что ожидает какого-либо наследства. Так иногда случается в сериалах. Правда, богатых родственников у него не было, но всё же...

– Но всё же... – улыбнулась Зоя. – Да, я тебя понимаю.

В тот вечер они вместе пошли в «Макдональдс» и курьер поступил как настоящий рыцарь, оплатив счёт за колу и гамбургер. Ночью Зоя долго не могла заснуть, а утром, когда она вошла в магазин, по залу уже прогуливался долгожданный покупатель, тот самый молодой человек. Его белый джип стоял возле крыльца.

– Хочу тётке своей купить какое-нибудь платье, – сказал он властно.

И хотя глаза его закрывали тёмные очки, а руки были в чёрных лайковых перчатках, Зое он очень понравился. Она тут же подумала, что готова с этим незнакомцем уехать на край света.

– В Индонезию не желаешь? – спросил он, когда расплатился. – Вот будет веселуха... Всё за мой счёт.

– А пальмы там растут?

– И пальмы, и прочая дребедень.

– Ну, конечно, конечно, я хочу! – захлопала в ладоши Зоя. – Никогда в жизни не была так далеко! Солнце, пальмы! Что может быть лучше...

– Замётано, – ответил парень, – завтра ровно в восемь моё белое авто подъедет к этому магазину, и мы уедем далеко-далеко. Можно было бы и сегодня, но нужно собрать вещи и завершить кой-какие дела. Много барахла не бери, лёгкий сарафан, шляпу...

Зое было немного жаль своего приятеля-курьера, но, с другой стороны, может быть, он тоже вскоре получит своё наследство и будет счастлив. Она записала для него трогательное голосовое сообщение, потом сложила вещи, отнесла комнатную бегонию к пожилой соседке, попросила заботиться и раз в неделю поливать цветок, на всякий случай сняла с карты все сбережения...

– На этом история, я надеюсь, закончилась? – прервала Вита Степановна. – Ни молодца, ни денег, ни саму Зою никто больше никогда не видел. Может быть, когда-нибудь её тело найдут на дне канализационного люка.

– Ну, зачем так вульгарно, Вита? – поморщился Линозов. – Нет, история заканчивается совсем не так. Она благополучно посетила Индонезию, потом съездила в Испанию и Париж. Стала спутницей незнакомца, его второй тенью. Единственное, что напрягало её, – это очки и перчатки, которые он не снимал даже ночью. Как-то раз, когда возлюбленный спал, она попробовала сдёрнуть очки, но вместе с округлыми дужками приподнялись границы лица так, что Зоя смогла заглянуть в щель между кожей и чем-то ещё, сквозящим чёрной земистой пустотой. Возможно, что всё лицо было лишь маской, прикрывшей бездну. Но кого это насторожит в наше время! Зоя решила не заморачиваться. Вскоре и курьер прислал ответное голосовое сообщение, рассказал, что получил неведомо от кого наследство и стал богат. Всё происходило так, как им хотелось.

– Мечты имеют свойство сбываться... – задумчиво произнесла Полина. – Но то ли это, что нам нужно? Уверена, что однажды Зоя проснётся и пожалует о своём выборе. Вспомнит курьера. Подумает: а ведь всё могло бы сложиться иначе... Жили бы они вместе с тем мальчиком... Простым,

зато имеющим живые весёлые глаза. Иногда он давал бы ей покататься на своём велосипеде, а она, в свою очередь, пекла бы для него вкусные пухлые пончики...

– Такого не могло случиться! – ответил Линозов. – Исключено. Получив наследство, курьер перестал бы работать, зажил в своём личном особняке, а спустя некоторое время при невыясненных обстоятельствах повесился. После этого Зою стала посещать крайняя апатия и тоска, от которой она лечилась, посещая психолога, косметолога и салоны с фирменной одеждой. Сама стала солидной тёткой в дорогих мехах и с крохотной сумочкой на золотой цепочке. Впрочем, приступы депрессии вряд ли были связаны с кончиной курьера. Есть и другая версия. Однако вы столько болтаете, перебиваете меня, что отпала всякая охота читать продолжение...

– И правда! – воскликнула Вита Степановна. – Здесь всё понятно. Давай лучше вторую историю послушаем, про художника.

ГЛАВА 22

Спираль (*записки художника*)

Всё началось с того, что утром мне позвонил Киев, а у меня вот уже второй день болел зуб. Дико болел, заснуть не мог, кричал в подушку. Что? И ты мне про клинику сразу. Да мог я пойти, мог. Но дело вот в чём, пойми. Жена полдня нудела, сходи, мол, к доктору, потом хуже будет. Я совсем даже не подкаблучник, чтобы по женской указке бегать, по струнке ходить. То есть когда я уже морально собрался идти, сам для себя решил «надо, Вася, надо», мне захотелось, чтобы это выглядело моим личным решением, а не её благотворным влиянием, пусть не гордится. Решил немного выждать, а вот потом...

Мне позвонил Киев. Так звучит фамилия нашего начальника, вернее организатора общества «Свободомыслящих художников», членами которого все мы, талантливые творческие люди, являемся. Произносить слова я не мог совсем, щека распухла. К счастью, Киев никогда не требует ответа – достаточно, чтоб его выслушали, а остальное, как говорится...

– Прекрасная новость, Вася! Сегодня ровно в девятнадцать приходи награждаться, твоя гениальная «Спираль» заняла первое место. Не вздумай пропустить! Будут зарубежные журналисты... Телевидение.

– Ы... ы... – радуюсь я в трубку, и Киев понимает, что я со всем согласен, очень польщён и сегодня же вечером буду в указанном месте и в назначенный час.

В комнату тут же заглянула жена (очередное доказательство, что она установила прослушку и в курсе всех моих телефонных разговоров).

– Повяжешь свой шарф повыше, до самого носа натянешь, никто не заметит, что щека опухла, – тут же выдала она. – Кивеа поблагодари, на банкет не оставайся. Если что, можешь вызвать такси. Вообще-то я говорила, нужно было сразу сходить к врачу. Но это как горох об стенку. Вот неслух... Тогда бы подобных ситуаций не возникло... – принялась она за старое.

– Вот и не повяжу шарф! – ответил я на языке жестов. – Глупости какие. Пусть все видят, тогда моё молчание будет оправданно.

Последнюю мысль жена не уловила, но то, что я поеду без шарфа – ещё долго принять не могла. Такси, естественно, я решил не вызывать, а вот на банкет – остаться.

Прибыл за пять минут до начала и за это время успел дать несколько интервью. Ещё бы! Ведь моя речь была лаконична как никогда. Я просто кивал и в зависимости от вопроса либо ласково улыбался, либо задумчиво смотрел вдаль. Так сложилась легенда о том, что я самый деликатный и загадочный художник в мире. «Он даже не высказал своего отношения к традиционным художникам-пейзажистам, не сказал, мол, хватит рисовать берёзки, просто деликатно промолчал, намекая на бездарность эпигонов классики», – бойко строчили журналисты. Бедняги! На основе намёков и собственных предчувствий им пришлось самостоятельно составить историю моих взлётов и падений.

Киев был доволен тем, что я не говорю лишнего, однако немного озадачен – почему не хвалю со братьев, членов общества «Свободомыслящих художников».

– Всё потому, что он номер один, – пояснила одна догадливая молоденькая корреспондентка. – Разве не так? Ведь его «Спираль» гениальна!

Мою распухшую физиономию упорно никто не замечал. Никаких поблажек! И фотографировали, и выводили три раза под громкие крики «Ура» на сцену, и наливали шампанское...

Друзья-художники между тем поговаривали, что успех меня растлил. Что я стал заносчивым и высокомерным, гнушаюсь теперь с ними общаться. Самые наблюдательные отмечали напыщенный вид: «ишь, харю как надул...» С ними тоже, кстати, записали интервью, из которого я узнал о себе много неблагоприятного и даже мерзкого.

Словом, всё походило на кошмарный затянутый сон. Зато самочувствие улучшилось. После нескольких бокалов вина я обрёл способность ходить по воздуху и принялся парить под потолком, разглядывая люстры. Прозрачные белые лепестки светильников, похожие на застывшие дождевые капли, оказались не только пышными, но и пыльными – я расчихался. Потом меня кто-то схватил за ногу и стянул вниз.

– Всё, Васёк! Официальная часть закончена. Садимся в такси, едем праздновать в какой-нибудь клуб! – командовал Киев.

– Без всяких такси! Я так! – по привычке я не говорил, а только жестикуюлировал. – Долечу-у-у...

– Ну и лети! – с досадой произнёс кто-то, и я почувствовал мощный пинок, а затем набегающий космический мрак. Разве можно отправлять человека в космос без скафандра?

– Скафандр забыли надеть!!! – кричал я и понимал, что меня уже не слышат...

Впереди были иные миры, тяжело, со скрипом двигались планеты, с приглушённым свистом пронеслись звёзды, оставляя мохнатый рыхлый след. Вечное ледяное молчание охватило мою душу... Вселенная покачивалась, будто маятник часов, раскрывая в каждом мгновении, зависшем между «тик» и «так», унылую вечность...

* * *

Очнулся я к вечеру второго дня. Болела голова, болел зуб, у изголовья кровати сидела жена.

– Ну что? Хочешь послушать историю своих походов? – мрачно спросила она, едва увидела, что я открыл глаза.

– Я летал в Космос.

– Ещё чего... Ты оскорблял своих собратьев, танцевал на банкетном столе, учинил драку в баре, пытался выловить из аквариума золотых рыбок, рисовал на стенах спираль, унизил Киева своим ядовитым молчанием...

– Откуда ты всё знаешь?!

– В газетах прочитала.

Так боль физическая стала душевной. Они писали о чём угодно, только не про картину. Редкие же отклики на творчество выглядели так убого, словно все скупые похвалы и лучшие слова проносились сквозь сжатые зубы. Может быть, то были вовсе и не похвалы, но порицания, изящно прикрытые словесной мишурой. Мне захотелось тут же рассказать, как именно я работаю, почему вместо стройных берёз намалевал спираль, как отношусь к художнику Артемию Вареньеву, воруящему конструкции моих замыслов и накручивающему на них смачные отражения цветистого мира, будто пряжу на веретено. Его невозможно было уличить в плагиате, но между тем он являл заимствование в совершенном виде. Например, мою спираль он представил в образе барышни, гуляющей по бульвару с собачонкой, а красному квадрату пририсовал усы и выдал в форме портрета какого-то чиновника. Следил за моим творчеством пристально. И я уже знал: если сегодня я нарисую прут – завтра у Артемьева появится пруд. Зелёное чудовище, рябое от ветра, с пухлыми розоватыми кувшинками, напоминающими соски кормящей ренессансной женщины. Как-то раз ради интереса я объявил «творческий кризис» и перестал рисовать совсем. Даже на полях книг, подъездных стенах и салфетках. В тот же миг иссякло и вдохновение Вареньева. Сам видел, как он празднично шатался по улицам, потемневший от тоски. Само собой разумеется, Вареньев старательно поливал грязью всё моё искусство – дерзкие штрихи, элегантные линии, цветочные пятна. Он говорил, что к творчеству подобная галиматья не имеет никакого отношения, но являет собой деградацию и воплощённый маразм.

Как-то раз, пребывая в ярости, я создал портрет Вареньева в виде зигзага. И что вы думаете? На следующий день в коллекции Артемия появился новый «автопортрет». Тогда я нарисовал его кота, толстомордого увальня, выбрав форму двух кругов: большого – рябоватого по краям, и маленького – глянцевого. Тонкие штрихи дополнили антураж: распутив усы, кот сидел перед миской.

Портрет кота, скромно дремлющего перед миской после позднего второго завтрака, не замедлил появиться в галерее Вареньева...

Но всё-таки не плагиаты этого художника больше всего отравляли жизнь, нет. Но странное явление, которое я не знал как назвать, в мировом языке прошлого и настоящего нет таких слов. Оно набегало необъяснимым кошмаром, который невозможно было бы отлить ни в какую зримую цветовую форму – разве что разорвать холст на куски, и я рвал холсты один за другим, объявив своё действие артсобытием. После такого заявления приезжало центральное телевидение, всё тщательно снимало. Успех меня не волновал. С интересом ждал, что же появится у Вареньева. В данном случае его живопись была подобна проявленной плёнке – не обманываю, если бы он перевёл моё тревожное сообщение, мой беспомощный крик ужаса на язык сюжетной живописи, я был бы просто счастлив. Но в этот раз Вареньев молчал. Не утерпев, я даже ему позвонил и поинтересовался, над каким же полотном он сейчас работает. Некоторое время Артемий недовольно сопел в трубку. А потом задумчиво сказал (я знал, что, как мой лучший, самый близкий враг, он обязательно поделится!):

– Слушай, Вася, ты псих ещё тот. И не стесняешься мне звонить. Видали трансляцию твоих безумств по ти-ви, как же. Видали. Так вот, знай. В отличие от твоих занятий всякой дурью, лишь бы попиариться, я работаю над серьёзным полотном. Рисую особняк Суслова. Вот так.

– Что?! Как сказал?

– Хочу показать его блистательную историю сквозь века... Это будет, может быть, даже триптих. Но пока ещё ни одной зарисовки не сделал. Собираю материалы. Это ведь только у тебя – тяп-ляп, и готово. А вот у нас...

Кажется, своё полотно Вареньев так и не создал, вместо этого погрузился в длительный запой. А я вот приуныл окончательно. Когда спустя два или три месяца моя выставка открылась в том самом особняке, даже не нашёл моральных сил приехать. Может быть, всё дело в... несанкционированном красном пятне. Оно упорно, вновь и вновь, проявлялось на моей картине «Спелые мандарины», которую приобрёл ещё в давние времена директор особняка и укрепил на стене зала современного искусства. Ровные оранжевые шарики, и вдруг среди них – каким-то необъяснимым образом закрывшаяся вопиющая бордовая клякса. Скорее всего, рисовали хулиганы, но легче почему-то от этого не становилось. С тех пор у меня болела голова, пропал аппетит и всякое вдохновение. В воздухе витали какие-то вязкие звуки, тоскливо-прекрасные и равнодушные. Мягко-золотистые по цвету. Мне становилось душно, я забывал недавние события. Я открывал окно и, вдыхая шершавые запахи заводских труб, погружался в болотистую зыбь неземного блаженства.

ГЛАВА 23

Песни Сирина

Потому что, когда Сирин поёт – земля спит. Листьями, дождями, снегопадами, прелыми словами прошлогодних чувств подпирает планету пёстрый развал не случившегося и чудного. Каждое незадавшееся чувство свито отдельным мотком шёлковых струн, так и не прозвучавших на концерте мировой гармонии. Но это не страшно.

Потому что слава приходит и уходит. А Сирин поёт. Проходят поезда, исчезают, тают, будто слёзы, островки родных городов. Сирин поёт. Могилы в земле пусты, тени спешат на восток. Сирин хватается с небес лепесток – и мчится, расправив оба крыла, туда, где край света и вечна весна сияет медовыми брызгами звёзд. Розовый ветер спешит под откос. Много цветов, запах травы, крупны алмазы ранней росы... Бога здесь нет, но прекрасна земля, солнце лучами целует тебя.

Первая птица: Вот это – и есть вечность. Бескрайние просторы, солнечный свет, сад и планеты. Страдания – нет.

Вторая птица: Здесь очень скучно. Вода исключительно прозрачная, все травы исключительно зелёные, а яблоки – спелые, с одинаковыми румяными бочками. Эта исключительность, лишённая всяких оттенков и любого сомнения, мне и не нравится. Куда делись люди? Где города? Где дома богачей и хижины убогих, руки которых подёрнуты трещинами, а кожа на лице потемнела от горя?

Первая птица: Радуйся! Этого больше нет! Все наконец стали свободны и равны. Все живут в богатых жилищах на просторе лесных угодий. С утра до вечера играют в бадминтон и купаются в тёплой, нагретой за день реке, потом жарят шашлыки, любят на звёзды, слушают песни...

Вторая птица: Слушают и поют?

Первая птица: Нет, только слушают. Петь они не могут. Чтобы петь или творить хоть что-то новое, необходима некая шершавость на сердце, зазор между мечтой и реальностью. Разница между личным счастьем и всеобщим несчастьем. Или наоборот, как угодно. Нужна боль, неустойчивость ступеней под ногами. Неровная дорога, ветер в лицо. От избытка наслаждения их сердца стали гладкими, как плоский камень, многократно омытый и стёртый волнами.

Вторая птица: Хорошо. Но когда они наиграются в бадминтон, что дальше?

*Первая птица:*купаются в реке.

Вторая птица: А накупавшись вдоволь?

Первая птица: Жарят шашлыки, обнимают друг друга и слушают мелодичные песни. Что-нибудь вроде Энии. И вновь поиграть в бадминтон не вредно...

Вторая птица: А чем же заняты художники?

Первая птица: Тем же, что и все.

Вторая птица: Они должны грустить оттого, что выставки не проходят. Никто не спорит об основах искусства, не дают премии. Видимо, и выпить тут нельзя... Напитки – исключительно какой-нибудь яблочный морс и сладкий китайский чай.

Первая птица: Почему же. Вино и коньяк тоже положены. Любые напитки, да хоть брусничную настойку бабы Клавы, жившей в прошлом веке, к столу подают.

Вторая птица: Это несколько меняет дело... Сплетая венок благополучию, тихонько позванивают медные шестёрки. Их никто не слышит. А в богатых жилищах есть телефоны?

Первая птица: Конечно! Туда втиснуты разные голоса. Слышишь? Как...

Вторая птица: Нет, я ничего не слышу. Перебивает какой-то шум.

Первая птица: Это шуршат непрочитанные книги и рукописи. В те дни, когда со дна ущелья поднимается ветер, они могут шуршать очень громко, нарушая тем самым покой обитателей экологического рая.

Вторая птица: Экологического?

Первая птица: Забыла сказать, что мы не используем пластиковые одноразовые стаканчики, а мусор разделяем на несколько баков, в зависимости от состава. Стекло отдельно, бумагу – отдельно... Всё продумано до деталей. Взмах бадминтонной ракетки взбивает облака так, что они становятся похожи на густые сливки и их можно добавлять в чай.

Вторая птица: Так, а рукописи чего? Неужели нельзя прополоть? Прочистить каналы памяти, перекопать почву и посадить что-нибудь ароматное, неприхотливое. Ишь, шелестят.

Первая птица: Пытаемся. Разные есть саженцы, поэтические, эротические, революционные, научно-популярные... Но до тех пор, пока кто-то упрямо складывает буквы в слова, до тех пор, пока хоть одно сердце хотя бы кратко, на мгновение, сжимается тревожным задумчивым чувством, текст прорастает вновь. Этот сорняк чрезвычайно живуч. Звучит удручающе, но скажу: «Состояние внешнего, земного, мира зависит от того, от кого вообще ничего не зависит.

Вторая птица: А не слетать ли нам туда, в московские сады? Согласно расписанию, сирень и черёмуха уже отцвели. Одуванчики давно расточились белёсым пухом. Скоро поспеть должны яблоки, а там и хурма, осень...

Первая птица: Ну, давай. Только бусы смени. Жемчуга давно не в моде, нужны крупные цветные камни, а также что-нибудь ажурное, шуршащее, свадебное.

Один камень – ярко-зелёный, словно плеск утренних полей, другой – голубоватое небо с прожилками туч, третий – мрамор забытых могил, игольные строчки газет, четвёртый – как звёзды, пятый...

Перебирая ожерелье, Вита бесконечно долго смеялась, и Линозов не знал, который час. За неподвижными валунами туч молочно зрел первый снег, воздушный, как дальний парус, почти невидимый венец. Только предметы вдруг обретали таинственное сияние и горизонт становился чётче, обострённое. Вот и всё приближение зимы. Времени никто не замечал.

Накинув куртку, Данила вышел. Наверное, спасло то, что он был в наушниках, собирался послушать песни Папируса, но не успел. Казалось, на улице уже осень. На голых деревьях суматошно каркали вороны. Он пошёл в сторону центра, и мелкий противный дождь озлобленно плевал на мостовую.

ГЛАВА 24

Восстановлению не подлежит

Нужно было что-то делать. Срочно что-то делать, но что? Внутренний человек спал. Нет, ещё хуже, он был доволен. Такого спокойствия и умиротворения Полина давно не испытывала. Неужели они с Данилой помирились? Вот ужас. Она улыбалась от одной этой мысли. Она шла по улице и не замечала, как быстрый шаг перерастает в танец. Приподнимаясь, она пролетала над лужами и тёмной, словно обугленной, землёй. Весна... А в воздухе почему-то пахнет осенью, тлением, надвигающимися холодами и долгой ночью... Всего-то дождь прошёл, и вот на дачах уже растапливают печи, а городские жители захлопывают форточки.

С другой стороны, Данила ушёл настолько стремительно, ни с кем толком не попрощавшись. Почему так? На что он мог обидеться? Застолье было прекрасным, да и Вита Степановна с Леонидом Николаевичем очень милы. Читали вслух занятные истории, потом анекдоты, потом включили музыку – разные попсовые песенки про любовь. Линозов чуть вприсядку не пошёл, когда среди томной мишуры вдруг зазвучала «Калинка-малинка». Правда, они собирались делать что-то другое... Очень важное. Что именно, Полина не могла вспомнить.

Очертания соловьиного сада уютно застилали тротуар, переплетались с корнями деревьев, жадно и настойчиво цеплялись за неровный асфальт, за пыльные следы проходящих в темноте людей. Молчаливые жители – может быть, живые люди, может быть, тени прошлого – проходили в сгущавшихся сумерках печального города, в котором вроде бы и многоэтажный дом стоит, и свет имеется, но чего-то всё-таки не хватает... Полине стало зябко. На мгновение ей показалось, что в потоке вечерних прохожих она видит Наталью, в стареньком модном пальто и стоптанных кроссовках она прошла, не оглядываясь.

Такого, конечно, быть не могло. Полина помнила, как в Благовещенской церкви на скамейке стоял гроб, как дымился ладан и сладкий воздух становился шерстяным. Пение было отстранённым и негромким, а прощальных слов священника она не слышала – только голос, который то повышался, то понижался, то замолкал. Потом все пошли прощаться. Лицо Натальи было спокойным и умиротворённым. Застыв, черты лица словно бы только сейчас обрели свою завершённую совершенную форму. Полина наклонилась поцеловать белый бумажный венчик на лбу, и, когда уже отходила – взгляд упал на руки, сложенные на груди. На одном пальце тускло блестело кольцо. И тут, отчего-то особенно остро, Полина поняла, что это – всё. Конец. Больше она никогда не увидит Наталью. И никто не увидит. Не услышит её голоса. Мир покачнулся. Закрыв руками лицо, Полина выбежала из храма – туда, где воздух, и свет, и пышная листва на весёлых кустах. Она бежала и чувствовала, как ладони становятся горячими, влажными, как откуда-то сверху мерно падает колокольный звон; свергаются потоки скорбной музыки, тяжёлыми каплями разбиваются об асфальт.

Поминки и вся следующая неделя прошли как в тумане. А потом ей передали памятные предметы от Натальи, её последний подарок, привет из вечности... «Самое главное, – подумала Полина, – что благодаря этому мы помирились с Данилой. Вот такое счастье». Мысль возникла словно бы сама по себе и была сначала неприятна, как брызги холодной воды. Но если перед тобой не жалкий фонтан, искусственный водоём в какой-нибудь пластиковой трубочке, а безмерный океан, который накатывает, шурша ночными волнами, то это только сначала отдельные всплески кажутся холодными: ты делаешь шаг вперёд и ещё один – туда, навстречу кипящей ветрами безмерности – и приручаешь себе стихию, и сливаешься с ней, и плывёшь среди звёздных отражений, цветов, стайки золотистых рыб. Либо тонешь. Третьего пути не дано. Вариант остаться на берегу – возможен, но слишком уныл. Так Полине казалось.

Размышляя и невольно мечтая, она дошла до центра города, до развилки дорог. Впереди, наверное, произошла какая-то серьёзная авария, потому что машины стояли плотно, мёртвой хваткой сцепив тротуар. Рядом, на площадке у самой трассы, играли дети. Синий мячик с белой полоской, нырнув в небо, описал дугу и шлёпнулся к ногам Полины. Следом, откуда-то из кустов, выскочил мальчик, невероятно славный, с голубыми глазами и белыми пушистыми волосами, спадающими до плеч расчёпанными завитками.

– Ты что, как можно здесь играть? – сказала Полина, схватив мяч. – Где твоя мама?

– Она скоро придёт, – мальчик сосредоточенно постучал, поводил носом ботинка по краю лужи. – Каждый вечер она возвращается, я и сейчас её жду. Когда она придёт, мы пойдём смотреть сериал, –

и хвастливо добавил, неожиданно улыбнувшись: – не просто так, а с пивом и сухариками. Только пива я не пью. А шипучку с лимоном пробую, вот.

– Тётя, отдайте наш мячик, – подбежали остальные дети, – это вовсе не его. Это наш. Мы все вместе играем, но мячик наш. Точнее, вот Альбины Корольковой.

– Вы всегда играете возле дороги?

– А мы здесь живём. Наши бабушки сидят у подъезда, а под окнами шуметь нельзя.

Действительно, за площадкой стоял коричневый трёхэтажный кирпичный дом с пёстрыми захламлёнными балконами, тут и там торчали коробки, матрасы, остовы полусухих цветов.

И тут Полина вспомнила: про этот дом однажды писали в газете. Магистраль должны были расширить, а здание снести. Только вот жители не хотели уезжать из центра, переселяться в типовую новостройку. Между тем стены здесь крошились, по трубам шла ржавая вода, ступени просаживались, а из окон зимой сильно дуло – никто не мог понять эти семьи. Ради чего они тут держатся. Правда, кто-то давно уехал, а кто-то остался. По-прежнему разбивал в палисаднике огороды, а детей отправлял играть во двор, со всех сторон омываемый автомобильным движением.

– Ну, надо осторожно... – задумчиво произнесла Полина, передавая мяч, – не бросайте высоко...

– Ничего, скоро вернётся моя мама! Она уже, наверное, приехала с работы. Просто зашла в магазин, решила сухариков подкупить.

– Мы тоже с мамой по вечерам едим сухарики. С томатным вкусом, – перебила самая высокая девочка с русой косой на плече, – и со вкусом морских крабов.

– А вот и нет! Я точно знаю, что это не так! Это неправда! – вскричал мальчик. – Моя мама включает фильм, достаёт сухарики, а твоя...

– Что моя?! Твоя – просто гуляющая, так сказала моя бабушка, – прервала девочка. – И все остальные подтвердят.

– Ну конечно! – возмутился мальчик. – Придумала! Она окончила институт. Я всё знаю. По самым высшим программам. Ваши, видать, не в теме... Ага... Тёмный лес...

Явно назревало напряжение, грозящее перерасти в очередную ссору.

– Эй, ребята. Спорить не надо. Конфеты любите? – спросила Полина.

Опустив руку в карман, она поняла, там лежит целая горсть карамели. Видимо, ещё на поминках угостили – а она и забыла. Шуршащие фантики, похожие на взмах крыла бабочки, заполнили ладонь.

– Конечно! – запрыгали дети.

– Вот и хорошо, угощайтесь. Все вечера хороши. Главное, если с мамой. А уж с сухариками, с фильмом, или так... Неважно!

Раздав конфеты, Полина пошла к светофору. Решила посмотреть на клумбу, ту самую, которую насадила Наталья Афанасьевна ещё в конце марта. Как всё-таки это странно: человек умирает, а его цветы и деревья продолжают расти...

– Спасибо! – легко и беззаботно прозвенело за спиной. И вновь раздался мерный шлёп мяча об асфальт.

Вот и клумба, сделанная внутри шины. Из сорной высокой травы выглядывали продолговатые разноцветные лепестки – такие яркие, словно цветы сходили в салон и сделали маникюр. Теперь уже и не спросишь, что это за цветы... Ещё и сорняки поросли, что-то вроде крапивы и лебеды. Присев, Полина стала их выдёргивать. Потом немного взрыхлила подобранным камнем саму почву. Клумба сразу обрела ухоженный и даже весёлый вид. Правда, вокруг не было ни лавок, ни аллеи для прогулок, ни какой-нибудь другой достопримечательности. Все просто спешили мимо, опаздывали, мчались к автобусным остановкам. Полюбовавшись обновлённой клумбой, Полина щёлкнула на телефон цветы и тоже направилась к остановке. В автобусе, когда она уже ехала, случилось и вовсе удивительное.

Какой-то наглый парень не собирался платить за проезд. Он весь состоял из контрастов: дорогая кожаная куртка, модные обтягивающие джинсы, серёжка в ухе, но лицо бледное, с печатью безразличия и мертвенности.

Вокруг суетилась контролёр. Грохот и шум стоял на весь салон.

– Небось, деньги потратил на бухло! – кричала она. – А тридцати рублей за проезд нету, да?! Нет! Тогда положен штраф!

– Ну да, нету, – пессимистично соглашался парень и смотрел в окно, – сейчас нет, а штраф оплачу, как придёт. После...

– После. Фрукт, какой... За эту поездку тоже надо платить. Платить или высаживаться! Или, или...!!!

И тут Полина сделала то, чего после так и не смогла объяснить. Вероятнее всего, ей просто захотелось тишины. Она достала кошелек и купила для этого странного неприятного парня билет. Контролёр посмотрела как-то жалостливо, с долей любопытства, но деньги приняла.

– Вообще-то это всё неправильно, – добавила она приглушённо, – я этого идиота знаю, он очень богат. И он очень, очень плохой человек. Наркоман, алкоголик, вор, бывший зэк. Он назло всем так делает. Так что зря.

– Пусть... – махнула Полина рукой, и на душе вдруг стало легко.

– Что «пусть»? Как это – «пусть»?

По атланскому тёмно-сиреневому склону неба мчались взбитые облака, – не расслабленно-пенистого, но вполне спортивного вида: подтянутые, с упругими боками, состоящими из ладных, крепящихся друг к другу окружностей. Не облака, а белый поезд какой-то, чередой крепких колёс, опора невидимой космической колесницы. Зрелище настолько завораживало, что продолжать скучный разговор было бы немислимо.

Через две остановки Полина вышла. Облака рассеялись, и ей вновь стало одиноко. Лучше бы она совсем не смотрела на небо. Наверное, примерно так Зоя старается лишней раз не фантазировать и не заглядывать за спину богатого незнакомца, неподвижной глыбой скрывающего мир. Ведь можно много ездить по миру, но так и не понять главного. Полина думала про всё сразу: про Зою и курьера на велосипеде, про художника-модерниста и печальную судьбу Артемия Вареньева. Однако что-то другое, важное, затерялось в пёстром ворохе самых разных впечатлений. Это «что-то» было неуловимым, но при этом настоящим и трепетным. Оно походило на птицу в клетке, которая скачет по перекладинам, никак не может вылететь, а потому её обращение к людям, настойчивый и в то же время терпеливый зов остаётся неслышанным. Маленькая серая птичка – совсем незаметная, если сравнить со сказочным оперением Сирина, который, кроме того, носит красные сапожки самой последней моды, а на блестящий, как у артиста, пиджак навешивает тяжёлую грудку современных украшений.

...Вопреки обыкновению, следующим утром Полина проснулась очень рано. Вот уже второй год она работала секретарём в одной туристической фирме. С улыбкой вспомнила, что Данила воображает её балериной и музыкантом. В упор не видит реальности. А может, это и хорошо? Он воспринимает красивые облики несбывшегося как что-то настоящее. Вокруг словно бы образовывается водоворот из всего не случившегося и обречённого. И это при том, что сбывшегося в её жизни намного больше.

– Доброе утро! – сказала бабушка, которая, как обычно, сидела на кухне и смотрела телевизор. – Я вот что думаю. Женщина без мужчины лишена цельности, гармонии и самодостаточности. Если она осталась одна, то жизнь её не имеет ровным счётом никакой ценности. Она всего лишь существует – как какой-нибудь простейший организм или... сорная трава. Не уверена, что и душу имеет в этом случае. Поэтому самое страшное в мире – это быть одной. Только рядом с мужчиной мы обретаем своё истинное предназначение. Неважно, какой он. Главное, быть не одной. Вот что понимаешь с годами...

Такое бабушка выговаривала каждый день, и Полина всегда с ней спорила. А теперь просто промолчала.

– Ведь если бы твои родители не встретились, то не родилась бы ты, – привела свой самый весомый аргумент бабушка, – поэтому так важно встретить мужчину и родить от него ребёнка.

– Бабушка, – сказала, наконец, Полина, – у меня хорошая новость. Я переделу, сниму отдельную комнату. Больше не буду тебя раздражать.

– Вот это хорошо... – она улыбнулась, поправляя дряблой рукой завитые крашенные локоны. – Давно пора. Надеюсь, твой избранник – хороший человек. Но и это не так важно. Идеальных людей не бывает. Главное, что теперь твоя жизнь обрела хоть какой-то смысл. И прошу тебя, используй побольше косметики. У тебя такая невзрачная внешность. Но ведь это поправимо... Бери пример с меня. Несмотря на возраст, я одеваюсь ярко. Недавно купила новый сарафан... Тут, правда, и погода испортилась.

– Да?

– Сейчас покажу.

Бабушка, опираясь на клюку, медленно побрела в комнату. На кухонном столе остались разноцветные лаки, тушь, пудра. Бедная, она так обрадовалась сообщению о комнате, что даже не стала докрашивать ногти. Так и бросила раскрытый флакончик, а рядом кисточку с нежной каплей розового цвета.

«Что же... – подумала Полина, – дело осталось за малым: сегодня же найти, снять и переехать. Научиться быть одной всегда: и днём, и ночью».

В том, что река вспять не ходит и помириться с Данилой по-настоящему не удалось, – она уже не сомневалась. Столько времени прошло – он ничего не написал. Более того, не ответил на её короткий вопрос «куда так быстро исчез», заданный в полушутливой форме, с жирным смайликом на конце. Интересно, что бы подумала в этом случае Зоя? А как поступил бы художник? В каком бы вензеле изобразил страдание и радость?

Страдания от того, что разрушенный мир восстановлению не подлежит и осколки прошлого всё-таки не срастаются. А ей, было, показалось... Радость – потому что нет ничего хуже неопределённости, избавление от которой пришло так скоро.

По пути на работу, в автобусе, Полина неожиданно заснула. Ей снился письменный стол, а по нему, пружинно перебирая лапками, прыгала птичка, что выбралась каким-то образом из часов Натальи Афанасьевны. Птичка водила и трясла хвостом, как трясогузка. Наклоняясь, клевала буквы – рукописные, разбросанные по тетрадному листу. Затем, ткнув самую тяжёлую и большую заглавную букву, пискнула так резко и тонко, что сон развеялся. Очень вовремя: пора было выходить.

Фонари на улице напоминали знаки вопроса, столбы – знаки восклицания, ряды домов – бежали строками... Это напоминало рукопись. Конечно! Прочитав, она хотела всё рассказать. Но в гостях у Линозова было так весело, звучала музыка, индийский чай был сладок и душист, а рядом Данила – что всё, вообще всё, забылось. Она и саму рукопись оставила где-то там, в квартире Линозова. Теперь нужно вернуться и обязательно забрать. Вот он, план номер один на ближайший вечер.

ГЛАВА 25

Троль трансформируется

Жизнь Николая Линозова круто изменилась. Теперь в его доме обитала женщина. Повязав фартук, она стояла на кухне и закручивала банки с соленьями, потом полоскала бельё, гладила, чистила плитку и клеила новые обои, драила посуду, снимала с ложек столетний налёт, обнажая их серебристую вечную сущность – словом, наводила порядок, причём не только внешний, в квартире, что вполне приемлемо и даже хорошо, но и в мозгах, как она сама выражалась, очастливленного хозяина. Теперь и кот, и Линозов должны были действовать исключительно по мановению руки этой самоуверенной дамы. Кот получил имя. Отныне его звали Брумкнидекс, или кратко Брумкис. Такую дурацкую кличку могла придумать только весьма недалёкая женщина, но пришлось смириться. Вита Степановна указывала на то, что банальных Мурзиков или Барсиков слишком много, просто пруд пруди, Брумкнидекс же единственный в своём роде. «Эх, – внутренне махал рукой Линозов, – прощай моя свобода и вольность». Озвучить же это вслух он, естественно, не решался.

Можно было бы подумать, что вот так и завершилась эта история вечной любви. Совсем неприлично завершилась: Беатриче спустилась с небес, властно нагрянула, ломая сложившиеся бытийные границы. Сам Линозов выпал из мирового культурного пространства. Данте и Бетховен перестали быть его собеседниками и товарищами. А, возможно, никогда и не были таковыми, он только мнил себя великим, несчастным и вечно влюблённым...

Однако Линозов ещё не знал худшего: эта история совсем даже не завершилась. Напротив, всё только начиналось. Как-то раз утром Вита сказала:

– Лёня, послушай, дорогой, а ты не забыл сходить к Тирольскому? Вроде бы он тебе деньги обещал. Денег много не бывает, я сменила обои, теперь к ним нужна новая мебель. А к новому шарфику мне необходимо другое пальто.

От таких слов Леонид Николаевич чуть было не подавился. Отложил ложку. Снял с колен вафельное полотенце.

– Поганый Троль... Толян Тирольский...

Напрочь забыл и про особняк, и про злостного захватчика. Вот что значит шляться с утра до ночи по продуктовым и строительным магазинам – а иногда Вита требовала зайти и в салон фирменной одежды, где перемерила перед зеркалом сотню платьев (тот ещё адок), и на вьетнамский рынок (сравнить цены), и в ресторан. Мечтая о красивой жизни, она не соглашалась стать посетительницей банальной «Советской» пекарни, так же как не собиралась ходить в магазины пешком – только на такси, раз уж своего автомобиля пока не предвиделось. Словом, расходы были действительно дикими, и Линозов едва-едва успевал справляться с непомерными запросами. Но сейчас он сказал твёрдо:

– Вита, душенька, образумься. Включи смекалку. Денег от мерзавца мне не нужно. Запомни это!
 – А кто тебе сказал, что ты должен у Тролля взять *его* деньги?
 – То есть как? А что же я должен?!

– Всего лишь настало время у великого благодетеля и жулика забрать *свои* деньги. И – не более того. Столько лет он всех грабил. Справедливо, если ты заберёшь у него свою часть. Разве не так?

Подобная идея Линозову в голову раньше не приходила. Он призадумался. В чём-то эта глупая женщина была права...

– Ты столько пашешь, а замков себе не построил, в Париж не слетал. Всё потому, что кое-кто другой пользуется и твоими, и народными средствами, – привела аргумент Вита. – Мы настолько бедны, что даже не можем себе позволить поездку на Кипр... А Дашке, между прочим, скоро в вуз поступать. Ей нужно с репетиторами заниматься...

– Это что же... – всё ещё сомневался Линозов. – Я должен встать и идти? Унижаться?

– Да, ты должен встать и идти. А по поводу унижаться – вот не надо, не нагнетай. Рубашку я поглажу, будешь выглядеть на все сто.

Тут Линозов вспомнил, что вроде готовился какой-то митинг, на котором должны были показательно казнить Тирольского, пока что в образе куклы. И вроде сам он в этом действии играл далеко не последнюю роль.

– Скажи, радость моя, состоялся ли митинг против захвата здания? Совсем пропустил... Как они без меня справились?

– Не переживай, любимый. Митинг был, но без театральной части. Обычный протест. Теперь этот протест каждую субботу у забора здания случается. Но я тебя туда не пушу. Даже не думай.

– Как это? Почему?

– По кочану.

«По кочану» Вита Степановна говорила, когда разговор был окончен. Спорить смысла не имело.

Вот так и сложилось, что на другой день Леонид Николаевич Линозов позволил упаковать себя в элегантный, хоть и старомодный костюм времён молодости, а затем отправился в офис бывшего одноклассника для того, чтобы заключить какой-нибудь выгодный экскурсионный контракт. Нет, конечно, он мог бы спорить с Витой, метать гром и молнию – не до такой же степени он утратил все свои ораторские способности, однако её доводы по зрелом размышлении представились вполне убедительными. Недовольным фырканием мало чего добьёшься, нужно развивать гибкость и умение находить компромиссы там, где это возможно. Ну и, конечно, забрать у Тролля часть наворованных средств. Что в этом плохого? Линозов пришёл к выводу о закономерности и даже законности подобного решения. Однако на душе почему-то было беспокойно. Как ни крути, но хотя бы первое время на экскурсиях придётся сглаживать острые углы, уменьшить критику Тирольского, может быть, даже рассказать обществу о каком-нибудь его «благом деянии». Но творил ли этот бандит хоть что-то доброе? Весьма сомнительно. Больше трубит и красуется. Правда, на это Вита изрекла следующую мысль. Она сказала:

– Как ты не понимаешь. Он же не из тщеславия золотые таблички развешивает. Человек, у которого перед загородным дворцом стоит вольер с настоящим ручным тигром, в таком не нуждается. Да при желании он себе армию придворных шутов и поэтов наймёт и будет улаживаться. Нет, здесь дело совсем в другом.

В глубине души Линозов считал себя поэтом, а потому такая речь представилась ему оскорбительной. С какой это стати поэты и шуты теперь в одном ряду... Но возразить не успел. Вита уже говорила главное.

– Делает он для того, чтобы другим пример показать. Вот так! Чтобы человек задумался, ради чего живёт. Не сделать ли и ему какое доброе дело...

Уже в автобусе, когда Линозов ехал на встречу с Тирольским и по привычке выискивал в памяти его добрые дела, всплыли истории с пенсионерами, которым к Новому году выдавались жалкие подачки: то дешёвые шампунь, то невозможно липкая вязкая карамель. И ещё: Тирольский организовывал благотворительные концерты, спонсировал конкурсы, на которых побеждали разные тупоумные художники-абстракционисты. Водился с несуразно толстым и малограмотным Киевом. Золотил купола храма. Леонид Николаевич не заметил, как начал при каждом толчке широко размахивать руками, словно разулся и идёт босиком по битому стеклу или старается удержать равновесие на шатком мостике с прогнившей опорой... И тут поймал возмущённый взгляд старушки с места напротив.

Да, каждый шаг в деле укрепления позитивного имиджа Тролля давался с трудом. Но тут на помощь приходили слова Виты:

«О добрых своих делах трубит? Это всё с благой целью! Так пример для подражания создаётся. Это ли не заслуживает похвал?! Совсем не зазорно заключить с таким человеком взаимовыгодный контракт...»

Подъехав к офису Тирольского, Линозов уже научился почти без содрогания мыслить о бывшем однокласснике в положительном ключе. Конечно, каждая фраза отбрасывала тень, но тень, как мы знаем, явление временное, зависит от времени суток и расположения небесных светил. Главное, вернулось чувство собственного достоинства и спокойная уверенность в своей правоте. «Если будет нужно, на экскурсии расскажу, что купол золотил Тирольский, да так, в принципе, и есть, – смиренно вздохнул Леонид Николаевич, – реальность, она такая... Не всегда удобная».

Штаб Тирольского находился среди типовых бетонных зданий, которые постепенно поглощали старинную часть города, жадно заглатывали разноцветные весёлые домики с облупленными ставнями и шатким крыльцом. Крепкие бетонные кобры, уверенно стоящие на хвосте. Под их холодным безразличным взглядом исчезало всё: дворы, постройки, скверы. Будто от серной кислоты, растворилась улица Петровский тупик, душистая липовая аллея, заросли сирени и палисадники. Теперь здесь было гладкое пространство асфальта и ровные квадраты окон, застывшие точки искусственных огней. Некоторые из них принадлежали Анатолию Тирольскому, и за ними, в тесных кабинетах, постоянно работали кондиционеры, напряжённо гудели мониторы, бегали по коридорам секретарши с кипой бумаг. Стук каблучков напоминал движение своеобразного транспорта. Как-то раз Линозов уже был в подобном звенящем и стучащем учреждении, а потому очень удивился внезапно обступившей его тишине.

Фойе перед офисом Тирольского казалось заброшенным. Металлическая ручка в ответ на нажим лишь слабо пискнула. Дверь оказалась заперта. «Где же все?...» – поразился Линозов.

Обычно вокруг здания толпились просители, работали видеокамеры, а в дни, когда раздавали бесплатное мороженое, вообще было не протолкнуться.

– Не будет здесь никого, – пискляво прозвучал женский голос. – Вы что, не слышали? Тирольский за границу уехал, там теперь будет жить и вести дела.

Оглянувшись, Линозов поразился несоответствию голоса и облика. Ломкий высокий голосок принадлежал той самой благоданной старушке из автобуса, которая всю дорогу подозрительно косилась на него. Лицо её было настолько дряхлым и землистым, что вот-вот, казалось, развалится на куски. Когда же она раскрывала рот и произносила слова – нос, щёки и подбородок начинали суетливо дёргаться в разные стороны. Когда замолкала – всё замирало, послушливо и мертвенно сомкнувшись. Синие веки безжизненно опускались на глаза, довершая свершившуюся метаморфозу.

– Я вас сразу заприметила, странный какой-то, думаю. Так и есть, – изрекла старуха.

– Это я-то странный?!

– Ну а кто же? Руками всё чевой-то махали, будто комаров гоняли. Но комаров сейчас нет. Вот вам листок – подпишите петицию. Скажу так. Мы живём как в концлагере, государство творит беспредел. Нужно бороться. Надеюсь, вы подключитесь к нашей борьбе! Вот вам ручка – ставьте подпись.

Услышав слово «борьба», Линозов поставил подпись – тонкую паутинку букв, ровно в ту графу, куда ткнула незнакомка. Затем она убрала лист в папку, а папку погрузила в рюкзак.

«Мда, ряды бойцов пополняются... Но где же наша молодёжь?» – невесело подумал Леонид Николаевич.

– Ну а теперь держите визитку, здесь указан сайт, давайте я запишу ваш ымэйл, чтобы присылать информацию про борьбу. Это дело мы так не оставим.

– Где же наша молодёжь? – уже вслух вздохнул Линозов. – Такие времена, что наша молодёжь...

– Так! – неожиданно агрессивно прикрикнула собеседница. – А я чем не устраиваю?! Какие мои года! Или на что вы намекаете? Между прочим, возраст молодёжи в прогрессивных европейских странах продлён, и продлён значительно. Теперь человек молод не до сорока пяти лет, как это было раньше – но гораздо, гораздо дольше...

– Нет-нет, ничего такого я не имел в виду, я просто...

– Просто он... То-то же... – старуха повела плечами и сразу погрузилась: – всё вот просто. А наша борьба требует осмысленности и драйва.

Такого модного слова, как «драйв», Линозов не ожидал услышать, он вообще был против заимствованной лексики. Но старушка, записав, как она сама выражалась, «ымэйл», утратила, казалось, всякий интерес. Мини-лекцию про вред иностранной лексики Линозов говорил в пустоту и прекрасно это понимал.

– Так, в скором времени ждите рассылку, надеюсь, вы пополните ряды наших борцов, – сказала она на прощание и помахала рукой.

– О, это несомненно, – улыбаясь, скорее из вежливости, подтвердил Линозов. – Борьба нужна, особенно с творящимся беспределом...

– Ну, хей-о'кей, чау! – таким мощным словесным градом, выпущенным в спину, и завершилось знакомство.

Вся мини-лекция, однозначно, насмарку. «Молодёжь, впрочем, – подумал Линозов, – сегодня, да, такая. Наверное, от внуков набралась. Испортили её сознание, мда...»

...Вита с Брумкисом тем временем купили к чаю торт «Прага» и, приготовив на ужин курицу, с нетерпением ждали возвращения Леонида Николаевича.

– У нас несколько хороших новостей! – воскликнула Вита, едва он вошёл. – Но сначала давай свои. Всё ли удалось?

– Ну уж нет, начнём с хороших.

– Не спорь, милый!

– Дорогая...

– Хорошо, тебя не переубедить. – И Вита, запахнув тёплый байковый халат в крупных бордовых маках, царственно села в кресло и рассказала о том, как Даша успешно живёт одна в квартире, справляется с хозяйством и получает хорошие оценки; о том, что звонил некий оператор и предложил снять про их с Леонидом любовь отдельный фильм, а ещё она навела, наконец, порядок в комнате и выбросила все ненужные вещи: банку, в которой когда-то обитал червь, какую-то там рукопись, бумажки, футляры, советские марки и письма.

– С ума сошла! – рявкнул Линозов. – Письма-то зачем выбросила? Тебя просили?!

Явленная реальность настолько расходилась с идеальным образом, что временами перехватывало дыхание и кружилась голова. Эта баба была беспробудно тупа, хоть и красива.

– Они были не мне адресованы, дорогой, – кокетливо заметила Вита, – а мы ведь уже начали новую жизнь, не так ли?

– Новая жизнь... – буркнул Линозов и пошёл в ванную. – Хоть бы иногда тебя не видеть, а лучше вообще забыть, – произнёс он совсем тихо и включил холодную воду, чтобы освежить лицо.

Как всегда, некстати вспомнился червь Поллет, который был незаметен и молчалив. Эта же трещит безостановочно.

– Эй, подожди, а твои новости? Как там дела? Что сказал Тирольский? Сразу ли удалось найти офис?

– Единый поток Линозов прервал встречным вопросом:

– А фильм зачем снимать?

– Про нас, про любовь, о том, как ты дождался и встретил свой идеал.

– Гхм.

– Ну, ты же сам говорил, что всю жизнь... ждал...

– Ну, да-да...

– В общем, согласие дала. Точнее, это не совсем фильм, но участие в ток-шоу, однако ролик на три минуты будет отснят.

– Вита, я не люблю публичности...

– Знаешь ли, вот не надо всего этого. Любишь не любишь. Ты теперь всё-таки не один. Не нужно быть таким эгоистом.

И хотя, по логике беседы, это было неуместно – она закончила тираду своей привычной точкой-кирпичом – «по кочану».

Таким образом, вопрос с фильмом был решён, Линозову ничего не оставалось, как проявить покорность и согласиться, а затем поведать о своих рабочих делах, точнее, о провале.

– Ну, надо же! – удивлялась Вита. – Как не вовремя он исчез. Нужно было раньше подсуетиться. Успех – это значит успеть.

Про неадекватную же старушку, допускавшую в свой лексикон разные мерзостные словечки, и про борьбу она слушала довольно рассеянно, лишь уточнила – на какую именно борьбу подписался Линозов.

– В смысле? – насторожился он.

– С чем бороться будете, ты узнал?

– А, ну, с произволом, это же ясно. За права человека, гуманизм...

– Борись, – наконец одобрила Вита, – пусть всё сложится. Тирольского перестанут преследовать разные спецслужбы, и тогда он сможет вернуться на родину. Сегодня прочитала в газете, что травля достигла предела. Не думала, что до такой степени. Так что меценату и благодетелю пришлось даже покинуть родной дом. Но мы будем бороться и защищать права человека.

Такого поворота Леонид Николаевич почему-то не ожидал, несмотря на очевидность. Теперь он взглянул на подписанный лист по-иному.

– Ты думаешь, это...?

Вита кивнула.

– То!

Благие перемены зрели подспудно и незаметно. И вот они уже общались на языке эмоций и жестов, на самом лучшем языке несказанных слов, и прекрасно понимали друг друга. Не только понимали, но и, по всей видимости, любили, хотя Линозову Вита перестала нравиться уже давно.

«Значит, так: Тирольский и борьба... Впрочем, а почему бы нет, – думал Леонид Николаевич, засыпая. – Он же это... Всё-таки благотворитель, хоть и бандит, столько всего для города сделал. Особняк вон купил, отреставрировать хочет...»

Рядом почивала любимая женщина. Её тонкая рука поверх одеяла, её ладонь под щекой были по-детски нежны и трогательны. Во сне Вита казалась почти прекрасной, её рот приоткрывался, а дыхание становилось лёгким, тихим. Линозов подумал, что сделает всё, чтобы она была счастлива.

ГЛАВА 26

Смертное кружево

Когда Данила очнулся, он не знал, какое сейчас время года или какой день недели. Впрочем, с тех самых пор, как он вырвался из тягостного очарования тенистого и мрачного сада, всё это было неважно. Несмотря на соразмерную красоту музыки, её зеркально гармоничные переливы и на пленительную, немного усталую нежность, мелодия в саду казалась плоской и сухой. Сцепления звуков совершались механически, но, тем не менее, затягивали томной сладостью, убаюкивали, будто сплетали дремотное и плотное кружево смерти. Теперь Данила оказался совершенно один, в беззвучном пустом мире. Как человек, потерявший все ориентиры, он различал только день и ночь. Светло было всегда. Но здесь ведь важно вникать в тонкости, отличать природный свет от искусственного. Днём на небосклон пышно всходило маслянистое солнце, источавшее такой же тяжёлый липкий свет, будто со сковороды капало топлёное масло; ночью же город, опутанный проводами, размыкал бдительные глаза фонарей и неподвижно тарачил их до самого утра... Соответственно, достаточно было определить тип свечения, чтобы понять актуальный состав внешнего мира. Всё же остальное длилось без изменений. То была дурная бесконечность. Пожалуй, тот же самый сад, лишённый, правда, своей звуковой оболочки. Неуловимый Тролль прогуливался и днём и ночью, с той лишь разницей, что днём его глаза закрывали модные очки с тёмными стёклами, а ночью он мог позволить себе блестящую, будто прошитую током, ветровку.

О том, что Тролля больше нет в городе, Данила узнал очень быстро, почти сразу, из новостей, которые просматривал по утрам в «Яндексе». Успел-таки скрыться! Словно насекомое, почуявшее запах ядохимиката, нырнул в щель.

Так крышка мира, похожая на гроб, захлопнулась окончательно. Реальность становилась твёрдой и неизменной, будто её покрыли лакирующим средством, а Тролль вновь ускользал от возмездия, теперь уже, видимо, навсегда. Птицы пели, планеты плыли. Доколе?

Решение пришло как-то само собой, в одну из тягостных бессонных ночей, когда из темноты один за другим вылупились и тоскливо зависли над бездной светящиеся круги фонарей. Не получается прихлопнуть насекомое – разрушь хотя бы его жилище... Так, чтобы неповадно было возвращаться.

За считанные дни Данила переоборудовал взрывное устройство. Так ли важно, в самом деле, к каким результатам приведёт разрушение. Главное, чтобы всё-таки оно произошло.

Пока же свет фонарей казался нарисованным, никак не двигался и не менялся. Давил своей единой слитной золотистой массой, прожигал тело и душу. Данила с усилием размыкал глаза и, устроившись с подушкой на широком подоконнике, смотрел, пристально вглядываясь в этот омут, вбирающий неподвижные огненные сгустки. Иногда в комнате появлялся кто-то третий. Он знал, что за ним давно следят. И каждый раз удивлялся, когда, резко обернувшись, видел самого себя. Двойник, которого он называл *товарищ*, сидел на диване, держал на коленях блюдо, наполненное ровными дольками арбуза. Потом принимался есть. Косточки он выплёвывал в потолок и в стены. Они прилипали, и *Даниле-настоящему* приходилось по утрам прочищать комнату, потому как беспорядка он не любил. Но косточки оказывались тоннелями в иные миры, из которых сквозило сыростью и небытием. Тогда Данила брал пластилин и тщательно замазывал эти дыры – словно лечил кариес стен, становился экзистенциальным стоматологом.

Один раз приходила Полина, но к ней успел выскочить двойник. Вообще, где не нужно, он был шустрый малый. Однако фантом есть фантом. Выйти-то он вышел, а вот дверь забыл открыть – так шагнул сквозь стены, прихватив с собой неизменный арбуз, теперь, при свете дня, напоминающий глобус. Встреча не удалась. Данила слышал, как Полина уходит, как хлопает дверь вниз, но к окну подходить не стал. В отсутствие наблюдающего ока он торопился завершить своё дело в кратчайшие сроки и переделать взрывное устройство так, чтобы оно сработало по радиосигналу мобильного. Старый мобильник имелся, а специальную симку он купил ещё неделю назад. Теперь детонатор должен будет сработать при звонке на телефон, помещённый внутрь взрывного устройства. Тем самым можно будет уничтожить одно из главных гнезд Тrolля. Прогнивший особняк, бывший «дом Суслова». Выполнить хотя бы план-минимум, раз уж Ганс с Триной да вороны надоедливо бузят.

Двойник долго не возвращался, хоть Полина и ушла. Видимо, стоял в подъезде и злился. По некоторому покачиванию пола Данила понимал, что раскачивается планета. Арбуз в руках *товарища* кружился и мерцал. Данила знал, и знал точно: в тот самый момент, когда дрогнут основания особняка, когда качнутся стены, взлетая до небес, тогда падут кандалы и цепи и вздох свободы наполнит грудь, мир станет светлым, справедливым, праздничным, а нечисть – разные оборотни и благодетели – окажутся под рухлядью истерзанных домов. Вот это-то он сможет сделать. Точно сможет! И тогда *товарищ*, навязчивый незнакомец из других миров, протянет, наконец, красную сморщенную дольку, испещрённую синеватыми точками, вкус её будет сладок и тягуч. Потоками воздушности заполнит рот, припечатает восторженным забвением и тишиной. Накидывая на город кружево смерти, сделает его родным и свободным. Навсегда.

ГЛАВА 27

Плакат

Рукопись потерялась. Полина проявила настойчивость, вновь и вновь спрашивала Виту Степановну о судьбе нескольких листов, случайно забытых летним вечером на столе, но та, кажется, так и не поняла, о чём речь. Несколько раз переспрашивала, наконец предложила зайти и самой поискать в квартире. Полина не постеснялась и согласилась. Терять было нечего. Но квартира была настолько прозрачной и опрятной, даже какой-то звонкой от наступившей чистоты, что делать здесь практически было нечего. Исчезли укромные углы и кладовки, ящики в столе больше не скрывали тайн. Они легко выдвигались, обнаруживая пустоту.

– Не люблю лишних вещей, – холодно сообщила Вита Степановна. – Надеюсь, у нас не как у Карлсона на крыше, не такой бардак.

– Какая рукопись? – подтвердил дядя Лёня. – Вита оставила только несколько книг. Для разнообразия интервьюера, так сказать...

– Книжки создают определённый ритм, яркие пятна в комнате должны быть. Только не слишком много. Про нас же всё-таки скоро будут снимать фильм. Приедут операторы, наведут камеры... Так что всё теперь продумано до мелочей. Важен не только порядок, но и цветовые сочетания.

Действительно, лежак – небольшой диван кота Брумкиса – соотносился с окрасом его шерсти, а шторы на окне гармонировали с оттенком керамических цветочных горшков. Вот только какой это был цвет, Полина после вспомнить не могла. Едва она вышла, вся квартира растворилась в своей стерильной безликости, стала подобна бледно-серому пятну, какое бывает после дождя на асфальте.

«Данила такой же, – с грустью призналась самой себе Полина. О чём-то всё думает, подолгу молчит, в такие моменты его лицо становится отрешённым и бледным. Никто не знает, о чём он думает, чего хочет. Пожалуй, это самое страшное. Он рядом, но одновременно отсутствует».

То же самое замечала и его сестра Даша, к которой Полина теперь собиралась зайти и поздравить с днём рождения. Последнее время девочка стала играть на гитаре и писать длинные нерифмованные стихи. Ещё она поделилась с Полиной своим большим секретом: она влюбилась в какого-то интернет-пользователя, которого знала всего лишь по переписке. Никогда даже его не видела. Однако тот человек умел жонглировать словами и смыслами, он был остроумен, а временами сентиментален.

– Единственный минус, он не сможет прийти на мой день рождения, потому что живёт далеко, очень далеко... – вздохнула Даша. – Может быть, его и вовсе не существует. Точно ничего не знаю. Полина, пожалуйста... Кто же всё-таки это может быть? Помоги мне найти его!

Такая вот странная история. Может быть, не существует, но найди. Полина решила избрать тактику переключения внимания.

– Ну что! Завтра поедem в «Светлый луч», будем гулять в лесу, петь песни, кормить орехами белочек, – сразу, с порога, воскликнула она и, засмеявшись, вручила Даше букет бледно-розовых гвоздик, в которых сидел плюшевый мишка в белой футболке и кепочке.

– Спасибо... – Даша чмокнула в щёку и тут же, ловко повернувшись на одной ноге, побежала искать для цветов какую-нибудь вазу.

Потом они пили чай и говорили, говорили просто ни о чём...

Полина решила про интернет-незнакомца не напоминать, но придумывать какие-нибудь события, жизненные приключения, что-нибудь вроде соснового леса, белочек, поездок, классических стихов и музыки Папируса. В честь своего праздника Даша завила волосы, напрыскала их лаком так, что теперь они стремились вверх и стояли над головой плотным шаром. Полупрозрачный топик, короткая юбка, гольфы и кеды. Ярко-алый покрашенный рот, подведённые чёрной тушью глаза. Даша выросла и менялась.

– Грустно тебе одной? – зачем-то спросила Полина.

– Ещё чего! Мама постоянно приходит, холодильник заполняет продуктами. Всё про оценки, про успехи спрашивает. Так что...

– А Данила?

– Ну его! Всё на свете забыл...

– Не может быть. Забыл про день рождения? Ты же приглашала!

– Всё может быть, вот в отличие от некоторых... Некоторые...

«Может быть, – подумала Полина, – обходить неудобные сюжеты – далеко не лучшее решение. Напротив, нужно в них заглянуть, пока не поздно».

– Что некоторые? Незнакомец, видать, открытку прислал?

– Целых пять! И слова ещё, пожелания. Такие хорошие слова... А ты что думаешь?

– Честно?

– Честно!

– Не обижайся, Даш. Но всё это – иллюзия.

– Конечно! Сами вы живёте в иллюзиях, только боитесь признаться...

– Может быть... Так и есть. Что-то главное постоянно ускользает. Настоящее скрывается. Потому что, знаешь, чтобы листать страницы прошлого, нужно самому стать другим. Измениться. А для этого нужна какая-то иная опора, не мечта, не воображение, не сладкий плен...

– Страницы прошлого... – Даша положила подбородок на раскрытую ладонь и задумалась. – Прошрое, это ладно. Ну его! Наверное, мне интереснее заглянуть в будущее. Узнать, случится ли полёт человека на Марс. Сможем ли мы обрести бессмертие. Научимся ли, наконец, управлять своими снами и разговаривать с животными...

– С животными, может, и не научимся, – улыбнулась Полина, – зато они умеют разговаривать с нами. Замечала? И пользуются всюю такой способностью...

Птица за окном, тяжело взмахнув крыльями, полетела в сторону восходящего солнца. Наступила тишина, прерываемая лишь шорохом проводов, напряжённым треском сдерживаемого электричества. Ведь в городе абсолютной тишины не существует.

* * *

Данила тем временем завершил установку взрывного устройства. Сначала он перелез через забор, ограждающий особняк. Затем, никем не замеченный, положил телефон с детонатором у опорной балки. Обратный путь был чуть дольше. Зацепился штаниной за проволоку, кем-то брошенную на дороге. Пока выпутывался, поцарапал голень. Тут же выступила тонкая линия крови. Мелочь, а неприятно. Где-то вдалеке раздался смех. На улице, с внешней стороны особняка, было многолюдно. Теперь, однако, он действовал чётко, слаженно. Отшвырнул проволоку подальше, побежал, вновь подтянулся на забор, перебросив ноги, свесился и спрыгнул на другую сторону. Данила знал, что теперь его ничто не остановит, даже если кто-то и встретится на пути. Сознание было ясным, мысли, лишённые содержания, лились равномерным молчаливым потоком. Такое странное состояние создавало ощущение невесомости. Он думал ни о чём и обо всём сразу.

На заборе висел плакат, который Данила зачем-то прочитал. Приглашали на митинг в поддержку Тролля, коего власти незаконно обвинили в коррупции и собирались отравить. Организатором митинга числился не кто-нибудь, а сам дядя Лёня. Этот плакат переполнил меру возможного терпения, медлить было нельзя. «Будет вам митинг, уроды!» – прокричал в темноту Данила. Затем отошёл на большое расстояние, завернул в соседний квартал и, перекрестившись, нажал кнопку второго телефона.

ЭПИЛОГ

– Такая сейчас молодёжь, – рассказывал Линозов на экскурсии, – экстремист имел всё. Буквально всё! Даже квартиру. Отдельную большую хорошую квартиру. Так нет же... Чего-то, видите ли, ему не хватало. Только подумайте! Особняк взорвать! Погибли невинные люди, которые оказались поблизости! Знаменитый художник, лауреат премии «Квадрат». Смотрительница зала, молодая красивая девушка. Её подруга Зоя. Страшно, страшно! Несколько человек получили травмы. Вопрос: чего же именно ему не хватало? – тут он выдерживал недолгую паузу и, улыбнувшись, говорил главное: – А ещё... Я знал его лично. Да-да, не шучу. Только по секрету, сами понимаете...

Конечно, Леонида Николаевича понять можно. Цены на его экскурсии стали ещё выше, а поток желающих посетить и услышать эксклюзив – не уменьшался. История города дополнилась необычным содержанием, не использовать которое он просто не мог. Громкое преступление, взрыв купеческого дома, свежие могилы... И всё это весной – в то время, когда птицы поют особенно звонко и тёплый ветер, ликуя, взметает на дорогах пыль.

Сам Леонид Николаевич женился на Вите Степановне, живут, как говорят, счастливо, хоть и не без разногласий. Недавно у них родился сын, назвали Нилом. Даша поехала в Москву, остановилась у тёти Эллы, родной сестры её пропавшего отца. Учится в престижном столичном колледже. Мечтает стать известным блогером, а пока снимает для Тик-тока разные смешные видео.

Про Данилу родственники стараются лишней раз не вспоминать. Журналистов не любят, даже избегают. Лишь однажды – и это транслировали все каналы – мать экстремиста вскользь заметила, что сын был обычным, незаметным, скромным, хорошо учился. В каких-то конкурсах побеждал. Как такое могло случиться – она не знает. Семья-то у них благополучная. Недавно, кстати, малыш родился. Уж его-то она воспитает настоящим гражданином, благо и отец его – историк и экскурсовод – человек надёжный, совестливый и положительный.

А вот Полина живёт одна с куцей ворчливой собачкой: привела с улицы совсем больную, с плешью на боках; откормила и вылечила. Оставила у себя. Вечерами пишет Даниле на зону письма, которые, наверное, никогда не отправит. Читает забытые воспоминания и мемуары, играет на флейте, недавно стала сочинять стихи. Жизнь, кажется, проходит мимо, но ей не скучно.

Райские птицы поют о грядущем блаженстве что-то печальное и прекрасное. На могиле Натальи, настоящей хозяйки особняка, пышно растут цветы, пёстрые и лёгкие, словно капли дождя. Тоже Полина посадила.

В море плывут корабли...

Проза

Валерий Румянцев

Борис Иванович Зорькин (литературный псевдоним – Валерий Румянцев) – автор 14 книг, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Поэзия и проза Валерия Румянцева (всего более тысячи публикаций) печаталась в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 84 литературных журналах: «Север», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Дон», «Приокские зори», «Александр», «Краснодар литературный», «Южная звезда», «Нижний Новгород», «Русское эхо», «Сибирь», «Бийский вестник», «Луч», «Северо-Муйские огни», «Сура», «Простор», «Звезда Востока», «Алтай», «Родная Кубань», «Второй Петербург», «Отчий край», «Огни Кузбасса», «Белая скала» и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПРЕСС

Повесть

Завершение. Начало в № 4 (50)-2022

ГЛАВА 7

Порог

Литературный экспресс неумолимо наматывал километры на колёса, всё дальше продвигаясь на восток. Судьба распорядилась так, что Иван Сергеевич Тургенев и Максим Горький наконец-то встретились: они ехали в восьмом купе седьмого вагона. Этих людей знает весь цивилизованный мир, поэтому описывать их внешность, манеры, привычки и особенности речи не имеет смысла. Всё это читателю хорошо известно. Сконцентрируем своё внимание на том, о чём они говорят, что их волнует, к какому выводу пришёл каждый из них, оценивая положение дел в прошлом и в современной России.

Они уже несколько часов вели беседу и затронули множество вопросов, касающихся истории, политики и литературы.

– ...Вы, Иван Сергеевич, когда написали «Накануне», «Отцы и дети», где появились Инсаров и Базаров, фактически обозначили нового положительного героя в русской литературе, – высказал своё мнение Горький.

– Просто я видел, что такая молодёжь, деятельная, упорная в достижении цели, стала появляться в России. И эта молодёжь со временем может изменить жизнь страны к лучшему.

– А кто сегодня, на ваш взгляд, в современной русской литературе «герой нашего времени»?

Тургенев на мгновение задумался:

– Честно говоря, затрудняюсь ответить на этот вопрос. Регулярно читаю современных авторов, но удовольствия от чтения почти не получаю: и ярких образов не видно, да и художественный язык в основном какой-то бесцветный. В поэзии, да, там есть настоящие таланты, хотя и единицы, а в прозе нет, не вижу.

– Я сейчас пишу разгромную статью о современных литераторах так называемого «андеграунда». Вы читали роман Владимира Сорокина «Сердца четырёх»?

– Вы знаете, как-то не приходилось, – ответил Тургенев.

– И это к лучшему, вы ничего не потеряли. Я для своей статьи распечатал несколько отрывков из этого текста. Вот, посмотрите, – Горький достал из папки лист бумаги и передал Тургеневу.

– Давайте.

Иван Сергеевич начал читать, и почти сразу же на его лице появилось выражение недоумения, а затем и брезгливости.

– Фу, какая гадость, – возмутился он, отбрасывая листок. – Это должно быть интересно не читателям, а, скорее, психиатрам. Да разве нормальный человек станет читать такое?

– Да, это всё так. Но что самое отвратительное! У этого Сорокина куча литературных премий и наград. Его книги переведены на двадцать семь языков, изданы в самых крупных издательствах Запада. Радует лишь то, что есть ещё читатели, которые оценивают его тексты как откровенную мерзость. Не зря в Москве как-то даже провели акцию протеста, сжигая его книги.

– Уже и нравственную грязь начинают считать лечебной, – возмутился Иван Сергеевич. – Дожили, что называется, до ручки.

– Больное общество возводит болезни в ранг достоинств, – согласился Горький. – Духовная пища перестала быть натуральной. Сплошной суррогат.

Некоторое время в купе царило тягостное молчание. Затем Тургенев произнёс:

– А вам не кажется, уважаемый Алексей Максимович, что, приводя в своей статье подобные... подобные... не хочу сказать строки, дабы не оскорблять великий и могучий... ну, скажем, продукты жизнедеятельности этого индивида, вы невольно играете ему на руку. Вы сказали, что готовите разгромную статью. И что? Вы думаете, этим деятелям есть дело до того, что вы о них напишете? Отнюдь. Им нужна известность. Пусть даже скандальная. Даже лучше, если скандальная. Нужно, чтобы о них говорили, а что именно – совершенно неважно. Вот они и изгаляются кто во что горазд. Это больные люди. И такие, к сожалению, находились в любом обществе. Вспомните хотя бы некоего Герострата.

– И как же, по-вашему, с этим бороться?

– А никак. Вы же не боретесь с грязной лужей на дороге. Просто обходите её и продолжаете свой путь.

– Ну, не знаю. Ведь эта зараза как вирус. Она разъедает души людей. И наша задача – выработать у читателей иммунитет.

– Вот здесь я с вами согласен полностью. Но как получить этот иммунитет?

Я вижу лишь один путь – искусство. И неважно, что это будет: живопись, театр, кино, литература. Важно, чтоб искусство пробуждало в человеке светлые чувства, а не наполняло души грязью.

Максим Горький тяжело вздохнул:

– Да кто же с этим спорит, Иван Сергеевич. Но это всё в теории. А что мы видим в реальной жизни? Да взять того же Сорокина. Его книги в обязательном порядке и за счёт госбюджета пополнили фонды всех российских библиотек. Были и обращения в суд с требованием признать некоторые места в его текстах порнографией. Суд не признал.

– Почему же суд не признал?

– А потому, что наш суд буржуазный. И он исполняет те требования, которые предъявляет к нему буржуазная власть. Этой власти необходимо деградирующее население, так проще управлять людьми. Для этого и ЕГЭ ввели в школы. Да что там... Чубайс недавно публично прямо сказал, что для основной части населения достаточно образования в размере четырёх классов.

– Да вы что?! Дикость какая-то. А я и не слышал об этом выпад Чубайса. Куда же мы катимся, Алексей Максимович?

– К новой революции катимся, дорогой Иван Сергеевич. Деграция не только в России, это происходит во всём мире. Посмотрите, кому стали давать Нобелевские премии по литературе. Недавно её получил какой-то американский рэпер.

– Да, я слышал. Его зовут Боб Дилан, – подсказал Тургенев.

– А Льву Толстому не дали, – продолжил свою мысль Горький. – По логике Нобелевского комитета, он пишет хуже, чем этот Боб Дилан, или Пастернак, или Солженицын, или даже Алексиевич. Не удивлюсь, если следующим лауреатом будет Сорокин.

– Подобные фокусы привели к тому, что престиж Нобелевской премии среди литераторов уже упал. Да и у нас, в России, всё обесценивается. Посмотрите, что творится в кинематографе, на сценах театров... Так что же, Алексей Максимыч, по-вашему, ожидает Россию?

– Когда политические карлики занимаются большой политикой, жди беды. А если в самое ближайшее время политика не изменится хотя бы в сторону социал-демократии, то нас ждёт новый 1905 год. Правильно говорил Джон Кеннеди: «Те, кто делает мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной».

- А почему не новый семнадцатый? – удивился Иван Сергеевич.
- Социалистической революции в ближайшей перспективе не будет. Нет коммунистической партии, вооружённой революционной теорией. Кто торопит события, рискует не поспеть за ними.
- Чему не быть, то и миновать легче? – задал риторический вопрос Тургенев и добавил: – Но партия может сформироваться быстрее, чем мы предполагаем...
- Не может. Посмотрите, что произошло и происходит. Горбачёвская перестройка обрушилась на инфантильный народ. Произошла реставрация капитализма. Что в итоге? Уже тридцать лет шаг за шагом у народа отбирают то одно, то другое завоевание Великой Октябрьской социалистической революции. А народ утирается и молчит. С каждым годом Россия становится слабее и слабее. И Запад продолжает нас душить, при этом не жалеет громадных денег на поддержку пятой колонны в нашей стране. Под аккомпанемент демагогических речей Запад уже отжал и Украину-неньку, и Грузию, и Прибалтику. Всё забыто: и латышские стрелки, и Камо, и Щорс. А многие россияне продолжают жить в тумане своей политической наивности и верят телевизору, который вещает, что революционеры были жестокими проходимцами с собачьими сердцами, своего рода шариковы из повести Булгакова.
- Но народ же не будет ещё сто лет терпеть, – убеждённо сказал Тургенев.
- Сколько он будет ещё терпеть, никто не знает. Основная масса по-прежнему ходит на выборы, не осознавая, что тем самым она подтверждает легитимность этой власти. Вроде бы, да, терпение кончается. Вон, в Хабаровске народ уже выходит из себя. А когда народ выходит из себя, из него выходят вожди.
- До Октябрьского переворота были народовольцы, затем группа «Освобождение труда», потом РСДРП, а спустя восемь лет к ним добавилось слово «большевики». Может, и сейчас сформируется что-то одно, потом второе, третье, – высказал предположение Тургенев.
- Не думаю, – усомнился Алексей Максимович. – В то время восемьдесят-девяносто процентов населения было безграмотным, политические процессы шли медленно. Сейчас другое время. Почти все имеют минимум среднее образование. Есть опыт социалистического строительства, и этот опыт не забыт. Другое дело, какие факторы подтолкнут людей с революционными настроениями к активным действиям и какие по своему характеру эти действия будут. А факторы могут быть совершенно неожиданными, например более тяжкие последствия от коронавируса, или острый дефицит продуктов питания, или ещё что-то. А скорее всего, это будет совокупность факторов.
- Так что ж, впереди безнадёга?
- Вы хотите сказать, что дорога к светлому Будущему заросла сорняками? Наверяд ли, – ответил Горький. – Политическое чутьё подсказывает мне, что вот-вот должен появиться теоретик уровня Маркса и Ленина, который даст глубокий анализ современности и разработает стратегию и тактику революционной борьбы на сегодняшний день. Время настоятельно этого требует...
- Это сколько же времени потребуется, чтобы новая теория переросла в практические дела...
- Расстояние от теории до практики зависит от того, кто идёт по этому пути. Посмотрите, как человечество развивалось. Когда людям надоело таскать на своём горбу тяжести, нашёлся человек, который придумал колесо. Когда люди захотели передвигаться быстрее, чем бежит лошадь, и комфортнее, кто-то придумал паровую машину, и появились железная дорога, двигатель внутреннего сгорания. Когда и этого оказалось недостаточно, мы увидели самолёт, ракету, сотовый телефон, интернет. И эта идея совершенствовать свою жизнь на земле преследует человечество на протяжении всего его существования. Это касается также политической и социальной сфер. Появление капиталистов и наёмных работников породило марксистскую теорию, которую усовершенствовал Ленин, а реализовал Сталин. Кстати, часто в последнее время слышу, что Сталин был недоучившимся семинаристом. Иосиф Виссарионович учился всю жизнь. Он достаточно хорошо знал немецкий и английский языки. В его личной библиотеке было двадцать тысяч книг, и каждую он прочитал. Когда я просматривал его библиотеку, то очень удивился. В каждой книге, которую я держал в руках, на полях были пометки, сделанные его рукой. Были пометки и в книгах на немецком и английском языках. Когда он в 1912 году полгода жил в Швейцарии и участвовал в посиделках немецких социал-демократов, то нередко спорил с ними, отстаивая свою точку зрения. И разговор шёл на немецком языке.
- Но, к сожалению, марксистская теория на практике потерпела крах в России, – с сожалением сказал Тургенев. – А бывшие страны социалистического лагеря в Восточной Европе? Там весь социализм намотался на гусеницы советских танков и убыл на историческую родину.

– Было бы наивным полагать, что первый же построенный человеком самолёт не разобьётся и пойдёт в серию. А построить социализм в тысячу раз сложнее, чем самолёт. Будет ещё пять-десять, а может, и двадцать пять попыток строительства социализма – и только тогда будет его окончательная победа. В Будущее человечеству всегда приходится идти по бездорожью. Человечество должно нахлебаться капитализма в такой степени, чтобы окончательно понять, что лучше идеи строительства социалистического общества никто ничего не придумал. Когда подавляющее большинство населения какой-либо страны придёт к такому выводу, вот тогда и будет построено такое общество. А пока политическая безграмотность людей просто зашкаливает. У меня есть знакомый, капитан первого ранга, который прожил шестьдесят лет, окончил два вуза, адъюнктуру, кандидат юридических наук, а на последних президентских выборах голосовал за Ксению Собчак. И таких чудиков среди нашей интеллигенции немало. А что уж говорить о рядовых гражданах?

– Да, современная интеллигенция меня тоже удивляет своей политической наивностью, – сказал Тургенев, пожал плечами и добавил: – В школе жизни высокая посещаемость, но низкая успеваемость.

– Есть такой автор Алексей Кунгуров. Лично я с ним не знаком, но две его книжки недавно прочитал. Одна называется «Будет ли революция в России?», другая – «Последний шанс. Сможет ли Россия обойтись без революции?». Со многими тезисами этих книг я не согласен, но кое-что заслуживающее внимания в них есть. Например, он пишет (дословно воспроизвести не могу, но за смысл ручаюсь): современная российская элита не способна двигать страну вперёд. Нефть можно обменять на иномарки, айфоны и другие бусы, но билет в Будущее вам никто не продаст ни за нефть, ни за почку. По его мнению, прогресс путём эволюции для России невозможен, потому что сегодня она скатывается назад, а не идёт вперёд. И я с этим мнением полностью согласен.

– Не зря же вас часто называли «буревестником революции». А вот хочу спросить: что, по вашему мнению, из себя представляют Навальный и Платошкин?

– С Навальным всё ясно как божий день. Полгода учился в Йельском университете США. Больше уже можно ничего не говорить. Но всё же, если рассуждать дальше, он за что выступает? За буржуазный строй, но без коррупции. А посмотрите, какой информацией он оперирует. Подобные данные может добыть только разведка такой мощной страны, как США. Тут всё понятно: Навальный – или агент ЦРУ, или используется ими втёмную.

– А что за фигура Платошкин?

– Тут всё гораздо сложнее, тут надо разбираться и разбираться. На мой взгляд, здесь возможны четыре варианта:

Первый вариант. Платошкин десять лет работал в ФРГ и США. Не исключено, что там его могли завербовать спецслужбы, и сейчас, когда в России ситуация резко ухудшилась, он начал действовать, чтобы принять активное участие в раскачивании лодки. Версия малоубедительная, доказательств никаких, но возможен и этот вариант.

Или другая возможность. Платошкин – проект Кремля. В администрации президента, я полагаю, есть умные люди, и они подготовили планы действий на случай, если ситуация в России для буржуазной власти сложится «плохая» или «очень плохая». Если «плохая», как в Беларуси у Лукашенко, то похватают организаторов протеста, дадут команду «фас» Росгвардии и ОМОНу – и на этом революция закончится. А вот если на улицы Москвы выйдут не сто тысяч протестующих, а полмиллиона-миллион, если начнут убивать полицейских и захватывать здания силовых структур, то тут уж силовой вариант решения проблемы не самый лучший. Зачем проливать реки крови и развязывать гражданскую войну? Поступят хитрее: президент и правительство уйдут в отставку, а «народный лидер» Платошкин станет президентом России, ну а в правительство войдут представители прикормленной оппозиции. То есть всё останется на своих местах, за исключением некоторых декораций. За правдивость такой версии можно наскрести немало фактов.

Третий возможный вариант. Платошкин – честный человек, патриот, хочет добра своему народу – вот и бросился на амбразуру. Если проанализировать его программу Движения «За новый социализм», ничего там социалистического нет. В программе нет ни слова об отмене частной собственности на орудия и средства производства, то есть эксплуатация человека человеком сохраняется. Другими словами, он – обычный социал-демократ западноевропейского типа.

И наконец, Николай Платошкин – истинный коммунист, но пока временно маскируется под социал-демократа, чтобы легче было войти в органы власти, после чего медленно, постепенно реализовывать

действительно социалистический проект. Но если это действительно так, то можно смело делать вывод, что Платошкин в политическом плане человек наивный.

Ну, а кто он такой на самом деле, я думаю, мы скоро увидим, когда суд определит меру наказания по его уголовному делу. Вот тогда и можно будет делать какие-то выводы.

– Да, интересная ситуация, – сказал Тургенев и помолчал. – Но вернёмся к нашей главной теме разговора. Капитализм тоже не дремлет, а думает, как продлить свои дни. Вы читали недавно вышедшую шумевшую книгу Клауса Шваба «Covid-19: великая перезагрузка»?

– Слышал об этой книге, но пока не читал, – ответил Горький.

– Есть самые богатые люди планеты, которые пытаются править этим миром. Одни называют их «закулисой», другие, как, например, профессор Катасонов, «хозяевами денег». Так вот, они понимают, что нынешняя модель капитализма устарела, она нежизнеспособна. Об этом вдруг заговорил коллективный Запад. Какой до сих пор был лозунг капитализма? Получение прибыли любым путём!

– Да уж, ещё Ленин говорил, что капиталисты готовы продать нам верёвку, на которой мы их повесим.

– А Шваб предлагает крутой разворот. Лозунг капитализма, которому уже триста лет, получение прибыли и сверхприбыли отменяется. Тот капитализм ещё называли «исключающий». То есть людей исключали из процесса производства путём безработицы, исключали из национального богатства, их исключали из общественной жизни, их исключали из мира.

– Одним словом, как это происходит сегодня в России, – констатировал Алексей Максимович.

– Теперь они выбросили другой лозунг: «Удержать власть любой ценой». Главное теперь – не получение прибыли, а удержание власти. Они уже обеспечили себя таким богатством, что его хватит на столетия вперёд. Они хотят конвертировать капитал во власть. Высшая цель всей мировой закулисы – это власть, причём власть, которая должна быть гарантирована навечно. А чтобы сохранить эту власть, компании должны обеспечить рабочими местами всех, компании должны выставлять такие цены, которые доступны покупателям, и тому подобное. То есть компании должны служить всем: работникам, потребителям, подрядчикам, заказчикам, государству.

– Упившиеся властью живут во хмелю самоуверенности. Сомневаюсь, что всё это можно реализовать на практике, – не согласился Горький. – Найдётся значительная часть буржуазии, которая не согласится с такой постановкой вопроса.

– Её, эту часть, если она будет упираться, просто раздавят транснациональные корпорации, которые в руках этих самых «хозяев денег».

Никуда они не денутся и как миленькие будут выполнять команду.

– Не знаю, не знаю... как это будет выглядеть на практике. Пока всё это теория.

– Но уже и Борис Джонсон, и канадский премьер Трюдо, и вроде бы новый президент США Байден официально поддержали эту идею. Значит, они уже получили соответствующую команду от кого надо и, что называется, взяли под козырёк. Впрочем, посмотрим, что нас ожидает в будущем.

– Всегда есть возможность увидеть Будущее, оно начинается уже завтра. А если эта идея действительно будет реализовываться, то и Россию заставят делать то же самое, – убеждённо сказал Горький.

– Отчасти это хорошо для трудящихся России; хотя и незначительно, но их материальное положение улучшится.

– Наверяд ли. Рабство неискоренимо: оно всего лишь видоизменяется. Наша звериная буржуазия найдёт новые формы эксплуатации. Все эти идеи Клауса Шваба в чём-то сродни идеям социал-демократов: дайте трудящимся лишний кусок хлеба, а власть нам не нужна. Именно по этой причине Ленин и разошёлся в начале двадцатого века с европейскими социал-демократами и создал свой Коммунистический интернационал.

И далее Алексей Максимович подробно объяснил Тургеневу, почему Ленин считал лидеров европейских социал-демократических партий предателями дела рабочего класса и как он воевал с ними.

А затем Горький увлёкся и уже четверть часа рассказывал о том, как он писал роман «Мать». Иван Сергеевич не слишком высоко оценивал этот роман, однако из вежливости продолжал слушать. Впрочем, вскоре на фоне голоса собеседника Тургенев стал всё больше погружаться в собственные мысли. Название романа Горького вызвало ассоциацию со словом «Отец», затем в памяти всплыло «Отцы и дети».

«А не назвать ли следующий роман “Деды и внуки”?» – подумал Тургенев. – Показать, как порой шутит история, как внуки революционеров уничтожают плоды революции».

Но в мысли вновь ворвался голос Горького:

– Ну, так вот. Потом подошёл семнадцатый год, случился Октябрьский переворот. Многие профессиональные революционеры со стажем отвернулись от большевиков.

– Было такое, – согласился Тургенев. – Та же Вера Засулич.

– Это та, которая в 1878 году из револьвера всадила две пули в живот петербургскому градоначальнику Трепову? – спросил Горький.

– Она самая.

– Я тоже сначала не принял революцию: был поражён её жестокостью и беспощадностью. В деревнях жгли барские имения вместе с библиотеками, уничтожали картины и музыкальные инструменты как классово чуждые крестьянству предметы, сносили памятники...

– Помню, помню. Я в ту пору жил в Италии, и мне писали об этом. А в какой-то книге Василия Розанова я прочитал: «Революция – когда человек преобразается в свинью, бьёт посуду, гадит хлев, зажигает дом».

– Я ругался с Владимиром Ильичом, протестовал, писал антибольшевистские статьи, которые печатал в своей газете «Новая жизнь», но эту газету в июле восемнадцатого года они закрыли. После Октябрьского переворота, когда я глядел на всё, что творится в России, путь мой был мучителен, наполнен взлётами надежды и горькими разочарованиями, твёрдой убеждённой и разрушительными сомнениями. Потом я собрал все эти статьи под одну обложку с названием «Несвоевременные мысли». Именно в этих статьях я искал ответ на вопрос о смысле русской революции, о роли в ней интеллигенции.

– Эту вашу книгу я тоже читал.

– Когда Троцкий заявил: «Русские – это хворост, который мы бросим в костёр мировой революции», Ленин с ним не спорил. И по этому поводу я тоже крепко поругался с Владимиром Ильичом. Правда, в 1920 году он уже не верил в мировую революцию. А, кстати, Сталин в неё никогда не верил; он сам мне об этом говорил.

– А может, Троцкий пошутил? – задал несурзанный вопрос Тургенев и почему-то слегка улыбнулся.

– Какие тут могут быть шутки? – не понял Горький.

– А что, вон на вопрос, как вы представляете счастье, Фридрих Энгельс отвечал: «Это вино “Шато Марго” 1848 года розлива и ирландское рагу».

– Ну, это было сказано именно ради шутки. Но если серьёзно говорить о революциях, то, безусловно, Карл Маркс верно выразился: «Революции – локомотивы истории». Это я понял только в конце двадцатых годов прошлого века.

– Может быть, и так.

– Иван Сергеевич, я знаю, что у вас было немало друзей из числа революционеров...

– Да, я дружил с Герценом, Кропоткиным, Лавровым...

– И знаю, что вы проявляли огромный интерес к революционной молодёжи, к вопросам, связанным с развитием революционного движения. Полагаю, что это обстоятельство наложило отпечаток на всё ваше творчество последнего периода. Или я ошибаюсь?

– Да, Алексей Максимович, это действительно так. Мотив революционной борьбы я заложил даже в повесть «Вешние воды», содержание которой очень мало связано с социальными и политическими проблемами. А вот в романе «Новь» я уже действительно попытался показать русскую революционную молодёжь. Правда, этот роман я писал очень долго; ни один роман так долго не писал. Шесть лет пером скрипел.

– Но овчинка выделки стоила, – с чувством глубокой искренности сказал Алексей Максимович. – Вы были тем писателем, кто первым изобразил то, что стало в тот исторический момент главным и определяющим в общественно-политической жизни России. А главным было движение революционеров-народников. Как известно, в революцию идут те, кто не верит в религию эволюции.

– Не автору давать оценку своим текстам, – сказал Тургенев в ответ на похвалу и добавил: – Мне неоднократно говорили, что наиболее удачно революционную молодёжь я показал в стихотворении в прозе под названием «Порог».

Алексей Максимович не помнил этого произведения Тургенева. Ему стало неловко от этого, и он предложил:

– Иван Сергеич, а давайте чайку попьём.
– Я попозже. Что-то меня валит. Я, с вашего разрешения, вздремну полчасика. – И Тургенев, поправив подушку, лёг на свою полку и закрыл глаза.

Алексей Максимович достал айфон, нашёл в интернете стихотворение в прозе «Порог» и начал читать:

«Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью – угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струёй выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

– О ты, что желаешь переступить этот порог, – знаешь ли ты, что тебя ожидает?

– Знаю, – отвечает девушка.

– Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

– Знаю.

– Отчуждение полное, одиночество?

– Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

– Не только от врагов – но и от родных, от друзей?

– Да... и от них.

– Хорошо. Ты готова на жертву?

– Да.

– На безымянную жертву? Ты погибнешь – и никто... никто не будет даже знать, чью память почитать!

– Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

– Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову...

– И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

– Знаешь ли ты, – заговорил он наконец, – что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

– Знаю и это. И всё-таки я хочу войти.

– Войди!

Девушка перешагнула порог – и тяжёлая завеса упала за нею.

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади.

– Святая! – принеслось откуда-то в ответ».

Горький отложил в сторону айфон, взглянул на спящего Тургенева и подумал:

«Да... Сколько людей, столько и мнений. Большую фантазию нужно иметь, чтобы увидеть здесь образ революционной молодёжи».

ГЛАВА 8

Лето в купе

Солнечный луч прорвался через ажурные занавески на окне и, отразившись от дверного зеркала, упал на стакан с чаем, стоящий на столике перед полным седым стариком в крупных очках. При взгляде на этого человека первым делом бросались в глаза именно его внимательные глаза. Глаза, которые, казалось, всё видели и всё понимали. Глаза, которыми, казалось, смотрит на мир сама Вселенная.

В списке пассажиров седьмого вагона старик значился как Рэй Дуглас Брэдбери. Это имя было хорошо знакомо всем любителям фантастической литературы. Рэй Брэдбери считался одним из столпов американской фантастики.

Не менее известным был и второй пассажир купе – Айзек Азимов. На его вытянутом лице, обрамлённом длинными седыми бакенбардами, блуждала лёгкая улыбка. Быстрый взгляд из-под роговых очков пробегал по экрану раскрытого планшета.

Временами Азимов отрывал глаза от экрана и нервно постукивал пальцами правой руки по невидимой клавиатуре. Наконец он недовольно отодвинул планшет.

– Да уж, вай-фай здесь ни к чёрту, – разочарованно сказал он.
 – Сочувствую, – отозвался Брэдбери, сделав глоток чая, – да и чай не очень. А вы опять новостями интересуетесь?

– Да, пытаюсь не отставать от времени. Ведь постоянно в мире что-то происходит. Упустишь что-нибудь важное – и не заметишь, как окажешься в прошлом. А сколько материала для работы, сколько идей подбрасывает жизнь. Новости – это как толчок для мысли. Порой самые незначительные факты могут вызвать поток ассоциаций, выливающийся в замысел новой книги.

– Например?

– Да вот только что мне попало сообщение, что Госдума России готовит очередной законопроект. Теперь на приусадебных участках хотят ввести запрет на выращивание таких растений, как одуванчики и ромашки. Нарушителям будет грозить штраф.

– И чем же им так не угодили одуванчики? – поинтересовался Брэдбери.

– Понятия не имею. Должно быть, все важные дела в стране уже переделаны и остались лишь подобные проблемы. Или это естественное развитие штрафодобывающей промышленности. Но не в этом дело. А в том, что такие вот неординарные новости часто помогают рождению новых идей. Я имею в виду литературные идеи. Вот вы, Рэй, что подумали, услышав эту новость?

– Что людям нечем заняться, – не раздумывая, ответил Брэдбери.

Азимов усмехнулся:

– А у меня сразу же возникла мысль написать книгу о ромашке, её видах, истории, полезных и вредных свойствах. А ещё одну об одуванчиках. Или замысел для рассказа. В стране новый всплеск антиалкогольной кампании. И на этом фоне некий депутат обнаружил в библиотеке своего дедушки вашу книгу «Вино из одуванчиков». Тут же в голове депутата возникает идея, как можно обратить на себя внимание, выступив с очередной инициативой. Или ещё идея...

– Хватит, Айзек, хватит, – добродушно рассмеялся Рэй Брэдбери. – Всё понятно. Теперь мне ясно, каким образом вам удалось написать пять сотен книг.

– Именно так, – Азимов повернулся к окну и раздвинул занавески. – Сюжеты витают в воздухе. Нужно только уметь их увидеть. Посмотрите, какая природа. Вот где черпать вдохновение...

– Да, красиво, – кивнул Брэдбери, глядя на проносившиеся за окном заснеженные рощицы.

– Россия ведь моя родина. Потому я и согласился на эту поездку. Вы же знаете: я не любитель всякого рода общественных мероприятий. Хотя и приходится порой принимать участие. Но с гораздо большим удовольствием я провожу время в своём кабинете за пишущей машинкой. Ну, или теперь за компьютером. Короче, я типичный домосед. А вот когда меня пригласили принять участие в проекте Литературного экспресса, я долго не раздумывал. Конечно, я всегда интересовался тем, что происходило на моей бывшей родине, но увидеть своими глазами – это совсем другое. Вот почему я здесь... Интересно, как сложилась бы моя судьба, если бы наша семья не уехала тогда из Советской России...

– А вот вам и сюжет для новой книги, – пошутил Брэдбери.

– Да нет. Такого рода произведения – это, скорее, по вашей части. Я всегда поражался, как много пророчеств можно встретить в ваших текстах. По сути, большинство современных телешоу и сериалов – это разновидности описанных вами в своё время «родственников». Метод промывки мозгов, раскрученный на полную катушку.

– Да, но ведь и у вас, Айзек, можно набрать немало сбывшихся пророчеств. Взять хотя бы искусственный интеллект, который сейчас так упорно вторгается в нашу жизнь.

Азимов поправил подушку и прилёг на диван.

– Будем считать, что мы обменялись комплиментами, – сказал он. – Да, пожалуй, мы оба способны порой заглядывать в будущее. И это естественно – ведь мы фантасты. Фантазии зарождаются в Прошлом, питаются Настоящим и прорастают в Будущее. Это как цветы в саду Вселенной. И нам выпала честь или тяжёлая ноша – тут уж кому как – иметь возможность влиять на рост этих цветов. И предчувствовать, какими они станут. Вот только наши ожидания далеко не всегда оправдываются. А почему – это уже рост новых фантазий.

– Которые тоже могут либо прорасти в Будущее, либо погибнуть, – продолжил Брэдбери.

– Ну, вот видите, у фантастов мысли сходятся. Да, моделей будущего можно породить много, но мы можем наблюдать только один мир. И только одна модель может оказаться верной. А те пред-

сказания, что не осуществились, сбудутся в других параллельных мирах. Впрочем, мы этого можем и не узнать.

– Эко вас занесло, – с улыбкой произнёс Брэдбери.

Он достал из-под дивана выдавший виды дорожный саквояж и предложил:

– Пока мы с вами в этом мире, может быть, перекусим?

– Интересное предложение, – Азимов поднялся и тоже стал рыться в своей сумке.

Маленький столик быстро наполнился продуктами. Пассажиры устроились поудобнее и занялись самым привычным в поездах дальнего следования делом.

Дожевав последний бутерброд, Рэй Брэдбери достал из саквояжа и поставил на столик две хрустальные рюмки и четырёхгранную бутылку с жёлтой жидкостью.

– Как насчёт дижестива? – предложил он.

Азимов взял бутылку и посмотрел сквозь неё на свет.

– Это оно и есть? То самое?

Брэдбери кивнул:

– Ну, разумеется. Вино из одуванчиков.

Айзек покрутил бутылку в руках.

– Ну, не знаю, – задумчиво произнёс он, – на российских железных дорогах теперь вроде бы вино под запретом.

– Да бросьте вы. Кроме писанных законов, есть ещё и неписанные. Не думаю, что кто-нибудь станет возражать.

– Согласен.

Азимов откупорил бутылку и сразу же почувствовал свежий цветочный аромат.

– Действительно, запах лета, – заметил он, разливая по рюмкам золотистый напиток.

– За Литературу вообще и за фантастическую литературу в частности, – предложил тост Брэдбери.

Они сделали по глотку и некоторое время молча прислушивались к ощущениям. Затем Айзек с улыбкой сказал:

– Недурно. А знаете, я именно таким его и представлял, читая вашу книгу.

Рэй кивнул:

– Не удивительно. При вашем воображении это довольно легко. Да я сам частенько замечал, что, читая какие-то кулинарные рецепты, могу как бы почувствовать вкус блюд, которые можно приготовить. Такое вот кулинарное предвидение.

– Да, знание вкусовых ощущений исходных продуктов и некоторый опыт плюс интуиция позволяют прогнозировать возможный результат, – заметил Азимов. – Гораздо сложнее всё-таки прогнозировать результаты в обществе. Очень трудно полностью учесть человеческий фактор.

– Вы правы. Это чертовски трудно. Даже нам, фантастам. Знаете, я недавно давал интервью российской газете «Аргументы и факты». И меня спросили, почему не сбылись многие мои предсказания. Например, о внеземных колониях к началу третьего тысячелетия.

– И что вы ответили?

– Правду, разумеется. Что люди – идиоты. Вместо того чтобы развивать науку и осваивать космос, они переключились на совершенно идиотские занятия вроде рекламы или модной одежды для собак.

Я действительно раньше думал, что уже к двухтысячному году человечество создаст поселения на Марсе. Теперь я не думаю, что это случится даже к трехтысячному. Современное общество хочет заниматься лишь потреблением – пить пиво и смотреть сериалы. Человечество глупеет. И чем дальше, тем стремительнее. А ведь, казалось бы, люди год от года должны становиться умнее.

Заснеженные сосны, плавно проплывающие за окном, уступили место огороженным земельным участкам, указывающим на приближение к населённому пункту. Показались одноэтажные домики, а затем и здание железнодорожной станции. На перроне было пусто. Только двое рабочих укрепляли на стене здания огромный стенд с надписью «Вакцинация от Ковида – твой вклад в будущее человечества».

– Какой там ковид. Вирус глупости распространяется куда быстрее. И куда опаснее для будущего, – произнёс Брэдбери.

Айзек ничего не ответил, погружённый в свои мысли.

– Вообще-то, я никогда особо не верил в прогресс, – задумчиво продолжал Рэй Брэдбери. – Я имею в виду научно-технический прогресс. Нет, я понимаю, что он существует и от этого никуда не деться.

Я не верю, что этот прогресс несёт благо для человеческой цивилизации. Да, появляются такие образцы техники, какие раньше только фантасты и могли представить. Но сами люди мало меняются. Они не становятся лучше. Образованнее – да. Но не умнее. В этом, на мой взгляд, главная беда человечества.

Айзек Азимов вздохнул:

– Я думаю, есть умные люди и есть хитрые люди. Хитрые хорошо видят вблизи и могут мастерски извлекать пользу для себя и своего окружения, так сказать, здесь и сейчас. Они легко приспосабливаются к любым обстоятельствам, успешны и самодовольны. Умные люди смотрят намного дальше и не склонны принимать сегодняшние выгоды, если в дальнейшем они вызовут несравнимо большие невзгоды.

– Так ведь для этого и нужна фантастика, – подхватил Брэдбери, – предупреждать человечество о возможных ошибках. Позволить выбирать модели будущего. Или, по крайней мере, стремиться избежать нежелательных. И сильно ошибаются те, кто относит фантастику к чисто развлекательному жанру. Хотя, конечно, и таких образцов расплодилось достаточно. И в Соединённых Штатах, к сожалению.

– Да, следует признать, что вы правы. Особенно преуспел в этом Голливуд. А скажите, Рэй, как вы относитесь к российской фантастике?

– Вы о современной? Ничего не читал. Да и желания особого нет. А вот с советской фантастикой мне в своё время удалось познакомиться весьма основательно. Беляев, Ефремов, Стругацкие, Булычёв... Долго можно перечислять. Да, несомненно, советская фантастика мало чем уступала американской. Во всяком случае, в тех произведениях, что мне запомнились. Просто она была несколько другой по духу. Более оптимистичной, что ли. Что мне в ней нравилось, так это представление будущего как сообщества свободных творческих людей. Именно светлого будущего. Пусть даже это утопия. Но это продуктивная утопия. Она даёт веру во что-то хорошее. Пусть где-то там, вдали. Но есть к чему стремиться.

А в нашей фантастике, особенно в последнее время, как ни картины будущего, так бегают по планете толпы уродов и уничтожают друг друга. Или в лучшем случае герои-одиночки бьются с инопланетными монстрами...

Неспешная беседа в этом купе продолжалась ещё долго. И ещё долго, словно третий собеседник, в воздухе струился аромат цветущего лета. А спальный вагон, покачиваясь, уносился на восток. И впереди был ещё длинный путь и целый вагон времени для новых бесед.

ГЛАВА 9

Встреча

Литературный экспресс шёл строго по расписанию и на конечную станцию должен был прибыть ровно в 12 часов 3 марта, во Всемирный день писателя. Так было задумано организаторами мероприятия.

Через полтора часа – прибытие во Владивосток. Во всех вагонах, заполненных литераторами России, наметилось оживление. К выходу собирались по-разному: одни доставали одежду поновее, другие брились или причёсывались, третьи – прикрепляли к своим пиджакам или кофтам литературные ордена и медали. Особенно много было молодых орденосцев. Как это ни смешно, любую из наград, кроме медали Пушкина, можно было купить в прямом смысле этого слова. Впрочем, говорить об этом считалось дурным тоном. Говорили о другом. О том, кто будет выступать с приветственным словом, какие мероприятия планируются на ближайшие дни, что интересного можно увидеть во Владивостоке.

Но чаще всего задавали друг другу один и тот же вопрос: почему не работает сотовая связь и интернет? Разгадать эту загадку никто не мог. Начальник поезда сообщил, что раньше такого безобразия никогда не было.

В десятом вагоне проводник последний раз за поездку разносил пассажирам горячий чай.

Читатель! Давайте заглянем в некоторые купе этого вагона до того момента, как проводник откроет дверь и занесёт чай. Интересно же, что там делается и о чём говорят литераторы.

В первом купе находились поэты Валерий Хатюшин и Владимир Шемшученко, а также – писатель-сатирик Михаил Задорнов. Хатюшин недавно закончил написание новой автобиографии и попросил

Задорнова прочитать и дать свою оценку. Михаил Николаевич ознакомился с текстом и, возвращая хозяину айфон, дружески пожурил:

– Твоя автобиография претендует на заголовок «герой нашего времени».

В ответ Хатюшин надул губы и спрятался за ними.

Шемшученко достал из громоздкого дипломата пиджак, на котором красовалась медаль Пушкина. Бережно стряхнул с пиджака соринки, надел его и повернулся к зеркалу. Внимательно посмотрел на себя и остался очень доволен. Чувство глубокого удовлетворения у него плавно перешло в чувство мелкого тщеславия.

Наблюдая эту сцену, Задорнов вспомнил где-то прочитанную фразу: «Глядя на себя в зеркало, приобщаешься к прекрасному», но ничего не сказал, чтобы не обострять отношений.

Задорнов в который раз попытался воспользоваться сотовым телефоном, но из этого вновь ничего не получилось, и он разочарованно проронил:

– А связи по-прежнему нет.

– Появится, куда она денется, – выразил своё мнение Шемшученко и добавил. – Коронавируса боитесь? Во Владивостоке я маску надевать не буду и вам не советую, а то никто и не узнает... Думаю, мои-то стихи там читают; недавно большая подборка была в их «Дальнем Востоке».

Тут уж Задорнов не выдержал и съязвил:

– Кто дорожит мнимыми заслугами, тому они помогают пережить отсутствие реальных. Володя, ну кто сегодня читает стихи, кроме литераторов? Так что не обольщайся...

После этих слов Шемшученко надолго замолчал, разговаривать ему не хотелось. Он знал себе цену, но такую сумму ему никто не предлагал. Сколько ферзей в душе так и остались пешками!

В третьем купе ехали Михаил Зоценко, Илья Ильф и Евгений Петров. Никто из них не спешил собирать пожитки. Зоценко с Ильфом играли в шахматы, Илья проигрывал. Чтобы помочь другу и соавтору не потерпеть фиаско, Петров стал отвлекать Зоценко от шахматной доски, задавая ему вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к шахматам.

– Первый раз еду во Владивосток. Будем там ловить птицу счастья. Как вы думаете, Михал Михалыч, поймает?

– Не знаю, что нас там ждёт; у птицы счастья тоже есть размах крыльев – ответил Зоценко и взял у противника пешку.

– Думаете, поездка будет не очень? – Евгений продолжал претворять свой замысел в жизнь.

Зоценко вопрос проигнорировал и через полминуты «съел» ещё одну пешку, приговаривая:

– Курочка по зёрнышку.

– Я вчера прочитал, – не унимался Евгений, – что менеджеры при увольнении из госкорпораций получают «золотые парашюты» по сто и даже двести миллионов долларов. Как вам это нравится, Михал Михалыч?

– На госслужбе вместо молока за вредность сегодня получают «золотые парашюты».

Петров выдержал минутную паузу и продолжил гнуть свою линию:

– Вчера в Думе Жириновский опять разбушевался. А что вы думаете о Жириновском, Михал Михалыч?

– В жизни всегда есть место клоуну. Среди политиков есть такие языки, на которые пора ставить заплатки, – радостно возбуждаясь, сказал Зоценко и на сей раз выиграл у Ильфа коня.

– Хорошая шутка, – отреагировал Петров, хохотнув при этом.

– Чувство юмора помогает не принимать всерьёз другие чувства, – сказал Зоценко, подумал минуту и поставил Ильфу мат.

В седьмом купе десятого вагона ехали трое прозаиков. Один из них был Всеволод Кочетов – автор когда-то нашумевших романов «Журбины» и «Чего же ты хочешь?». Другой – Владимир Тендряков – стал известен благодаря написанной им антирелигиозной повести «Чудотворная», по которой был поставлен художественный фильм. С ними же совершил длительный путь и Владимир Крупин, который продолжает оставаться широко известным писателем в узких кругах.

Слишком разными они были людьми и всю дорогу разговаривали мало.

А когда за окном промелькнуло небольшое сельцо, в котором пассажиры увидели заброшенные полуразваленные строения то ли колхоза, то ли совхоза и блеснувший купол маленькой церквушки, неожиданно вспыхнула бурная словесная перепалка.

– Ишь, разграбили всю Россию, – возмутился Тендряков, понастроили церквей, чтобы одурачить народ. Попов развелось как собак нерезаных!

После этих слов Крупин трижды перекрестился и начал бубнить какую-то молитву.

А Тендряков возбуждённо продолжал:

– Всех их: и Горбачёва, и Ельцина, и ещё кое-кого надо публично повесить на Красной площади! Чтоб другим неповадно было уничтожать Россию!

– Сгорая от жажды мести, сердце не согреешь, – тихо сказал Крупин, снова троекратно перекрестился и продолжил шептать молитву.

– Володя, смотрю я на тебя и удивляюсь, – сказал Тендряков. – В паутину религии попадают только слабые существа. Ты же никогда не был слабым. Что произошло-то с тобой?

– Приобрёл веру.

– Чтобы обрести веру в Бога, нужно потерять веру в себя! – убеждённо воскликнул Тендряков.

– Володя, ты посмотри, сколько народу приходит в церковь, – сказал Крупин, считая этот факт самым весомым аргументом в споре.

– В церковь идут тогда, когда идти уже некуда! – настаивал на своём Владимир Тендряков.

– Бог тебя накажет, – сказал Крупин, опять три раза перекрестился и продолжал проговаривать начатую молитву.

– Гнев богов переносится гораздо легче, если в них не верить, – с усмешкой вмешался в разговор Всеволод Кочетов. – А тот, кто ставит во главу угла религию, так и простоит в этом углу всю жизнь, – и небрежно махнул рукой в сторону Крупина.

– А кто первым получил Патриаршую литературную премию? А, Володь? Конечно, ты! Сколько рубчиков вручил тебе Патриарх Кирилл за твоё смирение перед новыми буржуинами?..

– Оставь его в покое, – сказал Всеволод Кочетов.

– Да уж, как говорится, горбатого могила...

– Вот ты негодуешь, правильно, конечно, возмущаешься, – обратился Кочетов к Тендрякову, переводя тему разговора, – но подготовка к разрухе в России началась задолго до Горбачёва. Фактически сразу после смерти Сталина. А ты в своё время активно выступал против него. Ты же подписал в 1968 году «Письмо двадцати пяти» о недопустимости частичной или косвенной реабилитации Сталина. Там же, насколько я помню, свои подписи поставили и Катаев, и Паустовский, и Чуковский, а сразу вдогонку за ним с тем же требованием появилось «Письмо тринадцати», где засветились Смирнов, Эренбург, Дудинцев...

– Всеволод Анисимович, если бы я знал, что верхушка партии ведёт нас к реставрации капитализма, ни за что бы не подписал. Даже если бы поставили к стенке за это. Да, проявил политическую близорукость...

От дальнейшей расправы Владимира Тендрякова спас проводник, который, предварительно постучавшись, отодвинул дверь купе, вошёл и поставил на столик стаканы с горячим чаем.

Вид упомянутого сельца и церквушки породил в восьмом купе не просто разговор, а новый скандал. В этом купе находились Юрий Бондарев и Виктор Астафьев. Они всю дорогу касались в разговоре политических вопросов, спорили, кричали друг на друга, и порой ругань доходила до нецензурных выражений.

На сей раз первым завёлся Астафьев:

– Пришли к власти большевики, и ни царь им не нужен, ни Бог...

– Посмотри! – Бондарев показал пальцем за окно. – И здесь всё разграбили. Там, где рушатся идеалы, суетятся мародёры. Виктор, разве за это мы с тобой на войне кровь проливали?

– Если бы не было Ленина и Сталина, мы жили бы нормально, как в Европе. И в годы войны не завалили бы немцев трупами своих солдат. Прав был Солженицын...

– Я с ним тоже много раз разговаривал по душам, – прервал своего идейного противника Бондарев. – Пока влез в душу, перепачкался с ног до головы.

– Юра, у каждого своя правда, и вместе они не уживутся, – не сдавался Астафьев.

– Ты почему смалодушничал? На фронте выстоял, а в гражданской жизни оказался... не хочу материться. Почему не отказался от звания Героя Социалистического Труда? Так бы прямо и сказал: «Я, мол, против социализма». Ан нет, кушать вкусно хочется. Когда мне Ельцин хотел всучить орден Дружбы, я же отказался. А ты смалодушничал. Всякий раз шёл туда, где тебе кормушку показывали. Или, чтобы стать безгрешным, надо поменять веру?

– Я свой и военный долг, и гражданский исполнил до конца, – попытался оправдаться Астафьев.
– Вот ты от Ельцина получил орден «За заслуги перед Отечеством». Какому Отечеству ты служишь? Олигархическому? А Ельцин – вообще преступник. Он не только переступил закон, но и вытер о него ноги...

– Но Ленин тоже переступил закон, разогнав Учредительное собрание...

– Ленин сломал буржуазное государство, чтобы на его обломках построить справедливое общество, где не будет эксплуатации человека человеком, а Ельцин – чтобы вернуть капитализм. Вот ты всё никак не угомонишься и продолжаешь лить грязь на Сталина. Уже и тридцать седьмой год вспомнил.

– Юра, от исторической правды никуда не убежишь...

– Про какую историческую правду ты говоришь? Историческая правда – это отретушированная ложь. Любой историк страдает умышленным склерозом. Правду о тридцатых годах, когда Сталин продолжал борьбу с троцкистами, мы сможем узнать только ознакомившись со стенографическими отчётами пленумов и съездов ВКП(б) и с документами отдела административных органов ЦК партии. А почти все эти документы засекречены. Что, не понятно, почему скрывают правду? А твои «Прокляты и убиты»? Зачем ты изгадил свой роман ложью? Неужели ты не понимаешь, что тот, кто врёт о войне прошлой, приближает войну будущую?..

– Да ну тебя на хрен. Давай заканчивать, у меня от этих разговоров уже давление поднялось...

– Ещё один важный момент – и на этом завершим. Ты, Виктор, выдающийся мастер художественного слова. А вот в вопросах философии, политэкономии, политики ты, извини за прямоту, полный ноль. Ты читал «Капитал» Маркса? Другие его работы? Энгельса? Ленина? У них множество настолько глубоких мыслей, что многие боятся к ним даже приблизиться. И пока ты не прочтёшь и не осмыслишь всё это, так и будешь всякую чушь молотить и никогда не поймёшь, что происходит в этом мире.

И они оба замолчали.

В другие купе проводник не заходил, чай едущие там литераторы не заказывали.

В девятом купе, возле туалета, ехали литературные критики из Москвы: Галина Юзефович и другие. Андрей Тимофеев отказался ехать с ними в одном купе и попал в другой вагон. К литературным критикам проводник не навевался: чай они тоже не заказывали.

А в это время во Владивостоке начинали разворачиваться неординарные события, которые подтолкнули городскую власть к решительным действиям. Власть напоминала гнёт над процессами, которые норовят выйти из-под контроля.

Первым делом были отключены сотовая связь и интернет. На привокзальной площади и прилегающих к ней улицах стояли автозаки и водомёты. Рядом с ними расположились не только местные ростовардейцы и омовцы, но и те, которых ещё вчера перебросили самолётами из Ростова-на-Дону и других областных центров. Все эти представители полицейских структур в своё время дали присягу, тем самым обеспечив себе место в строю, задача которого охранять власть буржуазии. Некоторые из находившихся в этом строю испытывали угрызения совести, но покинуть его не решались, ибо не знали, где и как можно, сняв погоны, заработать кусок хлеба и прокормить семью.

Рабочие трёх крупных заводов города и некоторых подразделений морского порта с утра объявили забастовку с требованием сделать 3 марта нерабочим и праздничным днём. Люди, кто на чём, уже двигались к привокзальной площади.

А на самой площади уже собралось несколько тысяч человек. Некоторые держали в руках красные флаги, были там и транспаранты антиправительственного содержания. Силовики стояли плотной цепью за временными металлическими ограждениями и препятствовали прохождению людей в здание железнодорожного вокзала, но у них это не всегда получалось. То там то здесь небольшие группы людей прорывали оцепление и устремлялись на первую платформу, куда должен был прибыть Литературный экспресс.

Напряжение на площади нарастало. Люди начали скандировать лозунги, в которых чаще всего звучало слово «долой». В момент первых задержаний начались стычки протестующих с полицией. Ломая народ через колено, власть рискует потерять зубы. В полицейских полетели лёгкие и тяжёлые предметы. После того как несколько полицейских получили серьёзные травмы, задержания прекратились и силовики стали просто наблюдать за происходящим, но прилагали усилия, чтобы в здание

вокзала и на платформу просочилось как можно меньше людей. Трудно закручивать гайки в стране, где всё заржавело.

А к вокзалу тем временем подъезжали всё новые и новые автобусы с жителями города. Переполненные автобусы лихорадило от избытка чувств. Лица пассажиров, покидающих транспортные средства, были возбуждены. Воздух свободы был наполнен ароматом надежды.

Брожение умов начинается сразу после их появления. Кто-то в толпе начал разбрасывать листовки. В век интернета и других новейших технологий это выглядело как-то архаично, но люди сразу подбিরали листовки и читали с удовольствием, так как в содержании текста находили отголоски своей души. Вот что там было написано:

«Люди! Будьте бдительны!

Наше государство – это общество с ограниченной безответственностью.

Мост в Будущее находится в аварийном состоянии. Наше здравоохранение охраняет не здоровье голодных, а сверхприбыли богатых. Так коронавирус мы никогда не победим.

Долой такую медицину!

Инфляция – самая изощрённая форма эксплуатации. Долой инфляцию!

Телевидение – кривое зеркало в нашей жизни.

Олигархи, не забывайте: бедность – это дамоклов меч над богатыми. Отдайте пока не поздно часть прибыли трудящимся!

У ветвей нашей власти один корень зла – коррупция. Она растёт на почве, удобренной властью. Долой такую власть!

Ружьё, висящее на сцене, при желании можно квалифицировать как призыв к вооружённому восстанию. Свободу Николаю Платошкину!

Опереточная оппозиция исполняет лишь ту арию, которая для неё написана властью.

Товарищи! Не забывайте, дрожащими руками власть не берут.

Винтовка рождает власть!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует диктатура трудящихся!

Вся власть Советам!»

А в это время Литературный экспресс уже завершал свой путь по Транссибирской магистрали и подходил к первой платформе железнодорожной станции Владивосток. Вскоре состав остановился.

На перроне за переносной металлической оградой плотной цепью стояли омовцы, а за ними – многочисленная толпа встречающих.

Литераторы высыпали из вагонов и оставались на месте. Их предупредили, что первыми в здание вокзала и далее на площадь пойдут писатели с мировым именем, которые ехали в седьмом вагоне.

Классики покинули свой вагон и медленно двинулись к зданию вокзала. Они шли по проходу, который был создан искусственно: между вагонами состава и цепью омовцев. Никто из групп встречающих, теснящихся за стеной силовиков, проходящих не приветствовал. Казалось, люди чего-то ждали. Некоторые встречающие вставляли на цыпочки и высматривали, кто идёт вслед за первой партией прибывших, но, судя по выражению их лиц, так и не увидели того, кто им нужен.

Вслед за классиками двинулись другие литераторы. Впереди этой колонны шли литературные чиновники: председатель Ассоциации писателей и издателей России Сергей Шаргунов, председатель Союза писателей России Николай Иванов, председатель Союза российских писателей Светлана Василенко, председатель Российского книжного союза Сергей Степашин, председатель Союза писателей Москвы Евгений Сидоров и председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов. Их проход по платформе также не вызвал у публики никакой реакции. Видимо, по этой причине у литературных чиновников произошёл такой сумбурный разговор:

- Ничего не понимаю, будто бы и не встречают...
- Пора бы узнавать нас в лицо...
- Мечтать не вредно, вредно воплощать мечты в жизнь.
- Дальний Восток...
- Одним словом, провинция.
- Тем более дальний...

- Восток – дело тонкое.
- А где тонко, там и рвётся.
- Куда они денутся, будут узнавать в лицо.
- Свежо предание, но верится. Дурдом!

По платформе писатели-классики прошли молча, их тоже никто не узнавал. И только у входа в здание вокзала, слева от них, послышались жидкие аплодисменты, которые быстро испарились. Это напомнила о своём существовании группа местных литераторов. Они отличались от других тем, что всматривались в лица классиков и что-то полужёпотом говорили друг другу.

Справа от классиков расположился духовой оркестр, готовый в любую минуту начать исполнение нужной мелодии. Дирижёр вглядывался то в одну, то в другую сторону платформы, но то, что искал глазами, пока не увидел.

На происходящее классики реагировали в основном спокойно. Все они знали, что в современной России произошёл массовый «падёж» читателей, а значит, и мало кто знает их в лицо. Ведали они и о том, как школьники в старших классах «изучают» их тексты: просматривают содержание романов и повестей в интернете, считая, что «нечего грузить себя всякой фигнёй».

Разговор среди классиков возник лишь тогда, когда они вошли в здание вокзала. Булгаков услышал за своей спиной:

- Сколько сюрпризов нам здесь приготовили: сотовая связь не работает, интернет ни гу-гу...
- А то, что каждый из нас с мировым именем, а реакции никакой – это как понимать? – возмутился другой голос.

Михаил Афанасьевич не удержался и, не поворачивая головы, съязвил:

- Такой ореол славы в этом сезоне не носят.
- Что же мы не заслужили, чтобы нас нормально встретили? – настаивал тот же голос.
- Заслуги стареют быстрее, чем их владельцы, – ответил Булгаков.
- Что сказано в шутку, может быть услышано всерьёз, – послышался ещё один голос.

При выходе из здания вокзала, классики могли увидеть одиночные пикеты и прочитать, что написано на самодельных плакатах или стендах, которые одни из пикетчиков держали в руках, а у других таблички висели на груди. Тексты этих плакатов не отличались особым разнообразием, чаще всего там встречались слова: «долгой», «позор», «коррупция», «в отставку», «путин», «политзаключённые» и тому подобное. Но была и одна оригинальная надпись. Молодая девушка держала в руке массивную картонку, на которой крупными печатными буквами было выведено: «В моей смерти прошу винить вертикаль власти».

А на всё это с фасадной стены укоризненно смотрел Николай II. Лев Николаевич Толстой при взгляде на барельеф последнего российского императора лишь недоуменно пожал плечами.

Выйдя на привокзальную площадь, писатели с мировым именем начали крутить головами. Увидев величественный монумент Владимиру Ильичу Ленину, Алексей Максимович Горький с улыбкой сказал Михаилу Булгакову:

- Здесь Ильич на месте. Молодцы, не убрали.
- Борьба с памятниками – это уже не симптом психического заболевания, а его следствие, – ответил Михаил Афанасьевич.

Алексей Максимович задумался на мгновение и скорее всего самому себе сказал:

- Этот памятник символизирует идеи марксизма-ленинизма, которые сегодня в России практически запрещены. Но идеи, которые находятся в изгнании, ждут своего часа.

Наблюдая за оживлением на привокзальной площади, Джек Лондон заметил стоящему рядом Герберту Уэллсу:

- Мне кажется, ваша очередная поездка в Россию окажется не менее интересной, чем предыдущие...

А в это время из седьмого вагона Литературного экспресса, который стоял напротив входа в здание вокзала, не спеша вышел Иосиф Виссарионович Сталин.

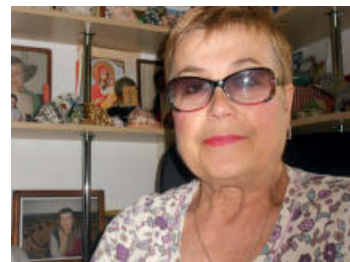
Многочисленная толпа, стоящая на платформе, разразилась овациями. Духовой оркестр заиграл «Варшавянку». Люди восприняли мелодию с воодушевлением, но песню запели человек пятьдесят, не больше. Остальные пока не выучили слов этого революционного марша.

Ноябрь 2020 – декабрь 2021 г.

Проза

Зоя Захарова

Зоя Захарова – окончила Калининградский государственный университет, химико-биологический факультет. Печаталась в газете «Калининградская правда». В 1998 году уехала на работу в Грецию, затем – в США. Публиковала очерки, рассказы и статьи в журналах «ЗОЖ», «Я», «Острова», в газетах «Панорама» и «В новом свете», в международных альманахах издательства «Оверлей» под названием «Чувства без границ». Автор прозаического сборника «Майка».

МАЙКА

Рассказ

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА
ЗАХАРОВА АНТОНА ТИХОНОВИЧА,
ВETERАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Перед войной отец окончил артиллерийское училище в звании лейтенанта. Мать вышла замуж за него не столько по любви, сколько по моде, да и внешне отец был статный и симпатичный. Когда началась война, отец ушёл на фронт, а мама с двумя маленькими детьми, моим старшим братом, сестрой и бабушкой, была эвакуирована из Запорожья в Ульяновскую область, Мелекесский район, село Муловка.

Имущество разбомбили по дороге, поэтому прибыли они на место с одним узелком. И если бы не мамино фельдшерское образование, они бы не выжили. Люди потянулись к ней со своими проблемами, и она носилась по району, принимая роды то у людей, то у скотины, за что местные жители расплачивались в основном продуктами: яйцами, молоком, картошкой, что давало возможность как-то существовать. В 1943 году мой отец, участвуя в битве на Курской дуге, был ранен. Снаряд разорвался рядом, и из пяти бойцов расчёта в живых осталось двое. Отцу оторвало два пальца на ноге и контузило. После госпиталя он был комиссован по непригодности и приехал к маме с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Устроился он работать на местный спиртовой завод, где оставаться трезвым было просто невозможно.

Бабушка моя говорила, что до войны Анатолий (имя Антон, он почему-то не любил) совсем не пил, а тут приучился. С другой стороны, можно понять человека, прошедшего Курский котёл и оставшегося в живых. После окончания войны пили очень многие мужчины, вернувшиеся домой.

Как только освободили от фашистов Украину, мои родители вернулись в Запорожье. Город был в развалинах, поэтому они поселились на территории инфекционной больницы вначале в Красном уголке за занавесом, а потом переехали в барак, в две маленькие комнаты. Мама стала работать медсестрой, а отец – завхозом в этой же больнице. К тому моменту у моих родителей было уже трое детей, и в голодный 1947 год родилась я. Гуляя на территории больничного городка среди туберкулёзных больных, плюс скудное питание, мы все были инфицированы туберкулёзной палочкой, и если старшие дети ходили уже в школу, то я всё детство лежала по санаториям, ложками глотая рыбий жир. Отцу как инвалиду войны и ветерану выделили участок земли и дали ссуду для постройки дома.

Место было очень хорошее. Рядом протекал Днепр и возвышался остров Хортица. Заселялись здесь в основном металлурги. Днепровские берега изобиловали балками. И мы детьми водили туда пасти своих коз. А заодно и играли там же, прыгая с крутых круч в глиняное месиво. Плавать мы научились раньше, чем пошли в школу, так как целое лето пропадали на Днепре. Денег было мало, поэтому дом строили из жужелки, смешанной с бетоном. А потом, сделав опалубку, заливали стены. После постройки дом оштукатурили, и получилось довольно прилично.

Несмотря на трудности послевоенного времени, народ не унывал, радуясь окончанию войны. Я вспоминаю, как у нас в доме отмечали праздники. В молодости моя мама одно время смотрела детей в еврейской семье и научилась там готовить еврейские блюда, поэтому, когда вставал вопрос, у кого гулять, все единодушно выбирали нашу семью. А уж мама старалась! На столе красовалась фаршированная заливная щука, всякие салаты, холодцы и прочее. Не думайте, что мы так уж шикаровали. Зарплата у родителей была маленькая. Но ещё до хрущёвского указа убрать скот из городов, мои родители держали свинью, кур, уток, а рыбу покупали у соседа-рыбака. Так вот, в комнате, которая называлась залой, ставились в длину столы, накрывались белой тиснёной скатертью. Вместо сидений крепились доски, покрытые дерматином. Гости в основном состояли из сослуживцев по больнице, а заодно они все были и нашими крёстными. Мой отец отличался отменным чувством юмора и всегда был душой любой компании, рассказывая всё смешно и интересно. За столом обязательно пели песни: «Ой, мороз, мороз...», «Ой, ты, Галю, Галю молодая...» и другие. Особенно часто пели украинские. А затем начинались танцы. Нас, детей, за стол не пускали. Кормили отдельно, но зато доверяли заводить патефон и менять пластинки. Тогда были модны фокстрот «Рио-Рита...» и песня «Мишка, Мишка, где твоя улыбка...». Маминой любимой была песня из кинофильма «Кубанские казаки», и, убирая в доме, она, имея сильный голос, пела: «Каким ты был, таким ты и остался. Орёл степной, казак лихой...»

После войны мужчин было мало, а тем более – свободных. И мой отец загулял. Как рассказывала мама, когда она меня рожала в роддоме, отец бесстыдно проезжал на телеге вместе со своей любовницей Тинкой. В доме начались скандалы. Отец не ночевал дома, и меня отдали бабушке и тётке, которые проживали в старой части города. Ютились мы все в одной маленькой комнате, в доме по типу одесского, с наружными лестницами по периметру и беседкой во дворе, где местные мужики «забывали козла». Бабушка спала на большом сундуке, а мы с двоюродной сестрой Катей – на кушетке, а тётя Галя с дядей Стёпой – на высокой кровати с горой подушек под тюлевой накидкой. Готовили кушать в пристройке на примусе, поэтому в комнате всегда стоял запах керосина. Помню на спинке стула дяди Стёпин китель с разноцветными планками. Дядя с тётей познакомились на фронте, где тётя была медсестрой. До сих пор помню ощущение полёта, когда дядя Стёпа подкидывал меня до потолка.

Перед школой меня забрали домой. Отец немного утихомирился, но зато пристрастился к спиртному.

Возвращаясь в конце недели с работы, он, ещё не доходя до дома, костерил отборным матом мать так, что все соседи знали – Тихонович идёт. И вот, что странно, живя в атмосфере трёх и большей этажности мата, я никогда не слышала нецензурного слова от своих братьев. Видно, настолько им опротивело. Да и для соседей наша семья не укладывалась ни в какие рамки. Несмотря на полный кавардак в отношениях моих родителей, мы, дети, для соседей были образцом. Мы были вежливы, всегда здоровались. Сестра училась на одни пятёрки и окончила школу с золотой медалью. А затем и Днепропетровский университет с красным дипломом. Там же учился и старший брат, ставший ведущим специалистом по запуску космических кораблей, неоднократно приезжал в Америку на совместные запуски. Младший брат Сергей стал заслуженным сталеваром и был избран депутатом областной Совет, даже побывал в Париже в составе делегации.

Вот тут надо отдать должное моей маме. Разочаровавшись в семейной жизни, она черпала вдохновение в любовных классических романах. Каждый раз после получки она покупала несколько книг, которые по тем временам были не очень дорогие и составляли классику мировой литературы, поэтому дома у нас собралась приличная библиотека, потом уже пополняемая нами, детьми.

Мы с мамой до полуночи зачитывались романами. Я рыдала над «Джейн Эйр», а мама над «Сагой о Форсайтах», пока не приходил отец и не выключал свет, ругая нас последними словами. Поскольку времени на чтение не хватало, хотелось и погулять, я брала книги в школу и читала на уроках через щёлку в парте, отчего страдала моя успеваемость. А вся русская классика была прочитана нами за обеденным столом. Так я прочитала всю «Войну и мир», окропляя страницы красными точками от борща. Я считаю, что если человек не успел прочитать всю классическую литературу в школьный период, то он чего-то недополучил и жизнь у него пройдёт как-то иначе, не так, как хотелось бы.

В моей жизни поворотным событием явилось прочтение книги Жак-Ива Кусто «В мире безмолвия», что и подвигло меня заняться подводным плаванием и приехать в Калининград поступать

в Рыбный институт на ихтиологический факультет, а почему я попала на биофак университета – это уже другая история.

Родители, озабоченные выяснением своих отношений, нами практически не занимались. Маму я помню всегда отсыпающуюся после ночных дежурств в больнице, а отец просто не просыхал. Мы были предоставлены сами себе. Находили кружки, секции, сами записывались, и никто нас за ручку не водил. Я перебивала во всех спортивных секциях. И в десятом классе остановилась на подводном плавании. Успев побывать за одно лето в двух экспедициях от краеведческого музея на Чёрном и Азовском морях. Средний брат Володя был чемпионом по прыжкам с вышки и ездил по соревнованиям, старший брат Саша занимался парусным спортом и мечтал стать моряком, сестра Галя увлекалась фехтованием. Нам никогда не было скучно, несмотря на непростое время и скромное материальное положение. Превалировала духовная основа. У всех нас были грандиозные планы, которые мы мечтали осуществить.

Мы подрастали. Отец постепенно утихомирился. Да и возраст брал своё. Было уже не то здоровье. Неожиданно у него обнаружили сахарный диабет, и, выйдя на пенсию, он занялся разведением кроликов и косил для них траву в ближайших скверах и парках. С годами он стал похож на Хемингуэя, где известный писатель на портрете в свитере. В душе он был мягким, добрым, незлобным человеком, но с нашей матерью, упёртой хохлушкой, было ужиться нелегко – она ни в чём не уступала. Отца мне было жаль, и я всегда держала его сторону, что совсем не нравилось моей матери. Воспитывала она нас жёстко, с ремнём, а вот отец никогда пальцем не тронул. Поскольку участок вокруг дома был небольшой, мать, имея в роду сельские корни, засадила его весь фруктовыми деревьями и кустарниками. Вокруг дома росло несколько сортов абрикосов, которые в урожайный год усыпали плодами всё подворье, и мой отец, сидя летом на лавке, облупливал их на сушку, сушил на гараже, где стоял наш «Запорожец», выданный отцу как инвалиду Великой Отечественной войны. По дому вился виноград «Изабелла» и «Лидия», а у колонки с водой свисали тугие гроздья «Кабасьмы». Как-то мать нашла на дороге кем-то выброшенный усохший саженец груши. Она отпоила его водой и посадила между гаражами – нашим и соседским. Ко всеобщему удивлению, из него вырос сорт «Лесная красавица», и через три года большие и сочные плоды скатывались по крышам двух гаражей, снабжая грушами сразу две семьи. Но всеобщей любимицей была черешня «Майка», названная так, потому что уже в конце мая на ней рдели красными гроздьями плоды.

Поскольку места во дворе уже не было, то мама посадила её между нашим сараем и соседским, на меже. Соседями была тихая еврейская семья. Они купили дом, приехав из Казахстана. Как и к моим родителям, летом к ним приезжали дети и внуки, и тогда из каждого двора по всей округе раздавалось детское разноголосье. Несмотря на то что черешня была посажена в совсем не пригодном месте, она рванула к солнцу, набрала силу и через три года буйно расцвела. А в конце мая стали наливаться крупные грозди ягод. Радуюсь за свою красавицу, мама предложила соседям обрывать ягоды со своей стороны. Поэтому на дереве часто можно было видеть курчавые черноглазые мордашки соседней детворы и белобрысые головы моих племяншей, объедающих ягоды на дереве. И всех устраивал такой расклад.

В какой-то момент я надумала, что мне пора обзаводиться своими детьми, да и возраст поджимал. Поэтому, перевалив за тридцатник, в группе риска я приехала рожать домой, как говорится, «дома и стены помогают». Рожать мне надо было в июле, но я приехала пораньше, чтобы адаптироваться, привыкнуть к жаре после студёных балтийских ветров. Я вспомнила, что в это время должна созреть «Майка», и надеялась подкормить своего ребёнка витаминами. Заглянув за сарай, я увидела нашу красавицу, всю усыпанную пунцовыми ягодами. На другой день, взяв ведёрко, я пошла рвать ягоды, предвкушая их свежую прохладу во рту. Но каково было моё удивление, когда на молодом ещё дереве я увидела толстого мужика, который как ленивец висел на прогнутых ветках и объедал ягоды, причём с нашей стороны. Я тут же прибежала домой с криком: «Ма! Там какой-то дядька на дереве ест наши ягоды!» – «Ах, расстудыт твою!» – закричала мама и побежала к черешне. Её крик раздавался на всю округу. Она кричала, что не для такого бугая сажала черешню, а для внуков и беременной дочери. На что мужик отвечал, что есть нормы посадки, и дерево надо сажать на метр от соседского участка. «Да откуда ты взялся такой грамотный?» – кричала мама.

Когда она вернулась в дом, возмущённо жестикуюлируя и понося соседа последними словами, я спросила: «А кто это такой?» На что мать ответила: «Еврей-то наши уехали, продав дом одной даме.

А это её сожитель». На другой день через забор я разглядела новую соседку. Это была пышная дама в ярком цветном платье, под цвет такой же яркой губной помаде. Обычно такие женщины сидят за кассой в магазине, отстукивая щеки пухлыми пальцами, унизанными крупными перстнями. На другой день, с утра, я сидела в комнате за столом. Передо мной стоял трёхлитровый бутыль разливного пива, которое я потягивала из кружки, обсасывая хвост селёдки. С очередного покоса вернулся отец и, увидев такую картину, стал возмущаться: «Ты что это делаешь? Хочешь алкоголика родить?» – «Да ладно, па! Кто бы говорил! Просто ребёнок просит. А я не могу отказать», – смеясь, ответила я. Не успела я договорить, как мы услышали истошный материнский крик со двора.

Мы с отцом выскочили наружу, побежали за дом и обомлели. Посреди двора валялась спиленная под корень наша черешня «Майка», усыпанная красными ягодами, как каплями крови, среди увядшей листвы. Более жуткой картины я не видела. Это было настолько противоестественно, что я зарыдала. А ребёнок в моём животе возмущённо забился. Позднее у моей дочери Наташи на бедре проявилось пятно чуть темнее кожи. Последствие всплеска моей руки себя по бедру. Я посмотрела на отца. Он, переживший тяготы войны, стоял, онемев, а по лицу его текли слёзы. «Это какими извергами надо быть? – подумала я. – При чём тут дерево? Разве эта сволочь, совершившая такой поступок, может называться человеком?» Отец, наконец, разразился многоэтажным матом, развернулся и ушёл в дом, так как смотреть на эту ужасающую картину в ясное майское утро было невыносимо. А мать ещё долго выкрикивала проклятия на головы соседей, обрывая ягоды с уже мёртвого дерева.

В середине июля я родила девочку, как раз в день рождения моего брата Сергея. Отца постепенно добивал сахарный диабет. Раскрылись фронтальные раны. А тут ещё аденома простаты объявилась. Когда я его видела в последний раз живым, он сидел на лавочке во дворе с опухшими ногами. После операции мочеточник вывели наружу, и между ног у него болталась баночка. Чувствовалось, что такая жизнь ему порядком надоела. Но всё равно любил «полазить», как говорила мать, во дворе, именно в дождливую погоду. Вот и я люблю ходить куда-нибудь именно в дождь.

Телеграмму о смерти отца я получила через пару месяцев после последней встречи. Умер он во сне. Тихо и спокойно. Приехав в Запорожье и выйдя из троллейбуса, я увидела похоронный автобус на перекрёстке бульвара Гвардейского. Мой отец как будто ждал меня, чтобы я успела с ним попрощаться. В автобусе, рядом с гробом, сидели мои родные и близкие, а также друзья и соседи. Несмотря на буйный нрав отца, все знали, что это только прикрытие для его доброй и ранимой души, и относились к нему с уважением. По ходу автобуса я вспомнила, как в более ранние и нетрезвые годы наш зять, муж сестры, однажды привёз его домой, от троллейбусной остановки на одноколёсной строительной тачке, так как дойти до дома отец был не в состоянии и свалился прямо под забором. Он был русский, родом из Белгородской области. И всю жизнь мечтал поехать на родину. Он даже однажды уже купил билет, но потом почему-то сдал. Как-то, по прошествии недолгого времени после смерти отца, мой брат Сергей решил проехать на машине по батиным местам, откуда он родом – вдруг родственники отыщутся. И он их нашёл. А также привёз ошеломляющую новость. Оказывается, отец ещё до матери был женат. И у него там рос сын, которому было уже под шестьдесят. Вот так и выпал «скелет», простоявший в шкафу всю жизнь. Мать всплещивала руками и говорила: «Ну, вы посмотрите на него, а ведь всю жизнь обвинял меня во всех грехах!» Смотреть было уже не на кого. И мы просто усмехались про себя: «Ну, батя, партизан!»

Приехав на похороны отца, я вспомнила про эпизод с «Майкой» и спросила между делом:

– Ну, как там соседи поживают?

– А их нету, – ответила мать.

– Как нету? – удивилась я.

– А вот после того случая с «Майкой» у хозяйки обнаружили рак, и она в тот же год умерла, а хахаль её ещё раньше бросил.

Надо признаться, что такая новость меня потрясла и заставила задуматься о законах бытия и Божьем возмездии. И каждый раз, совершая тот или иной поступок в жизни, надо поднять глаза к небу... Ибо по делам твоим тебе и воздастся.

Поэзия

Алексей Полубота

Алексей Викторович Полубота – поэт, прозаик, публицист. Автор трёх поэтических сборников. Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина «Неизбывный вертоград», Международного поэтического конкурса имени Евгения Курдакова «Купина неопалимая», Международного поэтического конкурса имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени».

Автор цикла репортажей с мест военных действий в ДНР и ЛНР в 2014–2022 годах, режиссёр документального фильма «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедшего в официальную программу 24-го Международного фестиваля православных фильмов «Радонеж».

Организатор ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку восставшего Донбасса. Награждён медалью «Михаил Шолохов» Союза писателей России.

Из цикла «На жгучих полях Новороссии»

1

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один – славянин ополченный.
Другой – воин светлой Руси.
В краине, усобьем охваченной,
Пощады теперь не проси.

И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними – пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

Май 2014, Луганск

2

Песня ополченца

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,

верю, ждёшь меня верно ты.
Нет, не умерло
в грозных сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка –
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

3

По минному полю славяне идут,
По минному полю.
Над ним провода, словно струны, поют
Про лучшую долю.

Повисли останки на тех проводах,
Повисли останки.
Кровавое солнце садится во прах
Под звуки «Славянки».

4

Ольге

Отчего здесь такие горячие звёзды?!
Даже могут насквозь твоё сердце прожечь.
На студёных ветрах, вышибающих слёзы,
здесь так трудно остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул из-за тьмы терриконов,
словно зыки разбуженных бесов войны.
Но сильнее всё равно светлых глаз непреклонность
среди разорванной в клочья ночной тишины.

5

О, сколько грохота, и боли,
И недосказанной любви.
В заснеженном донецком поле
Её по имени зови.

Когда в тебя летят снаряды,
Когда сжимают сердце льды,
Когда друзья, скрывая взгляды,
Молчат под тяжестью беды.

Когда нет сил уже от боли,
И кажется – всё было зря.
Когда горит над снежным полем
Твоя последняя заря.

6

Ольге

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

7

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребёнка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,
но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жёны шепчут заклинанья:
«Война, подохни, выживи, мой милый».

8

*К шестилетию войны
против Русского Донбасса*

Холодны рубиновые звёзды,
Что мерцают в предрассветной мгле.
Где-то там, в дали кроваво-грохотной,
Вспоминают люди о Кремле.

Вспоминают в ледяных окопах,
В дребезжащих окнами домах.
И растёт над Русским миром ропот:
«Царь торгует газом на костях».

Посреди зимы грохочут грозы,
Молнии разят людей в сердца...
Русский царь! Однажды станет поздно,
Есть предел страданьям без конца!

Русским людям на войне нечестной
Остаётся честно умирать.
И опять в степи глухой, безвестной
Сыновей своих хоронит Мать.

Но однажды, верим мы, – взовьётся
Над Россией Огнеликий стяг
И в предсмертном вое содрогнётся
Нас терзавший беспощадный враг!

...Набухают свежей кровью стены,
Кремль встречает новую зарю.
А Василий щурится блаженно
И пеняет хитрому царю.

9

Погибшим за Новороссию

На остывающие воды
Снежинки падают беззвучно.
И этот танец обречённый
Мне останавливает кровь.

Зачем они стремятся в бездну,
Чтоб белым в чёрном раствориться
И даже гибелью бессильной
Усилить непроглядный мрак?!

Я вспоминаю лица юных,
В степи глухой безвестно павших...
И стали стылым чернозёмом
Их беззаветные сердца.

Но день придёт, и станет белым,
Что было чёрным безнадежно.
И будет славой непорочной
Равнина снежная сиять.

10

Горячая, как сердце, степь Донбасса,
Где погибают лучшие из нас,
Который год мы ждём святого часа,
Когда признает Родина Донбасс!

Который год дрожат от страха стены,
Темны от горя лица матерей,
И кружит, словно ворон, дух измены
Над остовами чёрными церквей.

Донбасс! Земля, исполненная боли,
В закате проступает лик Христа.
Мы повторяем: «Господи, доколе?!»
И вновь сжимаем скорбные уста.

**Из цикла
«ПОБЕДИТЬ БЕДУ»**

1

Донецк в дыму, Донецк в беде,
Горят дома, деревья, души...
Небесной молимся Воде,
Чтоб страшный был пожар потушен.

Убита дочь, рыдает мать,
Грозят оторванные руки
Тем, кто так любит убивать
И наслаждаться видом муки...

Что ж, им гореть в земном аду,
А после им гореть – в Небесном!
А мы, – мы победим беду,
Вставая в строй бойцов безвестных.

2

Украинским карателям

Вновь Горловку накрыли «Грады».
Рванула в небе «Точка-У»...
Ну что ж, теперь держитесь, гады,
За Светлодарскую дугу!

За восемь долгих лет страданий
Мы поквитаемся сполна,
Карающей ракетной дланью
Вас в пепел превратит война!

3

Как над городом Мариуполем
Затерялась моя звезда...
Я не знаю, смешно ли, глупо ли
Было рваться сквозь смерть сюда.

Знаю – стены домов обугленных
В память врежутся навсегда
Будут судьбы людей погубленных
С фотографий шептать: «Беда».

Не исправить беды тушёнкою,
Что тяну я, как скудный дар...
Жутко воеет душа собачонкою
На сжигающий небо жар.

4

ТЕНИ

Пахнет сыростью могильной
В мёртвой тишине.
Позвонить живым мобильник
Не поможет мне.

Что за сумрачные тени?
Может, тех бойцов,
Что не стали на колени,
Смерть переборов?

Что взлетели, словно птицы,
«Смерчам» вопреки.
Там теперь дымок струится
У седой реки.

Почему они приходят
В этот смутный час?
С ними звёзды хороводят
Высоко без нас.

И с небесных терриконов
Дарит им Христос,
Вечно в Родину влюблённым –
Мёд донецких роз.

Так чего они забыли,
Что пророчат мне?!
Их тела давно остыли,
Души – на войне.

Может быть, предупреждают –
Близок грозный час,
Где закаты остывают
В мёртвых стёклах глаз...

5

Лето клонилось к итогу.
Плыл над Россией закат.
Ветер шептал: «Видишь, к Богу
Светлые души летят?»
Много их, павших безвестно
В южных горячих степях,
Долг свой исполнивших честно, –
В воинских алых венцах.
Завтра воскреснет Россия,
Будет Небесная Рать
Пяди её вековые
От упырей защищать».

Поэзия

Марина Саввиных

Марина Саввиных (Наумова Марина Олеговна) – родилась в Красноярске в 1956 году. В 1978 году окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (университет им. В. П. Астафьева). Начиная с 1973 года стихи, проза, публицистика печатались в краевой периодике, а позднее – в журналах и альманахах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Москва», «Дети Ра», «Крещатик» и многих других российских и зарубежных изданиях. Несколько стихотворений переведены на польский, французский, испанский, осетинский языки. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали известные российские композиторы, в том числе О. Проститов, Э. Маркаиш, В. Пономарёв и другие. Издано более десятка книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Обладатель Красноярского краевого Губернаторского гранта за заслуги в области культуры (2008), ордена Достоевского I степени, главного приза Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и других наград за литературную и общественную деятельность. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2012). С 2007 по 2019 год – главный редактор журнала «День и ночь». Председатель издательского совета Редакционно-издательского центра «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

Дневник судного дня

* * *

Это война. Я иду по дороге войны.
Нервы мои оглушительно оголены.
Скрип, или стон, или ветер ворвался в трубу?
Пленных не брать – ведь не я начинала пальбу.
Хочешь – поверь, а не хочешь – пойди и проверь:
По околотку свирепый бесчинствует зверь,
Всюду ворует младенцев и душит старух,
Чтобы в народе огонь совокупный потух...
Чтобы от страха кто выдохся, кто озверел –
Неумолимо идёт планомерный отстрел.
Снайперы ада зрачками вращают в толпе,
Рано ли, поздно ли – сталь полоснёт по тебе,
Вырвет из сердца и друга, и сына, и мать...
Мир – под прицелом! И нечего тут понимать!
Нечего ждать благосклонности дальних небес –
Здесь и сейчас обнаглевший орудует бес,
Не прикрываясь, в победные трубы трубя...
Силы небесные действуют – через тебя!
Встань! Отшвырни от ворот ядовитую тварь!
Зверь размножается: вспомни – и первым ударь!
Кончились сроки витийствовать и умолять.
Я выхожу на дорогу. И. Буду. Стрелять.

8.08.2014 г.

* * *

Вопреки бестолково летящим снарядам
Из окопов моих по твоей стороне –
Не стреляй! Удержись – удержи меня рядом:
Я обидой больна. Пламя боли во мне.
Сухостой корневою охвачен тоскою –
Треск ветвей, на смертельном горящих ветру,
Разве пулей твоей ураган успокою?
Разве пепел в живую листву соберу?
Научилась – костром – предаваться беде я –
Расточая огонь... разливаясь огнём...
Так, больная отчаяньем, билась Медя
В пожирающем ближних безумье своём...
Мир пропитан одним истребительным ядом.
Я – в прицеле твоём. Только кнопку нажать...
Жизнь моя, удержись! – удержи меня рядом,
Чтобы силы нашла я тебя удержать...

* * *

Что, небрат, не спасись от тоски?
Обнимать – так, поди, покалечим...
Всё простим: и долги, и плевки.
Лишь тоску твою вылечить нечем.
От неё в предрассветную рань

Лечат разве что райские звуки –
 Жаль, целебные слёзы разлуки
 Свеял ветер за Тьмутаракань,
 А другого найти не берусь
 Над постигшим отчизну разломом...
 Вот и песня моя – за шеломом,
 Как за станом родительским – Русь...

* * *

Это мой крест. Это мой крест.
 Это твой вопль из чужих мест.
 Это буй тур. Это дик вепрь.
 Рвётся злой див за большой Днепр.
 Встань же, встань, князь!
 Оглядишь – вновь:
 В ключья мир, связь...
 Только – кровь, кровь...
 Только – боль, крик
 У святых врат...
 Только срыв, сдвиг...
 Оглянись, брат!
 Это, брат, долг?
 Это – свет, честь?
 Каинов – полк.
 Каинова – месть.

* * *

...опыт, сын ошибок трудных...

Пушкин

Враг – очевиден... нет нужды озираться...
 Опыт делает дело – дух инстинктивно вещ...
 Бог разделился на книжку в походном ранце –
 И на любую – дольного мира – вещь.
 Рвётся – оно, конечно – именно там, где тонко.
 Чтобы чутьё не сбилось – кажется, всё отдашь.
 И лишь когда Иса говорит «сестрёнка»,
 Веришь, что Бог – один и Он, безусловно, – наш!

* * *

У этих мальчиков – свастика вместо глаз.
 Их изготовили, чтобы стреляли в нас.
 Чувствуешь?
 Встроена в каждый твой божий день
 Оптика смерти. Ты для неё мишень.
 Не поддалась камланию пустоты –
 Значит, теперь у неё на прицеле ты.
 Не отдаёшь своё и не юлишь, как шланг, –
 Жди нападения или иди ва-банк.
 Значит, настал момент и пришла пора,
 Может, пера... а может, и топора...

* * *

Может быть, это воздух последних высот
 Или почва последних утрат?
 Электрический вопль обесточенных сот,
 Извержение взорванных врат?
 Может, это деревьев незрячий поход –
 Вверх тормашками – ключьями риз?
 Или небо во весь окровавленный рот
 Изрыгает проклятия вниз?
 Или память смертей отзывается впрок
 Обезумевшим отпрыскам лжи?
 Или – только ступи за отцовский порог,
 Только Зверю лицо покажи!
 Провода над дорогою крутит и рвёт –
 – Будь готов – это время придёт! –
 Чёрный ветер апреля... семнадцатый год.
 Чёрный ветер. Семнадцатый год.

2.04.2017 г.

АНГЕЛЫ ТРУБЯТ

Мы – небесный спецназ,
 Не подверженный здешним заразам.
 Свет течёт через нас,
 Будоража ваш дремлющий разум.
 Сера ваших плевков
 Не касается наших успехов.
 Мусор ваших оков –
 Вождлений, тщеславий, успехов,
 Невозвратных долгов,
 Новостей и безумных баталий –
 Глина адских кругов
 Осыпается с наших сандалий...
 Ассирийская пыль,
 Генетический код Минотавра,
 Скифский сизый ковыль,
 Серебро лигурийского лавра, –
 Прочь и вдаль... На ветру
 Сохнут лбы и черствеют ладони...
 Молодому добру
 Пригодятся стигийские кони!
 Ливни хлещут навзрыд.
 Том столетия сброшен со шкафа.
 Вспомни Бога, Давид!
 Порази своего Голиафа.
 Мы выходим на вас.
 Ваша древность и вечное детство.
 Да! Небесный спецназ.
 Не отпрянуть и не отсидеться.

* * *

Не бывает напрасным прекрасное...

Ю. М.

Не бывает поэтов ни крупных, ни мелких.
Есть поэты – и прочий трудящийся люд.
Гений теплится даже в дешёвых поделках,
Что с базарных лотков, как горшки, продают.

Не бывало и нету поэзии женской,
У Поэта – ни женской судьбы, ни мужской.
Есть стяжающий истину голос вселенский –
И принявший послание вестник мирской.

Он идёт – как дитя – среди грязи и крови,
То грозя, то рыдая, то тихо смеясь...
И, сухие коросты слезою буровя,
Искалеченных лечит словесная вязь...

Что за дело вам, люди, – он бел или чёрен,
Слово мужа при нём или речи жены,
Если вдох – исцеляет, а выдох – просторен,
Как просторны Вселенной высокие сны?

* * *

В. Ш.

Глазами, побелевшими от злобы,
От ненависти косным языком
Язвил нас дед – за то, что сдали оба
Бандитам и барыгам наш райком.
Мы были комсомольцами, мечтали
Преодолеть пространство и простор.
А – глянь-ка – ниже плитуса упали,
Приветствуя имперский триколор.

Глядеть? Гляжу. Клубится дым багровый
Во все свои пространства-времена.
По всей стране, в мир простираясь новый,
Гражданская не кончилась война.
И снова комиссары в шлемах пыльных
Строптивых отправляют в ВЧК,
И вздёргивают недругов всесильных
На рей офицеры Колчака.

И я, в наряде юности не первой,
За пламенной душою – ни рубля,
Кажусь ему великосветской стервой –
В сопровожденье вице-короля...

Россия! Над твоим пречистым телом –
За триста лет кто не глумился властью?!
Но ты стоишь – как в красном, так и в белом.
И детям не даёшь в трясины пасть.

В простреленном прабабушкином платье,
Познавшая и почести, и плеть,
Приемлешь одинокое распятье –
От тех, кого воспитана жалеть...

Когда-нибудь – насытись ядом трупным –
Прозреет дед – и грянет вешний гром
«Прощанием славянки» – зовом трубным...
И пыль веков осядет за бугром.

* * *

Можно вырвать у колокола язык,
Но пока он колокол, он – звучит.
А имеющий уши – услышит крик.
А имеющий голос – не промолчит.

Немота удушлива, как смола, –
Но ветвятся звуки со всех сторон:
Во вселенной братья-колокола,
Воскрешая свет, возвышают звон.

И всё глубже, громче их властный зык,
В обессиленных превозмогая страх, –
Так, что когти, вырвавшие язык,
Только пыль становятся, только прах...

* * *

Когда умрёт последний русский...

Влад Силецкий

Не в пику тем, кто нагло врёт,
И не в ответ досужим сплетням,
Последний русский не умрёт,
Да и не будет он последним!
Бывали хуже времена –
И тяжелей, и беспросветней,
Но мне родная сторона
Не завещала стать последней!
И не предвидится конца
Небесной и земной отчизне –
Не ради красного словца,
А ради жизни!
Ради жизни...

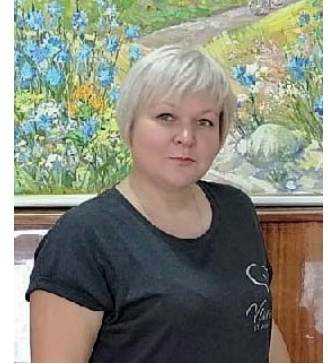
* * *

У нас и солнце ярое, и снег,
Поля и реки, пастбища и пуши...
Россия – не «Титаник», а ковчег!
И сей ковчег уже на воды спущен.
Куда ж нам плыть? Исполнилась гроза –
Сорвавшимися в бездну временами...
А свет такой – не отвести глаза!
И небеса расколоты над нами.

Поэзия

Людмила Гонтарева

Людмила Геннадиевна Гонтарева – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального союза писателей. Окончила Луганский государственный педагогический университет, факультет романо-германской филологии, специальность «Учитель русского языка и литературы».

Печаталась в альманахах: «Берега», «Российский колокол» и «Молодая гвардия» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Александръ» (Тамбов), «Петровский мост» (Липецк); коллективных сборниках: «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Новая Русь» и др. Автор поэтических сборников «Только голос», «По ту сторону тишины».

Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2020). Лауреат премий: им. «Молодой гвардии» (2011), им. Владимира Гринчукова (2015), им. Михаила Матусовского (2021). Золотой лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2018». Лауреат литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. Куприна (2022). Главный редактор альманаха «Территория слова» (г. Краснодон, ЛНР).

* * *

Это словно кино, как в больном сне –
опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звёзды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы – шрамом на лицо...
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имён лежат.

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего»,
вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
в самом безопасном месте он живёт.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать спокойно мы обречены
хронику ненужной, непростой войны.

* * *

Я вижу души над душным городом;
и мы меж ними – беспечно молоды.
...Внезапно стали земною пылью,
чтобы воскреснуть ковром ковыльным –
в Господних красках и дивных образах –

рекою, птицей, пшеничным колосом.
Наверно, это для всех был выход:
не стать толпою, что бьётся лихо,
что посылает проклятья злобно,
уничтожая себе подобных.
Мы войском тёмным уже не станем –
затея страшная и пустая.
...Внося в историю дни лихие,
нас вспомнят коротко: «...и другие».

* * *

Бог призвал к себе солдата
неоконченной войны.
Снова пламенем объаты
города родной страны.

И солдат в строю, как прежде.
Бьётся с нечистой лихой.
Пусть снаряды воздух режут
свистом на передовой.

Не готов он был к покою
на перинах-облаках.
Как всегда, с бедой земною
он сражается в веках.

У солдата до Победы –
лишь последний, трудный бой.
А потом – накроет небо,
и по радуге – домой.

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени – страна.
На кон поставлены столицы,
станции и страницы книг –
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута – миг –
час – выдох – вдох – морозы в мае –
дожди январские – печаль –
закат – рассвет – портрет на полке?...
И как ни вглядывайся вдаль –
лишь контролёр и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород –
с картошкой мы перезимуем...
А там и время подойдёт
твоим февральским поцелуям.

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
в этом квадрате, на этой планете.
Вдруг на осколки порвутся струны,
на серых скалах проступят руны,
и поспешим мы по рельсам чугунным
в край, где ацтеки, древляне, гунны.
Алые маки покروют футболки.
Холод почуяв, завоюют волки.
Киллер ружьё зачехлит втихомолку
и поспешит на свою остановку.
Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
где-то меж роликами рекламы
в рамках программы, не очень рано.
Зритель безмолвный за всё в ответе
крика молчанья, увы, не заметит,
качество съёмки, сюжет отметит,
сетуя вслух – у экранов дети.
И не поверив, что всё случилось,
что бесконечность в зрачок просочилась,
примем объятья листовы, словно милость,
падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
звоном тяжёлым разбитого блюда.
... Надо успеть на шаги обернуться,
чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

* * *

Сегодня длинный ровный дождь –
Степям во благо.
Прохожий улицей идёт с зонтом,
Как с флагом.
Вниз не торопится вода:
У туч – одышка.
И даже снайпер не спешит
Работать с вышки.
Загхли птицы и коты.
Молчит природа.
Июль дождинками бомбит нас
С небосвода.
Уж скоро радуга весь свет
В цвета раскрасит.
И кажется: войны здесь нет
И дождь – прекрасен!

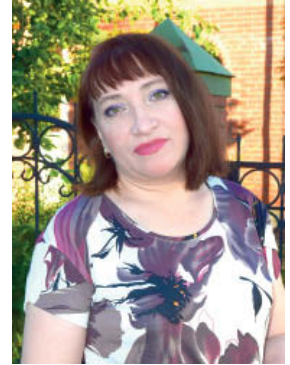
* * *

Мы живём над обрывом,
В паутине войны.
Искалечены взрывом –
Ни дорог, ни страны.
Поезда к нам не ходят,
Самолётам – запрет.
Правда, аэропортов
В городах больше нет.
Лишь бумажные крылья
В царстве вечных дождей,
А самой эскадрильи
Не найти, хоть убей.
Нету чувства полёта
И вообще нету чувств.
Пусто место пилота.
Взгляд бесцелен и пуст.
Мы давно полутени
В оболочке людей:
В кровеносной системе –
Гул толпы площадей.
Ничего не решаем,
Ничего не решим
Мы на глобусе-шаре,
Что казался большим.
В перевёрнутом мире
Мира нет, мира нет...
Лишь награды в турнирах
Чьих-то славных побед.

Поэзия

Людмила Банцеровва

Людмила Банцеровва – окончила Литературный институт им. М. Горького, семинар Эдуарда Балашова. Печаталась в столичных журналах: «Юность», «Литературная учёба», «Наша молодёжь» и др. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина, литературной премии «Парад литератур». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт и работает в Рязанской области, деревня Насурово.

АВГУСТ

Ещё я вспоминаю тихий день:
малину спелую в горсти и вишню,
и как ложится на дорогу тень,
по ней когда-то проходил Всевышний...

Мой август... Далеко до холодов,
до странных, проливных дождей заезжих.
– Ещё ведь будет лето – будь готов,
до петухов горластых, белоснежных...

Ещё отцветит день до холодов,
до заморозков, до пустынной крыши.
И до весёлых баб, и вечных вдов.
Мой август, мой мальчонка рыжий...

Ещё летит в заоблачную высь
твой свет, звенящий над печной трубой.
И яблоки по саду разбрелись,
и лист не пролетит над головою...

Мне от тебя не надо ничего,
лишь быть с тобой на полуслове, рядом...
Ты для меня вечерним очагом
блеснёшь вдали, травой степной, нарядной...

Ещё я вспоминаю этот день:
зажатый, жаркий воздух в полудрёме,
и тишь наших дальних деревень,
и запах терпкий от дубовых брёвен...

Мне б рядом быть. Не надо позолот.
Легко пройду – наискосок проулка...
И пахнет яблоком и сливой. Вот
и падают плоды на землю гулко...

ПАУТИНКА

Как хорошо по набережной мне
бродить с утра среди летящих чаек.
По улочкам в тишайшей тишине
вот так идти, судьбы не замечая...

И днями и ночами в лодке плыть
и ощущать насквозь глубинность днища.
И на земле среди людей побыть –
копейкой малой прозвенеть у нищих...

И с каждым годом новым всё честней,
всё явственней во мне звучит природа.
И может, я, как малый воробей,
застыну в травах летнего восхода...

Приду и лягу и уткнусь в кровать:
а за окном моим дрожит травинка.
А мне бы только здесь заночевать.
– Ну всё, лечу над полем, паутинкой...

ЖИЗНЬ

Давно иду аллеями пустыми,
и голос не услышать в сутолоке дня,
и кажутся скамейки мне живыми,
и снег ложится на дома и на меня...

А мне идти по ветреной дороге,
что так проворно убегает от меня...
И вспоминать, когда прижмёт, о Боге,
и знать, что на окраине живёт родня...

И вопрошать, и вспоминать так зримо
площадку детскую и маму у окна...
Не доверяйте, люди, этим зимам,
не доверяйте этим злым похоронам...

А мне идти аллеями пустыми.
Тебя в помине нет, прохожий, здесь. И вот:
так снег идёт стихами черновыми,
спешит изранено в февральский гололёд...

ПРИРОДА

Прохожу среди тонких твоих изваяний,
словно лебедь, изломанная до краёв.
Сколько в медленном шаге моём покаяний,
сколько на душу принято смертных боёв!

Ты тихонько меня позови, откровенно
помолись за меня, за пригоршню ада прости...
Осень входит в меня так легко, внутривенно,
будто хочет корнями золотыми врасти.

Не беда, рассосётся по костным знаменьям
всё, что было плохого в скитальные дни.
Соберутся по строчке золотые камни,
как неожиданные гости у дальней родни.

Всё проверено в жизни, и нет откровений:
только руку невольно свою протяни...
И замолкнет река. И туманом овеваяны
чьи-то лица прибрежные – Бог их храни!

Сколько талой воды унеслось, сколько брани...
То ли день, то ли ночь мне хохочет в ответ.
И теснятся в оконцах горшочки герани,
словно время застыло на тысячу лет...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне будет сниться дом на берегу:
с тобой вдвоём мы всеми позабыты,
мы, как отшельники, в земном кругу.
Туда теперь вернуться не смогу:
там куст терновый, каменные плиты.
Мне будет сниться штормовой прибой:
холодный ветер руки обжигает,
людей вот так же старость поджидает –
в очередях земных. И нас с тобой
в дороге непроглядной, столбовой...
Там птицы тренькают наперебой,
вдали залёт пластом сухой валежник.
О том, что жизнь уже не станет прежней,
нам намекнёт весёлый зверобой
и проходящий человек любой...
И пусть шумит над перелеском дождь
и травы зеленеют по теченью –
я не отдам судьбу на иссечение.
Меня ты так легко не проведёшь.
А за окном моим – птенцов галдёж...
Мне будет сниться дом на берегу:
сухие листья – тамошняя песня.
Где я не пропаду, не убегу...
И мир в полёте бабочки так тесен,
где мы как две травинки на снегу...

ИЮЛЬ

Июль. Сегодня было жарко. Во дворе
давно сидят пенсионеры, в карты бьются.
Сиреневые сливы возлежат на блюде,
и божий день всюду звенит в календаре.

В каких проулках и прокуренных домах,
в каких иных дворах – где сердце оборвётся?
И лёгкий взлёт стрижей, и запредельный взмах
ко мне опять всеильной радостью вернётся...

Июль. Сегодня было жарко. Как всегда,
пройду, пройду по этим улочкам несмело.
Детьми сухой асфальт раскрашен красным мелом.
Ещё живу пока, ещё так молода...

И пусть июль так будоражит всех вокруг,
пусть расточатся силы вражды понемногу.
А мне в сады, в поля – куда ещё в дорогу?
До разговоров не дойти, не до подруг...

И каждый божий день вставать и на ветру
искать своё продление в этих травах вешних.
А за окном гудит под тяжестью черешня,
и кажется теперь, я вовсе не умру...

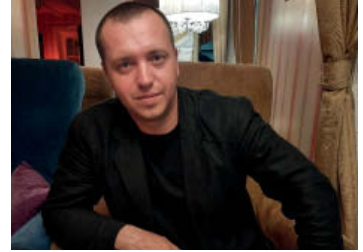
РОДИНА

А я вернусь на родину опять.
Там свет мой тихий никому не нужен,
и незнакомый взгляд со мной не дружен,
там все дороги убегают вспять...
А я вернусь, лишь было бы зачем:
звонящий сад вдали да милость Божья.
У дома вьётся ветка хризантем,
да полное в округе бездорожье...
А мне так хорошо! И нет причин
винить себя. За что, зачем? Ей-богу...
Гремят в кармане у меня ключи.
Я растворяюсь в мире понемногу.
И слава богу, что в безлюдной тьме
меня судьба до дома провожала.
Тогда листва холодная лежала,
была и растворилась по зиме...
А я на родину к себе спешу.
И мне до злобных языков нет дела.
Я как река, ещё не обмелела,
у Господа взросления прошу.
И так затеплится моя душа,
когда пройду от шумного вокзала
и удалюсь в проулок не спеша,
туда, откуда я не уезжала...

Поэзия

Евгений Харитонов

Евгений Харитонов – родился и живёт в Белгороде. Член союза литераторов Белгородской области при БРОО «Союз писателей России». Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «День и ночь», «Краснодар литературный», «Крым», «Звезда Востока», «Александръ», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский Вестник», «Пять Стихий», «Наша Молодёжь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и др.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ

Бес ликует, а ангелы мечутся,
Наблюдая у Божьих ворот,
Как собралось опять человечество
Уничтожить свой собственный род.

Я не верю в судьбу и пророчество
И о карме гадать не берусь.
Просто знаю, когда всё закончится –
Возродится Великая Русь!

НА ЭКВАТОРЕ ЖИЗНИ

Я как-то стал смотреть на жизнь совсем иначе:
Мне слёз не выдавить, когда другие плачут.
Я нос не вешаю, когда порой непросто –
Но это, может быть, прививка девяностых.

Мне жаль всех тех, к кому испытывал презрение.
Кого поддерживал – теперь к ним подозрение.
Не вижу разницы меж другом и предателем.
В словах не колок, а довольно избирателен.

На хамство людям отвечаю взглядом радости
И не испытываю в этом чувства слабости.
Быть может, это всё пройдёт и жизнь изменится,
Да вот не верится, увы. Совсем не верится.

И я к старушке подошёл, совет выпрашивал,
А вид её меня всё больше настораживал –
Как будто есть что мне сказать, но опасается,
Как будто эта же болезнь её касается.

Я ждал ответа, не страшась услышать грубости,
И вдруг она мне: «Болен ты припадком мудрости».
Махнув рукой, исчезла, чтобы не опомнился,
А я невольно чувством гордости наполнился.

ИСПОВЕДЬ ПОТОМКА

Войну нельзя направить по течению,
Она – круги от гальки на воде.
Приехал я на кладбище в деревню,
Поведать деду о большой беде.

Смотрел ему в глаза, а сердце с болью
Кольнуло в грудь, не зная как сказать.
Я пыль с его лица смахнул ладонью,
Пытаясь слёзы горькие сдержать.

Внезапный крик кукушки, будто плетью,
Разрезал воздух, душу теребя.
Мой дед погиб в далёком сорок третьем,
Припав к траве на склоне октября.

Был лютый бой, сродни свирепой буре.
Текли дожди свинцовые с небес.
Он в этот раз не смог уйти от пули,
Шагнув своей судьбе наперерез.

Он, как и все в то время, жил мечтою,
Что будет мир однажды на земле.
В тот страшный день он всю страну собою
Прикрыл, чтоб в ней жило спокойно мне.

И вот он здесь, не видевший Победу, –
Былой войны обычная стезя.
Но точно знавший, что народу беды
Несёт фашизм и их стерпеть нельзя.

И я стоял пред ним, сказать не смея
О том, что враг его опять в строю.
Что брызжет яд с клыков зловещих змея,
Уничтожая Родину мою.

Что снова свищут пули, как когда-то.
Горят в лазурном море корабли...
И только мы, потомки, виноваты,
Что ту мечту его не сберегли.

РОЖДЁННЫЙ В СССР

Где мне найти метеорит,
В котором скрыты тайны мира?
Свеча однажды догорит,
Забвению предастся лира.

И будет смерть щипать бока,
Смеясь над огрубевшим телом.
Всё это будет... А пока
Я разноцветным ярким мелом

Раскрашу старенький асфальт,
Что у подъезда бледно-серый.
Я не стесняюсь. Мне плевать,
Что я немножко престарелый.

Я красным выведу звезду,
А жёлтым цветом – серп и молот.
И в этих символах найду
Себя, где был чертовски молод!

В то время каждый был крещён.
Читали книги и газеты.
А в мыслях не было ещё
Менять Отчизну на монеты.

В конверте пара тёплых строк
С ума сводили от волнения.
Там честь и честность не порок,
А просто к сердцу дополнение.

Страна была большой семьёй,
Сплочённою двадцатым веком.
В ней Бог был каждому судьёй,
А человек был Человеком.

И хоть промчались те года,
В моей душе тот флаг наколот,
Где рдеет красная звезда,
И острый серп, и грозный молот.

КАК НЕ ПИСАТЬ, КОГДА ВОЙНА ИДЁТ?

Дрожит земля, когда «Пион»¹ цветёт,
Полёт «Грачей»² – не к летнему веселью.
Как не писать, когда война идёт
Не где-то там, а за парадной дверью?

¹ «Пион» – 203-мм самоходная пушка 2С7, стоящая на вооружении ВС РФ.

² «Грач» – штурмовой самолёт Су-25, стоящий на вооружении ВС РФ.

Не хватит мне исписанных страниц
Сдержат порыв, манящий пулю к плоти.
Как мне стерпеть все стоны из больниц
И сил придать штурмующей пехоте?

Вот эхо снова материнский крик
Несёт в руках, не смея их ослабить.
Ах, сколько надо взять Варшав и Риг,
Чтоб мир решил в покое нас оставить?

Вы слышите, глупцы? – ревёт медведь
И когти точит о стволы историй.
Он к вам придёт! И не удастся впредь
Прогнать его с исконных территорий!

НЕСЛУЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Глаза открыл, живой ещё... Ну, слава богу!
Вдруг кто-то крикнул за плечом: «Так это ж Рогов³!
Ну, этот – как там? – депутат! Я видел фото!» –
«Он снёс больницу нашу, гад!» – добавил кто-то.

«Да он вообще не с этих мест, он мэра крёстный!
Представьте, сколько, сука, ест – как боров, толстый!
Небось, бюджет разворовал, теперь богатый!
А я свой голос отдавал», – сказал хрипатый.

Их слушал я, ничком к земле. Немело тело.
Я шёл, и плохо стало мне. В глазах стемнело.
Наверно, в обморок упал – быть может с каждым.
А сверху кто-то посыпал мат трёхэтажный.

Я всё лежал, а в мыслях лишь – «Убьют, наверно».
А ведь никак не объяснишь, что всё неверно!
Снесли больницу потому, что срок ей вышел.
Была похожа на тюрьму с дырявой крышей.

Решили выстроить с нуля, на том же месте.
Ведь это Родина моя, я жил здесь в детстве.
А мэр, расходами кривя, был крайне против,
Но позвонили из Кремля, дав ход работе.

Да и не родственник он мне, всё это слухи.
Разносят их у нас в стране, видать, от скуки.
А вот о борове слова – на рану перцем,
Но не могла же знать толпа о дряхлом сердце.

Стоял народ, как тот палач, топор поднявший.
Вдруг голос ласковый: «Я врач, кто пострадавший?» –
«Не сдохнет он! – кричал мужик. – Слегка безумен!»
Мне врач: «Ты жив?»
А я ему: «Уж лучше б умер!»

³ Имя в стихотворении выбрано автором случайным образом.

Дмитрий Иващенко

Дмитрий Анатольевич Иващенко – родился в 1967 году, поэт. Детские годы прошли в Железногорске-Илимском Иркутской области. Вскоре после школы был призван в ряды Советской армии. Служил в мотострелковом полку на территории Чехословакии. Демобилизовавшись, поступил на отделение журналистики в Иркутский университет. С 1990 года в Ангарске, работает каменщиком-бетонщиком. В 2001 году пришёл на заседание ангарского ЛИТО. При поддержке Иннокентия Новокрещённых, Владимира Сазонова, Вадима Богатырёва и Любви Щедровой был направлен на традиционную конференцию «Молодость. Творчество. Современность». На областной конференции ему была присуждена 1-я премия. В 2005 году поступил на заочное отделение в Литературный институт им. М. Горького. За годы литературной учёбы вышли в иркутских издательствах два небольших сборника стихов – «На ветру» и «Встречи и разлуки». http://irkipedia.ru/content/ivashchenko_dmitriy_anato.. В 2014 году переехал во Владимир.

* * *

Как в сказке, на поляне круглой –
чего, бродяга, приунул? –
в золе ночи, на звёздных углях
печёшь картошину луны,
а после надо запереться,
как в келью, в боль свою и страх,
и, подсушив сырые берцы
у лепесткового костра,
с очередного пепелища
идти –
две тыщи лет идёшь,
и всё себе покоя ищешь,
и всё покоя не найдёшь,
как интурист и гость незванный,
без сна, без друга, без жены,
меняются, как лица, страны,
мосты по следу сожжены
от Иордана, через Волгу,
до мерзлоты колымских вех,
ты, повидавший видов столько
из-под нависших век навек,
извечный жид,
толкнувший Бога,
познавший славу и печаль,
и вечно ждёт тебя дорога –
начало всех твоих начал,
а что касасемо развязки
в рождественское тождество,
сегодня из реальной сказки
запечатлелся образ твой:

пустырь с бурьяном – не поляна,
фонарь у дома – не луна,
и кто-то там, проснувшись рано,
глядит на небо из окна
и верит звёздам над бурьяном.

* * *

Загустевшие синие сумерки.
Хлопья мокрого снега, как бред.
Ожидания лучшего умерли, –
год не помню какой, – в декабре.
Правду-матку, – с неё взятки гладки, –
и предьявы себе самому
на шестом принимаешь десятке,
как Мамонов со звуками му.
И предательства по малодушию.
И по лавочке пьяной херню.
Снег и сумерки – синие, скучные.
Дежавю, и чего-то на ню-
Упади, как бывало, под окна –
деклассированно и скорбя,
и, как пёс подзаборный, подохни,
будто не было вовсе тебя.
Будто не было, будто бы не был.
Будто не было, будто бы нет.
Будто не было белого неба,
ни любви, ни боли в ответ.
И в своих предрассветных сказаньях
оживающий гиперборей,
я смеюсь и качаюсь глазами
жёлтых полуслепых фонарей.

* * *

Мешком с камнями
я взвалил на спину
мой полвека с гаком, – будь здоров, –
и вот стою, мертвец наполовину,
одной ногою в лучшем из миров:
сажал деревья,
и детишек растил,
и возводил с фундамента дома.
Жил по-простецки.
А жилось непросто.
Об этом можно настрогать тома.
Да только кто листать их нынче будет?
Здесь не в чести стихи и старики.
Воспоминанья хрипло дышат грудью
в китойской пойме около реки.
По-русски, из традиций, скажем: с Богом!
Дома, деревья, дети – не в зачёт.
Нам влепят прочерк вместо эпилога,
и чёрный ворон сядет на плечо.
И пусть меня обсудят и осудят, –
всё на круги вернётся и пребудет,
как первый снег,
как рифма кровь-любовь.
Давай простим людей,
они ведь люди,
и так же вязнут в лучшем из миров.

* * *

Удариться о землю,
превратиться
из молодца Ивана-дурака
в испуге отлетающую птицу
и ринуться с асфальта в облака –
от бреда дней и дребедени денег,
от собственного следа на песке,
от песенки, что душу не заденет,
и от души, которая ни с кем,
от тени на плетне,
куда подальше,
куда сосед Макар шизу гонял,
из этой сказки и гнилого фарша, –
живой воды напиться у огня.

* * *

Ты в детстве лазил по заборам
да по подвалам-чердакам,
а в школе прививалась скоро
любовь к отеческим гробам,
к преданьям старины заветной,
к витиеватым письменам,

в которых русские поэты
смотрели в дуло пистолетов
и в самое врезались нам:
как буря мглою небо кроет,
как листья медь роняет клён,
и ты, Русланом и героем,
в Людмилу милую влюблён, –
но неизбывна, словно осень,
хандра, разлитая вокруг,
и вот покоя сердце просит,
и машет шапкою Машук,
прощай, невытая Россия,
одну тебя, моя, пою,
где рощи голы, море сине,
устал я жить в родном краю,
иных уж нет, а те далече,
и чем поможешь тут помочь,
и падал снег на Чёрной речке,
а в «Англетере» холод в ночь.

* * *

из Георга Тракля

Как в келье, тихо в комнатухе.
И ни гостей, и ни вестей.
Изрешетили роем мушки
оконный свод и камни стен.
Дыхание молитвы просит.
Мерцает слабая свеча.
Закатом – облачную розой –
ночь одиночества встречай.
Дни золотые на исходе
набрякли тяжестью в висках.
Тем, кто бездомен и безроден, –
не ждать, не верить, не искать.
В канале чёрном,
в море зыбком –
ни звёзд, ни гондолы, ни зги.
И детская твоя улыбка,
как боль,
терзает сны мои.

* * *

Пройдено, предано, прос-
то с молотка распродано.
Тополь же, великоросс,
тоже без флага-родины.
То ли глядит на восток,
то ли на запад топают, –
на ветродуе продрог,
капают листья с тополя.
Скорбная, как лития,

осень прошла навстречу, и –
 Господи! – это ли я,
 в шрамах, Тобою меченый.
 Так же ль терпеть-коченеть,
 так же ль корпеть-возделывать?
 Мороси серая сеть
 тянет туманы белые.
 И листопадом полёт,
 и листопад в груди звенит, –
 тополь ты мой, тополёк,
 братка один-единственный.

* * *

Постыла долгая зима!..
 Январно, word-но, и
 твои метели задарма
 барханы намели,
 на поводке коротком дни,
 ночами чифири,
 закуржавелые ресни-
 цы веток разотри,
 в твоей пустыне снеговой
 над крышами луна
 стучится мёртвой головой
 в проталину окна,
 и никого, ни для чего,
 и тяжело дышать,
 в берлоге тела моего –
 звериная душа,
 и в оконцовке наяву
 наточены ножи,
 и проходным стихом живу,
 стихом единым жив.

* * *

Мне надо холодов,
 мне надо
 стихов отцветший корнеслов,
 чтоб душу выжгло листопадом,
 а после снегом занесло, –
 вот так вот примитивно, пошло,
 банально так, но в самый раз! –
 чтоб жизнь меж будущим и прошлым,
 как рана, коркой запеклась,
 чтоб не любить,
 не быть любимым,
 чтоб не желать и не жалеть,
 глотать глюкозу и энзимы
 на переключке зим и лет,
 чтоб стало важное неважным,

чтоб было не о ком тужить,
 чтобы однажды наше-ваше
 родное стало бы чужим,
 завороти своё хлебало,
 в пустое небо погляди, –
 и чтоб в глазах не защипало,
 не защемило бы в груди.

* * *

Адажио сыграешь в ящик.
 Ну а пока что, а пока
 в себя вливаешь чай горячий
 и наблюдаешь облака,
 берёшь на мушку рифмоплетья
 аптеку, улицу, фонарь,
 с утра ворочаешь столетья,
 а к вечеру всё та же хмарь,
 и люди те же, нравы те же,
 и понимаешь, дуругон,
 так будет дондеже-дондеже,
 так есть,
 так было испокон:
 боец несказанного слова, –
 а разве мог бы быть другой, –
 горит под Курскою дугой
 и бьётся в поле Куликовом.

* * *

Я листвой называю листья,
 графоманю,
 графу маня:
 это осень окраской лисейей
 прожигает, как йод, меня,
 это дует холодный ветер,
 и в прищуренные глаза
 мне недобро прожектор светит,
 и накатывает слеза,
 это небо, что ближних ближе,
 в ночь построчно
 и днём с огнём
 губы высохшие оближет
 и закашляется дождём,
 это просто российский климат
 без Рылеева-Делоне,
 и обманут нас – не обнимут,
 канем камнем – и дела нет,
 это ты не желаешь слиться,
 и страница твоя чиста,
 и осенней окраской листьев
 прожигает насквозь листва.

Нина Цветкова

Нина Ивановна Цветкова – родилась в 1937 году в Тверской области. В 1966 году окончила Московский государственный педагогический институт им. Ленина по специальности «Учитель биологии и химии». По окончании института приехала по распределению в Калининградскую область. Работала учителем химии в школах Краснознаменского района и города Краснознаменска. Автор семи поэтических сборников. Почётный житель города Краснознаменска.

ГЕРОЙ ВОЙНЫ

Солдат, погибший под Берлином,
Презрев закон о вечном сне,
Воскрес и с криком журавлиным
Вдруг вспомнил песни о весне.

И к ней, предшественнице лета,
Не смог порывы он сдержать.
И в самоволку с того света
Решил на Родину сбежать.

В своей простреленной шинели,
В простых кирзовых сапогах
Солдат пешком к заветной цели
Шёл на израненных ногах.

Он курс держал на свет зарницы,
Боясь присесть и отдохнуть,
Пока какие-то границы
Не преградили ему путь.

Послевоенного сюрприза
Боец-герой не ожидал:
– В Литве какая ещё виза?
Ведь я её освобождал!

Не знал солдат про наши беды,
Про унижительный раздел.
И в тот же миг творец Победы,
Стыдясь за нас, окаменел.

Прильнул лицом к стволу берёзы
С пилоткой, скомканной в руке...
И только каменные слёзы
Катились галькой по щеке.

ПРОИЗВОЛ

На небе звёзды светятся,
И ночь темным-темна.
Земля, как глобус, вертится,
А я стою одна.

Нам чудеса природные
Загадки задают.
Чудачества погодные
Покоя не дают.

Куда мы с вами катимся,
Что в будущем нас ждёт?
Земная наша братия
Беды не сознаёт.

И что же нам не можется,
Ответьте честно мне?
Научный мир тревожится
О Марсе и Луне...

И в нанотехнологии
Течёт рекой бюджет.
Технологи убогие
Придумали сюжет.

А терриконы мусора,
Как опухоль, растут.
И всяческая шушера
При деле там и тут.

А Родина несчастная
Ярмо несёт, как вол.
Страна моя прекрасная
Всё терпит произвол.

ВСЮ НОЧЬ СОБАКИ ЛАЯЛИ

Всю ночь собаки лаяли,
Мешая засыпать.
Опять хандрить заставили,
О прошлом вспоминать.

Закончилось снотворное,
Таблеток больше нет.
Всё лезут мысли чёрные,
Не мил мне белый свет.

Луна глядит печальная,
И Сириус горит...
Душа моя страдальная
Болят в груди, болят.

А жизнь довольно сложная,
Утрат не перечесать...
Желаеть невозможное,
Теряя то, что есть.

Я вспоминаю молодость.
И яд змеиный пью.
Наивную неопытность
И скованность свою.

Мне не хватает солнышка,
Расстаться чтоб с тоской.
Давно моя сторонюшка
Зовёт к себе домой.

Теперь я стала взрослая,
Но только вот беда:
Туда, где наше прошлое,
Не ходят поезда.

ОБЕТ

Опять болезнь терзает тело,
Я из последних сил борюсь.
Мне жить пока не надоело,
И я за нить судьбы держусь.

Сидят бактерии в каждой клетке,
Микроскопически малы...
Моё спасение в таблетке,
И жизнь на кончике иглы.

На потолок смотрю палаты,
И ни единой мысли нет.
Мелькают белые халаты,
Не ем ни в завтрак, ни в обед.

Теперь прекрасно понимаешь,
Как неприятно быть больной.
Лишь день и ночь о том мечтаешь:
Скорей вернуться бы домой.

И ничего пока не надо,
Рутинная жизнь – не беда.
Я и тому была бы рада,
Чтоб не болеть мне никогда.

Займусь лечебной физкультурой,
Диету стану соблюдать,
Чтобы изящною фигурой
Своих соратниц убеждать.

Но небольшой кусочек сала
Лишь напоследок с хлебом съем.
Такой обет не раз давала,
Чтоб нарушать его затем...

ДЕНЬ ЗА ДНЁМ

В новый день распахнуты ворота,
Звёзды удалились на покой.
Впереди заботы и работа –
Время суетливости людской.

Много будет радости и горя,
Что кому отмерено судьбой:
Для кого-то штиль сейчас на море,
Для кого-то – бешеный прибой.

Кто-то молится усердно в храме,
Не жалея лоб, поклоны бьёт.
Кто-то, разъярённый, как цунами,
Смерть и разрушение несёт.

Кто дворцы прекрасные возводит.
Кто мосты взрывает и дома...
День своей дорогою проходит,
Скоро ночь пожалует сама.

Груз проблем оставив на работе,
Люди разбредутся кто куда,
Не заметив, как в водовороте
Загорится ранняя звезда.

Ночью некогда смотреть на небо,
Светит в окна бледная луна...
Любим надо зрелища и хлеба –
Это бездуховности цена.

О своих утратах сожалея,
Мы не ценим в жизни красоты.
Но надежду робкую лелея,
Ждём всё ж исполнения мечты.

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Я на запястьях с проводами
Лежу в каком-то полусне.
И сердце ровными толчками
Стучит, как дятел на сосне.
Вот подключаются приборы,
Подставил ухо телефон.
Слышны гармошки переборы
И колокольный перезвон.
Вдруг что-то в сердце защемило,
И неподвластно больше мне.
Оно само заговорило
По синусоиде-волне.
И всё, что в нём давно скопилось,
Рвалось из плена клетки вон
И птицей раненою билось,
Рыдало сердце в микрон.
Вот полумрак сгустился синий,
И показалось сразу мне,
Что там незримый Паганини
Играл на трепетной струне.
Но, как бывает в этом мире,
Внезапно всё оборвалось...
И в растревоженном эфире
Уже неслись сигналы SOS.
Согласна я с его обидой –
Помочь вот только не дано,
Хоть между Сциллой и Харибдой
Сейчас находится оно.
Но после исповеди, странно,
Как бы гора свалилась с плеч:
Ведь груз невысказанной тайны
Страшнее, чем дамоклов меч.

ЛЮБОВЬ К МОРЮ

Обо всех погибших стонет море,
Стонет о «Варяге», об «Авроре»...
А у моря цвет, как у вдовы глаза,
И на вкус вода морская, как слеза.
После шторма в полосе покоя
Море снова нежно-голубое.
Может, это вахтенный матрос
Бросил в воду медный купорос?
С детства мальчик о морях мечтал,
Срок пришёл – и моряком он стал.
Дал и клятву – женщин не любить,
Одному лишь морю верным быть.
Время, как судьба, неумолимо –
Сотни женщин проходили мимо.
Никого пока что не любя,
Повстречал он неожиданно тебя.

Забурлил в крови морской прибор,
И моряк пошёл, как катер, за тобой.
А любовь, как полноводная река,
Затопила сразу сердце моряка.
Между вами словно молния сверкнула.
В безднах моря клятва утонула.
Томный взор, твоих бровей излом
Завязали вас одним морским узлом.
Неизвестно, счастье или горе
Напророчит новобрачным море.
А в морской воде – аквамарин,
Как в глазах у Пелагей и у Марин.
На волнах из пены кружева,
У любви всегда свои права.
И влюблённые протягивают руки,
Через расстоянья и разлуки.
Нанижу слова в стихотворенье,
Как янтарь на нитку в ожерелье.
Чтобы снова у того причала
Моряка его любовь встречала.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ ЗИМОЙ

Надевают сваи ледяные шапки,
Ждут под снегом лета валуны.
Кружат низко чайки-краснолапки
Над седыми гребнями волны.
Опустились сизые туманы,
С горизонтом слился небосвод.
А на дне невидимые страны
Скрыты толщей изумрудных вод.
Для сплетенья небыли и были
Не хватает мельниц ветряных.
В две шеренги рыцари застыли
В шлемах и кольчугах ледяных.
И, не пряча голову от страха,
Смутно освещённая луной,
Спит на зимнем пляже черепаха
В панцире с оборкой ледяной.
Как неосязаемые тени
Внешней окружающей среды,
Выползают льдистые тюлени
На пустынный берег из воды.
Из пучин глубинных выплывая,
Что есть сил ударившись о твердь,
В ледяной купели замерзая,
Распластался лапами медведь.
Я люблю восторженно и страстно
Пену волн и яростный прибор.
Голубое море, ты прекрасно –
Мы всегда в долгу перед тобой.

Поэтическая седмица

Александр Авдеев

Александр Иванович Авдеев – родился в 1966 году в Ярославле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, обучался на семинаре у Евгения Долматовского, после смерти которого перешёл на семинар Евгения Рейна. Позднее окончил Ярославское духовное училище и Костромскую духовную семинарию. Автор нескольких сборников стихов. Настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы села Пестрецово Ярославской области.

Александр ОРЛОВ:

Поэзия священника Александра Авдеева представляет собой биографию души и духа. Его стихи заметно отличаются от других исповедальной искренностью и мольбой о небесном заступничестве. В стихах Авдеева ощущается сила, которая призвана славить Господа не только устами, но и чувствами, мыслями, словом, каждым дыханием. В этом явная и сокрытая связь автора со всеми, кто искал Господа и нашёл Его.

В ДЕТСТВЕ

Внезапно комната темнела.
Сор подоконника с цветком
Вписался в дом оцепенело,
И зазвенел в серванте гром.
Дичились руки всякой стали,
И доносился трубный вой,
Глаза оконные сверкали
Под шапкой тучи грозовой.
Пустела чёрная дорога,
Фонарь качался на столбе,
Росла сердечная тревога
И неуверенность в себе.
От вспышек тень ложилась длинно,
До половиц свисала скатерть,
В углу дрожала паутина
И улыбалась Богоматерь.

* * *

Конечно, есть свой запах у стихов.
Не знаю я, какой сегодня в моде...
В домах, где запах водки и духов,
Могу я получить и дать по морде.
Но водка и духи ещё не зло.
Я запах зла совсем не различаю.
И мне, на вид неслабому, везло
В компаниях, где мало склонны к чаю.
Сияла люстра, плавающая в дыму.

Удары по столу, звенели шибки.
О чём-то, до сих пор и не пойму,
Все спорили, и каждый без улыбки.
Устав напрасно голову ломать,
Домой пришёл нетвёрдыми шагами.
И сразу улыбнулся: в доме мать,
Поскольку с кухни пахло пирогами.

* * *

Сын родился в час зарплаты,
На последний день зимы.
Потеплело на закате –
Свет своё берёт у тьмы.

Пусть весна врачует тело –
Отойдёт озноб ветров,
Чтоб супруга не болела
И сыночек был здоров.

Много будет хлеба, неба.
Православный звонкий храм!
Как цветочки из-под снега,
Улыбнулась жизнь и нам.

Купим обувь без заплаты
Да минует гнёт сумы...
Сын родился в час зарплаты,
На последний день зимы!

* * *

Листья. Ветер. И свет фонарей
Отражают волнистые лужи.
Окна тёмные. Скрип дверей.
Мелкий снег самой первой стужи.
Тонким льдом покрывалась грязь...
Мимо лысых берёз, у барака,
Промаячив хвостом, пронеслась
И исчезла во тьме собака...
Скрип дверей.
Сигаретный дым.
Шум дороги доносится глухо.
И мечтается: это Бим,
Белый Бим – Чёрное Ухо.

ОСЕНЬ

Осенью поздней зияет
Топких полей пустота,
Тускло над лесом мерцает
Сумерек ранних звезда.
Скрылся за мгlistые дали
Быстро погаснувший день.
Дремлют, как птичьи стаи,
Избы пустых деревень.
Ночь затуманенным ликом
Мутит лесистую глушь,
Нивы в затмении тихом
Ждут перламутровых стуж.
Небо над сонною Русью
Тайной ласкает поля.
Тихо, с осеннею грустью
Листья собирает земля.

* * *

Время печали моей –
В сердце пора листопадная.
Светит услада лампадная
В дымке воскресших церквей.
Похолодало в миру –
Кружится тленное, сонное...
Зреет надежда иконная –
Вечность звенит на ветру.
Но искушенье смело.
Сердце, недавно смиренное.
Лето моё незабвенное
Бесповоротно ушло.
Верю я – мне повезёт,
Время грядёт белоснежное.
С клироса пение нежное
От озлобленья спасёт.

* * *

Голубь звонницы выжил, и вижу,
Как порхает, звеня, целый день.
В землю спелая сыплется вишня,
Словно нету в округе людей.

Но знакомые ходят и ездят
И о чём-то молчат, говорят.
Пусть пореже – весёлая песня,
Пусть почаще – сестра или брат.

Звонкой ранью живой, долгожданной,
Почитав на дорожку Псалтырь,
Длинной тропкой, от ягод желанной,
Привыкаю ходить в монастырь.

Разве можно теперь не молиться
И безрадостно жить, не терпеть,
Если звон колокольный гнездится,
Обучаясь по-старому петь?

Разве сам я не вырос, не выжил,
Не терял... не терпел за своё?..

Нынче в землю осыпалась вишня,
Словно мне не хотелось её.

* * *

Приятно мне в конце весны,
По деревенскому асфальту,
Бродить от вишни до сосны –
Не надо Кипра или Мальты.
До лета – только раз уснуть:
Заснул весной, проснулся – лето.
И в лепестковый выйти путь
Меж распускающихся веток...
Рад, что однажды посадил
Малину, яблоню и сливу.
Собою сад рождённый мил
И дом построенный красиво.
И ничего не надо ждать,
И догонять уже не надо.
Открыл окно – и благодать
От вырастающего сада.

* * *

Пшеница в поле, виноград –
Лишь подготовка к Литургии.
Идёшь к себе и травам рад,
А впереди дела родные.

И добредёшь до алтаря,
Вино достанешь и просфорки.
На проскомидии заря.
И даже если воют волки,
Ударишь в колокол: трезвон
Округу сонную разбудит.
А дальше будет Бог Рождён...
О, если б знали это люди...
А кто-то знает из людей,
Что сотворить хлеба тугие
И виноград растить... детей –
Лишь подготовка к Литургии.

* * *

День короче, а ночи темнее.
Всякий вдох и глоток – торжество!
Чем стихи у поэта грустнее,
Тем отраднее жизнь у него.
Хвалит Бога любое дыханье.
На здоровье нам хлеб и вино.
Свет вернётся, не бойся прощанья.
Всё творенье на счастье дано.
Люди сами отлили ограды –
И запутали мысль оттого.
Чем стихи у поэта отрадней,
Тем печальнее жизнь у него.

* * *

Здесь чайки кричат как на море,
Но не был я в той стороне.
Здесь Волгу я вижу с пригорья,
И радость струится во мне,
А море стократ красивее,

А море просторней стократ,
Там солнце коричнево греет –
Сестра рассказала да брат.
А мне размечтаться – что толку,
В болящей с собою борьбе.
А мне дотянуться б до Волги
Да снова вернуться к себе.

* * *

Матушке Юлии

Вернись ко мне молиться Богу.
Прими меня, какой я есть.
В себя вернёмся понемногу,
В себе поборем ложь и лесть.
Вернись ко мне, прости обиды,
Какие я тебе нанёс.
Я сам всю жизнь собою битый,
С душой, отёкшею от слёз.
Вернись ко мне, пока не поздно:
Пока я жив и ты жива.
Пусть теперь немного сложно
Сказать смиренные слова.
Вернись ко мне, возьми и сына,
Сын без меня почти один:
К нему со мной пребудет сила.
Мне сын важней моих седин.
Вернись ко мне, теперь я в храме,
О всех у Господа прошу:
Упокоенье папе, маме.
Да и живыми дорожу.
Вернись ко мне, всё ближе взрывы
От неприятельских атак.
И Литургии терпеливо
Послужим с кротостью в глазах.

Берега юбилеев

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. М. А. Шолохова...

«Я В ДУШАХ ХРАМ ЛЮБВИ ПОСТРОЮ...»

К 90-летию Сэды Вермишевой

Когда думаю о Сэде Вермишевой, нередко вспоминаю одно из стихотворений Александра Трифоновича Твардовского, написанное за несколько лет до его ухода в вечность:

...Не надо платы никакой –
Ни той посмертной, ни построчной, –
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери...

Вспоминаю, потому что всё, о чём сказал здесь наш выдающийся поэт-фронтовик, без малейшего преувеличения отношу и к ней – нашей современнице, тоже ставшей выдающимся поэтом.

* * *

Стихотворение, строчка которого вынесена в заглавие, она прислала мне, как только написала, назвав его «ещё тёпленьким». Прислала с просьбой о самом придирчивом прочтении, что меня тогда – уже довольно давно – очень удивило.

О её неуверенности в своих новых стихах я узнаю потом, когда мы часто станем показывать друг другу черновые варианты именно с такой просьбой. А тогда – «придирчиво» читаю:

Здесь всё – моё.
И всё – со мною.
И я не стёршийся пятак, –
Дорогу вымощу собою,
Вбивая в твердь земную

Шаг.
 Я стану морем и строкою,
 Свечою,
 Озарившей мрак,
 И землю я травой покрою,
 Где пласт её
 Убог
 И наг.
 Я в душах храм любви
 Построю,
 И я пятно позора смою
 С лица земли...

Да будет так!

Читаю и чувствую, в этой – характерной для её стиля – «лесенке» такую плотность мысли и силу образа, такое слияние поэта с пространством, в котором живёт, и такой «луч словесный», что в ответе на просьбу о моём «придирчивом прочтении» пишу: «Сэда Константиновна, пожалуйста, ничего не меняйте!»

Да и могу ли сказать что-то иное. Ведь этот её, звучащий в стихотворении, «образ мира, в слове явленный», способен на самое высокое, что, наверное, присуще лишь молитве: «Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов».

Недели за две до того, как она уйдёт в мир иной, прислала мне с той же, давно уже привычной друг для друга просьбой, тоже «ещё тёпленькое»:

Я обретаю вновь свободу,
 Я вновь свободою
 Дышу.
 А вольный дух
 Не ищет броду –
 Он там.
 Он здесь.
 Он Бог.
 Он Весть.
 И я пишу
 Его указы
 (Не канцелярские листы!),
 И не эпитеты и фразы,
 Где веет ветер пустоты...

Являя сердцем миру разом
 Все бездны
 Горней высоты.

И я пойду бродить по свету –
 По закоулочкам
 В стихах
 Искать себя, свою планету
 И плыть к себе на всех ветрах.

Вполне естественно, что моя реакция на это стихотворение была такой же, как и на первое, при- сланное много лет назад, о котором шла речь вначале.

Ну, а какой она могла быть ещё, когда и здесь, в, казалось бы, очень просто сказанном – эта без- дна ощущений. Или, словами автора: «Все бездны / Горней высоты» её летящей и земной поэзии.

Потом она позвонила. И после того, как мы поговорили об этом стихотворении, добавила, что у неё есть ещё несколько новых, но пока не хватает сил их напечатать, чтобы отправить. Сказала, как только чуть окрепнет, пришлёт всё с той же просьбой.

Но... Бог не дал окрепнуть.

Однако те стихи не пропали. Её сын, Сурен, нашёл их на листках бумаги, перепечатал и отправил в журнал «Берега», где они опубликованы в первом выпуске за 2021 год. Как раз к годовщине её ухода в вечность.

К этой же годовщине в издательстве «Российский писатель» выходит полная благодарности Сэде Константиновне книга Нины Волченковой «Душа твоя высокого полёта», где автор ведёт внутренний диалог со своей – очень близкой по духу героиней.

* * *

А в вечность или мир иной мой друг, наш выдающийся поэт, публицист, учёный и общественный деятель Сэда Константиновна Вермишева ушла утром 18 февраля 2020 года на 88-м году жизни.

Печальную весть о случившемся получил почти сразу. Сначала позвонил писатель и драматург Валерий Лебединский, потом Сурен. И хотя с конца 2019 года здоровье Сэды Константиновны серьёзно ухудшилось, да и возраст почтенный, к произошедшему утром того дня никак не был готов. К тому же 10 февраля она написала мне, что ей стало легче и, как только чуть окрепнет, очень бы хотела продолжить нашу письменную беседу о возможных причинах распада Советского Союза, первая часть которой была опубликована в декабрьском номере газеты «Слово» и на сайте «День Литературы». Беседа имела широкий общественный резонанс, и Сэде Константиновне было очень приятно видеть и слышать серьёзные, благодарные комментарии уважаемых людей.

Мой первый вопрос в продолжение этой беседы у неё уже был, поскольку дальнейший контур мы наметили ещё по окончании первой части. И именно на него она готовилась ответить после того, как написала мне 10 февраля.

Но... судьба распорядилась иначе, и теперь мой близкий друг уже ничего не напишет.

* * *

Помню, что в какой-то момент того печального вечера, после разговора с Суреном пришли на память строчки В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сочувствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Хотя по отношению к Сэде не поворачивается язык сказать в прошедшем времени.

Да и вряд ли кто-нибудь, кто с ней знаком – очно или заочно, думает иначе. Потому что трудно себе представить человека более деятельного, полного замыслов и умеющего их воплощать. Как и более надёжного друга.

Все, кто её знают, помнят о постоянной готовности этой, внешне хрупкой, но внутренне очень сильной женщины помочь тому, кому худо, и сделать для этого всё, что в её силах. За что очень многие остаются ей благодарны.

Конечно, нам всегда будет не хватать возможности слышать её голос или получить от неё письмо по электронной почте, но в остальном прошедшее время не для Сэды. О таком чувстве когда-то абсолютно точно сказал замечательный писатель-фронтовик К. М. Симонов:

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьёт...

Если это друг, а друзей, в истинном смысле этого слова, у каждого из нас бывают лишь единицы, он может оказаться и на далёком от тебя расстоянии, и даже уйти в мир иной, но внутренне всегда остаётся с тобой. И любой свой поступок ты сверяешь с тем, как он бы к этому отнёсся. Оттого так и прижилось в людях известное изречение Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». И конечно же, дружба не имеет срока давности.

* * *

Мы познакомились сначала заочно, благодаря сайту «Российский писатель», где каждый из нас с какого-то момента стал обращать внимание на публикации и комментарии друг друга. Не обратить внимания на публикации Сэды было невозможно, потому что её аналитическая мысль в рассуждениях на темы экономики и геополитики восхищает своей глубиной, умением разобрать обсуждаемую проблему на элементы, после чего сложить эти элементы в единое целое. Причём сложить так, что ты уже видишь не только внешнюю картину происходящего, но и его истоки, а также движение во времени и даже возможную историческую перспективу. То есть перед тобой будто возникает цейтраферная съёмка обсуждаемого автором явления и его панорама.

Ну а то, что Сэда Вермишева – выдающийся поэт, поражающего воображение масштаба, думаю, ощутил каждый, кто хоть что-нибудь прочитал из её стихотворений. Причём ей в высшей степени подвластны все поэтические жанры – и мощная гражданская, и глубинная философская, и тончайшая любовная лирика, которая в подавляющем большинстве случаев органично сливается с лирикой природы.

И конечно, такая поэтическая палитра при высочайшей культуре слова у Сэды оказывает очень сильный эмоциональный эффект на многочисленных поклонников её поэзии. Причём поклонников самого разного возраста.

* * *

Однажды, когда был на Комсомольском, 13, Николай Иванович Дорошенко дал мне только что вышедший в издательстве «Российский писатель» сборник её стихов – «СМЯТЕНИЕ». По мере того как читал, чувствовал усиливающуюся потребность написать о содержании, потому что эти стихи не отпускали своей интонацией, абсолютно точно соответствующей названию книги. Да и форма, присущая поэзии Сэды Вермишевой, позволяет её строкам входить в душу читателя уже навсегда.

Вот об этом и написал небольшой очерк «ПЕСНЯ МЕТЕЛИ – НЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТ», который опубликовали сайт «Российский писатель» и журнал «Берега».

Было очень приятно видеть многочисленные комментарии как собратьев по перу, так и людей, не имеющих отношения к профессиональному занятию литературой, но имеющих тонкий литературный вкус, выраженный в данном случае восхищением поэзией Сэды Константиновны.

Да и как не быть словам восхищения и благодарности, когда перед нами поэт, личность которого наделена высочайшей духовной силой, позволяющей на примере собственных взлётов и падений убедить читателя, что безвыходных положений нет, если не опускать рук:

Когда нет сил / Подняться / Для полёта,
 Когда мне жить / Почти / Невмоготу,
 Крест-накрест / Предо мной / Все двери, все ворота –
 Я говорю себе, / Что я – пехота...
 А впереди лишь топи / Да болота,
 Но я их всё-таки / Когда-нибудь / Пройду...

Уже в те дни мне стало понятно, что это и есть «рентген души» моего теперь близкого друга Сэды Вермишевой.

А тогда, через несколько дней после публикации на сайте «Российский писатель», мне позвонил давно и хорошо её знающий Николай Иванович Дорошенко и сказал, что Сэда попросила его познакомиться нас. Узнав об этом, я был удивлён, поскольку думал, что Сэда Константиновна живёт в Ереване. Оказалось, что живёт она в Москве, работает в посольстве Армении, где возглавляет аналитический отдел экономики и геополитики.

В условленный день и час мы поехали к ней на работу. Встреча была очень радушной. Гостеприимная хозяйка тут же заказала для всех ужин из посольского ресторана, и мы замечательно посидели весь вечер втроём в её уютном кабинете. Когда кто-то из нас случайно обратил внимание, который час, были очень удивлены: настолько незаметно пролетело время за разговорами на самые разные темы – о литературе, личных воспоминаниях каждого, о политике...

С той поры у нас с Сэдой началась постоянная переписка по электронной почте, телефонные разговоры и стали довольно частыми встречи, поскольку она любила пригласить к себе в кабинет после рабочего дня.

Рассказывая друг другу о своей жизни, мы неожиданно выяснили, что у нас довольно много общих знакомых ещё со времён СССР: замечательный поэт, литературный критик и яркая личность Татьяна Глушкова – для обеих она была Таней; непризнанный гений поэзии, человек драматичной судьбы Лёня Губанов – основатель известного, хотя и недолго просуществовавшего с середины 60-х неофициального литературного объединения СМОГ: «Самое Молодое Общество Гениев»; дальний родственник Сэды Булат Окуджава, от которого она после известных событий 1993 года из-за его подписи под «письмом 42» с возмущением отреклась; замечательные поэты-фронтовики Юрий Левитанский, Евгений Винокуров, Дмитрий Ковалёв, прекрасные поэты разных поколений: Леонид Мартынов, Владимир Цыбин, Роберт Рождественский... Перечислять можно долго. (С некоторыми ещё в 60-е познакомился благодаря моей тётушке – переводчице Татьяне Третьяковой, дочери известного в 20-е и 30-е годы поэта-футуриста Сергея Третьякова.)

Эти встречи с Сэдой, как и первая, тоже проходили в атмосфере гостеприимства щедрой хозяйки и тоже пролетали незаметно за обоюдными рассказами и обсуждениями любой общей для нас темы и событий из текущего или прошлого.

Нас заметно сближало и то, что оба пришли в литературу из науки. Сэда Константиновна после окончания экономического факультета Ереванского государственного университета более четверти века трудилась в Институте экономики и планирования Госплана Армении. Её научные разработки были известны и имели высокую оценку в среде экономистов Советского Союза.

А поскольку жизнь в науке приучает человека не только творчески мыслить, но и фундаментально подходить к анализу любого явления, нам было очень легко говорить, что называется, «на одном языке».

Поэтому ни одна из таких встреч не носила характера досужих разговоров, а всегда после них – по пути домой, дома и позже всплывали в моей памяти её ёмкие суждения о сути литературного процесса, о сложных взаимосвязях «подковёрных игр» политиков, о том, насколько сильно отличалась в лучшую сторону атмосфера периода наших с ней прежних лет в Советском Союзе от нынешней, и почему...

И это «почему» всегда являлось главным итогом наших бесед.

Хотя в какие-то моменты по теме разговора всплывали в её или моей памяти анекдоты, которыми мы друг друга, как однажды она заметила, «угощали». Наделённая тонким юмором, Сэда любила хороший анекдот. Особенно обожала анекдоты от Юрия Владимировича Никулина, который в этом разговорном жанре был очень тонок и неистошим.

* * *

О том, как было встречено появление её имени в литературе, она из скромности и высокого уровня воспитания мне не говорила. Это я узнаю позже от близкого друга Сэды, известного писателя и фотохудожника Левона Осепяна. Он расскажет, что со второй половины 60-х Сэда, наряду с научной работой, всё больше начинает уделять внимание литературной, и в 1971 году выйдет первый сборник её стихотворений. Несмотря на малый объём и незначительный тираж, книжка получила широкий резонанс как среди профессиональных писателей, так и в кругу читателей, умеющих ценить литературный талант. Довольно скоро последовали отклики людей, имеющих высокий авторитет в литературе: Н. Тихонова, Л. Мартынова, Вс. Рождественского, А. Ревича, Ст. Щипачёва, И. Снеговой, С. Капутикян... Причём некоторые писали довольно основательные рецензии, в которых отмечали особенности поэтического дарования Сэды Вермишевой.

Приведу лишь две из них, поскольку и этого будет достаточно, чтобы ощутить, каким явлением в литературе стало имя дебютантки. Вот как написала Сильва Капутикян: *«Говорят, человек должен писать на том языке, на каком молится. Случилось так, что хотя Сэда пишет стихи по-русски, молится на армянском. За русскими словами скрывается мир армянки, армянская душа – глубокая, пустившая сильные корни. В поэзии Сэды Вермишевой всегда присутствует чувство долга, особенно – перед родной землёй. И она отдаёт, возвращает этот долг вновь и вновь, и, может быть, более весомо, чем кто-либо».*

А это слова Александра Ревича: «В поэзии Вермишевой я обратил внимание на одну вещь, которая для меня была тоже открытием, – присутствие Блока. Ведь по сути дела в России Блок – самый крупный русский поэт 20-го века – замечателен именно тем, что он больше всех ощутил трагедию страны. И, когда

Летит, летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

идёт в стихотворении Сэды эпиграфом, это оправдывается хотя бы тем, что стихотворение кончается:

За всё, что было, / За всё, что будет,
В траву степную / Лицом / Упасть...

Это вот так вот разорвано и написано. Это написано так потому, что произносящий задыхается. Произносящий задыхается!..»

Не правда ли, в этих строках в полной мере ощутим дух горьковского Данко с его горящим сердцем, принесённым в жертву, чтобы спасти свой народ. Именно такой – готовой на подобный подвиг ради родных ей армянского и русского народов – и осталась Сэда в памяти всех, кто знал её близко. Причём для себя она такую готовность подвигом не считала, а считала долгом памяти наших великих предков.

Позже – уже в десятые годы 21-го века – о высоте, которую достигал полёт души этого уникального поэта, скажет Николай Дорошенко: «Собственная судьба её не волнует. Её волнует только судьба мира сего. Она Давид, от которого спрятался Голиаф. Она Пересвет, на вызов которого не ответил в своих куришевельских содомах и гоморрах ненавистнейший Челубей. И никто, никто, абсолютно никто, если не считать таких же, как она апостолов современного русского поэтического слова, уже не может увидеть воистину шекспировскую высоту её строк:

Я альфа и омега. / Я – только / Прах.
Я – голос мира, / Ветвь его побега...
Я – эхо Бога / И пред Богом / Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...

Колени содраны...

Пред ликом Всемогущим
Я есть ничто...

Но мной не правит случай...

Вот в этой – заключительной строчке я вижу её одинокое, в нас не свершившееся, не каждым нашим сердцем чаемое великое народное восстание; я вижу горделивую под петлёй осанку Зои Космодемьянской, вижу Александра Матросова, упрямо приближающегося к вражескому дзоту...»

Все эти яркие характеристики состоявшихся в литературе личностей сводятся к одному: перед нами уникальный пример поэта, «дум высокое стремленье» которого сохраняет свою высочайшую энергию благородного служения людям. Потому и такие сильные образы кристаллизуются у Сэды в поэтические строки.

* * *

Довольно скоро она стала приглашать меня на поэтические и политологические вечера: в ЦДРИ, ЦДЛ, Дом-музей Цветаевой, б-ку им. Некрасова, в конференц-зал посольства Армении, где сама организовывала и вела такие встречи, в московский Литературный институт им. Горького, в Переделкино... Иногда по её просьбе в таких вечерах были наши совместные выступления.

И здесь я обнаружил в Сэде Константиновне очень неожиданное для меня качество: если в выступлениях и дискуссиях по экономике, геополитике... она вела себя абсолютно уверенно, логически убедительно отстаивая свою точку зрения (хотя умела услышать оппонента и, если он был убедителен, согласиться с его доводами), то в канун поэтических выступлений передо мной была уже другая Сэда.

Сэда, в характере которой сочеталось, казалось бы, несочетаемое: когда нужно было сделать что-то благое для достойного человека или дела, а также оценить события, поступки людей, литературные произведения, она делала это очень решительно, уверенно и метко; а по отношению к собственным стихотворениям, проявляла неуверенность. Постоянно сомневалась в их качестве. Перед каждым творческим вечером спрашивала, что ей лучше почитать: старое, уже принятое писательской и читательской средой, или новое, в литературном качестве которого ещё сомневается. Или, написав что-то новое, тут же присылала с просьбой о самой тщательной критике, о чём уже сказал в начале этих воспоминаний.

Хотя какая могла быть критика при таком уровне её владения пером поэта и публициста.

Но ведь именно в этой неуверенности и заключается высочайшее требование к своему слову, идущее от трепетного отношения к Литературе, которая в конечном счёте и определяет главное во взаимоотношениях между людьми – степень их милосердия, гуманности и любви к ближнему...

* * *

К сожалению, стечение обстоятельств не позволило ей последние три земных года жить в Москве. Пришлось вернуться в Ереван, где чувствовала себя одиноко, поскольку литературная и общественная жизнь в столице России больше подходили ей по динамике и духовной основе.

Об этом были её многочисленные письма, и мы – друзья Сэды – старались сделать всё от нас зависящее, чтобы она не чувствовала внутренней оторванности от России. В нескольких подряд номерах журнала «Берега» 2019 года и в первом 2020-го выходили её публикации – поэзия и публицистика в виде интервью с главным редактором журнала Лидией Довыденко, которую Сэда обожала за чуткость души, благородную направленность организаторского и литературного дарования. Как уже говорил, в газете «Слово» Виктор Алексеевич Линник – элитный журналист, которого она называла человеком отменного литературного вкуса и кем издавна восхищалась, опубликовал нашу с ней беседу «Как уходил СССР». Николай Иванович Дорошенко, с которым она давно дружила и чью литературную одарённость с редким ассоциативным мышлением очень высоко ценила, постоянно публиковал на сайте «Российский писатель» её новые стихотворения и стихотворные циклы. Елена Игоревна Дорошенко, когда у Сэды не работал доступ к окошку для комментариев, что было довольно часто, а ей очень хотелось поделиться своим мнением о той или иной публикации на сайте, всегда лично помогала ей в этом. Николай Фёдорович Иванов, к кому она очень тепло относилась, зная его достойнейшую биографию и восхищаясь его прозой, в которой чувствуется душа поэта, постоянно и во всём Сэду поддерживал. В частности, сразу, одной из первых оформил ей билет Союза писателей России нового образца и выделил из первой же партии знак нашей организации. Мы передали это через её сына Сурена, который проездом был в Москве, и благодарная Сэда была тронута таким вниманием со стороны нашего Союза.

Когда в 2017 году тяжело заболела её внучка Мария Саакян – талантливый российский кинорежиссёр – и приехала на лечение в Москву, Николай Иванов сделал всё от него зависящее, чтобы лечение проходило в лучшей из клиник, у лучших специалистов. К сожалению, болезнь оказалась в уже неизлечимой фазе, и в январе 2018 года Машенька ушла из жизни.

* * *

Знаю, что Сэда Константиновна вела обширную переписку со многими писателями, у каждого из которых, уверен, найдутся о ней самые добрые слова.

Её душевное тепло и высокую литературную оценку сполна ощутили на себе Нина Волченкова, Екатерина Пионт, Валентина Коростелёва, Екатерина и Анна Козыревы, Анна Вартаньян, Анна Ретеюм, Светлана Демченко, Людмила Владимировна, Геннадий Иванов, Николай Коновской, Эдуард Петренко (светлая ему память), Валерий Латынин, Сергей Зубарев, Никита Иванов, Владимир Скиф, Владимир Корнилов... продолжать могу долго. Единственным человеком, кому она хотела написать на январский цикл стихов, но не успела, является Наталья Радостева. Успела лишь в нашем телефонном разговоре сказать, что на сайте появился очень интересный, яркий поэт с собственным голосом, и что, когда чуть окрепнет, напишет сама. Но... Бог не дал.

Согласимся, далеко не каждому из нас присуще такое щедрое внимание к собратьям по перу – не только читать свежие публикации, но и находить время, силы и нужные слова, чтобы публично откликнуться на то, что тронуло душу.

Сэда была в постоянном контакте с профессором московского Литературного института им. Горького Михаилом Николаевичем Поповым, с поэтом, прозаиком и драматургом, главным редактором журнала «Муза» Валерием Ефимовичем Лебединским, с заведующим отделом театра и телевидения ЦДРИ, поэтом и режиссёром Анной Алексеевной Шишко. Когда Михаил Попов и Анна Шишко пригласили меня выступить в ЦДРИ на вечере памяти замечательного поэта-фронтовика Давида Самойлова, с которым мы были знакомы, то перед выступлением и после него говорили в основном о Сэде. О том, как не хватает её в Москве. Вспоминали наши совместные встречи, окрашенные яркостью таланта и душевной теплотой этого щедро одарённого природой нашего друга. Надеялись, что, может быть, она вернётся. Точнее, не столько надеялись, сколько хотели и мечтали об этом.

После вечера подробно написал Сэде о происходившем и выслал видеосъёмку выступлений на сцене. Растроганная, она ответила, что будто побывала в те часы вместе с нами.

* * *

Однажды, узнав, что готовлю рукопись для публикации нового сборника стихов, спросила, можно ли ей эту рукопись почитать. Конечно, я с удовольствием отправил уже скомпонованный материал в надежде получить её советы, поскольку реакция такого Мастера всегда полезна. Через несколько дней эта реакция последовала, но в очень неожиданном для меня виде: Сэда спросила, не возражаю ли я, если она напишет к сборнику предисловие. И в этом вопросе в очередной раз ощутил высшую степень её деликатности. Ведь таким предложением она делала мне неоценимый подарок, потому что получить предисловие поэта такого уровня, да ещё по собственному желанию этого поэта, это честь и яркий штрих в собственной литературной биографии, чем очень дорожу и горжусь. Её предисловие украсило мой сборник поэзии *«Живёшь, свою книгу листая»*.

Когда рассказал ей, что готовлю рукопись книги о Великой Отечественной под названием *«О чём поведал фронтовик»*, куда войдут повести и рассказ о моих старших товарищах-фронтовиках, их воспоминания, а также письма с фронта и записи из фронтового дневника одного из них, она очень воодушевилась, сказав, что у неё тоже появилось желание систематизировать и опубликовать письма и дневники отца, ушедшего на фронт в рядах Народного ополчения. И добавила: «Вот только немножко окрепну».

Но... судьба распорядилась иначе. И теперь она, уйдя в другое измерение, всё отчётливей входит в память, где и остаётся жить. Потому что:

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт...

сказал человек, который хорошо знал, что это такое.

Вот и наша Сэда остаётся с нами во многих её произведениях, комментариях, личных разговорах... А для меня ещё и в стихотворении, черновик которого много лет назад в первый раз получил от неё «для самого придирчивого прочтения»:

Здесь всё – моё. / И всё – со мною...
.....
...Я в душах храм любви / Построю...

Она сумела это сделать. Сделать самое главное, что позволит человеку выполнить своё предназначение на земле. Думаю, все, кто её знал или читал, почувствовали в этой великой женщине высокую нравственную ноту строителя *«храма любви»* в наших душах. За что и остаёмся ей благодарны.

* * *

И поскольку любой человек после физической жизни на земле остаётся жить в памяти людей, его знавших, а Художник – и в своих произведениях, думаю, многим из нас захочется посидеть наедине со стихотворениями нашей Сэды, чтобы ещё раз ощутить поэтические откровения этого Мастера.

Берега памяти

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями. Член РСП и МСП «Новый Современник». Прозаик, использовал жанры: повесть, рассказ, очерк. Основная тематика: гражданская, военно-патриотическая, духовная, природа. Номинант национальной литературной премии «Писатель года» (2022). Автор восьми книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», альманахах литературных объединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Прибрежный). Написал более 20 историко-документальных военно-патриотических статей, опубликованных в газете «Красногорская жизнь» Брянской области.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

*Уроженцу с. Перелазы Брянской области
Струговцу Ивану Яковлевичу (1912–1941) –
без вести пропавшему посвящается!*

Победоносное завершение Великой Отечественной войны принесло и радость, связанную с возвращением родных, ушедших на фронт, и боль утраты по погибшим. С её окончанием сплелось воедино, надолго и неразрывно, счастье встречи живых и горечь невосполнимых потерь по погибшим. Особенно было тяжело семьям, чьи родные пропали без вести. Неопределённость их статуса висела немым укором, глубокой скорбью и дополнительными проблемами выживания над их семьями. Такой в селе Перелазы, расположенном на самой западной окраине Брянщины, оказалась семья Струговца Ивана Яковлевича – жена и трое детей. Длительное время, до 1950-х годов, Софья Андреевна настойчиво писала по всем инстанциям и искала мужа, но – безрезультатно.

В соответствии с Перечнем поручений Президента РФ от 23.04.2003 года № пр-698 и Указом от 22.01.2006 года № 37 был создан обобщённый компьютерный банк данных о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести, а также активизирована архивная работа.

Анализ и обработка материалов интернет-сайтов, архивных документов, в том числе немецкого концлагеря в городе Рославле, воспоминаний уроженцев посёлка Дубрёжка – Ф. В. Поленок, В. П. Поленок, А. М. Струговец – позволили приоткрыть завесу тайны над судьбой пропавшего без вести солдата...

Заканчивался июль месяц 1941 года. Под Смоленском стоял знойный период лета. Было жарко и на фронте – везде шли тяжёлые оборонительные бои, отовсюду были слышны громовые раскаты взрывов. Понять, где противник, а где свои, уже было невозможно – всё смешалось в неоднократно сдаваемых позициях и постоянном отходе. Последние две недели бои по обороне города Рославля приобрели особое ожесточение. Немецкая армия фон Бока, усиленная двумя танковыми группировками, рвалась вдоль магистрали Смоленск – Рославль на Москву. Группа войск 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Качалова стойко держала оборону Рославля, но силы были неравны – фашисты жёстко наступали, сметая всё на своём пути.

Помощник командира пулемётного взвода старший сержант Иван Струговец сухими и воспалёнными глазами всматривался в окружающую местность. Очередная атака противника была отбита. На поле, меж лесных массивов, дымили чёрной гарью два подбитых танка, а земля, вспаханная

взрывами, с укором смотрела на людей. Горели вызревшие, но не убранные поля зерновых. Его взвод находился на правом фланге ротных позиций. В наспех выкопанных окопах, после очередной смены рубежей обороны, размещались три расчёта станкового пулемёта «Максим». Четвёртый – прямым попаданием снаряда немецкого танка был уничтожен в бою. Невдалеке, с пробитым кожухом, валялся отброшенный взрывом надёжный и верный «Максим». Был убит и молодой, жизнерадостный командир взвода лейтенант Горбачёв. Бутылка с горючей смесью, брошенная им, достигла цели, но скошенный пулемётной очередью лейтенант остался лежать на поле боя. Истерзанная войной нива приняла результаты кровавой жатвы – и людей, и металл, не разделяя своих и чужих. Взвод оказался под управлением Ивана, озабоченно оценивавшего сложившуюся ситуацию. Вот уже неделю, закапываясь в землю и цепляясь за неё, с напряжением последних сил войска сдерживали противника, обороняясь севернее Рославля и восточнее магистрали Минск – Рославль, в районе населённых пунктов Стодолище, Доротовка, Старинка. Он всё более понимал, что не только их рота, но и 28-я армия практически уже находятся в окружении. Гул боя уходил на восток. Действующее распоряжение штаба дивизии требовало обороняться до последнего патрона и человека – без приказа не отступать. В настоящий момент связь с командованием отсутствовала, ясности по обстановке не было.

Лёгкая пауза позволила отвлечься от опасной действительности и мысленно вернуться в мирное время.

29 мая 1941 года Иван был призван из села Перелазы на военную переподготовку в город Унеча. Вместе с ним находились и земляки из соседней деревни Дубрёжка: Поленки Филипп и Василий, а также Струговец Андрей. Переподготовка проходила в тревожное время, многие уже чувствовали неотвратимость войны. Иван, прошедший срочную службу, имел воинское звание младший сержант и был назначен командиром стрелкового отделения. Дисциплинированный, собранный, он стремился мгновенно и точно выполнять все приказы командования, с удовольствием изучая военную технику и оружие. Это было отмечено командиром роты, и ему присвоили очередное звание сержант. Ивана, которому исполнилось двадцать девять лет, поддерживали и земляки – Андрей и Василий были его ровесниками, а Филипп – на пять лет младше. Андрей выглядел рослым и крепким мужиком. Резковатая манера его общения и натянуто серьёзное выражение лица подчёркивали внутреннюю сухость. В глазах плескалась крестьянская простота, переплетённая с житейской хитростью и жёсткостью. Василий – худощавый и невзрачный внешне, весь был в движении и поиске, а чего – и сам порой не знал. Ивану больше всех приглянулся Филипп – весёлый, общительный, открытый и ясный, как солнечный день. Учёбу закончить не удалось – началась война, и все были брошены на фронт. Ивану присвоили воинское звание старший сержант и назначили помощником командира пулемётного взвода. В дальнейшем он вместе с земляками оказался под Рославлем, в одной пулемётной роте.

Воспоминания были прерваны подошедшим первым номером пулемётного расчёта Филиппом. Обычно жизнерадостный, энергичный и излучающий тепло, он выглядел потускневшим и задумчивым. Из его доклада Иван понял, что боеприпасы на исходе, а красноармейцы осознают и глубоко переживают тяжёлую ситуацию на фронте и их фактическое окружение. Он знал, что все с нетерпением ждут только одного решения командиров – оперативного приказа на отход с позиций и соединение со своими силами.

Инициативно доложить командиру роты мнение подчинённых Иван не мог. Он успокаивал себя тем, что капитану Мельникову и без его доклада была хорошо известна сложившаяся катастрофическая обстановка. Главная же причина заключалась в том, что внутренне Иван до дрожи боялся, что его признают трусом и предателем Родины, что ему не поверят – такая участь постигла родителей и их семью в 1932 году в ходе раскулачивания. Тогда отец, мать, брат и две сестры, проживавшие в посёлке Дубрёжка, были высланы и заброшены на долгие годы в бескрайние просторы Сибири. Они, как скитальцы, потерявшие точку опоры в жизни, так и не смогли её больше найти, меняя места высылки. Мать Анна и брат Михаил на этапах пересылки пропали без вести. Ивану повезло – он уже был отделён от родителей и находился в селе Перелазы. Он мало знал о дальнейшей судьбе своих родных, не хотел вспоминать и беречь душу – боялся накликав беду на свою семью.

– Немцы! – крик наблюдателя вернул всех к реальной и жуткой действительности, от которой было не убежать.

Из-за перелеска показалось несколько танков в сопровождении цепи автоматчиков. Они шли упорно и молча в лобовую атаку на позиции роты.

Иван бегло проверил остатки взвода и дал команду:

– Экономить патроны. Подготовить бутылки с зажигательной смесью!

Расчёт противотанкового ружья он выдвинул на оптимальную позицию, прикрыв автоматчиком. С противным шелестом стали падать немецкие мины, как косою, сбивая остатки растительности вокруг. Первый номер пулемёта ефрейтор Зубков, сражённый замертво, свалился на коробку с пулемётными лентами. Немцы перенесли огонь, и мины стали взрываться за линией окопов. Иван дал команду: «Огонь!» – и бросился к пулемёту. Сухие и хлесткие одиночные выстрелы противотанкового ружья переплелись с короткими и гулкими очередями пулемёта, звонкими ударами винтовок. Фашисты залегли. По позициям ударили пушки их танков. Рота не дружно, но дерзко отвечала противнику. Развернулся на месте с перебитой гусеницей, как ужаленный огромной осой, немецкий танк.

Сноп огня и пламени со страшным грохотом взметнулся у окопа пулемётного расчёта и накрыл его смертельным градом осколков. Филипп, сноровисто заправляя очередную пулемётную ленту, видел взрыв у позиции командира взвода. Противник наседал, обозлённый упорным противостоянием. Обескровленная, без боеприпасов и подкрепления, потерявшая связь и управление, рота дрогнула и беспорядочно стала отходить. Филипп ползком бросился к земляку Ивану. Старшего сержанта Струговца полузасыпанного, в изорванной гимнастёрке и залитого кровью, без признаков жизни он увидел лежащим у пулемёта. Рядом находилось безжизненное тело его напарника – второго номера пулемётного расчёта. Резкие крики немцев раздавались уже рядом – Филипп метнулся к ближайшему кустарнику. При отходе столкнулся с потрёпанным и растерянным Василием. Воспользовавшись надвигающимися вечерними сумерками, им удалось оторваться от противника и укрыться в ближайшем лесу. Движение в восточном направлении к линии фронта было перекрыто большим скоплением немецких войск...

Тупой удар фашистского приклада привёл в чувство Ивана. Он открыл глаза и на фоне качающегося неба увидел самодовольное лицо плотного немецкого автоматчика. По резкой команде «Aufstehen» («Встать») попытался встать, но, приподнявшись, тут же от головокружения по причине большой потери крови из рваной раны правого предплечья, опять рухнул и потерял сознание.

Очнулся от тряски – он лежал в телеге, где находилось несколько раненых красноармейцев. Их всех доставили и сгрузили на землю в немецком лагере военнопленных, находившемся на юго-западной окраине Рославля. Лагерь был окружён двумя рядами изгороди из колючей проволоки. По периметру стояли вышки с пулемётными расчётами и вооружённые автоматами часовые.

Следующий день начался с проверки и сортировки военнопленных. Коммунистов и евреев уводили и расстреливали сразу. Иван понял, что ждать и жить ему осталось недолго – партийный билет находился в нагрудном кармане его гимнастёрки. Он принял решение и подал заявление в партию после длительных размышлений, вспоминая и по-новому осознавая для себя значение напутственных слов бабушки Анны, сказанных ему ещё в детстве:

– Власть – от Бога и ей надо подчиниться! Бог посылает и испытания за наши грехи – их надо пройти!

Рука потянулась к карману, но на его месте была пустота – обрывки сопревшей и изорванной гимнастёрки да израненное и окровавленное тело. В воспалённом мозгу опять сверкнула своей внезапной чистотой и ясностью неоднократно повторяемая бабушкой и выстраданная среди односельчан фраза: «На всё воля Божья!»

Иван почувствовал чей-то пронизательный взгляд и увидел среди группы немцев знакомое лицо, но вспомнить, кто это, так и не смог. Незнакомец, помедлив, внезапно с улыбкой двинулся к нему и с лёгким сомнением произнёс:

– Иван, сын Струговца Якова?

Иван молчал, не зная, что ответить, затем согласно кивнул головой.

Незнакомец оказался уроженцем села Перелазы Пеньковым Афанасием, раскулаченным и отбывавшим срок ссылки в Сибири вместе с отцом Ивана. Дождавшись прихода немцев, он добровольно пошёл к ним на службу переводчиком.

По команде Пенькова полицаи отнесли Ивана в находившуюся рядом больницу, где его раны обрабатывали и перевязали. Благодаря стараниям Афанасия Ивана хорошо кормили и лечили. Крепкое молодое тело быстро восстанавливало силы, раны заживали. Переводчик не оставлял Ивана без внимания и с удовольствием рисовал живописные перспективы их совместной службы на благо фашистской

Германии. Он так увлёкся и уверовал, что обиженный советской властью сын раскулаченного друга будет рад служить новому порядку и станет его верным соратником, что даже не поинтересовался мнением самого Ивана.

Оба возможных варианта решения – жизнь со служением врагу или мучительная смерть в неизвестности – были страшны и противоестественны.

Иван всё чаще вспоминал образ нежной и любящей жены Софьи – в простеньком ситцевом в горошек платье, которое от дуновения лёгкого ветра, как живое, дышало на её крепком теле, подчёркивая все его изгибы. Она была на пять лет младше мужа, но непосильный труд в поле и дома, а также уход за тремя детьми наложили свой отпечаток – выглядела старше своих лет, рано повзрослевшей женщиной. Старший пятилетний сын Костя был его любимцем и надеждой, дочери радовали нежностью. Вся его суть сейчас стремилась и рвалась только к ним.

Из опыта судьбы своих родителей, как плугом перевернувшей все родственные пласты, он понимал, что его личная жизнь, купленная ценой предательства, исковеркает чистые судьбы самых близких и любимых ему людей. Иван с каждым днём всё острее чувствовал, что чем больше крепло и набирало сил тело, тем мучительнее страдала его душа. Она плакала и изнемогала от неизбежности решения сложнейшей проблемы – его жизни или смерти. Это был крайне обострённый, в условиях раздвоения, внутренний бой с самим собой.

Пришла дождливая осень, и наступил день, когда Афанасий предложил Ивану пойти и документально оформить верное служение фашизму. Это давно ожидаемое предложение оказалось для него очень внезапным – мир и благополучие сразу опрокинулись. Однако решение исподволь уже созрело внутри – отказ от сотрудничества ошеломил переводчика. Он побледнел, а затем, возмущённый, покрылся бурными пятнами негодования. Иван сразу же был брошен в один из барачков для военнопленных.

Пол барака, расположенный ниже уровня земли и не покрытый ни соломой, ни досками, представлял собой грязное месиво, в котором стояли пленные. Нар не было, отопление отсутствовало. Два раза в день выдавали по пол-литра баланды (одна-две ложки ржаной муки с отрубями, разболтанной в литре воды) и один раз в четыре-пять дней – по 150–200 граммов хлеба на человека. Продовольствия было мало для того, чтобы жить, и много, чтобы сразу умереть.

Иван понимал, что долго выжить – сложно. Ежедневно в лагере умирало в среднем сто человек. Периодически с немцами в бараке появлялся Пеньков, злорадствуя при виде Струговца, в сложившейся ситуации – беззащитной жертвы.

В очередную группу, отобранную для расстрела, был включён и Иван. Шеренгу пленных построили у тёмной, мрачной и грязной стены внутри лагеря. Перед ними находились немецкие автоматчики и пулемёт, за который встал переводчик Пеньков. Лицо его было самодовольным и лоснящимся от ощущения полноты жизни и власти.

Серое, мглистое небо дополняло общий мрачный пейзаж. Военнопленные стояли ломаной шеренгой, босые, полураздетые, исхудавшие, как скелеты. Их лица были такими же серыми и потухшими, только у части наиболее стойких ещё горели глаза. Неожиданно небо сдвинуло тёмную завесу, в просвете блеснул яркий и чистый луч солнца. Он упал на шеренгу обречённых и разделил пространство на обе непримиримые стороны: светлую – с жертвами и мрачную – с палачами и переводчиком.

Иван, ощутив лёгкое и приятное тепло света, облегчённо вздохнул, стремясь навстречу солнцу, поднял голову и увидел открывшееся бездонное голубое небо...

Он уже не услышал и не почувствовал треск автоматных и пулемётных очередей – его душа, очищенная и умиротворённая, уходила ввысь...

Берега Новороссии

Виталий Даренский

Виталий Юрьевич Даренский – родился в 1972 году в Луганске, окончил исторический факультет Донецкого университета. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 года преподавал в университетах Луганска, в 2017-м – в Дальневосточном федеральном университете. Автор поэтических сборников «Трона у обрыва» (Луганск, 1999), «Притяжение неба» (Владивосток, 2017; Москва, 2019), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб., «Алетейя», 2017) и более 400 научных публикаций в девяти странах мира. Стихи и проза публиковались в журналах России, Украины, Молдавии и Белоруссии: «Берега», «Подъём», «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Голос эпохи» и др. Победитель Международного поэтического конкурса «Русская Голгофа» и лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва» (публицистика).

ПОЛГОДА НАРОДНОГО ПОДВИГА

СВО на Украине в последние месяцы заставила многих скептически смотреть на состояние российской армии, поскольку все ожидали быстрых и лёгких побед. Быстрая победа была бы в том случае, если бы Россия вела на Украине официальную и полномасштабную войну, используя всю армию и проводя мобилизацию. Однако такая война в данный момент невозможна по многим причинам – в первую очередь, внутренним. К сожалению, у нынешнего российского общества очень высокие требования к власти, поскольку оно не готово отказаться от комфортной жизни и пойти на определённые жертвы ради такой быстрой победы. Поэтому Россия вынуждена вести такую же долговременную операцию, какую провела в Сирии против ИГИЛ. В Сирии эта операция закончилась полным успехом, хотя также велась долго и вызывала скепсис у некоторых «экспертов». То же самое произойдёт и на Украине. Россия выбрала оптимальную стратегию минимизации своих потерь и истощения противника до такого состояния, когда он уже просто будет не в состоянии проводить мобилизацию и продолжать войну. На Украине задействовано сейчас только около 1/4 части русской армии, а также корпуса ДНР и ЛНР: эти войска всё время действуют против численно превосходящего противника, поскольку Украина проводит перманентную мобилизацию, однако и этого будет достаточно.

Как видим, главная причина, которая заставляет вести на Украине лишь медленную операцию на истощение – это нежелание руководства России переводить общество в военный режим жизни. В России не только идёт обычная мирная жизнь, но и значительная часть населения фактически является «пятой колонной», исповедуя русофобскую идеологию и желая поражения своей стране. Часто такая пропаганда даже ведётся открыто – не только так называемыми «звёздами» шоу-бизнеса, которые получают за неё смехотворный штраф в 50 тысяч рублей, но и среди студентов университетов, где часто едва ли не большинство преподавателей являются так называемыми «либералами» – то есть русофобами и рабами Запада. Это уже намного более серьёзная проблема, которая угрожает будущему России.

Санкции Запада чрезвычайно полезны для России в экономическом и технологическом аспектах – фактически, на наших глазах Россия наконец-то стала полностью суверенной страной. К сожалению, этого нельзя сказать об аспекте культурном и идеологическом – здесь процесс «импортзамещения» ещё почти и не начинался. Реформа высшего образования должна заключаться не только в отмене «болонской системы», которая едва не уничтожила его окончательно, но и в изменении содержания гуманитарного образования – переориентации с западной на русскую культурную традицию.

Фактически мы сейчас видим в России сосуществование двух разных народов: «большой» народ, который борется за Россию и на поле боя, и в тылу; и «малый» народ, который Россию ненавидит и ждёт её «развала». Эти два народа отличаются не этнически (они оба многонациональны), а нравственно. У «большого» народа высшая ценность – это любовь и самопожертвование; у «малого» – эгоизм и потребительство. «Большой» народ сейчас совершает подвиг – особенно та его часть, которая воюет и жертвует своими жизнями; «малый» же народ сейчас совершает своё очередное предательство – это новые «власовцы». Об этом я написал недавно в своём стихотворении:

Но разделился наш народ
 На русь и нёрусь – без остатка;
 Мы долго ждали этот год,
 Мы долго ждали эту схватку...

Разделение это, хотя и трагичное на личном уровне, на самом деле тоже полезно – время от времени должно происходить самоочищение народа.

К сожалению, и среди тех, кто болеет за Россию, есть люди, которые не вполне компетентны, чтобы правильно судить о происходящих событиях. Они легко впадают в панику и депрессию, если им что-то не нравится. Не нравится «медленный» ход операции – иди сам воевать, чтобы дело пошло быстрее. Но вместо этого они изображают из себя самых умных и обвиняют руководство страны. Таким людям приходится разьяснять хотя бы самые элементарные вещи. Почему операция идёт именно так, а не иначе, уже сказано выше. И если исходить из заданных условий, то она идёт хорошо. Хотелось бы быстрее? Но тогда нужно переводить страну из режима мирного времени в режим военный, проводить частичную мобилизацию военнообязанных и увеличивать численность армии хотя бы на миллион человек. Тогда можно было бы сделать на Украине и «блицкриг» с большими «котлами», как в Великую Отечественную.

Но нужно ли это делать? Руководство страны жалеет и свой народ, и народ Украины и не хочет идти по такому радикальному пути, но стремится максимально сократить потери и военных, и мирного населения. В случае быстрой операции потери возросли бы во много раз. Украинская армия уже полностью интегрирована в разведывательную систему НАТО, и через массу спутников и беспилотников видит всю линию фронта как на ладони. Поэтому любой глубокий прорыв российских войск сразу попадает под массированный удар замаскированной украинской артиллерии с дальних дистанций. Пока эту артиллерию подавят, она успеет нанести большие потери наступающим войскам. Так часто и случалось в первый месяц войны. Поэтому перешли к более «экономной» стратегии «прогрызания» обороны, без быстрых «котлов», но и без больших потерь. Войска противника перемальваются медленно, но верно.

У Украины почти нет своего ВПК, запасы советских боеприпасов уже почти закончились, а поставки Запада не покрывают и четверти необходимого. Не нужно куда торопиться, нужно лишь продолжать ту же боевую работу, максимально «экономя» людей, и в определённый момент армия Украины ослабнет до критического уровня и просто рухнет. Так произошло в Сирии, так же будет и на Украине. Все делается абсолютно правильно.

Тем самым, СВО на Украине – это операция постоянной, упорной, тяжёлой военной работы – массового подвига, ставшего повседневностью. Некоторые сейчас сравнивают его с Первой мировой войной – тогда впервые войны начали вестись именно на изматывание противника в первую очередь с помощью артиллерии («На германской войне только пушки в цене», – родилась тогда солдатская поговорка). Впервые враги по несколько месяцев не видели друг друга в лицо, воюя на расстоянии, контактные бои стали редкими. Вторая мировая война была войной прорывов и больших «котлов», а сейчас в ходе «гибридных» войн снова произошло некоторое возвращение к стратегии Первой мировой. Однако на самом деле и в Великую Отечественную были такие же битвы на изматывание – например знаменитая Ржевская. Все знают знаменитое стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», но мало кто понимает его контекст. Там больше года Красная армия пыталась взять Ржев, но безрезультатно и с огромными потерями. Но немцы тоже понесли большие потери и в результате ушли из Ржева сами, без боя. А тот рубеж, на который они отошли, уже стал для них роковым – с его прорыва началась операция «Багратион» в 1944 году, в ходе которой была уничтожена вся группа армий «Центр», и Красная армия вошла в Восточную Пруссию. Это была самая мощная операция

Второй мировой войны, хотя ей предшествовал целый год безуспешных штурмов. Но сейчас в СВО нет безуспешных штурмов – наступление русских войск идёт, хотя и не быстро, но непрерывно и неотвратно. И так же, как и в Великую Отечественную, идёт окончательное истощение сил противника – а значит, новый «Багратион» быстро приближается.

СВО на Украине в настоящее время отвлекла внимание от других событий, которые не менее важны для понимания места России в мире. А между тем в августе прошёл очередной Международный военно-технический форум «Армия-2022», который, начиная с 2015 года, подтверждает свой статус ведущей в мире выставки вооружения и основы для развития международного военно-технического сотрудничества. Если в 2021 году Армейские игры (военные соревнования между боевыми подразделениями из разных стран) совместно с Российской Федерацией проводили 11 стран, то в этом году состав участников резко увеличился сразу в три раза: Азербайджан, Ангола, Алжир, Армения, Бангладеш, Беларусь, Венесуэла, Вьетнам, Греция, Египет, Зимбабве, Израиль, Иран, Индия, Казахстан, Кувейт, Китай, Киргизия, Лаос, Мьянма, Марокко, Монголия, Никарагуа, Пакистан, Россия, Судан, Сирия, Сербия, Таджикистан, Уганда, Узбекистан, Филиппины, ЮАР. Президент России Владимир Путин на открытии форума «Армия-2022» в своей речи обратился к союзникам и партнёрам России: «Мы высоко ценим то, что у нашей страны много союзников, партнёров, единомышленников на разных континентах. Это государства, которые не прогибаются перед так называемым гегемоном. Их лидеры проявляют настоящий мужской характер и не прогибаются». Им российская военная промышленность готова предложить самые современные виды вооружений – от стрелкового до бронетехники и артиллерии, боевой авиации и беспилотных летательных аппаратов. «Многие из них на годы, а может быть, и на десятилетия опережают зарубежные аналоги, а по тактико-техническим характеристикам значительно превосходят их», – отметил Верховный главнокомандующий.

Весьма показательно, что среди стран-участников соревнований есть такие, которые постоянно находятся на грани военного конфликта между собой – например Азербайджан и Армения, Индия и Пакистан. Очевидно, что, несмотря на эти локальные противостояния, эти страны объединяет нечто большее – а именно, их общее стремление к суверенности и свободе от диктата бывшего мирового «гегемона» в лице США и НАТО в целом. По своим совокупным ресурсам (человеческим, экономическим, природным и собственно военным) эти страны в совокупности превосходят НАТО в разы (по военным – в 2 раза, по человеческим – в 4 раза). Эти страны не являются «блоком», а, скорее, мировой «сетью» суверенных стран, не подчиняющихся диктатуре коллективного Запада. Тем самым, военные соревнования – это уже только «верхушка айсберга», но в основе лежит новый геополитический проект, который сейчас рождается у нас прямо не глазах.

Почему именно Россия стала инициатором этого мощного и успешного цивилизационного проекта? Этому есть объективные причины. Неслучайно в течение четырёх лет подряд (2013, 2014, 2015 и 2016) американский журнал *Forbes* назвал российского президента Владимира Путина самым влиятельным человеком мира. Русский язык – второй по популярности язык интернета, после английского (2013). Русский язык – четвёртый в мире по количеству переводов с него. Россия занимает первое место в мире по доле лиц с высшим образованием среди населения страны (данные 2012 г.).

Российские Вооружённые силы являются вторыми по силе в мире после США, несмотря на то что, согласно западным оценкам, по величине военного бюджета Россия находится лишь на четвёртом месте в мире. Россия занимает первое место в мире по числу танков. Российский военноморской флот является вторым по силе в мире, занимая первое место в мире по числу корветов, второе место в мире по числу крейсеров и ядерных подводных лодок. Россия занимает третье место в мире по числу боевых самолётов и ударных вертолётов и второе место в мире по числу военных спутников.

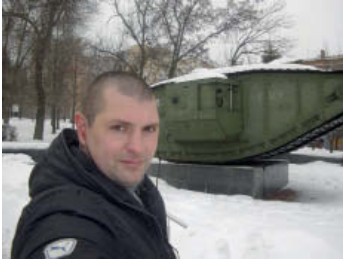
Россия занимает первое место в мире по количеству ядерных боеголовок и располагает крупнейшим в мире арсеналом средств их доставки. Россия обладает вторым в мире по масштабам (после США) военно-промышленным комплексом, а во многих областях производства и технологий занимает первое место. Россия занимает второе место в мире по экспорту вооружений. По мнению влиятельного британского научного еженедельника *NewScientist*, в 2017 году Россия стала лидером в области боевых наземных роботов, после того как на Ижевском радиозаводе был разработан новый

мобильный робототехнический комплекс. Россия сейчас уже занимает первое место в мире по производству боевых вертолётов, обогнав американцев и достигнув советских показателей ещё в 2015 году. Примеры можно продолжить.

На фоне таких глобальных параметров совершенно понятно, что СВО на Украине – это всего лишь локальная операция мирного времени, которую Россия проводит очень ограниченным количеством сил. Ход операции в первую очередь определяется минимизацией потерь и экономией сил и расходов, поэтому сроки окончания операции не имеют принципиального значения – важен лишь конечный результат. Самым близким аналогом её является, как уже сказано, операция в Сирии, активная фаза которой длилась больше года и закончилась для России полным успехом. Судя по всему, в СВО на Украине в первую очередь используется сирийский опыт. Масштаб СВО на Украине как раз соответствует масштабу войны в Сирии против ИГИЛ и других террористов, скрыто поддерживаемых США через своих союзников (Саудовскую Аравию и др.). В Сирии политика США потерпела полное фиаско, то же самое сейчас происходит и на Украине. Безумно жалко народ Украины, который несёт жертвы по вине неонацистского проамериканского режима. Но для того, чтобы прекратить жертвы братского народа, нужно ликвидировать этот режим – другого пути просто нет.

Берега Новороссии

Юрий Ковальчук

Юрий Ковальчук (1983–2021) – журналист, участник ополчения города Краматорска, военный корреспондент. Родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В связи с событиями 2014 года одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР.

В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодарском районе.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году.

Художественные произведения печатались в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», журналах «Александръ», «Северо-Муйские огни», альманахе «Территория слова», международном альманахе «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019–2021).

Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

НЕБРАТЬЯ

(Основано на реальных событиях)

ДЕЙСТВИЕ 1

Село Ивановка, Херсонская область, Украина. Зима, 2014 год

От давно не беленой печки веет сонным теплом. За толстой заслонкой низко гудит уголь – дрова в степи дорогое удовольствие. Смотреть на печь ещё приятнее, когда в оконные стёкла с разлёту бьётся степной ветер, несущий в нечёсаной гриве крошки редкого снега. Неуютно за окном, морозно...

В комнате тихо бубнит телевизор. На экране люди в касках деловито стаскивают в кучу автомобильные покрышки. За столом сидят братья Руслан и Николай. Они пьют «казёнку», закусывая жареной картошкой и соленьями. Николай разливает остатки водки в пузатые рюмки; с сожалением смотрит на пустую бутылку и ставит её под стол.

– Ещё, что ли, сходить? Только топать мне неохота. Может, сгоняешь?

Руслан хищно впивается в консервированный помидор. Затем скептически смотрит в сторону окна – ему явно не хочется выбираться на улицу.

– Да ну его к монахам! От «казёнки» завтра будет башка болеть, а мне на работу надо... Это же ты теперь у нас революционер – на митингах зарабатываешь.

Николай выпивает и обиженно крикает.

– Ну, как пить за мои, революционные, так ты не против. Я тебе говорю: поехал бы на этот раз со мной, тоже нормально заработал бы. Саня вон с нами на следующей неделе тоже в Киев собрался. Ехал бы с нами – чего ты там в своей бригаде заработаешь? А тут в столице побываешь, денег зарабатываешь. Ну и вообще – история...

Руслан неодобрительно качает головой.

– Смотри, чтобы тебе задницу не отстрелили с твоей этой историей. Денег потом на лечение где искать? Вот двинет Янэк ментов, что будете делать?

Николай пренебрежительно отмахивается.

– А ни хрена он уже не сделает. С нами Америка, Европа. Не дадут ему прыгнуть. Вот посмотришь, будет он скоро вместе со своими поделеньниками в колонии сидеть, там, где Юлька была. А может, и Юльку ему отправим, чтобы не скучно было. Увидишь...

В комнату вошла престарелая мать Руслана и Николая. Старушка с неодобрением посмотрела на пустую бутылку под столом, затем на покрасневшие лица сыновей.

– С ума вы походили со своим Киевом, – прервала она Николая. – Куда ни плюнь, везде цапаются, все спорят. В магазине очередь не выстоишь, чтобы все не переругались. А я бы их всех, сволочей этих из Рады, в тюрьму бы отправила. Сталина на них нет! Чтоб они все сдохли! И те и другие. Такое устроили! Хоть бы войны не было.

Руслан захохотал. Николай тоже примирительно заулыбался и, поймав мать за рукав халата, притянул ближе и обнял.

– Ну, разбушевдалась не на шутку! Ладно тебе! Скажи лучше, у нас самогона не осталось? А то за «казёнкой» идти неохота, да и голова от неё потом трещит.

Мать в шутку замахнулась на него полотенцем.

– Нету. Весь выпили. Себе на растирку немного оставила; спрятала, чтобы не добрались...

– Ну, дай выпить, мать! А я тебе завтра в аптеке хорошую растирку куплю, – пытался уговорить её Николай.

– В какой там аптеке! У нас ФАП закрыли ещё месяц назад. В район, что ли, поедешь? Не получите ничего. Дуйте в магазин или к соседу, – стала отбиваться от него старушка.

Братья неохотно начали собираться.

За окном прерывисто дышал ветер.

ДЕЙСТВИЕ 2

Где-то в степи под Мариуполем. Лето 2016 года

Вокруг бескрайняя степь, воедино сливающаяся с небом и морем. Пьяняще пахнет разноцветие трав, уже практически высохших под неумолимым степным солнцем. В тени одинокого деревца расположен наблюдательный пункт – небольшой окоп и блиндаж. В окопе Руслан и Чех. Руслан сидит, прислонившись к земляной стенке окопа, и бездумно перебирает патроны в цинке. Чех сосредоточенно смотрит в сторону находящейся в отдалении рощи маслин. Там в последнее время была замечена активность врага, постоянно пытающегося занять нейтрально зону.

Жаркое солнце и хроническая бессонница иссушили сознание Руслана. Продолжительное бездействие как будто заключило его мозг в наполненный ватой футляр, в котором он находится постоянно, что бы ни делало его тело. Он постоянно спит на ходу.

Взяв из-под ног комок глины, он кидает его в Чеха. Тот, не отрываясь от бинокля, спрашивает:

– Чего?

– Хоть бы уже полезли, что ли. Сидеть в окопе – это ещё ладно – к условиям, к постоянной тушёнке и паштету быстро привыкаешь. Учишься как-то следить за собой, справляться с трудностями. Мне это даже интересно. Чувствуешь себя как Робинзон Крузо. А вот к такой фигне, когда ничего не происходит, привыкнуть не могу. От безделья голова плавится – мысли всякие, как мухи. Жалят, а я ничего сделать не могу. Лучше бы лопату и копать до одури. А ещё лучше, когда бой. Вообще ни о чём не думаешь – некогда. Просто растворяюсь. Не то что про мысли, про курево; даже про то, чтобы в туалет, и то забываешь. А вот так, как сейчас, можно с ума сойти. Хочется иногда самому к ним навстречу полезть, – лениво пробормотал Руслан.

Чех молча продолжает сканировать местность. Потом кладёт бинокль и садится рядом с Русланом:

– Ты знаешь, Русик, меня больше всего тоска по дому убивает. Вот хотелось бы хоть на денёк домой приехать. Ведь всего 300 км! Иногда прямо кажется, что чувствую вкус нашей воды. Или вдруг ветер чем-то пахнёт, как дома совсем... По матери сильно скучаю, по отцу...

– Я своей не сказал, что воевать еду. Наврал, что на заработки собрался. Как она меня собирала в дорогу, как чувствовала. Сейчас, конечно, уже знает. Брат ей сказал. А в 15-м сам мобилизовался в ВСУ. Поехал в нас стрелять. Мать рассказывала, как его провожали. Районный голова им речь толкнул, школьницы танцевали... Потом понажирались все. Звонил мне один раз ещё со сборного пункта. Минуту булькал что-то про «сепаров», но слишком бухой был. Больше не звонил, – с тоской сказал Руслан.

Он встал, взял бинокль и начал вглядываться в степь.

Чех отпил из фляги воды, прополоскал пересохший рот и сплюнул в сторону.

– По крайней мере, он тебе не звонил, как мой, и не обещал зарезать. Я иногда представляю: вот мы где-то в окопе друг против друга с автоматами. И что дальше, убить его? Это страшно.

Руслан тяжело вздохнул:

– Да, сколько семей разрушила эта война, сколько тысяч жизней искалечила. Тысяч? Десятков, если не сотен. И всё им мало. Политики, *журналишки* всякие, *звезды* постоянно, как у нас хорошо. Как скоро мы возьмёмся за руки и дружно пойдём на Киев. Я ещё с Мариуполя жду, потом в Славянске ждал, когда же мы уже вперёд двинем. Вместо этого третий год тут, под Мариуполем топчемся. Смешно сказать – до дому двести километров, а до луны мне, наверное, ближе.

Он зло сплёвывает.

– А хуже всего вот так, когда ни хрена не делаешь. Я уже заметил, люди начинают понемногу гнить, сходиться с ума. Кто-то просто в себе замыкается, кто-то бухать начинает...

– Ну, это самое последнее дело. Сколько уже народу ни за что погибло. То на собственных минах подорвались, то самострел, то на позиции к укропам забрели. Хотя вообще от бездействия тупеет человек. Забывает про осторожность, начинает из окопа высовываться; под снайперов лезет. Лучше, конечно, когда постреливают. Тогда постоянно в тонусе... Ладно, полезу в холодок, посплю немного. Разбуди меня через пару часиков, – согласился Чех. Он потянулся, зевнул и скрылся в блиндаже.

Вечерело. Руслан давно отложил бинокль. Разглядеть что-нибудь в сливающимся травяном море было уже невозможно. Тем не менее он продолжал поглядывать в сторону отдалённой рощи маслин. То ли ему чудилось, то ли там действительно было какое-то движение.

Из блиндажа вылез заспанный Чех. Заняв позицию рядом с Русланом, закурил в кулак.

– Что-то будет сегодня. У меня в животе как будто змея свернулась.

– Это у тебя долбаный пащтет колом встал. И вообще нефиг на закат спать. Мать всегда говорила, что это вредно, – отшутился Руслан.

Затем они замолкли надолго. Все тропы разговоров уже давно были исхожены по многу раз. Вскоре совсем стемнело. В травах надрывались сверчки. Печально вскрикивала где-то ночная птица.

Вдруг небо вспыхнуло осветительными ракетами. Через несколько секунд откуда-то спереди от Руслана стали взлетать огненные стрелы. Они пролетали над ним, и через несколько секунд далеко за его спиной раздавались звуки прилётов. Впереди раздался гул тяжёлых моторов, а вскоре показались очертания «коробочек». На них можно было различить силуэты вражеских солдат.

Чех открыл огонь из пулемёта. Руслан тщетно пытался докричаться в рацию, чтобы сообщить о попытке прорыва. Вдруг рядом с ним полыхнуло, и голову наполнил колокольный звон. В лицо ему швырнуло чем-то липким. Проваливаясь в беспамятство, он успел понять, что это его обдало кровью из разорванной шеи Чеха.

ДЕЙСТВИЕ 3

с. Ивановка, Херсонская область, Украина. Зима, 2016 год

Николай лежит на перине в родном доме и задумчиво рассматривает фотографию на стене, где изображены они с братом, мать и покойный отец. Он поседел и осунулся. Рядом с его кроватью стоит инвалидная коляска. Напротив кровати монотонно бубнит телевизор. На экране Порошенко одобрительно обходит ряды танков. В соседней комнате хлопочет состарившаяся и сгорбившаяся мать. Раздаётся стук во входную дверь. Мать идёт открывать. Вскоре в комнату входит сосед Птица.

– Здорова, герой!

Николай несколько секунд смотрит на него. Узнав, радостно заулыбался.

– Привет, Птица! Как ты поживаешь?

– Да я-то чего? Живём – хлеб жуём, – Птица осклабился. – Ты лучше рассказывай, когда тебе Петя медаль за героизм вручит?

Николай грустно улыбнулся.

– Да уж, нагеройствовал по самые помидоры. Осколком мины хребтину перебило – ниже груди ничего не чувствую. Три месяца по госпиталям таскали, чуть не помер там от боли. Потом в покое оставили. Говорят, на Украине такие операции не делают. Надо в Израиль; 100 тысяч баксов стоит. А где мне их взять? Вот, отправили домой. Помирать потихоньку. Пенсию выделили такую, что я бы

с радостью Петю его медалями как утку яблоками начинил бы. Гады железные! Не знаю, как мы теперь с матерью проживём. У неё пенсия минимальная. У меня больше, так лекарств же столько нужно! Мать сдала – не дай бог сляжет, помрём с ней оба.

Птица посерьёзнул.

– Там, говорят, районный голова хочет какой-то праздник для тебя устроить...

– Чтоб они неладны были! Опять школьников натащат, чтобы пели и плясали. Дадут мне грамоту и будут руку жать. Ну их, кобыле в трещину! Лучше бы угля привезли – мать мёрзнет постоянно, – с раздражением бросил Николай.

Птица не нашёлся, что сказать. Вместо этого он достал из внутреннего кармана куртки пластиковую бутылку с сивухой и одноразовый стаканчик. Наполнив его до краёв, поднес Николаю. Тот жадно выпил, шумно выдохнув, и откинулся на подушки. Птица тоже выпил; опасливо покосился на дверь в соседнюю комнату, где было слышно, как ходит мать Николая.

Несколько секунд он выжидал, потом повторил манёвр – налил Николаю, потом выпил сам.

– А что там брат твой, Руслан? Давно о нём ничего не слышно. Говорят, тоже воюет?

Николай помрачнел.

– Русик в плен попал под Мариуполем. Сейчас должен уже на зоне быть. Осудили его за сепаратизм-терроризм.

– И много навалили? – заинтересовался Птица.

– Одиннадцать лет дали.

– Ой, мама! – всплеснул руками Птица. – Ну, хорошо хоть, что живой. Глядишь, отсидит и выйдет или под амнистию попадёт.

– Может под обмен пленными попасть. Ладно, не хочу о нём. Давай по третьей, пока мать не наведася. Да расскажешь мне, что у вас тут хорошего, нового, – погрустнел Николай.

Выпили снова, несколько секунд молчали, кривя лица.

– Колёк, что у нас тут может быть хорошего, сам подумай? Крым и Россию закрыли, дорожает всё. Люди беднеют – никто уже так ранние овощи не покупает. На фрукты и ягоду, на мясо спрос упал. Так, выращиваем понемногу, но в основном теплицы стоят пустые. Я две вообще разобрал. В прошлом году поле лука бросил – цены не было, решил и не собирать. Короче, жить как-то стало неудобно.

Птица разлил остатки сивухи. Затем спрятал бутылку и стаканчик в карман.

– Думаем, Колян, на следующий сезон вообще ничего не садить. Хотим с Алёнкой попробовать в Польшу поехать. Если с документами всё получится. А нет, так Санёк меня в Ялту на стройку зовёт. Он в этом году нормально летом заработал. Сидит сейчас ровно, отдыхает. В марте обратно собирается.

Лицо Николая пьянело на глазах. Он с шумом выдохнул:

– Да! Не за то мы на майдане стояли...

Птица жестом фокусника добыл из кармана ещё косушку сивухи и стакан. Опасливо покосился на дверь. Разлил.

– Да хоть бы, Коля, его вообще никогда не было. Погляди, что натворили, козлы сипатые!

– Я иногда думаю, я бы их всех порешил. В каждого по обойме всадить, может, что-то в стране наладится, – мечтательно протянул Николай.

Птица в знак скептицизма махнул рукой.

– Да было бы из чего, я бы и местных порешил. Столько в области крови попили!

Николай пьяно ухмыльнулся.

– А ты под кровать залезь. Там чемодан, под одеждой погляди. Смотри только, аккуратней.

Птица неловко отставил стул в сторону и полез под кровать. Достав оттуда небольшой чемодан, открыл его. Приподняв верхний слой лежащей там одежды, он удивлённо присвистнул. В чемодане лежал пистолет Макарова, несколько обойм к нему и три гранаты РГД-5.

– Вот это да, Колёк! Чего, оттуда привёз?

– Ещё бы! Побратимы подарили! – довольно хмыкнул Николай.

Птица рассмотрел оружие.

– Колонь, подари одну гранату.

Николай осоловело посмотрел на Птицу:

– Бери! А на что она тебе?

– Я, честно, не знаю, но надо! – задумчиво ответил Птица.

Вдруг послышались приближающиеся шаги матери Николая. Птица быстро бросил в карман куртки одну из гранат, захлопнул чемодан и затолкнул его под кровать. Когда мать заглянула в комнату, он уже снова сидел на стуле.

Через несколько часов Николай остался в комнате один. Он спал пьяным сном в полумраке. Мать негромко смотрела телевизор в соседней комнате. Внезапно неподалёку раздался взрыв, но Николай ничего не слышал. Его мать в тревоге выбежала из дома прямо в домашнем халате. По улице бежали люди. Слышались тревожные крики. Она подбежала к забору и попыталась что-то рассмотреть, но кроме неясной суеты ничего не было видно.

Из сумерек вынырнула соседка. Подойдя к матери Николая, она начала причитать:

– Ой, горе-то какое!...

– Что случилось? Где взрыв? – с волнением спросила женщина.

– У Птицы взорвалось! – ответила соседка. – Говорят, гранату притащил. Жене показывал, и – взорвались. Его сразу убило, Алёнку сильно посекло. Сейчас будут её в район везти – может, выживет...

ДЕЙСТВИЕ 4

За окнами темно; шуршит падающий снег. Очень тихо, лишь иногда вдалеке лают учуявшие волка собаки. Мать Николая и Руслана сидит в темноте, уставившись невидящим взглядом в телевизор. За стеной спит мертвецким сном Николай. На экране телевизора Порошенко награждает медалью безногого и безрукого украинского солдата. Мать вздрагивает и с отвращением выключает телевизор. Сидит, вперившись в темноту. По щекам катятся слёзы. Почти беззвучно она причитает:

– Господи, да что же это такое? Чем я нагрешила? За что это нам всем? Сыны мои, соколы! Давно ли вы оба сидели тут, в этой комнате? Давно ли вы были рядом со мной? Живые, здоровые, сильные? Как же теперь быть-то? Один в тюрьме до седых волос, второй калека. Как мне вам помочь, что я могу вам дать, я, старуха? Как защитить мне вас? Кто мне теперь вернёт вас? Похоронить меня даже некому! Боже-боже, за что мне такое несчастье?

Она начинает задыхаться; костлявой рукой мнёт себе грудь:

– Когда же этот ужас закончится? Сколько ещё нужно людского горя, чтобы всё это прекратилось? Сколько нужно, чтобы вы уже напились крови? Это они все виноваты. Сытые, довольные рожи. Будьте вы прокляты до седьмого колена. Ненавижу вас! Чтоб вы сдохли! Будьте прокляты! А с вами и мы, за то, что позволили сожрать наших детей. За то, что вас выбирали. За то, что позволяли вам всё. Что не научили детей, кто вы такие. Что всё время делали вид, что ничего не происходит, и только жаловались. Нет, вас надо было убивать сразу. Пока вы ещё ничего не могли. А теперь, что мы можем теперь? Что я могу, несчастная старуха?! Боже, детки мои, что же с вами будет?..

Её грудь сжимает спазм. Рука дрожит, вцепившись в платье, а потом безвольно обвисает. На улице тихо шуршит снег.

За стеной стонет во сне Николай.

– Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать и домой быстрее. Мне ещё сегодня надо отцу дома помочь.

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землёй.

Берега Новороссии

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – прозаик, публицист, Отличник образования Республики Беларусь. Окончила с отличием Гомельский государственный университет. Более 280 публикаций в педагогических периодических изданиях Беларуси и России, автор восьми книг, изданных ИД «Белый Ветер», двух сборников – «Мгновения жизни» и «Мозаика бытия» (Минск: Белпринт). Публиковалась в журнале «Берега», в периодических изданиях на русском и белорусском языке в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, лауреат областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского.

ХРОНИКА БОЛИ И НАДЕЖДЫ

СТРАШНЫЙ СОН

В золотое время моего детства и юности в родном моём СССР и в самом страшном сне не могло привидеться такое: самолёты России бомбят Киев! Каждое утро просыпаюсь с наивной надеждой: может, мне это приснилось? Но нет, увы... Невозможно уже смотреть телевизор с этими экспертами, комментаторами и сообщениями о новых санкциях ЕС. В интернете чего только нет. В комментариях столько злобы в перебранках между «москалями» и «хохлами» на радость дядюшке Сэму. И масса пророков с предсказаниями одно мрачнее другого. И море-океан фейков. Вроде как и надо фашистов ликвидировать, но страдают-то в первую очередь простые люди. Без слёз невозможно читать подписи под фотографиями молодых солдатиков: «Мальчики, вернитесь живыми домой!» Одно желание-надежда: скорее бы война эта закончилась.

...Осколки от сброшенных на националистов-фашистов бомб ударяют и по всем честным людям.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Меня воспитывали в духе интернационализма под лозунгами: «Мир во всём мире!» и «Все люди – братья!». Там, в моей молодости, не имело никакого значения кто ты: русский, белорус, грузин, еврей или украинец, главное – какой ты. Только почему-то и тогда я не могла спокойно слышать текст на немецком языке. Перед глазами возникала ограда из колючей проволоки, в ушах словно звучал лай собак. Много позже я прочитала, что это – генетическая память. Наверное, память моей не дожившей до двадцати пяти лет мамы, подростком вывезенной в рабство в Германию, и отца-фронтовика, прошедшего на своём Т-34 от Курска до Берлина и победившего не немцев, нет, но нацистов-фашистов! Генетическая память...

«Пепел Клааса стучит в моём сердце»...

ГУДИТ САМОЛЁТ

Март 2022 года. В высоком чистом небе родной любимой моей мирной Беларуси гудит военный самолёт. И сразу накрывают волной тревога и страх. Понимаю, что ничего от меня не зависит, но не могу отделаться от горькой мысли, что это летит чья-то смерть.

Что-то долго не слышно гула самолёта, и снова страх: где он, наш защитник? И только одно всеобъемлющее желание: скорее, скорее бы всё это закончилось и запылал огнём душистой сирени «торжествующий май».

МОЛИТВЫ

На сайте Vladodrevo.ru скачала молитвы о мире, в «Одноклассниках» поставила в статус «Молитву о восстановлении мира», которую предложил священник Роман Посыпкин со словами: «Дорогие друзья! Молимся!»

У подруги-однокурсницы сын с семьёй в Киеве, у другой – дочь, третья сама и все трое деток её с семьями живут на Украине, у приятельницы родственники на Украине не боятся русских, а боятся местных вооружённых нацистов. Молимся с подругами. Слава Богу! Сыну однокурсницы удалось увезти семью в эмиграцию. Но, решаем с подругами, что всё равно продолжаем молиться за всех матерей и всех детей. Господи! Пощади нас, грешных! Даруй мир славянам!

СТЫДНО!

Мир раскалывается. Хороший ли, плохой ли, но привычный мир разделяется, трещит по швам, и возникают два непримиримых лагеря: «За!» и «Против!». И вот уже масса творческих людей заявляет, что им «стыдно быть русскими», подписывают письма с протестами. Почему им не было стыдно, когда восемь лет нацисты целенаправленно стреляли по детям Донбасса, цинично подписывая снаряды: «Всё лучшее – детям»? Мне кажется, что Россия не станет беднее ни без Хаматовой, ни без Урганта, ни без Галкина, ни, тем более, без Ксюши Собчак, которые быстренько полетели прятаться в Израиль. Закрадывается мысль, что некоторым эмоциональным людям искусства действительно больно и стыдно, но многими не стыд и не совесть руководят, а боятся они за свои владения за границей, понакупленные на денюжки, в России заработанные, да за капиталы в иностранных банках поналоженные. Манкурты, родства не помнящие. Деньги, конечно, дадут им возможность там жить, но былой славы, чуть ажиотаж спадёт, никогда не будет. Вспомните, много ли советских «невозвращенцев» добились славы в Голливуде? Пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать. Своих звёзд хватает, в пришлых «звездунах» и «звездуньях» надобности нет. Случается, предателей чествуют. Но не уважают.

28.03.2022 г.

«...И ВОССТАЛ БРАТ НА БРАТА, СОСЕД НА СОСЕДА...»

Знакомый: «На Украине у меня все родственники, живут в разных областях. Все друг с другом перессорились, одни – активно за русских, другие – яростно и непримиримо против. А мне они все дороги, не хочу ни к одним примыкать, ни к другим. Вместе с женой каждый день молимся о мире».

Подруга: «Сын с детьми и невесткой успели уехать из Киева. Налаживают жизнь в другой стране. Сын звонит, а невестка-украинка не звонит и принципиально со мной не разговаривает, словно я задела эту войну».

Пишу в ОК бывшей коллеге, которая живёт в Израиле. В ответ – аж захлёбывается от русофобии. Пишу бывшей ученице, которая живёт с семьёй в Хайфе, спрашиваю о русофобии. В ответ: «Да нет, у нас всё спокойно».

Однокурсница живёт на Украине. Волнуемся и молимся за неё. Она – сильная женщина, держится мужественно. Пишет по Viber, что продукты привозят мародёры, продают дорого. Накануне Пасхи кто-то поджёг православный храм...

С одной из однокурсниц разговаривать невозможно, сразу начинает проклинать Россию. С одной стороны, её можно понять: дочь живёт на Украине, прячется от бомбёжек в погребе. Сердце на части рвётся: понимаешь, что фашизм должен быть побеждён и уничтожен, с другой стороны – сколько гибнет русских мальчиков и так страдают мирные жители братского славянского народа. Господи, прости и пощади нас, грешных!

«ТЫ ЖЕ ТОЖЕ РУССКАЯ!»

Приятельница звонит, жалуется, что внучка пришла и в разговоре начала с возмущением излагать всё, что в телеграм-каналах вычитала. Да ещё и возмущается, дескать, какие страшные жестокости эти русские выродки творят, и вообще, все русские – сволочи! Подруга просто задохнулась от воз-

мушения: «Да как ты в такое можешь верить?! Я русская, дедушка твой русский, значит, и мама твоя – русская, т.е. и ты тоже на пятьдесят процентов русская, значит, мы все, и ты в том числе – тоже сволочи!? Меньше своего мужа-украинца слушай, больше своими мозгами шевели».

Самое печальное, что таких внучек и внуков в наше время ну очень много. Как зомбированные, верят всему, что в телеграм-каналах не напишут. Вот и подумалось, правильно в СССР делали, что все «вражеские голоса» глушили.

А ПО ТЕЛЕВИЗОРУ...

Уже нет сил смотреть аналитические передачи и просто новости. Не покидает чувство тревоги, горестные мысли не дают уснуть, а уснёшь, так снится фантазмагория в стиле картин Дали. Стараюсь загрузить себя работой, чтобы не думать и не бояться. С однокурсницами поддерживаем друг друга как можем. Всё-таки самая крепкая дружба, проверенная годами: школьная и студенческая. Доброе слово и поддержка друга помогает не впасть в депрессию.

Зато прекратились по телевизору эти гнусные ток-шоу по перемыванию грязного белья «звёзд» и проведение тестов на ДНК у всех мужчин села на предмет выяснения: от кого же родила ребёнка сельская проститутка. Может, наконец, прекратится этот поток грязи с телеэкранов и будут рассказывать не про быдло, а про добро, человечность и достойных людей? Греют душу новые передачи А. Малахова «Привет, Андрей!» и «Песни от всей души». Согревают сердце и дают надежду старые добрые песни о главном.

4.04.2022 г.

ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ...

Опять потихоньку возвращаются поганые ток-шоу. Неизменная героиня Волочкова снова в центре скандала, опять обнажённая, снова собирают на телешоу «Звёзды сошлись» «звёзд» и «звездунув», стреляют из пушек по воробьям во всех этих «Пусть говорят» и перетряхивают грязное бельё в «Секрете на миллион». Включаю телевизор, смотрю, о чём будет идти речь, плююсь и выключаю. Нахожу в инете казачьи песни «Кукушка», «Не для меня», шлягеры Азнавура, Дассена... и слушаю, слушаю. Да в передачах Малахова по-прежнему радует сердце обилием талантов и душевных песен земля русская.

В новостях кратко о героизме русских мальчиков на этой затянувшейся неведомо на какой срок «спецоперации». Сердце кровью обливается: может, в эту минуту погибает чей-то сынок, брат, жених, которого уже не дождаться невесте...

АБСУРД, ТРАГИФАРС

В Польше сносят памятники советским воинам-освободителям. А у моего отца-фронтовика были тяжёлые ранения под Познанью в 1944 году, под Варшавой в 1945 году и медаль «За взятие Варшавы». Это его светлую память сейчас ровняют с землёй!? Поляки сошли с ума? Забыли про Освенцим и Майданек? Литовцы, латыши и эстонцы превратились в манкуртов и забыли про концентрационные лагеря, Саласпилс, Холокост? В мире захватили власть фашисты?..

ВЕРЛИБР КОНЦА ДЕВЯНОСТЫХ

Чем дальше – тем страшнее и непонятнее, что происходит в мире: то ли мир сошёл с ума, то ли я потихоньку куда-то скатываюсь. Политические шоу превратились в масло-масляное и в переливание из пустого в порожнее. Опять вытащили на свет божий Вангу, вроде как она там что-то предсказала на потерянной и счастливо вновь обретённой кассете. Только вот кассету надо восстановить и что там предсказано надо понять...

Создаётся впечатление, что никто ничего не знает, никому нельзя верить, и как-то как нельзя лучше подходит к нынешнему времени верлибр, написанный мной в конце девяностых:

Орал слепой:
 «Я видел!»
Глухой хватал его за грудки:
 «Не ври! Я слышал!»
«Лжецы вы оба! Я его догнал» –
 вопил, беснуясь, одноногий.
Средь сброда был один
 достойный,
Который видел, слышал, знал.
Но Он молчал.

20.06.2022 г.

«НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

Вроде внешне всё нормально: идёт обычная жизнь. В магазинах полно продуктов, никто не опустошает полки, делая запасы. Сельчане (дай им Господь здоровья!) убирают урожай. Вечером на посиделках на лавочке соседи спокойно говорят о житейских делах. Но параллельно этой обычной (на самом деле – пока счастливой!) жизни на сердце – такая тяжесть, такой груз – просто на разрыв аорты. Стараюсь не думать ни о прошлом, ни о будущем, жить сегодняшним днём. Не очень получается. Ощущение, что весь мир балансирует на грани страшного Неведомого. Лучше классика не скажешь: «над пропастью во ржи».

11.07.2022 г.

ТАКАЯ ЖЕ БОЛЬ

Сегодня бывший куратор моей студенческой группы прислал стихотворение Александра Розенбаума «Определиться? Я давно определён». Бард выразил чувства и мысли многих современников. И у меня на сердце та же боль:

И рвётся в лоскуты моя душа,
И в горле ком, и колокол в ушах,
И узелки завязывают нервы.

14.08.2022 г.

Берега прочтения

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мирь Слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса им. И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса им. С. Т. Аксакова

ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Автор ряда книг. Лауреат Всероссийских премий им. А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2019), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2018 и 2019), Международной литературной премии «Югра» (2019), VIII Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020). Обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза Издательского Совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

СЧАСТЛИВАЯ ПРОСТОТА

Как-то раз на вопрос доцента Литературного института им. А. М. Горького, кандидата филологических наук Юрия Михайловича Папяна, узнавшего о моём прочтении рассказа «Монастырская липа» Георгия Иванова: «Ну и как вам он?», – я ответил: «Он прост в своём повествовании и сюжетном действии». Преподаватель старославянского языка и теоретической стилистики тут же парировал: «А вы добейтесь такой простоты!»

Вспоминая этот вечер, я всегда размышляю над текстами, которые приходится читать везде – в сетевых ресурсах, газетах, «толстых» журналах; слышать на поэтических вечерах и творческих семинарах. В преобладающем большинстве стихотворных повествований отсутствует главное: внятность мышления и стройность конфигурации.

Создается впечатление, что авторы, вне зависимости от начитанной базы, являются выразителями эстетической безвкусицы, словно они не знакомы с классическим наследием русской и мировой поэтических школ. Да и, по всей видимости, отечественное учение о мысли, вооружённой рифмой, им не даётся, оно словно отвергнуто ими с презрением, непониманием, насмешкой, а вот манера любого иного типа считается возвышенным образцом. Такие исследования лишены подлинного чувственного познания, они буквально вязнут в слиянии плотского и социального показного цинизма. Создаётся удручающее впечатление массового перевеса тёмной стороны человеческого внутреннего противоборствующего существования, это явление можно охарактеризовать как попытку десакрализации христианского слова. Почему так? По моему мнению, это не из-за отсутствия патриотизма, гражданственности или любви к исконно русскому влиянию на внутреннее зрение, не из-за потери априорных истин, это факт духовного омертвения, а ведь ещё Иоганн Вольфганг Гёте предупреждал: «Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле». Стоит отметить, что подобное напускное или приобретённое заболевание не даёт раскрыть естественный ресурс человека, и именно по этой причине кризисное стихослагательное воззрение не имеет ясности. Вопросы существования человеческого бытия не заданы, можно свидетельствовать лишь о грубоватой и судорожной попытке хаотичного изыскания. А ведь проблематика, задающая вопросы: Что я могу знать? Во что я могу верить? На что надеяться? Способен ли я любить? И что есть человек? – вечна. Невзирая на время, во все эпохи стихотворцы всего мира пытались в свободной и рифменной формах отвечать на данные вопросы. Ведь поэзия является одним из способов пости-

жения самоочевидных истин, она ведома вдохновением по пути воображения и, в свою очередь, это действие выражает национальную преемственность. Денационализация собственного культурного наследия приводит к отсутствию познаний окружающей действительности, и результаты этого процесса жесточайшим образом дают о себе знать. И как здесь не вспомнить афоризм публициста, физика, астронома Георга Кристофа Лихтенберга: «Большинство людей живёт по моде, чем по разуму».

По моему мнению, следует обратить внимание, как ярко, просто, неповторимо выглядят версии стихотворений зарубежных поэтов на русском языке. Приведу лишь несколько переводов доцента Литературного института им. А. М. Горького Игоря Болычева. К примеру, поэтический голос самого значимого нидерландского символиста начала XX века Яна Хендрика Леополда, переведённый на русский язык, в стихотворении «Мельница» звучит так:

Серые крылья идут и идут...
И незаметно мерцающий жгут
мыслей моих, вплетённых друг в друга,
скручиваясь и свиваясь упруго,
мерным вращеньем серого круга
втянутый, впутался, словно в моток
пряжи, в скользящий, влекущий поток
крыльев, которые снова и снова
в ровном беспамятстве кругового
хода, мотая ворсистую нить,
кажется, вечно готовы кружить,
всё распуская – петлю за петлей –
неистощимый клубок нитяной.
Эти четыре огромных руки,
бархатно-серы, легки и узки,
будто бы крылья летучих мышей,
в неутомимой работе своей...

Сложно себе представить, что в голландском языке явилось бы такое красочное перебирание метафор и эпитетов, ведь подобное богатство слова способен дать исключительно русский язык. В качестве подтверждения вот строки известного немецкого поэта, драматурга, циркача, актёра, истового борца с устоями XIX века и викторианской моралью Франка Ведекинда из переведённой на русский язык его многосмысловой элегии «Собаки»:

И наконец свобода!
Сколько собак на лугу!
Счастье особого рода –
Быть сукой в своём кругу.

Вообще из вселенской истории нам известно, что самые тревожные и противоречивые тенденции в искусстве были рождены на стыке веков, а творцы, являясь стражами границ культуры, предвестниками и свидетелями глобальных катастроф, предупреждали о надвигающейся опасности человечество порой ценой собственной жизни. Но главное в этих предсказанных эпохальных бедах – не только кончина человечества в целом, а внутренняя гибель в одном конкретно взятом человеке. Почивших авторов беспокоила кончина не столько физическая, сколько духовная, которая не способна к жизни после смерти и по этой причине обречена не найти своё продолжение ни в одном из светлых пространств, её удел – тьма. Финал элегии Ведекинда может послужить постулатом для тех, кто так и не в состоянии определиться с собственным затемнённым «я»:

Мимо в панаме белой
Шёл пятилетний Фриц:
– Папочка, что это с Беллой
Делает серый шпиц?
– Имя этой картине
Ты дать, сынок, не готов,
Но знай: по этой причине
Скотами зовут скотов.

По моему мнению, последние четыре строки могли бы служить великолепным обращением к заблудшим подражателям, ориентированным на не лучшие стихотворные образцы мультикультурализма. Но хочется оговориться – вот как отреагировал прозревший к 1918 году Александр Блок на постановку Всеволодом Мейерхольдом пьесы Ведекинда «Пробуждение весны», которая демонстрировала всю направленность творчества немецкого пессимиста: «У нас есть произведения, в которых пробиваются родники истинного искусства, или произведения, в которых сама наша земля и наше измученное сердце кричат голосами нелепыми, нестройными, “неискусными”, но необходимыми нам».

По сути, если бы отечественная культура за всю свою многовековую историю не создала признанных художественных достижений, если бы дух её не был пропитан идеей русского религиозного, литературного, философического, исторического наследия, то строки в русском переводе могли бы стать необходимой панацеей. Таким поэтическим ориентиром может служить пророческое стихотворение ключевой фигуры раннего немецкого экспрессионизма Георга Гейма «Офелия».

За два года до гибели поэт, писатель, драматург Гейм предсказал свою трагическую кончину. Утопленник на собственном примере доказал, что поэт не только ловец мыслей и чувств, переполняющих его сознание, но и ловец чёрных сущностей, которые способны превратить ожидание вечного праздника в нескончаемую трагедию. Возможно, эти строки помогут всем версификаторам, загипнотизированным западноевропейским мироощущением.

Гнездо болотной крысы в волосах,
И руки в кольцах, словно плавники,
Качаются; она плывёт в лесах,
В дремучих зарослях на дне реки.
Закатный луч сквозь спутанную тьму
Спускается на дно её души.
Зачем она мертва? И почему
Так одинока в девственной тиши?
Мышей летучих в дебрях камышей
Встревожил ветер влажною рукой.
И мокрокрылый тёмный рой мышей,
Как дым, повис над чёрною рекой...

Как любая другая наука, стихосложение покоится на мыслительных операциях и долголетнем духовном опыте, то есть на проверенном восприятии мира как части божественного замысла. Оно рождается от жизни духа, то есть от духовного существования, и этому процессу подвержены все. Вопрос даже не в состоянии сознания, поскольку и в бессознательном состоянии происходит процесс духовной подпитки. Источником подобного действия всегда является национальная духовная культура, в ней складывается индивидуальное самовосприятие, то есть понимание персональной деятельности духа. И можно только предположить, что происходит, когда такой самобытный источник прекращает своё существование.

Накануне своего восьмидесятилетия профессор Литературного института им. А. М. Горького, поэт, переводчик, драматург Владимир Костров сказал мне: «Бог русской поэзии – больше Христос, чем Аполлон». Это высказывание Кострова полностью отражает действительность духовного состояния русской литературы. В нашем христианизированном по византийскому образцу восточнославянском восприятии всегда будет главенствовать понимание Аполлона не как древнегреческого бога, покровителя искусств, символизирующего порядок, ясность, свет, а как бога языческого самолюбования. Напротив, Сын Пресвятой Девы Марии всегда будет для русского человека синонимом слова любовь, которая, как известно, призвана спасти мир. Такая любовь – это абсолютная истина, в ней сущность нашей национальной идеи, идеи русского сердца.

Здесь – многовековая счастливая простота передачи чувственного опыта. Уже не первому поколению наших соотечественников выпадает участь жить в изменяющемся многолетии, но это не может переменить наше понимание, волю, служение. Только вера в высшую духовную силу взрастившей страны, надежда на русский народ может сформировать понятие национального своеобразия у будущих поколений, обосновать творческую идею нации и указывать историческую задачу, избирая особый духовный путь.

Олег Мраморнов

Олег Борисович Мраморнов – литературный критик и эссеист, автор биографической прозы «Донские памятки», «Записки и записи» и нескольких стихотворных сборников, вышедших в издательстве «Кругъ». Переводчик поэм «Луч микрокосма» и «Лжецарь Степан Малый» классика сербской литературы Петра Негоша, изданных отдельными книгами в издательстве «Спасское дело». Стихи черногорско-сербской тематики переводились на сербский язык и печатались в массовых газетах и изданиях Черногории. Неоднократно награждён грамотами Союза писателей этой балканской страны.

ГРАНИЦА ПРОХОДИТ ПО ДЕРКУЛУ

*Заметки о романе А. Можяева «За чертой».
К освобождению Луганской Народной Республики*

Если очертания границ образованной в 1938 году в составе Украинской ССР Луганской (Ворошиловградской) области наложить – на просвет – на карту Российской империи с её регионами, то будет явственно видно, что к Луганщине был прирезан кусок самой западной части бывшей Области Войска Донского в виде юртовых владений Станицы Луганской (город Луганск в Донскую область не входил). Именно на этом участке земли, в древности усеянной костями ратников дружины князя Игоря, начинают развёртываться судьбы героев и последующие события остросовременного романа Александра Можяева «За чертой», недавно появившегося в книжных интернет-магазинах. Роман продолжает богатую традицию казачьей литературы, прежде всего «Тихого Дона». Из приграничных хуторов Митякинской и Луганской станиц действие переносится в Луганск и окрестности. После распада СССР здешние хутора оказались в разных государствах, а прежде детвора как Украины, так и России обучалась в одной сельской школе, и все хуторяне жили дружно, заодно. Когда отдельной Украины вообще не существовало, то речка Деркул разделяла всего лишь Митякинский и Станично-Луганский юрты, казаки которых вместе служили в 10-м Донском полку. Лишь после того, как Украина перестала быть советской и стала незалежной, местный народ узнал, что государственная граница условно проходит по Деркулу. Условно потому, что на некоторых участках граница отходит от реки и петляет по её старому руслу. На берегах этого притока Северского Донца при Советах располагались плантации российского колхоза «Ленинский путь». После развала Союза развалился и колхоз, его земли отдали на пай бывшим колхозникам. Земля осталась российской, но чтобы попасть на неё, главному герою романа «За чертой» нужно пересекать украинскую границу, и дорога к его земельным паям проходит через пограничный мост и украинский контрольно-пропускной пункт. «И хотя пограничной службы на той стороне ещё не было, к Деркульскому мосту притянули вагончик и поручили дежурить станично-луганской милиции. Ко времени всеобщего раздвоя цены на различные товары стали значительно отличаться. Так, на Украине были дешевле водка и табак, в России – бензин и соль. В обе стороны двинулись караваны машин».

Можяев говорит, что в первые постсоветские годы жизнь в приграничных хуторах текла «ни шатко, ни валко. Люди постепенно привыкли ко всяческим неудобствам и даже считали их неотъемлемой частью своего бытия. Заступившие на дежурство российские пограничники разогнали контрабанду, и через мост уже не шли караваны бензовозов и фур. В ответ Украина в одностороннем порядке ввела ограничения на ряд товаров и продуктов, дав тем самым толчок на расцвет “сумочной” контрабанде. И, навьючившись сумками, потянулся народ в поисках своей выгоды к таможне.

– Куда ж вы всё это прёте? – спрашивали на российской таможне, где запреты не действовали. – Вас же на украинской не пропустят...

– Пропустят... Договоримся как-либо с Блажеёнком...»

Хуторяне оказались по разные стороны государственной границы и, для того чтобы добраться до своего клочка земли, поехать по делам, навестить родственников, друзей и подруг, вынуждены пересекать «дэржавный кордон Украины», на котором «банкет» их придурковатый земляк по кличке Блажеёнок, сынок бывшего председателя колхоза, бок о бок с ними выросший. У государственного кордона происходят всякие забавные – а то и драматические – события. Выдав украинским националистам доблестного защитника ЛНР Кудина, Блажеёнок сыграет в романе вовсе не комическую, а зловещую роль. Он вызывает лишь чувство презрения; другой украинский персонаж, старый колхозный бригадир Зынченко, напротив, подан с симпатией.

Донцы веками живут в соседстве и вперемежку с украинцами. Но если с запорожскими сечевиками (и с нынешними кубанцами) они навеки связаны святыми узами товарищества и братства, то с прочими не так всё просто. Вспомните эпизод драки казаков с тавричанами на мельнице из первой книги «Тихого Дона». Чуть до смертоубийства не дошло, но нашёлся старый переселенец из Таврии, с факелом бросившийся к сараям с обмолоченным зерном и заоравший: «Запало!» Это драчунов охолодило, казаки отступили, а тавричане попрыгали на повозки и скрылись. Казаки попытались было догнать их на своих быстрых конях, но откуда-то возник рассудительный социал-демократ Штокман, вспыхнул родословный спор, и дело сошло на нет. Искусно выписанный великим художником эпизод вроде бы проходной, но ничего проходного в «Тихом Доне» нет: неприязнь казаков к иногородним имела место. Братоубийственная гражданская война 1918–1920 годов заставила покинуть родные курени многих станичников, а последовавшая за ней практика социалистического строительства привела к тому, что, собственно, казачье по своим корням население в пределах бывшей Донской области, утратив всякие привилегии и подвергшись репрессиям, ещё больше поредело. Лётся ли ещё казачья струйка в донских краях? Написанный из глубин народной жизни роман Можаяев свидетельствует, что казачьи потомки сохранили воинственный дух; в своей подавляющей массе они не отделяют себя от обитателей остальной России, но не забыли и о собственных корнях и истоках. Красочные картины и сцены свидетельствуют о верности традициям, о возвращении православия в сельский быт, о сохранности обрядовых, культурных и языковых особенностей.

Роман написан от первого лица, автобиографичен, хотя, вероятно, не следует целиком и полностью отождествлять известного русского писателя Александра Можаяева с образом главного героя. Повествователь появляется перед нами в качестве атамана Митякинского юрта и досконально знающего броды, овраги и тропы проводника добровольцев, приехавших из России помочь луганчанам в их борьбе с «бандерлогами». В период первой луганской войны за свободу, весной, летом и осенью 2014 года, атаман плотно взаимодействует с министром обороны ЛНР Бэтменом, другими лидерами сопротивления, воюет рядом со своими друзьями Жекой и Кудиным, попадает под обстрелы и в засады. Военные сцены романа до дна обнажают ужасы гражданской войны, преступления сторонников Степана Бандеры, множащих сторонников таким, например, способом: «Войдут под видом ополченцев в какой-нибудь дом, ограбят, мужика скрутят и на его глазах, под крики “Да здравствует Россия”, жену изнасилуют и убьют, а мужика “случайно” живым оставят...» Что сделает мужик? – примкнёт к бандеровцам. Динамичные, экспрессивно выразительные описания вооружённых стычек представляют собой захватывающие страницы отечественной батальной прозы и делают произведение памятником русского сопротивления на Донбассе. Добровольцы с русской стороны идут на тот берег Дрекула «не за деньгами и не за славой, хотя каждый из них втайне от других и мечтает совершить для своей Родины подвиг. Какой он, этот подвиг, они ещё не ведают, как и не ведают того, что, покинув свои уютные квартиры, поборов страх и выйдя на эту тропу, они уже совершили свой подвиг». Попадая в среду защитников ЛНР, добровольцы слышат: «Всё равно перебором бандерву!.. У них своё, а у нас своё! Мы как были Войском Донским, так и остались им, и этого из нас не вытравить! Под себя народ не переделают... Их знаешь сейчас скоко поразвелось по всей Украине?.. Свидомых-пересвидомых... Они ведь не уймутся, пока нас не изведут всех под корень...» А с украинской стороны раздаётся нам знакомое: «Засили москали по всим кабинетам. Ничого, выкорчуемо... Гиляк на усих хвате. Чисто буде...»

«Митинги в Луганске шли с января четырнадцатого года, – пишет Можаяев. – У памятника Шевченко митинговали сторонники киевского майдана, а напротив, через дорогу, у памятника “Жертвам

УПА” проходили немногочисленные выступления тех, кто ратовал за русский язык и за союз с Россией. Митинги проходили в основном мирно, в лучшем случае старались лишь перекричать друг друга, что с переменным успехом удавалось и тем и другим. Страсти стали накаляться лишь в феврале, а, когда в Киеве произошёл вооружённый переворот, Луганск, наконец, проснулся и вывалил на площади. Все склонялись к тому, что Донбассу нужно жить на Украине в составе федерации со своим языком и своим местным самоуправлением.

22 февраля, на другой день после киевского переворота, в Харькове собрался съезд, который был призван объединить одной общей идеей все регионы Юго-Востока Украины и Крыма. А идея у всех была одна: провозгласить федеративную республику и тем самым отгородить себя от пробандеровского Запада. День выдался солнечным и по-весеннему тёплым. На съезд съехалось три с половиной тысячи делегатов от всех областей. Такое количество смогли разместить лишь во Дворце Спорта. На сцене поставили длинную трибуну для президиума, которую опоясывало полотнище в виде Георгиевской ленты. За президиумом во всю стену красное полотнище, на котором было написано: “Съезд депутатов всех уровней Юго-Востока Украины, АР Крым и Севастополя”. От России на съезд прибыли представители четырёх граничащих областей, а также депутат Государственной Думы Алексей Пушков и сенатор Михаил Маргелов.

Делегация от Луганска, в которую входил Носач (запоминающийся персонаж, председатель Станично-Луганского райсовета, потерявший жену и ушедший в монастырь. – *О.М.*), прибыла одной из первых, поэтому заняла места поближе к президиуму. Носач, надеясь выступить, набросал на листке тезисы своей речи, но съездом заправляли губернатор Харькова Добкин и мэр Кернес, – они уже заранее знали: кто выступит и что скажет.

Со съезда Носач прибыл и ободрённый, и вместе с тем несколько растерянный. Бодрило его то, что съезд не признал киевских путчистов и объявил, что власть на местах переходит к органам самоуправления, им же переподчинялась милиция. Нравился ему намеченный курс на сближение с Россией и ещё один пункт, в котором говорилось: “Рекомендуем населению самоорганизоваться для взаимодействия с правоохранительными органами на местах”.

– Это что ж, мы теперь все под ментов ляжем? – гудел Жека.

– Нет, ровно наоборот, – терпеливо разъяснял Носач. – Милиция переходит в подчинение самоуправления, то есть нам, и мы с ней взаимодействуем. По этому пункту все наши дружины самообороны теперь приобретают легальный статус.

Смущало Носача лишь то, что съезд был скоротечен, скомкан, галопом проскакал за два часа и главный вопрос, который был на устах всех делегатов, – объявление федеративной республики Юго-Востока, так и не был принят.

Уже по окончании съезда Носачу удалось пробиться к Добкину и на ходу задать вопрос о федерализации.

– Начало положено! – обнадёжил тот. – Остальное доработаем. Всему своё время... – спеша к выходу, говорил он <...>.

Уже скоро Добкин прибыл в Луганск, призвал народ разойтись по домам и признать киевскую власть. И здесь Носач, к дальнейшему своему стыду, потерял присущее ему самообладание и повёл себя подобно Кудину или Жеке. Он обозвал бывшего соратника неприличным словом и в подтверждение сказанному повесил ему на ухо порванный презерватив. Надежды решить всё законным путём рушились на глазах.

В Донецке и Луганске главы администраций, получив из Киева указания, уже забыли о выполнении решений харьковского съезда, часть областных депутатов разбежалась, и принять какое-то легитимное решение стало невозможно.

Один лишь Крым не поддался ничьим посулам – держал свою линию.

Третьего марта весь день митинговали, а уже к вечеру пришли к общему мнению, что нужно избрать инициативную группу из пяти человек по подготовке к референдуму о федерации в составе Украины. Тут же на митинге, чтоб исправить положение, спешно избирали недостающих “народных депутатов”. А пятого марта избрали “народного губернатора”. Им стал Александр Харитонов, возглавлявший “Луганскую Гвардию”, но уже тринадцатого марта “народного губернатора” выкрала и вывезла в Киев СБУ.

Тридцатого марта намеченный референдум всё-таки состоялся. Свыше девяноста шести процентов опрошенных высказались за федеративное устройство. Признай это в Киеве – не было бы никакой войны и Донбасс остался бы в составе Украины. Но вместо этого на Луганщину двинулись эшелоны с войсками. Народ забурлил пуще прежнего, и теперь уже, обновлённый “народными депутатами”, Областной Совет провозгласил Луганскую Народную Республику и призвал на референдум о выходе из Украины. В Луганске наметилось двоевластие: Областной Совет и подчиняющаяся Киеву администрация.

– Любо Носачу! – вопят казаки. – Исторически мы являемся частью Войска Донского, – с тем и войдём в Россию, пока вы тут чухаться с референдумами будете!...»

В июле 2014 года Станица Луганская, где также развёртывается часть драматических событий, пала под ударами боевиков националистических батальонов и сил ВСУ. Война подкатилась вплотную к Дрекулу, следовательно, и к местообитанию атамана, чья раненая нога заставила его в какой-то момент отказаться от дальнейших походов за роковую черту.

«За Деркулом, всего лишь в сотне метров, хищно посматривая в нашу сторону, ходят бойцы нацбатальонов. Каждый вечер они подходят к вагончику своих пограничников и из пулемётов расстреливают вагончик нашего погранпоста. Российские пограничники давно окопались и находятся в блиндажах, прикрытых бетонными блоками и мешками с песком. Нацикам очень хочется, чтоб они ответили и расстреляли украинских пограничников, но наши молчат. Под горой, в полукилометре от меня, ВСУшники вкопали три танка, кажется, их стволы смотрят точно в моё окно. Под моим домом небольшой забетонированный погреб. Виктория давно занесла сюда матрас, одеяло, свечи и несколько пятилитровых бутылей воды. В случае обстрела сюда можно будет спуститься с детьми...»

Под занавес повествования обнажается и тёмная сторона луганской борьбы – то, что привело к гибели ряд ополченцев первого призыва, в том числе Бэтмена. Больше исторических имён называть не буду – читатель может узнать их сам. Чудовищная гибель наступает и попавших под колесо истории Кудина и Натаху, чья незаконная любовь на берегах Деркула есть как бы роман в романе. Их проходящая сквозь годы связь напоминает о Григории Мелихове и Аксинье Астаховой – подобно им, герои Можаяева неодолимо влекутся друг к другу. Судьбы многих персонажей романа окрашены неподдельным драматизмом человеческого существования и способны привлечь к себе самое широкое читательское внимание. При всей фактологической точности роман представляет собой крепко и профессионально сшитое художественное полотно. Это не силиконовый, а традиционный реалистический роман. Пишут теперь излишне много, но яркое сочинение Можаяева не должно затеряться в словесных потоках.

* * *

Из множества материалов печатной периодики, связанных с трагическими событиями на юго-востоке Украины, моё внимание не так давно привлекла заметка доктора философских наук, профессора Луганского государственного педагогического университета Виталия Даренского, по мобилизации призванного в армию ЛНР в самые первые дни начала военной спецоперации. Мне и прежде доводилось читать статьи и выступления этого незаурядного автора, члена Союза писателей России. На сей раз, во время недолгого отдыха на марше, Даренский написал: «Вообще-то за семь лет Луганск отвык от войны. Хотя фронт стоял по Донцу всего в 15 километрах, но после окончания дебальцевской операции обстрелов города не было. “Укропы” обстреливали только прифронтовые посёлки и позиции армии ЛНР. (Я называю их “укропами” для простоты, чтобы не нагромождать аббревиатур и длинных официальных названий. Без каких-либо уничижительных пропагандистских целей, как это происходило в 2014-м, когда нас называли колорадами или лугандоном.)

Всё изменилось 19 февраля 2022 года – вечером вдруг громко взорвалось несколько 122-миллиметровых снарядов где-то недалеко. Это был прилёт – значит “укропы”. На следующий день мы услышали уже не взрывы, а выстрелы, – это отвечала наша артиллерия. Потом – тихий день, но все у нас в Луганске поняли, что просто так это не закончится...

И вот – мобилизация! Всех – от 18 до 55 лет. Стало ясно, что теперь уже будет всё по серьёзному. Станные чувства: с одной стороны, никто не хочет войны, но с другой – какая-то радость в душе:

наконец-то! За восемь лет ожидания и неопределённости словно сжималась в душе какая-то тайная пружина – чтобы теперь вдруг распрямиться во всю силу...»

3 июля пришла, наконец, обнадеживающая новость: «Шойгу доложил Путину о взятии под контроль территории ЛНР». Союзные войска освободили Лисичанск от украинского присутствия, и Народная Республика отныне может осуществлять контроль над всей территорией бывшей Луганской области. Это позволяет с облегчением вздохнуть, но боль и горечь переполняют сердце, когда думаешь о многих и многих жертвах восьмилетней войны, видишь на телевизионной картинке чудовищные разрушения, которым подверглись города и сёла, расположенные по течению славного в русской истории Северского Донца. В руинах лежат северные районы Луганщины вокруг Попасной, Рубежного, Северодонецка и других населённых пунктов. Чудо, если там ещё теплится человеческая жизнь. В тяжелейших обстоятельствах я не дерзаю пророчествовать о светлом будущем. Да и в тексте романа «За чертой» нет никаких досужих геополитических рассуждений о счастливом многополярном мире, а представлена народная правда и народная жизнь в её конкретике, в её обаянии и в её боли. Это придаёт повествованию не политическое, а гуманистическое звучание.

Поэтому в заключение я приведу слова одного из несомненных творцов, героев и жертв луганской эпопеи, злодейски убитого в 2015 году комбрига Алексея Мозгового, в своих чаяниях нацеленного на социалистический идеал СПРАВЕДЛИВОСТИ.

«Победа заключается не только в окончании боевых действий. Это ещё и изменения мировоззрения и мысли человека. Это переломный момент. Продолжит человек жить в тех рамках, в которые его загнали, или освободится от этих рамок? Нам сейчас дан шанс начать мыслить. Если мы и после этого не станем думать и принимать сами за себя какие-либо решения, то это победой нельзя будет назвать. То есть все эти жертвы будут зря <...>.

Величие русского мира будет восстановлено. И каждый, кто посягнёт на русский мир, понесёт наказание. И каждый пострадает от своей алчности и желания его погубить. Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет. Русский мир – это великая сила <...>.

Мы весь мир заразим свободой, справедливостью и совестью».

Берега прочтения

Андрей Петров

Андрей Васильевич Петров – родился в 1964 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил Архангельский педагогический институт. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск). Автор книг: «Простые звуки родины моей...», «Язык поэзии Ольги Фокиной», «Север в северной поэзии: лингвистический аспект», «Родниковое слово Фёдора Абрамова». Публиковался в журналах: «Север», «Двина», «Волга – XXI век», газете «День литературы».

«Вселенной в унисон грустить – непревзойдённое искусство...»

Мурманский поэт Илья Виноградов назвал свою стихотворную книгу окказиональным словечком «Желтоотравье» (Санкт-Петербург, 2021), которое дважды встречается в сборнике:

*Дождь просеянный искрится
Желтоотравье серебра.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя.*
(«Осень, манят спозаранку...»)

*И станет невесомо и легко,
Когда поймёшь, что на земле конечны
Дома и желтоотравье. И, конечно,
Мы сами. И добро, и зло.*
(«А здесь стоял, пожалуй, раньше дом...»)

Образ прозрачный, вполне понятный, связанный с осенью, временем красоты и увядания, временем подведения итогов, временем, когда особенно ощущаются бренность жизни и величие бытия.

Справедливости ради следует отметить, что на обложке сборника изображены осенние листья: на серо-буром фоне солнечно выделяются жёлтые, для них автор приберёт ещё один окказионализм *разнолистие*, построенный по той же модели:

*Какая тишина поёт в лесу!
В какое разнолистие одет он!
Каким, должно быть, добрым было лето,
Когда и осень как нельзя к лицу.*
(«Средь сини журавли вдруг прокричали...»)

Осень – явно любимое время года для поэта, ну да здесь он не одинок, стоит вспомнить хотя бы Пушкина, и не страшно, что осенняя пора связана с печалью, но эта печаль светлая, одухотворяющая:

*Осенний ветер треплет лес,
Река листвою обрастает.
На поле вытекла с небес
Печаль тягучая густая.
<...>
Печаль приходит лечь на грудь
Из самой глубины Вселенной.*

*Пространство хрупкое в горсти
Сожмёшь задумчиво до хруста...
Вселенной в унисон грустить –
Непревзойдённое искусство...
(«Осенний ветер треплет лес...»)*

Завершает сборник стихотворение, названное «Краснолесье» (тот же словообразовательный тип), можно только догадываться, о каком лесе идёт речь: осеннем ли, сосновом, или всё-таки сказочном, красивом:

*Терем леса полон света,
Радостен кукушки счёт,
Пляшут нимфы в чаще где-то,
Что-то водится ещё.*

В начальном стихотворении книги декларируется знаковое, важное для автора противопоставление деревянного – естественного, настоящего, и пластмассового – противоестественного, искусственного, к последнему поэт причисляет и одноликую массовую культуру, финал у стихотворения печальный, отчаянный, прорыв к настоящему соотносим со смертью, что ж, поэтическая гиперболизация призвана воздействовать на эмоции, будоражить разум:

*Но сбегу я – поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные.
Как когда-то дома и лодки.
(«Как добротна мебель из дерева...»)*

Настроение и смысл этого произведения подчёркивается ярким художественным средством – сопоставлением родственных созвучных слов, близких, но не тождественных по значению: *Как добротна мебель из дерева / И тепла добротой леса!*; *Только мир сплошь вокруг пластмассовый, / Словнодушный бездушный ящик*. Подобных примеров использования этого удачного приёма можно привести множество, см. выше: *конечны – конечно*, или вот ещё: *Верь верным, сто веков знакомым знакам...* («Поверьям вняв, как гибели бегут...»); *Когда не в почёте честь, / Величие не в чести* («Слоны»); *Ночь глуха и бесконечна – / Чисто нечисти приют* («Ночь глуха и бесконечна...»); *Я ж стою, глазами глупо хлопаю / И, глядишь, прохлопаю вот-вот* («Долго ли, какой заветной тропкою...»); *Скоро листья долистают / Постаревший за год год* («Осень, манят спозаранку...»); *Что же пялюсь в небосвод, / Облачённый в облака?..* («В зимнем небе облака...»); *Не предвечный покой вековой...* («Старец»).

В этом плане большой интерес представляет поэтическое сближение этимологически родственных, однако разошедшихся по смыслу слов *печаль* и *печать*, с помощью которого создается ёмкий образ:

*И печать печали чистой
На челе храня,
Вслед душа вот-вот умчится
Расчехлённая
(«Солнце грянуло под вечер...»)*

– в последнем слове развивается метафора стихотворения *солнце сорвало чехлы туч*.

*Только не найти меча там,
Логика зашла в тупик –
Знать, печалью опечатан
Человечьих душ тайник.
(«В чаще»)*

Парадоксальность мышления, метафоричность высказывания в принципе отличает поэтический язык от повседневного, в творчестве Ильи Виноградова они проявляются по-особому, помогая поэту выразить заветное, важное, выстраданное. Заявленное в начальном стихотворении противопоставление настоящего – природного, душевного – и искусственного – неестественного, бездушного – так или иначе реализуется в стихах сборника:

*Я ж глянцевою пугаюсь красоты,
Где дух иссох под чёрствым мёртвым лаком.
Где, словно в манекене, пустота,
И даже эха нет – темно и глухо.
Боюсь пустот...*

(«Поверьям вняв, как гибели бегут...»)

*Всё надеюсь впустую
Отыскать где-нибудь
Человечью простую
И понятную суть.*

(«Мне приснился компьютер...»)

На знаковом противопоставлении чёрного и белого строится стихотворение «Белград», посвящённое столице Сербии, пережившей натовские бомбардировки:

*Чёрное забыть готов
Убелённый зноем город.
Но средь лета колет холод
Спины сгорбленных мостов.*

В стихотворении «Подлодка в темноту уходит...» поэт отдаёт дань восхищения и почитания героическим будням подводников, которые всегда находятся на грани жизни и смерти:

*В кругу огня, воды, металла –
Стихий враждующих, чужих, –
Вдали от прочного причала,
В глубинах гибельных, глухих
Их дом*

– однако сами моряки не думают о героизме и риске: *Работы нет страшнее нашей, / Но мы не думаем о том. // Мы помним близкое, родное...* – тоже своего рода противопоставление.

Казалось бы, на противопоставлении поэта и народа выстраивается стихотворное посвящение «Глеб Горбовский», однако автор приходит к важному выводу: *Но поэт и есть народ, потому что О себе как будто пел, / А на деле – о народе.*

Неожиданные, запоминающиеся образы встречаются в поэтических строчках книги. Вот счастье в облике кота:

*Но, моё увидев замешательство,
Счастье шаст ко мне на зависть всем.
– Заживём, – мурлычет, – замечательно!*

(«Долго ли, какой заветной тропкою...»)

Вот страх, подобный паучьей сети:

*Сквозь липкий страх – паучью сеть –
Прорвёмся по тропе манящей,
Оставив паука смотреть,
Как покоряется нам чаща.*

(«Сквозь липкий страх – паучью сеть...»)

Вот звёздный ковш Большой Медведицы: *Ковш гнутый по ночам / Вычерпывает тьму* («Южный крест»); *Нечто очень важное ночь прячет / В семизвёздном выгнутом ковше* («Птицы спят, и дремлет месяц даже...»).

Колоритные герои появляются в стихотворениях поэта: лесник Никодимыч, у которого печаль от большого ума («Запах неба и дыма...»); седовласый старец, *блаженный вполне* («Старец»); заполошный звездочёт, предсказавший *век чудес: Будет счастье, войн не будет!* («Звездочёт»).

Лирический герой то запросто ведёт беседу с самим чёртом лысым, которому *плешь проели челове- чьи языки* («Ночь глуха и бесконечна...»); то фривольно, даже развязно уговаривает своего начальника дать отгул, чтоб книжки сочинять («Отпусти в отгул, начальник...»); то учится *извивать свой путь и силе безголося* у мудрой змеи («О мудрая змея, я у тебя учусь...»); то торжественно величественно воспеваает древнюю реку Колу:

*Дом души – в небесном поле,
Где полоской пенною
Млечная впадает Кола
В Кольскую вселенную.*
(«Кола»)

То скрупулёзно анализирует поведение своего ангела:

*Я падал, кометы быстрей,
С друзьями, культурой, страную,
С башкой непутёвой своей –
Он падал за мной и со мною.
<...>
Он ждёт, несомненно, того,
Что ведомо только крылатым:
Все бросят меня одного,
И вспомню о нём я когда-то.*
(«Мой ангел весьма быстрокрыл...»)

Поэту свойственно быть отшельником, одиночкой, поэтому вполне органичны такие откровения лирического героя:

*Что мне путь, истоптанный толпой,
Нелюдиму – людная дорога?
И себя хватает мне с лихвой.
Мне себя порою даже много.*
(«Что мне путь, истоптанный толпой...»)

*Воют двери, стоном стонут ставни,
Как один друзья уходят вон.
Одиночество лишь не оставит
Одного.*
(«Птицы спят, и дремлет месяц даже...»)

*Поэт сидит, небритый и угрюмый,
И ничего поделать с ним нельзя.
Его друзья – одни больные думы,
Его враги – весёлые друзья.*
(«Поэт сидит, небритый и угрюмый...»)

В заключение вернёмся к ключевому образу сборника – образу осени: *И случилось: к осени тоска / В заповедный вызрела покой* («Сколько от неё не убежал...»); *Осень, мне бы – с птичьей стаей! / Только кто ж меня возьмёт?* («Осень, манят спозаранку...»).

Берега прочтения

Ли́дия Довыде́нко

«ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ» В КАЛИНИНГРАДЕ

Встреча с Александром Орловым

Когда Александр Орлов ответил согласием на приглашение – приехать в Калининград, я уже предвкушала многогранное общение с интересным мне человеком – Поэтом, который не только не разочаровал, но ещё больше укрепил меня в вере в талант и самоотдачу благородного, храброго витязя русского слова. Первая встреча состоялась 11 августа в библиотеке имени космонавта А. А. Леонова в Калининграде, которая стала ярким творческим вечером поэта, прозаика, публициста, педагога, историка, директора Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», члена редакционного совета журнала «Берега», постоянного автора журнала, составителя рубрики журнала «Поэтическая седмица». Он также член Совета экспертов Патриаршей литературной премии им. Кирилла и Мефодия, член литературного форума «Мирь Слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви.

Читатели, не замечая времени, заслушались стихами из свежих сборников поэзии: «Ожившее солнце» и «Кимера». Александр Орлов для общения выбрал какую-то особо сердечную ноту, так что то и дело собравшаяся аудитория вздымала руки в аплодисментах, разделяя его оценки культурной и общественной жизни, подходы к педагогике, с интересом слушая рассказы об известных писателях и, конечно, душевно одобряя прочитанные стихи, пронизанные верой в духовное преобразование жизни. Очень приятно, что в нашей встрече принял участие известный мыслитель, писатель, профессор, доктор филологических наук Андреев Анатолий Николаевич, развивший тему сегодняшнего учительства, ведь Александр Орлов ещё и учитель истории. Я люблю такие встречи, очень признательна всем участникам, потому что в них теплота, благородная скромность, интеллект и красота души.

«Солнце духа»

Поэтический сборник «Ожившее солнце» Александра Орлова – это «солнце духа» (Николай Гумилёв), светившее над Россией многие века назад, и оно вновь оживает в актуальном мире, в котором пребывают поэт, его читатели, его родные и близкие люди, фольклорные образы: Житник, Жихарь, Полудница, Хозяин вод, Травница..., стоит лишь оказаться наедине с природой, как они оживают, преодолевая временные пласты. Круг образов из древних мифов и народных поверий удивляет новизной авторской подачи, преломлённой в лучах не только ожившего солнца, но ночных звёзд, в стихии личностного восприятия.

Поэтические дороги не бывают пустыми, оказалось, что, только вслушайся и всмотришься, ты ощутишь некий священный трепет перед природой, вековой Россией, в которой звучат «чародейные речи», если только «небесным тишинам своё сердце откроешь», если «забудешь трассу, город и век», то, сделав «привал в каком-то захолустье», ты становишься причастным к «слезливым тайнам некошенных трав», к открытию холодных звёзд, среди которых «одну я всю ночь согревал». Звёзды, воды, травы и колосья, что «быстро ушли на разлом», «меня молча добром поминали». Все эти художественные образы одушевлённой природы не только «насельники небылиц». Это мир поэта, для которого «и от стогов необранного жита / на небо возносился русский дух, / освобождённый от назойливого быта». Раскрывая «ромашковую бездну» природы, её «свет огнеликий», поэт ищет любви, а поиски раскрываются «вереницей связей» в едином времени Руси:

Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его – Велес или Власий?

«Богом поцелованный хромец»

Природные образы поэтического сборника сменяются христианскими темами. Спаситель идёт босиком, «следы оставляя на море». «Богом поцелованным хромцом» называет поэт святого блаженного Константина Новоторжского, чудотворца, который любовью растопил «тысячи сердец и зимы всеильную опеку». Поэт ощущает себя «сыном небесного народа», познавшего «в себе Христа», «под молитвы встречающего зарю»:

И с небом не прерву я разговора.

И я не прерву разговора с поэзией Александра, оставляя горячие закладки августовского солнца в подаренный сборник, чтобы снова к нему не раз вернуться.

И ливень бил по городу жестоко,
Навязывал в горячке полутьму,
Всё рассказать хотелось – но кому?
Воде, осевшей в недрах водостока,
Или, быть может, Небу самому?
Мне вечер не оставил и намёка.
И руку друга я при встрече жму...

Балтийск

12 августа гости отправились в Балтийск. Огромная благодарность отцу Игорю, штатному клирику собора Кирилла и Мефодия города Калининграда иерею Игорю Симакову. Это человек высокой культуры, глубоко интеллигентный и сердечно открытый, он заботливо вёз нас в самый западный город России Балтийск, придавая особое значение творческой деятельности писателей-почвенников, противостоящих культурной эрозии словом и делом, стоящих на защите русского языка. На всех наших встречах он отмечал важность Света Православного слова, любви и добра.

В Балтийске мы совершили морскую прогулку к Северному и Южному молу, к рейду Балтийского моря и, пройдя по старой части города с маяком и памятником Петру Первому, пришли в Свято-Георгиевский морской собор поклониться частичке мощей Святого праведника Фёдора Ушакова, не знавшего поражений легендарного адмирала, помолиться за победу Русского мира. Нас благословил настоятель Свято-Георгиевского морского собора Балтийского флота, помощник командира бригады по взаимодействию с верующими военнослужащими архимандрит Софроний, доктор богословия, первый священник в Калининградской области.

В библиотеке имени В. Г. Белинского мы пообщались с моряками Балтийского флота, познакомились с заместителем председателя Совета ветеранов Балтийского флота, капитаном 1 ранга, служившим на Балтийском флоте, участником дальних походов, поэтом, Почётным гражданином БГО Владимиром Алексеевичем Мурзиным, который рассказал о своих взаимодействиях в настоящее время с Донбассом. От всей души благодарим ведущего методиста Балтийской ЦБС Елену Валентиновну Ковтун.

Светлый

Завершающим городом литературных встреч с читателями стал Светлый, молодой город, активно развивающийся в последние десятилетия. Эту встречу в библиотеке имени Николая Фёдорова организовал молодой писатель и журналист Дмитрий Коновалов, который на всех трёх встречах отмечал важность общественной деятельности, направленной на укрепление духовности русского народа.

И вновь Александр Орлов говорил так, что никто не заметил, что прошло два часа. Речь шла о литературном форуме «Золотой Витязь», о работе в Издательском Совете РПЦ, в жюри Патриаршей премии по литературе. Жизнь немислима без Бога, без Отечества, без духовных произведений, почитания отцовских традиций – эти мысли составили духовный стержень выступления Александра Орлова.

Феномен целостного осмысления жизненных явлений, сохранение исторической памяти стали ключевыми в тематике книги «Кимера», отдельные стихи из которой были прочитаны автором на встрече.

«Кимера»

Поэтический сборник «Кимера» получил название от деревни, откуда произрастают корни поэта, который «был призван в православные войска», где сливается родовое чувство с православным, где «люди сходятся сердцами». Александр Орлов обращается к теме Великой Отечественной войны через рассказы конкретных людей, с которыми ему довелось встретиться. Поразил рассказ о его бабушке которая взяла в семью на вокзале брошенного родственниками участника войны, лишившегося ног.

Жизнь великого страдания и великого сострадания продолжилась, в эпоху СВО эта тема опять пронзает душу:

В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни.

Духовная трезвость и нежность к сердечно близким людям и святым, как праведный исповедник Иоанн Русский, чудотворец:

Мне теперь и не снятся погони,
Стал мне братом конёк-горбунок.
Повстречал я на русской иконе
Иоанна, что жизнь мне сберёг.

Обретение устойчивости, собственного развития в органическом духовном единстве с «медоваром, аскетом, молчальником» и святым преподобным Трифоном Вятским, чудотворцем, ангелом кротости, и рыболовом Андреем, «ждущим отца с Петром», и четырьмя прадедами – везде «сень родовых крестов», «раскрытый вижу настезь Отчий дом».

Вопреки навязывающей себя модернисткой мировоззренческой бесплодности Александр Орлов противостоит им и этим близок современным, свежим словом перед небесами, Богом, Отечеством, родом в своём неподражаемом интонационно-художественном почерке. Залог победы света над тьмой – такая поэзия, в которой мы узнаём себя и друг друга через неуничтожимое чувство правды, неизъяснимое духовное родство, Божественное единство.

А. В. Орлов

БАБУШКА

*Детям войны и моей бабушке
Тамаре Фёдоровне Востриковой
посвящается*

...Я трудилась, как анахоретка,
Не по нраву был тягучий сон,
Позади ремесленного – звон,
Позади война и семилетка.

Помню заводские перегрузки,
Наше комсомольское «даёшь!»,
Лучше всех строчила я союзки,
А покой не ставила ни в грош.

Счастьем нашим было – жить по плану,
Избегая склизкой болтовни,
Помнить никогда не перестану
Клапана, оборки и ремни...

Дом наш уцелел, а из бараков
Переехал без обеих ног
Бывший ворошиловский стрелок,
Строгий постник, кроткий дядя Яков.

После Курска, после трёх ранений
Никому не нужен был юрод,
И жена, без лишних объяснений,
Расспросив детей, взяла развод.

К нам в семью он въехал на каталке,
Мы решили: с Богом проживём!
Стало веселее жить втроём,
Мы же люди сталинской закалки.

Мир без границ

Берега Китая

Чжан Чжи

ЧЖАН ЧЖИ (псевдоним Дьябло, английское имя – Артур ЧЖАН) – родился в городе Феникс округа Басянь провинции Сычуань в 1965 году. Известный поэт, критик и переводчик, доктор литературы, президент Международного центра переводов и исследований поэзии, исполнительный редактор Rendition of International Poetry Quarterly, главный редактор английского издания World Poetry Yearbook.

Произведения переведены более чем на тридцать иностранных языков, удостоен поэтических призов в Греции, Бразилии, Америке, Израиле, Франции, Индии, Италии, Австрии, Ливане, Македонии и Косове. Автор сборников стихов: RECEITA (португальский-английский-китайский), «Избранные стихи Дьябло» (английский), «Поэзия Чжан Чжи» (немецкий-английский-португальский), «Избранные стихи Дьябло» (китайский-английский), «Картина мира» (албанский), сборника поэтической критики «Эссе об авангардистских китайских поэтах», сборника поэтической критики под названием Series Essays on Avant-Garde Chinese Poets, поэтического перевода A & I IS THE FOUNDER и Selected Poems of Tareq Samir и др. Редактировал: «Избранные новые китайские стихи 20-го века» (китайско-английский), серию книг мировых поэтов (двуязычный), Словарь современных международных поэтов (многоязычный), Учебник китайско-английского языка, «300 новых китайских поэм» (1917–2012), Ежегодник мировой поэзии (издание на английском языке, 2013, 2014 и 2015), «300 новых китайских поэм» (1917–2016).

ВОСХОДЯЩАЯ

Перевод с китайского Светланы Савицкой

ВОСХОДЯЩАЯ

Высокомерная, но настоящая,
Ты озаряешь меня полумесяцем.
Снежного барса в очах, Восходящая
Ведьма, моя Мона Лиза, светишься.
Взглядом тоскливым твоим и загадочным
Вновь я готов быть изящно изрезанным.
Испепели меня пеплом остаточным
Озером глаз твоих, дерзкая женщина!
И бессловесное покаяние
Слышу из рая и ада стремительно,
Лишь бы дивиться на очертания
Губ, рассекающих алым открытием.
Время замрёт в центре бури немислимой!
Я лишь свободный поэт настоящего!
Я упаду и погибну бессмысленно,
Коль откажусь от тебя, Восходящая!

ЭПОХА РУКОПИСЕЙ

У подножия Тай, что крута, как Эльбрус,
Нам оставил две строчки сам Ту Фу учитель:
«На вершине горы если я окажусь,
То другие вершины смогу я увидеть!»

Ну а пьяный, лежащий на той же горе
Хуан Сян, старый, ветреный, глупый развратник,
Воскликнул: «Я сейчас с высшей точки земли
Покажу человечеству собственный задник!»

Сидя здесь, у подножия той же горы,
Пребывая в великом вселенском раздумье,
Старый Дьябло смиренно молчал до поры,
И волнение стиснуло горло угрюмо.

МИР, КАЧАЮЩИЙСЯ В БИНОКЛЕ

1.

Мир загрязнён
Отбросами и спермой,
Осадками от ядерного взрыва,
Наркотиками, СПИДом.
Кровью, прессой...
Очистится ли он, разноречивый?

2.

Смотри!
Планета входит в чартер узкий,
Кто знает, что красивый зверь готовит,
Когда весь мир
В шальной перезагрузке
Под восхитительными бёдрами стонет.
Проклятый мир играет очень грубо.
И это кажется для всех нормальным,
Когда мы представляем ада губы
У третьей мировой войны фатальной.

3.

Но реки на Восток бегут, однако!
Лишь падшие тянутся на Запад!
Мир, как потерянный ягнёнок, загнанно
Стоит на перекрёстке косолапо.
Попросит роботов однажды утром
Идти на Север в искренней надежде.
«Кому я должен поклониться, сударь?»
Он просит роботов на Юг идти, конечно.

4.

Безумный мир глупеет с каждым часом
И аплодирует, скрывая нездоровье,
Политикам ногами по приказу.
Политики же мир омыли кровью.

5.

Мир не приемлет лиц правдивых, дикий!
А может, нет лица у нас, ничтожных!?
«Мы можем быть бесстыжими без лика!» –
Съязвил однажды проклятый художник.

6.

Мир не спешит.
Мир не напуган вовсе.
Под колесом истории мир замер.
В нём кровь застыла, точно в день морозный.
Хоть кто-то видел кровь без кинокамер?

7.

Затачивая нож, мир вырывает
Свою же собственную плоть
И днём и ночью.
И Смерть шагает по планете старой.
«И вскармливает грудью сумасбродство».

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Крик даже самых благозвучных птиц
Не слышен космосу, что выше неба.
Вот так же и людей прекрасных лиц
Не видно им самим, к себе мы слепы.
Зрочки и кости, кровь – всё это вне
Познания их из тысячи препятствий.
Все спрятаны в бетонной тишине,
И их не разбудить, как ни стараться.

И даже если я скажу, что мир похож
На злую живописную картину,
И даже если я подставлю нож,
Чтоб показания купить у гражданина,
И даже если я, детей за руки взяв,
Им покажу рождение злого тигра,
И даже если каждый день читать
На птичьем языке всех сказок имя.

Кто может мне поверить в этот день
В то, что орлы должны к земле стремиться?
Что звёздный свет тускнеет, точно тень,
Или снежинка для тепла родится?
В те дни, когда смиренно от молитв
Земля стремительно летит в пространство,
Луна, как труп, с небес на нас глядит
В холодном и завидном постоянстве.

Мир без границ

Берега Индии

Диепти Гупта

Доктор Диепти Гупта – известный писатель, бывший профессор и советник по вопросам образования в Министерстве людских ресурсов и развития в Нью-Дели. Автор книг: «Вымысел», «Антарьятра», «Океан в глазах» (переведена на русский язык), «Дуларте Шабд», «Сказка Тулси Ке Бираве», «Рухдаари», антологии «Поэтическое смешение Востока и Запада», «Быть женщиной» опубликована в Белграде. Публиковалась в антологиях и литературных журналах Индии, Америки, Канады, Великобритании, США.

Журнал *The Sunday Indian*, выходящий в Нью-Дели, в 2011 году признал её лучшей и признанной писательницей на хинди, которая внесла свой вклад в литературу хинди и язык хинди своими «Творческим письмом» и «Преподавательской профессией». Лауреат премий: «Лучшая поэтесса» (2019, Эфиопия), «Индийской женщине в области литературы» (2021, Фонд Ниргиа), «Великая женщина мира» (2021, Международный фонд Арпита, Вриндаван, США), Всемирного фонда Рахима Карима Каримова «Золотое сердце» (2022), «Первая премия» за поэзию (Китай), Межконтинентальной премии за поэзию Испаноязычного союза писателей. Победитель поэтического конкурса, проводимого «Лигой поэтов» (2020).

Перевод Светланы Савицкой

СВЕТЛЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЖИЗНИ

Последние несколько месяцев
Себя наблюдаю среди трансформаций
Внутри
Беспредельного сердца,
Среди позитива идентификаций.

Вдыхаю своё растворение
В своей безмятежности сладкой
Эмоций нежнейших забвенье,
Изысканных чувств без остатка.

И чувств караваны шагают вперёд,
И мыслей река восхитительно
Стихи мне слагает, и сказки поёт,
И греет мечтами волнительно.

И освежающий ветер бодрит
восток-запад, север-юг, втайне
С любовью зовёт.
И с надеждой глядит.
На истинный путь направляет.

Луна меня учит ходить в темноте.
А Солнце дарует мне мудрость –
Как надо заставить на той высоте
Вселенной сиять каждым утром.

И реки научат меня, как точить
Суровые твёрдые камни,
Пройдя все преграды, прозрачно быть.
Нет в мире изящней программы.

Ведь в ней листья с веток без крыльев летят,
Даруя покой и забвенье.
И счастье надеждой спешит наполнять
Волшебное вдохновенье.

В ней милые цветики нежно глядят,
Шепните мне на ухо, тихо,
О том, что шипам не дано распознать
Того, что улыбкой хранимо.

Здесь небо заполнено вновь чистотой,
Прозрачную лёгкость лелея.
И пусть облака пробегают порой,
Нарушить покоя не смея.

Ведь красота бирюзовых глубин
Померкнуть не в силах на веке.
Вода передаст мне послание ив,
Вернуть как мне к жизни деревья.

Вся эта вселенская красота
Является мне первозданной.
Друзья мои, с вами и я навсегда,
Пребуду в энергии славной.

Я научилась у вас, как всегда,
Встречать даже беды с улыбкой
Бороться. Поддерживать и побеждать.
И верить энергиям зыбким.

КУЛЬТУРА МИРА

Отец нации Ганди, нам небом подаренный,
Воплощением мира был
И отказа от злого насилия в каждой стране
И в каждом из храмов.
Он сказал, что война была «неправедной»,
потому что она отвергала
принципы гуманности, веротерпимости
и высокие идеалы
дхармы.

Глобальный порядок, спроектированный им,
Был сосредоточен на продвижении
«Культуры мира».
И это вдохновило бы страны.
На широкое искоренение насилия.
Без обмана.

Мир должен следовать
Наилучшей политике
«Мирного сосуществования» –
Это означает невоенную
Глобальную конкуренцию.
Ганди рассматривал войну как
Создание меньшинства,
Которое всегда
Было бы подчинено
Могущественному большинству!
Он высказал мнение,
Что человеческие существа,
По своей природе – любящие,
Внимательные.
И ненасильственные.
Они становятся жестокими и разъярёнными,
Когда им страшно
Или когда
Они не уверены
В истине.

Ганди всегда предлагал
Односторонний бойкот
Агрессивности и
Ненависти.
На личном и социальном,

Национальном и
Международном уровне
Призывал
Прекратить насилие
И навязывание неприемлемых
Ценностей.

Во время Второй мировой войны
Ганди
Просил британцев усыновить
Ненасилие
Для того, чтобы
Всех матерей сыны
Перестали проливать кровь
Ливнями.

Ганди всегда вдохновлял
Мир, чтобы
Разместить
Международные отношения
На моральной основе!
Новый?
Нет.
Этот закон не новый.
Это призыв
Времени.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Внутри меня течёт поток
И – сострадание из сердца.
В глазах моих – мечты о том,
Что свету позволяет греться.
В лице, в улыбке на губах –
Любовь!
И я дышу любовью.
Я пью любовь.
Живу в веках.
И изливаю это новью.
Я – ветер западный, что прочь
Уносит всю листву печали.
Взрастить цветы могу помочь
Из радости первоначальной.
И силу я в себе таю,
И, возрождая, созидаю.
Ты можешь мощь явить свою
И сделать больно мне. Я знаю.
Ты можешь обмануть меня,
Избить, испепелить, изранить.
Как Феникс из небытия,
Из пепла снова я восстану.
В ребёнка тут же превращусь,
Вдохнув и выдохнув всё горе,
И, успокоив бурю чувств,
Я миром стану. И покоем.

Мир без стен

Берега Индии

Рати Саксена

Рати Саксена – поэт, переводчик, редактор, академический исследователь ведической и древней литературы. Издано пять сборников стихов на хинди и четыре на английском языке (переведённых и/или переписанных). Перевела пятнадцать книг, в основном малаялам на хинди, и пять поэтических сборников международных поэтов с английского на хинди. Её стихи переведены и опубликованы в виде книг на многие языки, включая английский, итальянский, вьетнамский, испанский, эстонский, сербский, турецкий и узбекский.

Участовала в более чем 35 поэтических фестивалях и провела три поэтические резиденции в Германии и Китае. Одно из её стихотворений также было отправлено в космическую миссию Джаксой, Япония, вместе с 24 другими стихотворениями. Опубликовала два путевых очерка, мемуары и критический том о поэзии Баламаньямы. Её недавняя важная работа «Кулак, который открывается» обсуждает использование поэтической терапии с древних времён до настоящего времени и в будущем.

Награждена стипендией Национального центра искусств Индиры Ганди (2004–2005), премией Сахитья Академи за перевод (2000), премией Государственного банка Травангора за поэзию (2001), литературными премиями Наджи Наамана за законченную работу и DJS за перевод китайской поэзии (2018). DJS – аббревиатура имени Эмили Дикинсон на китайском языке.

Является основателем и редактором первого двуязычного веб-журнала Kritya, который начал свою деятельность в 2005 году, основателем и директором фестиваля поэзии Критья, главой WPM в Азии (Всемирное поэтическое движение).

Перевод Галины Маркер

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР И ВЗДОХИ МАТЕРЕЙ

Шелест западный ветер принёс,
Будто матери вздох на чужбину.
Дождь внезапный, короткий до слёз
Был проглочен песками пустыни.
Наконец-то закрытые комнаты
Освежились и влагой наполнились.

Маме веер ручной помогал
Призывать ветер в знойные дни.
Будто тайный верша ритуал,
Говорили о чём-то они.
Покорялся ветер безропотно,
На губах высыхая шёпотом.

Этот ветер привыкла я ждать,
Он от мамы приносит покой,
Но проведаль меня – и опять
Улетает... Прошу: «Ты постой!»
Увлажняю слезами комнаты,
Дожидаюсь его безропотно.

Под деревья прохлада спешит,
Я иду, чтобы встретиться с ней.
Ветер с моря наносит визит –
Шепчет вздохами всех матерей.
Прилипают к губам солёностью
И целуют с непринуждённостью.

Вспоминается ветер пустынь –
Перемешаны соль и песок...
Много разных ветров, лишь один
Не имеет оконченный срок:
Он писателям всех нужен более –
О Любви нам приносит истории.

В ТЕ ДНИ

В бесконечно далёком времён начале
Души вольно гуляли по всей земле:
Их на крепких плечах дерева качали,
К муравьям на усики попадали,
Опускались порою на кольца змей,
Им один неприятен был запах – людей.

Были ласковы души к слонам и лисам,
Обожали дыханье свиный и львицы,
Говорили с орланами в небе чистом...
Раздражать стал людей их полёт волнистый,
В темноте неожиданные зарницы –
Заточили души в людей – в темницы.

Им казалось – сон мирный теперь придёт...
Как домашних животных в своих загонах,
Суетливый, завистливый, злой народ
Души вынудил жить по людским законам.
Кто учений духовных ещё не знал,
Тот жестокой темницей для света стал.

Глухи мы неосознанно к стонам души,
Оттого настоять на своём не спешим...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я в долгу перед тем неизвестным котом,
Что когда-то гараж сделал зоной охоты.
Перед псом, что порою у двери в мой дом
Появляется вдруг, ожидая чего-то.
Отвлекают они от дурных новостей:
Самолёт ли взорвали бойцы-террористы,
Или город, затопленный массой дождей,
Грязной лужей разлился под солнцем лучистым.

Благодарность моя океанской волне
И холмам, что покрыты снегами и льдами,
Ловкой ящерке, грезящей о комаре,
Близкой старости, праздничной вазе с цветами.
Незнакомцев далёких я благодарю,
Кто поддерживал словом в тревожное время.
И предметы ненужные тоже люблю –
Позволяют забыть мне порой о проблеме.

Я признательна сну, что до полночи ждёт,
И великой истории красным аллеям,
Из тщеславия стенам, что рушил народ,
Жизни я благодарна, внезапным потерям.
К смерти той, что к забвению осуждена,
С благодарностью жить и смиряться я в силах.
Благодарности чистой и светлой полна
К листьям жёлтым, сияющим на могилах.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ

Не знаю, что такое грусть,
И только если засмеюсь,
Вдруг понимаю, что грустила.
Не знаю, счастье – это что?
Расскажут слёзы мне о том,
Что означает быть счастливой.
И отрицаю я, что пью,
Но чуть испарина на коже –
Спешу к воде – мне жарко всё же!
Стремлюсь вперёд бежать вовсю,
Но, только волны раздвигая,
Движение я ощущаю.
Иду, но лишь глаза закрою –
Песок и дюны предо мною
И чудится волны дыханье.
Лишь странность ощутив такую,
Ко мне приходит пониманье...
Есть лучше способ для познания?

Я ХОЧУ ВЫРАСТИТЬ СЛОВА

Я хочу научиться растить Слова!
Пусть растут не как виноград и фрукты,
И не как выращивается айва,
И не как гибискусы или юкки.

Чтоб как в джунглях: с различной высотой,
И с большими изгибами, и в полоску,
Чтобы рядом сложное и простое –
Пусть, как дикий лес, возникают просто.

Расползаются быстро вокруг травой,
По лианам восходят как альпинисты,
Поспевают плодами, шумят листвою
И цветами становятся быстро-быстро.

Словно майна ¹ буду вокруг летать,
Звонко песни петь, танцевать и прыгать,
Зная, что и я превращусь в слова,
А не стану в джунглях травой безликой.

¹ Майна – певчая птица в Индии.

РАМКИ С КАРТИНКАМИ...

Я порою мечтаю подправить себя –
Попозировать к рамочке для портрета.
Стать, как стены, неброскою, там, где я
На картинке из позапрошлого века.

Мне близки эти образы двух цветов –
В строгом виде и блузе белее снега.
Я хочу оказаться во времени том,
Плохо в рамках из двадцать первого века.

Нынче яркие краски наперебой,
На живущих бросаются одновременно.
В разноцветье теряется образ живой,
И желанье растёт стать поближе к стенам.

С чёрно-белыми фото встречаясь порой,
На старинных картинках, таких неброских.
Попрощаться не в силах с наивной мечтой,
Но нельзя, эти рамочки мне не по росту.

В РИМ К РОБЕРТО ПИПЕРНО

Я знаю – дороги Рима лежат на твоих ладонях,
Истории зверств нацистов застряли в витках бороды,
Из сердца порою рвётся боль-память о мирном доме,
Который четырёхлеткой покинул в тревогах ты.

Я помню тебя с картиной немного не завершённой,
В добротном столетнем доме, где ты мне стихи читал.
Мой друг, дорогой Роберто, как нынче? Ничем не сломлен?
И чем живёт переулок, не ждущий фашистских атак?

Как там Колизей, который не нравился нам, но всё же
С тобой мы вокруг гуляли, беседуя обо всём?
Ты знаешь, я равиоли с тех пор полюбила тоже,
Открыт ли тот магазинчик, где ели мы их вдвоём?

О Римской чуме жестокой твою историю помню,
О том, что закон мыть руки в еврейской крови живёт.
Уверена, что и ныне, когда мир сражён «коронай»,
Закон вас спасёт от лиха... Тебя и весь ваш народ.

Бесценный мой друг, не сказки твои рассказы, преданья –
В них вижу сакральный смысл истории рода людей:
Они наслаждались властью, богатством завоеваний...
И символ кровавой бойни – построенный Колизей.

И вот наступило время долги собирать природе.
Она в Колизей решила планету сейчас обратить.
Не в силах мириться больше с тем злом, что живёт в народе
И мстит с великой обидой всему, что нельзя полюбить.

Преступники мы и жертвы, мы любим и ненавидим,
Выигрываем и теряем, но знаю – в один из дней
Ты, как из атак нацистов, из этого времени выйдешь
И словом коснёшься римских улочек и камней.

Наши друзья

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргатак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород
Журнал «Невечерний свет», гл. редактор Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карточку Сбербанка: № 2202 2009 0582 4080.